

Михаил Рябий
Неравнодушной
строкой

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2021

Михаил Рябий.
Фотопортрет работы
В. С. Копнова.

Михаил Рябий
Неравнодушной
строкой

Сборник статей, рецензий, эссе.

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург, «Любавич»
2021

УДК
ББК
Р69

Рябий М. М.

Р69 Рябий М. М. Неравнодушной строкой. Сборник статей, рецензий, эссе./редактор В. А. Рыбакова, дизайн – А. А. Евменова. – СПб.: 2021. – 512 с.

ISBN

В новой книге исследователя, литературного критика и публициста Михаила Рябиа размышления о литературном творчестве писателей Югры – Еремея Айпина, Марии Волдиной, Анны Коньковой, Ювана Шесталова, Маргариты Анисимковой, Сергея Луцкого, Владимира Волковца, Дмитрия Мизгулина, Валерия Михайловского, Сергея Козлова и других талантливых авторов. Особое внимание уделяется региональной публицистике и краеведению.

Книга адресована широкому кругу читателей и в первую очередь тем, кто интересуется проблемами литературы и журналистики.

УДК
ББК

ISBN ***_*_***_*****_*

© М. Рябий, 2021
© В. Рыбакова, 2021
© А. Евменова – дизайн

ОТ МИФОВ И СКАЗОВ
К СТИХАМ И РАССКАЗАМ...

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург, «Любавич»
2021

ПОЭМА «ЯНГАЛ-МАА» И ЕЁ АВТОР

Около девяноста лет прошло с той поры, когда впервые была опубликована поэма Михаила Плотникова «Янгал-Маа», – и ни где-нибудь, а в самом что ни на есть солидном издательстве «Academia», – но до сих пор продолжается полемика: отражает ли это произведение героический эпос северного народа манси или, напротив, является выдумкой автора, мистификацией?

Если поддаться воображению и поставить автора «Янгал-Маа» в один ряд с признанными классиками, такими, как Гомер с поэмами «Илиада» и «Одиссея», Элиас Леннрот с «Калевалой», Генри Лонгфелло с «Песней о Гайавате», тяжело бы пришлось их русскому «камраду». В этом уважаемом обществе он бы напоминал непризнанного творца, что незаконно втёрся в доверие к певцам прославляемого ими героического эпоса. Но, думается, это ненадолго! Время всё расставляет по своим местам, найдёт свою полочку в истории и книга Михаила Павловича Плотникова.

Когда Иисус пришёл в Своё отечество, многие, слышавшие его учение, «с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли между нами, Его сёстры? И соблазнялись о Нём. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своём и у сродников и в доме своём» (Марк. 6, 2-5)

То, что произошло с Господом в Назарете, перешло в поговорку: «Нет пророка в своём отечестве». Разве не похожи наши некоторые современники на жителей Назарета?

В Древней Греции Гомер пользовался непререкаемым авторитетом. Существует даже легенда, похожая на правду: первое, что перевели по приказу афинского тирана Писистрата из устного на греческий – только-только созданный письменный язык, – это гомеровские поэмы, которые за несколько столетий до этого передавались из уст в уста, как благодарные поцелуи. Древний Рим подчинил себе Грецию, которая стала вследствие его завоевательной политики одной из провинций империи. Однако Рим ассоциируется в нашем сознании с библейским богатырём Голиафом, потерпевшим поражение от Давида, поскольку, как не была велика Римская империя, а всё же проиграла в соревновании героических эпосов: куда там Вергилию с его «многотысячестрочной» «Энеидой» против великого старца Гомера! Правда, решил было один из «своих» – бесталанный эллин спорить с всенародной любовью, выскочил, будто лающая моська из подворотни на слона, и был заклеимён обидным прозвищем «Бич Гомера». Нам-то он больше известен под именем Зоила, между прочим, имени личного, превратившегося в нарицательное, когда хотят заклеимить позором недоброжелательного критика...

Элиас Леннрот, создатель «Калевалы», инициалами «E. L.» подписал предисловие к рукописи прежде, чем отправить её в набор. С той поры прошло сто восемьдесят лет. Первый тираж был скромен – всего 500 экземпляров, но спросите сегодня у любого финна, карела или эстонца: что за праздник отмечается ими каждый год 28 февраля, и вам ответят: День «Калевалы». Именно тогда, в последний день зимы, была отправлена поэма в типографию. Окончательная версия карело-финского героического эпоса была опубликована только через 14 лет, но это не помешало «Калевале» стать всемирно известной.

А всё начиналось у него так же, как и у Михаила Плотникова, со сбора пословиц и поговорок, отдельных героических

песен. В дальнейшем эти фольклорные материалы у Элиаса легли в основу эпоса, принёсшего ему мировую известность.

Леннрот совершил в общей сложности одиннадцать поездок по финской и русской Карелии. Путешествовал он пешком с ружьём и сумой за плечами или в лодке по извилистым рекам. Труды собирателя и исследователя были вознаграждены современниками: он стал почётным членом Берлинской Королевской академии наук, затем был приглашён в качестве профессора в Гельсингфорский университет. Позже был избран почётным членом Венгерской академии наук. Не забудем и то, что Элиас Леннрот стал почётным академиком Императорской академии наук в России! Русская интеллигенция и учёный мир признали его заслуги на самом высоком уровне.

Генри Лонгфелло брёл к своей цели, спотыкаясь и петляя, но всё же ему было легче двигаться следом за Элиасом Леннротом, литературно обработавшим национальный эпос – Карелии, Финляндии и Эстонии. В пятидесяти песнях-рунах языческие верования переплелись с позднейшими сказаниями католического средневековья.

У Лонгфелло в «Песне о Гайавате», по мнению многих исследователей, имеется мало общего с оригинальным североиндейским эпосом (по крайней мере, не в такой степени, как в «Калевале» у Леннрота с карело-финским эпосом). Однако все, как один, учёные с мировыми именами писали и пишут о вкладе американского фольклориста в поэтический эпос, находя для этого вполне достойные слова, такие, как в одном из современных учебников по истории литературы США: «Если бы Лонгфелло написал только “Песнь о Гайавате”, он уже остался бы в истории мировой поэзии».¹ И хотя главное произведение американского романтика не стало национальным эпосом в полном смысле этого понятия, оно всё же имело огромный успех, за что автор и был отмечен

1 Гиленсон Б.А. История литературы США: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2003. – С. 87.

всевозможными литературными наградами у себя на родине. Не меньший авторитет был у него и в Европе. А наш замечательный писатель Иван Бунин, будущий лауреат Нобелевской премии, тоже отметился и погрелся в лучах славы, исходившей от «Песни...»: получил пушкинскую премию за её великолепный перевод на русский литературный язык.

Генри Лонгфелло, профессор гарвардского университета, к концу жизни был увенчан всё новыми и новыми лаврами признания его заслуг, а «Песнь о Гайавате» стала классикой словесности в США.

Ничего подобного нельзя сказать о главном труде жизни Михаила Плотникова – поэме «Янгал-Маа». Автор не был кабинетным профессором в престижном университете² и, очевидно, даже не имел за плечами классического образования. Его университеты были другими. Он, где исколесил на телеге, а где и верхом на лошади или пешком, искодил огромные просторы нашей страны. Сибирь и Дальний Восток особенно привлекали путешественника. Плотникову довелось жить в Омске, Томске, Красноярске, Новосибирске, Тюмени, Салехарде, Хабаровске – всех населённых пунктов его местопребывания просто не упомянуть. И, конечно же, побывал он и на территории северного края, где распростёрся ныне Ханты-Мансийской автономный округ. Здесь судьба столкнула его со столетним шаманом-сказителем Кутоней на берегу реки Сосьвы, в Березовском районе. Михаил Павлович бывал в тайге и тундре, с трудом добирался, до Богом забытых мест или по делам службы, либо в составе научных экспедиций – и везде был внимательным и благодарным слушателем всевозможных сказителей фольклорных произведений. Так он оказался одним из первых в рядах собирателей устного мансийского творчества 10-х–20-х годов XX столе-

2 Хотя сам Плотников писал обратное в собственноручных показаниях следователю, очевидно, на десятый день после ареста в октябре 1938 года в самохарактеристике: «Между прочим, я должен сказать, что по своему темпераменту, склонностям я представляю экземпляр кабинетного человека, к агитационной деятельности я не годен к тому же не обладаю красноречием» (Журнал «Лукич», Тюмень, часть 5 (октябрь), 2000. – С. 56).

тия. По его стопам шли: известный исследователь Севера В. Н. Чернецов, издавший «Вогульские сказки», и И. И. Авдеев, выпустивший в свет в Омске в 1936 году «Песни народов манси». Продолжательницей начатого Плотниковым дела стала Маргарита Анисимкова. Ещё молодой учительницей в 1950-е годы она заинтересовалась «Мансийскими сказами» и через несколько десятилетий, в 1990 году создала вольную обработку в прозе мансийского поэтического эпоса, издав его под одноименным названием «Янгал-Маа». Знаменитый манси, Юван Шесталов, в «Языческой поэме» отталкивался от главного поэтического произведения Михаила Плотникова и был удостоен Государственной литературной премии имени М. Горького РСФСР.

Сегодня армия собирателей-исследователей растёт, – но вот парадокс! – благодарственных слов в адрес одного из начинателей благородного дела не так уж и много, а хулы – предостаточно...

Сегодня уже никого нельзя убедить в том, что главное произведение Лонгфелло – компиляция. Никто не обвиняет автора «Песни о Гайавате» и в плагиате, хотя подобных обвинений в адрес Лонгфелло раздавалось немало сразу после появления поэмы. Объясняется это отчасти тем, что северо-индейская мифология, на которой основана поэма, была совершенно неизвестна европейскому и американскому читателю. «Песня о Гайавате» явилась первым крупным художественным произведением, целиком основанным на легендах и мифах коренных жителей, и читатели впервые открыли для себя мир невыразимой прелести, красоты, нравственной чистоты и благородства индейцев Северной Америки.

В образах поэмы запечатлены люди необыкновенной сверхъестественной силы и красоты. В ней предстали мудрые, благородные, правдивые личности, для которых цель жизни – помочь своему народу жить в мире с другими обитателями континента.

Но разве тоже нельзя сказать о поэме Плотникова «Янгал-Маа»? Иначе, зачем бы её, утраченную в оригинале, ко-

торый состоял из мансийских песен и сказаний, сегодня переводить с русского на язык этого народа?

Сам Михаил Павлович был знаком не только с устной частью героического эпоса народа манси. Собранный им фольклорный материал отличается жанровым своеобразием: кроме героических песен им записаны песни призывные, посвящённые духам-предкам, песни клятвенные, «медвежьи», сатирические, лирические.

Довелось ему услышать и некоторые священные сказания – о происхождении Земли, небесных светил, героев. Среди них были мифологические рассказы, услышанные от шаманов, бытовые, детские сказы. А сколько загадок, пословиц, поговорок!

Нет сомнений, что Плотников был знаком с устным мансийским творчеством, иначе бы не стал интересоваться им...

Восемнадцать лет назад в Ханты-Мансийске проходила научно-практическая конференция «Как слово наше отзовётся». Она была посвящена 70-летию издания поэмы «Янгал-Маа» и 75-летию со дня рождения писательницы М. К. Анисимковой. На ней прозвучала мысль одного из докладчиков: «перевод Бунина («Песни о Гайавате» – М. Р.) всё-таки вторичен и обладает художественными достоинствами авторской литературы, поэма «Янгал-Маа» хранит дух первоисточника. В ней чётко прослеживается мечта об освобождении народа. По содержанию она намного глубже, ближе к исконным народным корням, и при этом выигрывает по структуре и логике».³

Да, размер песни «Янгал-Маа» практически повторяет бунинский перевод «Песни о Гайавате», но ведь он, как никакой другой, подходит для неспешного эпического повествования, для передачи интонации шаманских песен, с их ритмичной монотонностью и колдовским воздействием на слушателя.

3 «Как слово наше отзовётся...» Сб. докладов и сообщений, посвящённых 70-летию издания поэмы М. П. Плотникова «Янгал-Маа» и 75-летию со дня рождения М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2003. – С.12.

Как бы не упрекали Плотникова в необразованности и малокультурности, у него хватило ума не только познакомиться с творчеством Леннрота и Лонгфелло (героический эпос Гомера подразумевается сам собою), но и почерпнуть много содержательного для себя из этих произведений. Однако это не означает, что «Янгал-Маа» – не вполне самостоятельное и оригинальное произведение, – как о нём отозвался однажды современный критик поэмы С. Г. Пархимович. Он считал, что главный труд Михаила Плотникова далёк «от мансийского фольклора и не имеет никакой научной ценности».⁴ Он так и озаглавил свою статью, имея в виду поэму «Янгал-Маа»: «Много шуму из ничего». Надеясь на необразованность в вопросах литературы, этнографии и, особенно, мансийского фольклора автора поэмы, Пархимович уверенно утверждает: «Вчерашний «реалист» и «свежеиспечённый» животновод вполне обошёлся без фольклорных мансийских текстов, а легенду о мнимом путешествии к вогулам и трогательный образ столетнего шамана Кутони он сочинил, видимо, специально к изданию 1933 года. Автор «Янгал-Маа» оказался достаточно талантлив, чтобы убедить в своём «открытии» эпоса людей, малосведущих в мансийском фольклоре и культуре... На фоне <...> восторженных оценок поэмы «Янгал-Маа» журналистами и литературоведами особенно заметно безразличие фольклористов и этнографов. Обычно эти исследователи буквально на вес золота ценят каждую крупницу информации, но «Янгал-Маа» их не взволновала. Может быть, по каким-то причинам это произведение выпало из поля их зрения? Нет, дело не в этом. По крайней мере, в 30-х годах этнографы и фольклористы откликнулись на выход в свет поэмы «Янгал-Маа». Правда, вскоре полностью утратили к ней интерес. Причина проста: профессионала трудно обмануть... Поэтому относиться к ней надо как к художественному произведению и ставить не в один ряд с «Илиадой», «Одиссеей», «Калевалой»,

4 Там же. – С. 33.

а где-то рядом с «Песней о буреви́стнике», которой Плотников, судя по стихотворному размеру (что-то близкое к пятистопному хорю), и подражал (вспомним одобрителный отзыв Горького, если он действительно был).⁵

Одобрителный отзыв классика советской литературы, действительно, существует: не будь его, поэму «Янгал-Маа» просто бы не опубликовали в таком серьёзном научном издании как «Academia», которое было основано по инициативе Максима Горького в конце 1920-х годов. Почему Горький отметил работу Михаила Плотникова? Наверное, прежде всего, из-за того, что считал: начало искусства слова заключено в фольклоре. Кто не обладает знаниями, связанными с устным народным творчеством, тот неважный писатель, ибо именно в народной поэзии сокрыты беспредельные богатства, которыми добросовестный художник должен овладеть. Классик соцреализма призывал творческую молодёжь собирать и бережно обрабатывать народное наследие. Цель – не только сохранение духовных сокровищ, но и возможность, изучая их, ближе познакомиться с обаятельной красотой и богатством языков народов СССР.

Михаил Плотников следовал классическим традициям в изучении древних литературных памятников. Александр Сергеевич Пушкин записывал народные песни во время путешествий, сюжеты некоторых обрабатывал. Николай Васильевич Гоголь весьма ценил «малоросский» фольклор. Алексей Васильевич Кольцов собирал народные песни. Брат славянофила Ивана Васильевича Киреевского Пётр собрал большую коллекцию песенного народного творчества, ему в этом помогали литераторы-единомышленники, а Пушкин самолично передал своё собрание народных песен, ценя старания и намерения Петра Васильевича. Владимир Галактионович Короленко и Николай Семёнович Лесков не были чужды собирательству народных жемчужин. Список можно продолжать. Виднейшим собира-

5 Там же. – С. 32-33.

телем был и Максим Горький: целые тетради он заполнял записями народных песен и легенд. Всё это свидетельство того, что деятельность Плотникова была благородна и необходима! А, главное, не являлась причудой или забавой.

Методы у каждого писателя были разнообразны – от беседы до записи, – но это нисколько не умаляет достоинств их, как исследователей! Почему же тогда на важный труд сибирского писателя с высоты сегодняшнего дня некоторые наши современники взирают скептически? Дело в том, что Сергей Пархимович в своём решительном приговоре труду Михаила Плотникова не одинок:⁶ его точку зрения, по-видимому, тогда, в начале 2000-х годов, разделял тюменский издатель Юрий Мандрика. На уже названной конференции он передал привет участникам учёного собрания от Пархимовича и выполнил поручение Сергея Геннадьевича «порадоваться за Михаила Плотникова, который создал такую литературную мистификацию, которая до сих пор дурачит даже научных работников».⁷ Однако радость от встречи с произведением, сохранившим на русском языке героический эпос северного народа, от этого суждения нисколько не омрачилась. Впервые на столь серьёзном научном уровне в столице округа состоялся знаменательный и, можно сказать, исторический разговор о главном труде писателя и этнографа, на который его вдохновила югорская земля. В защиту поэмы Михаила Плотникова выступили не только мансийские и хантыйские учёные, занимающиеся проблемами обско-угорской филологии, но и преподаватели вузов, педагоги, студенты, школьники. Их размышления по поводу поэмы «Ян-

6 В предисловии «Сибирский самородок» к публикации поэмы «Янгал-Маа» В. В. Огрызко, говоря о главной книге Плотникова, подчёркивает: «североведы-фольклористы продолжают её охаивать. Пример тому – статья З. Н. Куприяновой в коллективном сборнике научных трудов «Языки и фольклор народов Крайнего Севера» (Л., 1969)» (Русь: Избранное. – Тюмень, 1998. «Невидимые времена»: – Т. 9. – С. 320).

7 Как слово наше отзовется... Сб. докладов и сообщений, посвящённых 70-летию издания поэмы М. П. Плотникова «Янгал-Маа» и 75-летию со дня рождения М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2003. – С. 38.

гал-Маа» вылились в сборник под символическим названием «Как слово наше отзовется...».

Перелистаем книжку: почти все участники конференции, касающиеся творчества Плотникова в своих выступлениях дают высокую оценку его поэтическому труду.

Евдокия Ивановна Ромбандеева, доктор филологических наук, ведущий специалист Ханты-Мансийского автономного округа по фольклору манси, в докладе «Стиль исполнения мансийских мифов и героического эпоса» выражая благодарность, низко кланяется Михаилу Плотникову, занимавшемуся изучением мансийского эпоса на заре советской власти, а также Ивану Авдееву, который пошёл по его стопам. Эти два российских исследователя «мансийские эпические тексты настолько точно и талантливо перевели на русский язык и сохранили грамматический строй мансийского языка, что по их переводам легко восстановить текст-оригинал».⁸

Кандидат исторических наук Татьяна Владимировна Волдина утверждает: «На фоне разрозненных мелких публикаций, характерных для того времени, поистине грандиозной выглядит деятельность М. П. Плотникова... На основе собранных текстов обско-угорского фольклора М. П. Плотников создал литературное произведение – поэму “Янгал-Маа”, претендующую называться мансийским эпосом».⁹

Кандидат педагогических наук Сергей Назарович Зарипов отметил: «Песня “Янгал-Маа”, несомненно, высокохудожественный текст, характеризующий автора, с одной стороны, как большого мастера стиля и слова, с другой – как человека, горячо сочувствующего, искренне скорбящего о «печальной доле манси»».¹⁰

«Янгал-Маа» не случайно появилась в академическом издании в годы первых пятилеток страны. Напомним, что именно в годы строящегося социализма в СССР началось

8 Там же. – С. 6-7.

9 Там же. – С. 7-8.

10 Там же. – С. 17.

новое освоение Западной Сибири, стали возводиться города и новые промышленные комплексы. Что из себя представлял Тобольский север до революции? 41 церковь, один монастырь, 3 миссионерские общины, 5 приставских станом¹¹, 16 урядничьих участков и огромное количество кабаков.¹²

В 1930-е годы началось новое осмысление фольклорного наследия народа манси. Именно тогда Иван Иванович Авдеев собиратель, исследователь устного творчества этого коренного народа писал в предисловии, к опубликованным им песням манси в 1936 году: «Среди многих работников и даже исследователей Обь-Иртышского севера распространено мнение об отсутствии у манси и хантэ фольклора: сказки, мол, переняли от русских, а в песнях поют о том, что видят и что “на душу ляжет” <...>

Этот взгляд не выдерживает критики. Нужно быть исключительно близоруким наблюдателем и исследователем, чтобы не увидеть у указанных народностей наличие многочисленных интереснейших мифов, преданий, сказок, песен, загадок».¹³

Приятно, что столица Югры – осталась верна своим традициям: с благодарностью вспоминать имена тех, кто по крупицам собирал сокровища народного творчества. Так обстоит дело и сейчас, так было в 1970-е годы, когда именно в Ханты-Мансийске секретарь окружкома партии Леонид Георгиевич Тайлашев пытался опубликовать последний авторский вариант поэмы «Янгал-Маа», присланный ему 28 августа 1974 года сыном писателя – Юрием Михайловичем Плотниковым, с новым напутствием к ней его отца, датированным 21 ноября 1946 года. Но, как пишет обнаруживший этот факт Юрий Иванович Переплёткин, «к сожалению, Л. Г. Тайлашеву не удалось добиться публикации поэмы: сделать тогда это было очень непросто».¹⁴

11 Полицейско-административная единица, из нескольких волостей.

12 Авдеев И. И. Песни народа манси. – Омск, 1936. – С. 11.

13 Там же. – С. 15.

14 Журнал «Лукич», ч. 2 (12), 2000. Переплёткин Ю. И. Многолюдная тундра. – С. 16.

Наконец, после выхода «Янгал-Маа» в академическом издательстве, со второй половины 1930-х годов на автора, как отмечает В. В. Огрызко, «навешивают кучу ярлыков». Среди обвинителей – молодой этнограф Валентин Чернецов и собиратель ненецкого фольклора Вячеслав Тонков. «Не поскупились на вульгарную критику также А. Баландин и А. Бормин. Они опубликовали о поэме “Янгал-Маа” развёрнутую статью в журнале “Омская область”» (1937, № 7)... Неужели они не понимали, чем грозили Плотникову обвинения за то, что он «слишком реалистические черты национально-освободительной борьбы и классовых отношений» укрыв в сказании «под перипетии схваток с мифологическими существами»?¹⁵

Кто же вступился за поэму? Помощь пришла снова из Ханты-Мансийска! «Из североведов единственный, кто осмелился в страшные 30-е годы публично поддержать литературные опыты Михаила Плотникова, была работавшая в Остяко-Вогульске (нынешнем Ханты-Мансийске) этнограф Виктория Вячеславовна Сенкевич. В статье “Фольклор Обского Севера” (“Советская Арктика”, 1935, № 5) она сравнивала “Янгал-Маа” с “Илиадой”. Как отмечала учёная, поэма “Янгал-Маа” “насыщена богатством северного фольклора”».¹⁶

Виктория Вячеславовна в тот период была командирована в округ с лета 1934 года «для сбора музыкального фольклора» «социологического анализа <...> народного творчества».¹⁷ Материалы, собранные ею, были опубликованы отдельной статьёй в журнале «Советский Север» в 1935 году. «Первыми её информантами стали студенты педагогического техникума п. Остяко-Вогульска»...¹⁸

В 1937 году с её помощью в педагогическом училище Остяко-Вогульска был организован «Кружок национального

15 Князев В. В., Плотников М. П. Русь. Тюмень: СофтДизайн. 1998. 544 с. («Невидимые времена»: – Т. 9). – С. 319.

16 Там же. – С. 320.

17 Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск, 2002. – С. 42.

18 Там же. – С. 42.

творчества <...> из 28 студентов (ханты, манси, селькупы) для подготовки их к самостоятельной научно-исследовательской полевой работе по записи фольклора и собиранию этнографического материала».¹⁹

Кружок Виктории Вячеславовны Сенкевич-Гудковой и Ильи Сергеевича Гудкова²⁰ (молодые люди полюбили друг друга и вступили в брак на югорской земле) был первым опытом по организации сбора устного народного творчества силами представителей обско-угорских народов не только в столице округа, но и на всей его территории. Кроме этого итогом деятельности кружка национального творчества стал фольклорно-этнографический и литературно-этнографический альманах «Советский Север». Его участники, как справедливо отметила в своей монографии Т. В. Волдина, «стоят у истоков зарождения национальной литературы обских угров».²¹

Думается, педагоги этих ребят, возможно, и сама В. В. Сенкевич-Гудкова, и прежде всего, её муж, преподаватель литературы, познакомили их с героическим эпосом других народов. В первую очередь с «Калевалой» и «Песней о Гайавате», повлиявших на восстановление литературного памятника «Янгал-Маа». В поэме Плотникова нет увлечённости зарубежных предшественников романтизмом и христианством, но зато запечатлён языческий мир народа манси. Парадоксально: автор, представлявший для манси (вогулов) «чужую» культуру, способствовал сохранению части родного им устного творчества. Чем он руководствовался в этом главном деле своей жизни – случайностью, приверженностью русской национальной традиции, творческим трепетом в сохранении духовного достояния другого народа? Так или иначе, но мы должны быть ему благодарны за то, что он стал для нас одним из первых собирателей и толмачей мансийского эпоса. Его поэме сегодня не уго-

19 Там же. – С. 43.

20 О кружке, организованном в Остяко-Вогульском педтехникуме, можно подробнее узнать из статьи его организаторов: Гудков И. С., Сенкевич В. В. Кружок национального творчества // Литературная учёба. 1938. № 8. – С.102-104.

21 Волдина Т. В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск, 2002. – С. 43.

тованы архивные хранилища, о ней не сказано ещё последнего слова учёными, но она, наконец, переводится на мансийский язык, возвращаясь к своим истокам. И есть надежда на то, что обско-угорская культура, основанная на устойчивом миропонимании, не утратила своих духовных традиций, благодаря которым продолжается процесс «внутреннего» познания.

Мансийское устное народное творчество многообразно: мифологическая и космогоническая поэзия, героический эпос, драматургия, песенный цикл медвежьего праздника, сказки, рассказы и предания, лирика, заговоры промысловые и бытовые, загадки, шаманские песни – всего не перечислить – и отовсюду старался черпать фольклорные богатства Михаил Плотников. В его поэме, как отмечают исследователи, представлено народное творчество самыми разными гранями, например, от рассказа о богатыре Вазе веет русской былинностью, встречаются в поэтическом эпосе и элементы сказки, саги, былички, военной, бытовой и трудовой песен. Не последнюю роль здесь играют мифологические предания.

Безусловно, эпос манси намного ярче и богаче, чем он представлен в творчестве Плотникова (и здесь нельзя не согласиться с Сергеем Пархимовичем!), но заслуга Михаила Павловича заключается именно в том, что он донёс до нас ту часть эпоса, которую сам он называл «новой». Что же, по мнению, Плотникова, представляет собой «новый» эпос? В своей статье, предваряющей поэму, он поясняет:

«В старые эпические произведения вогульской словесности вплетаются эпизоды позднейшего происхождения и вместе с этим зарождается самостоятельный героический эпос, герой которого – новый, ещё не пришедший богатырь – национальный освободитель, каковым является Ваза...»

При столкновении с русскими вогульский народ пережил коренную ломку как в области своего хозяйственно-бытового уклада, так и в области мирозерцания. Князья, их городки, войны с соседями, подвиги богатырей остались толь-

ко в сказках, былинах и героических песнях эпоса, возникшего до прихода русских. Но и самый эпос стал другим...»²²

Изменяется и тип героя. Из глубин народа вырастает новый образ – богатыря-простолюдина, образ героя, который должен совершить подвиги не потому, что он хочет власти. Героическими поступками нового персонажа руководит любовь к своему родному народу. Это богатырь-избавитель и освободитель.

В первом академическом издании «Янгал-Маа», во вступительной статье подчёркивалось: «В рукописи Плотникова мы имеем дело с работой большой исторической и художественной значимости. В ней впервые выступило на сцену творчество одного из тех “малых” народов, которые, как казалось ещё недавно, раз навсегда сметены со страниц истории...»²³

Иван Авдеев, исследуя мансийский фольклор, утверждал в ту пору: «Изучение героического эпоса чрезвычайно ценно, так как в нём широко отображается древнее, родовое устройство манси и процесс его разложения».²⁴

У коренных народов слову, мысли, образу придавалось особое значение, ибо они верили в материальность исполнения их на земле.²⁵ Старые люди, жители Обь-Иртышского севера не раз вспоминали бытовавшую традицию: «Раньше было так: слова зря не скажи». Поэтому обязательным считалось исполнение мифа или сказки сказителем целиком, не опуская деталей. Именно такое отношение к слову – в первую очередь к священным мифам – позволило текстам, записанным в разное время от разных рассказчиков, совпасть

22 Князев В. В., Плотников М. П. Русь. – Тюмень: СофтДизайн. 1998. 544 с. («Невидимые времена»: – Т. 9). – С. 328, 324-325.

23 Там же. – С. 321-323.

24 Авдеев И.И. Песни народа манси. – Омск, 1936. – С. 17.

25 У хантов и манси существовало представление о материальности слова и даже мысли. Считалось, что слово может оказать определённое влияние на отношение людей как друг к другу, так и к отдельным объектам внешнего мира. (Материалы по фольклору хантов. Запись, предисл. и примеч. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукшюй. Томск, 1978. – С. 172).

почти дословно. Для непосвящённых сакральные моменты не упоминались, а для представителей других национальностей, пытавшихся зафиксировать эту часть фольклора, излагалась лишь упрощённая схема сюжета. Возможно, Михаила Плотникова не миновала чаша сия в его записях устного народного творчества манси. Однако попытка использовать манеру сказителей манси очевидна: характер изложения, употребление традиционных оборотов, насколько это возможно было отразить в русской речи, сохранение деталей и стиля. Михаил Павлович явно пытался следовать манере изложения легендарного столетнего шамана-манси Куто-ни. Сказ ведётся плавно, последовательно, одна строчка низывается на другую. Так и видится этот образ древнего кудесника, исполняющего песенные сказания. Он облачён в нарядные национальные одежды, под руку выкладывались священные предметы...

Героические песни в ту пору обязательно исполнялись под аккомпанемент музыкального инструмента. Всё это требовало огромного напряжения, и при этом голос исполнителя к концу становился охрипшим. Иногда перед началом исполнения певец съедал несколько мухоморов, отчего впадал в иступление и мог петь всю ночь напролёт даже, казалось бы, давно забытые сказания. Утром он падал в изнеможении, а слушатели были довольны, что услышали песни своих отцов, пропетые с таким чувством.²⁶

Михаил Плотников стал записывать фольклор тогда, когда, по словам одного из исследователей его творчества, манси различали «сказку и песню, руководствуясь лишь способом их исполнения. Что же касается содержания, то оно, по существу, имеет одну и ту же тематику».²⁷ Дело, конечно, было не так, а если ещё точнее, то не совсем так! Но мнение это снимает, по крайней мере, с Плотникова обвинения в его неразбор-

26 Патканов С. К. Тип остяцкого богатыря по остяцким былинам и героическим сказаниям. СПб., 1891. – С. 12.

27 Авдеев И. И. Песни народа манси. – Омск, 1936. – С. 17.

чивом отношении к доступному ему фольклорному материалу и тому, что он сотворил с ним в литературном плане...

Сам он в письмах к Григорию Николаевичу Потанину²⁸ весной-летом 1919 года признавался:

«Разрешите мне подробно коснуться того пути, по которому я шёл, составляя поэму “Янгал-Маа”. Во время моих скитаний по северу Сибири я также старался найти полный памятник героического эпоса. Таковой найти не удалось, но при большем знакомстве с туземной словесностью (в данном случае – остяков, вогулов, отчасти, самоедов) я нашёл отрывки, видимо, существовавшей поэмы “Янгал-Маа”. Я начал записывать отдельные песни, сказки, рассказы, легенды и пр., относящиеся к этой поэме, причём

²⁸ Григорий Николаевич Потанин (1835–1920) российский географ, этнограф, фольклорист, ботаник, публицист; общественный деятель, один из идеологов и основателей общественно-политического течения Сибирское областничество. В Томске познакомился с революционером-анархистом М. А. Бакуниным и по его совету, примкнув к промышленному каравану, следовавшему в Санкт-Петербург; осуществил свою давнюю мечту – учиться в Петербургском университете. Был вольнослушателем естественного отделения физико-математического факультета, но в октябре 1861 года за участие в студенческих волнениях арестован и два месяца провёл в заключение в Петропавловской крепости, затем отправлен в ссылку в Омск. В 1863–1864 годах по рекомендации учёного-географа П. П. Семёнова-Тян-Шанского принял участие в экспедиции астронома Карла Струве на озеро Зайсан, в верховья реки Иртыш и на хребет Тарбагатай, во время которой исследовал рыболовство и собрал обширную ботаническую коллекцию. В 1865 году был назначен секретарём губернского статистического комитета в Томске, преподавал в мужской и женской гимназиях города, сотрудничал в «Томских губернских ведомостях». Летом 1865 года арестован по делу «Общества независимости Сибири» и привлечён к суду по обвинению в стремлении отделить Сибирь от России. 15 мая 1868 года после трёхлетнего пребывания в Омском остроге Потанин был подвергнут гражданской казни, затем был отправлен на каторгу в Свеаборг, где находился до ноября 1871 года, после чего был отправлен в Тотьму. После отбытия наказания был выслан в город Никольск Вологодской губернии. В 1874 году по ходатайству Императорского Русского географического общества был амнистирован. Принимал участие в научных экспедициях в Центральной и Восточной Азии (1876–1899). Были собраны ценные материалы по культуре, быту и народному творчеству, истории эпоса народов, населяющих Сибирь, Центральную Азию, Китай. В 1902 году Г. Н. Потанин окончательно поселился в Томске, участвовал во многих культурно-просветительских мероприятиях; возглавлял Совет Общества попечения о начальном образовании; входил в Совет Томского Музея прикладных знаний и был его хранителем; организовывал Сибирский студенческий кружок, Томское общество изучения Сибири; литературно-драматическое общество; литературно-артистический кружок; разрабатывал проект создания Томского научно-художественного музея Сибири; активно выступал за создание Сибирской областной думы. Скончался 30 июня 1920 года в клинике Томского университета.

я заметил наличие одинаковых сказок, песен и др. памятников народной словесности у всех трёх упомянутых племён. Благодаря тому, что я хорошо изучил вогульский язык и достаточно порядочно научился остяцкому, такое собирание мне не представляло особой трудности, и мне удалось скомпилировать родственные между собой отрывки этого эпоса, из которого как восстановленная цепь выявилась поэма “Янгал-Маа”. Для полноты я вставил в поэму и другие отрывки других памятников туземного эпоса. Такова история происхождения “Янгал-Маа”. В настоящее время у меня имеются также записи, из которых незначительная часть записана по-вогульски (т.е. русскими буквами по-вогульски), остальная же часть записок писалась по-русски в форме сказок, записей, заметок и рассказов, т.е. в том виде и той форме, как передавал мне рассказчик. Одновременно я собрал и сказки, которые думаю со временем разработать и напечатать. Приблизительно я записал 15-20 таких сказок, чисто северных, сибирских, о которых ещё нигде не писалось».²⁹

А что же это за личность – сам Михаил Плотников? Почему одни о нём отзываются отрицательно, другие – с восторгом?

Наверное, всё дело в загадочности этой фигуры. Ведь мы даже толком не знаем о месте рождения этого человека!

Правда, в своей статье «Плотников нашего времени» Юрий Лукич Мандрыка некоторые данные биографии Плотникова прояснил, сообщив такие материалы, которые расходятся с биографическими данными о писателе. От его внука, Никиты Юрьевича поступила следующая информация: «...Михаил после отсидки ушёл жить к врачихе, которая работала где-то там на зоне. Да и на зоне дед “дурковал” – занимался огородом, выращивал всякую зеленушку в тюрьме»; «...отец ему рассказывал, что деда в Хабаровске арестова-

²⁹ Встреча после похорон: Письма Михаила Плотникова (предисловие, публикация и комментарии Юрия Мандрыки) – С. 46-53. // Журнал «Мир Севера». № 2 (79), 2012. – С. 48.

ли за то, что он хотел взорвать или даже взорвал какой-то мост...»³⁰

«Дурковал»? – и это по поводу того, что человек пытался чем-то полезным заниматься в местах заключения?! Быть садовником и трудиться в оранжерее, не самая последняя профессия даже на воле...

А про то, что «хотел» или «даже взорвал какой-то мост», абсолютная нелепица и её опровергать или комментировать, только время зря терять... В конце концов, есть архивы бывшего НКВД: всем интересующимся можно послать запрос и узнать все подробности уголовно-политического дела Михаила Плотникова.

Впрочем, была и полезная информация. В своём докладе на конференции в Ханты-Мансийске 28 апреля 2003 года Ю. Л. Мандрыка представил точную дату смерти М. П. Плотникова: 6 марта 1953 года.

Когда-то, более сорока пяти лет назад, сын писателя Плотникова – Юрий Михайлович – 28 августа 1974 года общал в письме Леониду Георгиевичу Тайлашеву, работавшему в то время секретарём Ханты-Мансийского окружкома партии, биографические данные о Михаиле Павловиче Плотникове.³¹

По утверждению сына, его отец родился в ноябре 1892 года в старинном сибирском городе Кольвани на Оби, в семье столяра-краснодеревщика. Здесь прошло его детство. Когда мальчику исполнилось десять лет, семья переехала в Новониколаевск, где Плотниковы приобрели дом и открыли мастерскую по ремонту мебели. В 1903 году Миша поступил в реальное училище, которое окончил с отличием в 1910 году. Одновременно он начал подрабатывать репортёрским трудом.

30 Как слово наше отзовется... Сб. докладов и сообщений, посвящённых 70-летию издания поэмы М. П. Плотникова «Янгал-Маа» и 75-летию со дня рождения М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2003. – С. 34-38.

31 Журнал «Лукич», ч. 2 (12), 2000. Переплёткин Ю. И. Многолюдная тундра. – С. 18-20.

После училища поступил на агрономическо-зоотехнические курсы (установить, как они точно назывались, в настоящее время трудно), которые окончил в 1912 году.

После получения профессии зоотехника выбрал профиль «северное оленеводство и этнографию. С 1912 года неоднократно бывает на Севере – от Урала до Диксона.

К этому времени относится начало сбора фольклорного материала по вогульскому (манси) эпосу для будущей поэмы «Янгал-Маа». Предоставим слово самому Михаилу Павловичу Плотникову:

«Я действительно исходил северо-запад Сибири, пробыл там в два приёма около двух лет. Первое моё скитание, как я называю мои путешествия по северу Сибири, началось от с. Самаровского Тоб. губ., я поднялся в верховья реки Конды, откуда перебрался на Лозьву в предгорья Урала и, повернув на восток, добрался до с. Сосьвы, до Берёзова, откуда на пароходе добрался до Обдорска. От Обдорска я вернулся пароходом в Берёзов, ушёл в верховья Сосьвы: Талья, Уоля, Манья, где зимовал <...>

*На другой год вновь из Самарова направился на север, побывал на Казыме, Войкаре, Вогулипе, хотел исследовать реку Полуи, но заболел какой-то странной болезнью вроде малярии и возвратился обратно домой».*³²

Когда его сын пишет, что «с 1912-го по 1925 год отец работал в Чите, в управлении Севера», это не совсем так: дело в том, что Михаил Павлович в 1918–1919 годах жил в городе Камень Алтайской губернии и был тогда редактором газеты «Каменская мысль». Ему предлагали перебраться в Томск на солидную должность, однако он отказался, поскольку одной из причин была неприязнь к чиновничьей деятельности и кроме этого, признавался он в письме своему адресату 25 июня 1919 года, «боюсь томской дороговизны, а мне при-

³² Встреча после похорон: Письма Михаила Плотникова (предисловие, публикация и комментарии Юрия Мандрики). – С. 46-53. // Журнал «Мир Севера». № 2 (79), 2012. – С. 50.

ходится учить брата, сестру и помогать родителям. Здесь я получаю 1350 руб. в месяц, что мне хватает».³³

Сын Плотникова Юрий Михайлович сообщает об отце интересные факты: «Совершил ряд экспедиций в приполярные районы и в Монголию. При обработке материалов встречался с Владимиром Клавдиевичем Арсеньевым, автором «Дерсу Узала». К тому времени М. Плотников уже опубликовал ряд серьёзных научных работ по этнографии и оленеводству. Позже он снова приехал в Новосибирск. Работал в газете «Советская Сибирь» и журнале «Сибирские огни»³⁴ ответственным секретарём. Тогда в «Сибирских огнях» сотрудничали Александр Поспелов, Ефим Пермитин, Савва Кожевников, Лидия Сейфуллина и другие.

В 1927–1929 годах работал в Кемерово в газете «Кузбасс». Написал роман «Клад Кучума», изданный в «Кузбассе». Затем в Тюмени, в «Тюменской правде». Продолжал работу по специальности, совершал поездки по Северу, готовил к публикации

33 Там же. – С. 53.

34 В ежегоднике на 2017 год «Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области» составители посчитали своим долгом напоминать землякам о деятелях, ныне мало известных. В их числе был поэт и прозаик, журналист, этнограф, зоотехник-олeneвод Михаил Павлович Плотников. В «Календаре...» было отмечено, что в середине 1920-х годов он жил в Новосибирске, работал в «Советской Сибири» и «Сибирских огнях». Плотников написал множество рассказов, повестей, исторических очерков. Главной книгой стала поэма «Янгал-Маа», созданная в течение 12 лет на основе мансийского фольклора и напечатанная в 1933 г. в издательстве «Academia» (Москва, Ленинград). В предисловии «От издательства» было сказано о том, что «работа Плотникова над песнями и сказаниями вогулов [прежнее название народа манси] невольно приводила на память работу, проделанную автором «Калевалы» над эпосом финнов и автором «Песни о Гайавате» над песнями и сказаниями индейцев Северной Америки». Поэму положительно оценил Максим Горький. В статье «Календаря...», посвященной 125-летию со дня рождения М. П. Плотникова, также сообщается о его научной деятельности. Плотников её продолжил в качестве директора опытного оленеводческого питомника в Красноярском крае (Туруханский район, станок Фарково). Жил в Красноярске, затем – в Хабаровске, где работал начальником управления Севера ДВК, с постоянными разъездами и экспедициями на Камчатку, Сахалин, Чукотку...

В 1938 г. по ложному доносу арестован, в 1940 – осуждён по статье 58-1а-2-10 УК РСФСР и приговорён к 7 годам ИТЛ (реабилитирован в 1991 г.). После освобождения вернулся к жене в Красноярск-4, до 1947 г. был начальником сектора Севера в крайсельхозуправлении, совершал экспедиции в северные районы Красноярского края и Новосибирской области (Календарь знаменательных и памятных дат по Новосибирской области 2017 год. Новосибирск, 2016. С. 62).

поэму «Янгал-Маа». В 1929 году закончил работу над поэмой, послал на отзыв к М. Горькому. Поэма М. Горьким была оценена положительно и предложена к публикации Академии наук СССР».

Добавим к этому, что в 1924 году Михаил Павлович послал в журнал «Сибирские огни» повесть «Городок», которая была опубликована во втором номере. Тогда же была отправлена в журнал большая статья «Послерусский вогульский эпос», которая с изменённым заглавием («Вогульский эпос») и большими сокращениями включена в качестве предисловия к поэме «Янгал-Маа» (М., 1933). Из статьи изъяты страницы об усилении в новом вогульском эпосе религиозного элемента (роли богов, духов, шаманов). Редакторами изменён был также и финал статьи. В 1924 году она завершалась так: «Не хочется верить, что для сибирских туземцев настанет тот день, когда оправдаются слова печальной самоедской сказки, когда солнечный восход встретит один слабосильный, больной самоед и, загнанный железным стариком, погибнет от голода, холода и болезней на берегу Студёного моря у края земли».³⁵ Заключительные строки в издании 1933 года звучали куда оптимистичнее: «...законченное произведение вогульского национально-освободительного эпоса, с большой силой отразившего чаяния и надежды беспощадно эксплуатировавшегося и угнетавшегося в царской России народа».³⁶

Получается, над своей поэмой Михаил Плотников трудился с перерывами свыше трёх десятилетий, если иметь ввиду её окончательный вариант 1946 года, (но о нём речь впереди)...

Первый вариант «Янгал-Маа» был набросан ещё до революции. Здесь очень важно свидетельство из первых уст. Григорию Николаевичу Потанину он признался:

«Прежде всего, я должен уведомить Вас, что ни остяцкого, ни вогульского, ни самоедского полного текста поэмы у меня

³⁵ Сибирские огни. – 1924, № 2. – С. 159.

³⁶ Плотников М. Янгал-Маа. Клычков С. Мадур Ваза победитель. – М., 1933. – С. 46.

не имеется, т.к., видимо, народный эпос этих народностей дошёл до наших дней и не в полном объёме: в виде былин или связанных друг с другом песен, в виде жалких отрывков, по которым нельзя восстановить полностью нашей сибирской Гайаваты; причём эти отрывки – частью имеют стихотворную форму, частью выродились в сказки, сказания и рассказы, в которых более древние населения перемешались с новыми и благодаря чему исказили не только форму, но и самый их смысл».³⁷

По этой причине автору поэмы пришлось связывать разрозненные куски героического эпоса в единое целое. Но именно такую же работу проделывали в своё время Элиас Леннрот и Генри Лонгфелло! Кроме первого варианта «Янгал-Маа» Михаил Плотников по материалам собранного фольклора к 1918 году «написал 12 рассказов из жизни вогулов, которые объединил в книжку и которую, как будут обстоятельства благоприятствовать»³⁸ намеревался издать.

Таким образом, за несколько лет Плотников хорошо изучил собранные и обработанные им материалы устного народного творчества коренных народов.

Уже после проведения конференции в Ханты-Мансийске (2003) Юрий Мандрика признаётся: «Новая встреча с автором поэмы «Янгал-Маа» на этот раз в эпистолярном жанре, заставляет осторожнее отнестись к точке зрения Сергея Пархимовича на происхождение «вогульского» фольклора, берущего корни из творчества Серафима Патканова. Судя по публикуемым письмам М. П. Плотникова, последний два года путешествовал по Северу и знакомился с жизнью и бытом аборигенов. Примерно такого же времени хватило командированному на Тобольском Севере и Серафиму Патканову, сумевшему записать эпос, элементы которого никому ещё не удавалось обнаружить.

³⁷ Встреча после похорон: Письма Михаила Плотникова (предисловие, публикация и комментарии Юрия Мандрики) – С. 46-53. // Журнал «Мир Севера». № 2 (79), 2012. – С. 48.
³⁸ Там же. – С. 53.

Но где правда? В письмах М. П. Плотникова к Г. Н. Потанину о затраченных усилиях или в статье «Вогульский эпос», утверждавшей о работе в течение тринадцати лет над поэмой?

Но публикация обнаруженных писем, несомненно, поможет ответить на некоторые возникающие вопросы...»³⁹

Пробудившиеся сомнения Юрия Лукича вылились в сожаление о том, что тема героического эпоса манси, представленного в поэме Михаила Плотникова, была зря похоронена для современных исследователей, отодвинув их работу в этом направлении, по крайней мере, на полтора-два десятилетия: «Активная позиция, занятая С. Пархимовичем по отношению к мифотворчеству М. П. Плотникова, пытавшегося ассимилировать отрывки фольклора разных народов в одно целое, способствовала лишь тому, что идею Плотниковских чтений удалось благополучно похоронить. На изданных материалах конференции название их уже не артикулировалось. Вместе с этим была закрыта в печати и тема М. Плотникова, которую не пытались затрагивать даже фольклористы НИИ обско-угорских народов».⁴⁰

А между тем, сын Плотникова Юрий Михайлович, задолго до «разоблачений» Сергея Пархимовича, обращал внимание в биографии Михаила Павловича на аспекты его научной деятельности: «Отец получил предложение для продолжения научной работы с выездом на Енисейский Север (Туруханский район, ст. Фарково) директором первого в Сибири опытного оленеводческого питомника. Ведёт там научную работу, выпускает две книги по оленеводству.

В 1931 году наша семья выезжает в Красноярск, где жили родственники матери, а затем отец получает назначение начальником управления Севера ДВК в Хабаровске. К этому времени стало известно о публикации поэмы «Янгал-Маа» и о... «вольной» обработке её С. Клычковым, московским ли-

39 Там же. – С. 47.

40 Там же. – С. 46.

тератором, очевидно, одним из редакторов издательства, который надеялся, что автор безнадежно потерялся.

Затем мы жили в Хабаровске. Отец постоянно находился в разъездах и экспедициях: на Камчатке, Сахалине, Чукотке, на реках Зее, Бурее и т. д. В общем, насколько помню, а помню я смутно, дома он бывал наездами, причём не один, а с товарищами. Не зря наша мама говорила, что у нас «не дом, а перевалочный пункт».

В те годы отец написал ряд статей по этнографии, оленеводству, читал лекции в отделениях Института народов Севера в Благовещенске и Хабаровске (были тогда такие отделения). Одновременно шла работа над романом о первопроходцах Сибири «Городок на Каве», первая часть которого была напечатана в «Сибирских огнях» в 1936 году. Кроме того, будучи членом Союза писателей ДВК, М. Плотников вёл большую работу как рецензент и член правления.

В 1937 году⁴¹ (дело на Плотникова было заведено в начале октября 1938 года – М. Р.) по ложному доносу был репрессирован и реабилитирован лишь в 1943 году. Все архивы и наиболее ценные материалы (переписка с М. Горьким, В. Шишковым, А. Толстым и др.) исчезли бесследно.

В 1943 году он вернулся к жене в Красноярск, когда мы с братом (я – Юрий, рождения 1925 года и Павел, рождения 1920 года) ещё находились на службе в армии. Здоровье отца было сильно подорвано, но он продолжал работать до 1947 года в качестве начальника сектора Севера Крайсельхозуправления. Ездил в экспедиции в северные районы Красноярского края и Новосибирской области, занимался литературным

41 Ещё во второй половине 1920-х годов Михаил Плотников жаловался писателю Сергею Маркову: «Как чистка какая начинается, так я к вогулам, под крыло к Золотой Бабе... Мне дело о кладе Ермака хотели приписать» (Сергей Марков. Югорская рапсодия – С. 178–185. // Журнал «Сибирские огни». № 11, 1973). Из воспоминаний Маркова выясняется, что преследование Михаила Плотникова фискальными органами было связано с публикацией им ряда статей о золоте Кучума, которое перешло к Ермаку: «о кладе Ермака начитались тёмные дельцы, – ссыльными энпманами и валютчиками, сам знаешь, весь Нарым кишит, – и та-а-кое кадило раздули!» (Там же. – С. 179).

трудом. В то время он завершил четырнадцатую (последнюю) песню «Янгал-Маа», которая сегодня имеется лишь в рукописи. Писал также рассказы для местных изданий.

В 1946 году во время одной из поездок едва не погиб, получил сильное обморожение суставов.

В 1947 году вышел на пенсию; вместе с нашей матерью, учительницей, уехал и жил в посёлке Ирша Рыбинского района Красноярского края, где скончался 5 марта 1953 года».⁴²

Добавим только к сказанному, что похоронен он был в этом же посёлке Ирша.

Арестован был Михаил Павлович в Хабаровске 4 октября 1938 года, а не в 1937, как пишет его сын Юрий.

В обвинительном заключении по следственному делу Михаила Павловича за номером 85649,⁴³ «утверждённым начальником УНКВД (управлением народного комиссариата внутренних дел) по Хабаровскому краю комиссаром госбезопасности 3 ранга Никишовым 27 июня 1939 года, говорится, что Плотников Михаил Павлович, 1892 года рождения, является уроженцем деревни Каменка, Новосибирского района».⁴⁴ В этом же документе следователь Петров подчёркивает, что отец Плотникова не был столяром-краснодеревщиком, а являлся приказчиком.⁴⁵

Откуда взялась такая информация? Из уст самого Михаила Плотникова? Пробыв десять месяцев под следствием (он был арестован в начале октября 1938 года), на допросе 9-го июня 1939 года на предложение следователя Петрова рассказать о своём социальном происхождении, он отвечал следующим образом: «Отец мой Павел Иванович сам

42 Журнал «Лукич», ч. 2 (12), 2000. Переплёткин Ю. И. Многолюдная тундра. – С. 18-19.

43 Выражаем признательность тюменскому краеведу Александру Антоновичу Петрушину за его хлопоты в розыске «расстрельного» дела М. П. Плотникова; коллективу редакции журнала «Лукич» (Тюмень) во главе с издателем и редактором Юрием Лукичем Мандрыкой, опубликовавшему его в 2000–2001 годах, а также, лично отбравшим для публикации «куски» дела С. Г. и С. Ю. Пархимовичам (журнал «Лукич», 2000, ч. 5 (15), Петрушин А. А. Михаил Плотников: из дела о расстреле. – С. 42-85; ч. 6 (16). – С. 56-89).

44 Петрушин А. А. Михаил Плотников: из дела о расстреле. – С. 87.

45 Там же.

происходит из крестьян деревни Каменка, в 12-ти километрах от Новосибирска. Сам крестьянством до революции – 1917 года не занимался, а работал приказчиком у купцов в гор. Колыване, селе Бердском и в г. Новосибирске. После революции он работал вначале также продавцом, а впоследствии служащим. С 1932 года, насколько мне известно было, отец находится на пенсии».⁴⁶

Речь об отце Плотникова заходит ещё раз через несколько дней, в связи с дознанием причастности самого Михаила Павловича к омскому колчаковскому правительству в период гражданской войны.

«Вопрос: Вам предъявляется чистый бланк (так, очевидно, назван бланк в публикации дела о расстреле Плотникова, которое было напечатано в журнале «Лукич» практически без купюр и комментариев, с сохранением первоизданной стилистики, пунктуации и орфографии – М. Р.) со штампом «Сибирского правительства – Министерство туземных дел», изъятый 5-го февраля 1933 года вместе с другими Вашими документами при обыске в квартире Вашего отца – Павла Ивановича в г. Новосибирске. Дайте по существу показание?

Ответ: Дать показание на заданный вопрос не могу, мне не известны причины и обстоятельства, при которых мог бы предъявленный чистый бланк со штампом «Временное Сибирское правительство – Министерство туземных дел» оказаться в квартире моего отца с моими другими личными документами-материалами.

Вопрос: Предъявленный Вам бланк свидетельствует о том, что Вы имели какое-то отношение к данному правительству в то время, дайте показания по существу?

Ответ: К Временному Сибирскому правительству я никакого отношения не имел, но в то время проживал в г. Омске. Где и находилось это правительство. Из лиц близко стоящих

⁴⁶ Там же. – С. 59.

к данному правительству в то время из моих знакомых никого не было.

Вопрос: Расскажите о Вашей контрреволюционной деятельности, которую Вы проводили против Советской власти?

Ответ: Никакой контрреволюционной деятельностью, направленной против Советской власти, я никогда не занимался.

Допрос окончил в 2 часа 11 июня 1939 г.

Протокол записан с моих слов верно

и мною прочитан (подпись)

Допросил: Старший Следователь

с/ч УНКВД млад. лейтенант

Гос. Безопасности (Петров)».⁴⁷

Есть в материалах следствия и упоминание о том, что Павел Иванович Плотников – отец автора «Янгал-Маа» – только выдавал себя за приказчика или краснодеревщика, на самом же деле являясь более заметной фигурой в деловых кругах того региона, где проживала семья Плотниковых до революции. Так, на допросе 21 июня 1939 года Михаил Павлович Плотников показал, опровергая свидетельства из протокола допроса обвиняемого М. В. Прохорова от 11-го мая 1939 года: «Показание обвиняемого Прохорова М. В. не подтверждаю, заявляю, что сыном лесопромышленника я не был, к сибирскому правительству – “Уфимской директации” никакого отношения не имел...»⁴⁸

В каких же конкретных поступках обвиняли карательные органы советской власти гражданина Плотникова?

(Кроме опубликованных материалов из его дела в краеведческом журнале «Лукич», краткую информацию о трагедии Плотникова можно почерпнуть также из книги-мартиролога «Хотелось бы всех поимённо назвать»)⁴⁹.

47 Там же – С. 61-62.

48 Там же. – С. 73.

49 Книга-мартиролог. Том «Л-Ф». Комсомольск на Амуре, без даты. – С. 212.

Всё, собственно, сводилось к мифическому участию в дальневосточной контрреволюционной организации РОВС (Российском общевоинском союзе) и совместной антисоветской деятельности с бывшими белогвардейскими офицерами и чиновниками. Предоставим слово официальным документам того времени.

«ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

/по следделу №-85649/

По обвинению ПЛОТНИКОВА

Михаила Павловича, в преступлениях, предусмотренных ст. 58-1 «а», 58-2, 58-10, 58-11 УК РСФСР.

На основании поступивших материалов в Управление НКВД по Хабаровскому краю о том, что проживающий в г. Хабаровске – ПЛОТНИКОВ Михаил Павлович, бывший «сибирский областник» ведёт контрреволюционную деятельность, направленную на свержение Советской власти и установление в СССР власти фашизма и фашистского строя, и что он – ПЛОТНИКОВ организационно связан по контрреволюционной деятельности с бывшим царским офицером – полковником ФРИЗЕНДОРФОМ и бывшим чиновником ДАНИЛОВИЧ /арестованные по другому делу/.

На основании этих материалов 4-го октября 1938 года ПЛОТНИКОВ был арестован.

Произведенным по делу расследованием УСТАНОВЛЕНО:

Показания обвиняемых – ФРИЗЕНДОРФА и ДАНИЛОВИЧ – ПЛОТНИКОВ уличаются в том, что до дня своего ареста являлся одним из руководителей ликвидированной на ДВК контрреволюционной организации РОВС /Российского общевоинского союза/ и активным участником «Сибирского областничества», поддерживал контрреволюционную связь с другими участниками названной организации и проводил, как член данной организации, контрреволюционную деятельность.

Основной задачей данная контрреволюционная организация ставила – свержение Советской власти и создания на Дальнем Востоке и Сибири автономного государства под протекторатом Японии /л. д. 107, 147, 148, 157, 184, 185, 197, 198/.

Обвиняемый ПЛОТНИКОВ в своих собственноручных показаниях на следствии заявил, что он с 1914 года и по 1927 год был участником и сторонником общественно-политического течения «Сибирского областничества», которое в 1917 году объединилось с бывшими кадетами, эсерами и меньшевиками и вместе с ними вели активную борьбу с большевиками и Советской властью, при поддержке сибирской буржуазии и интервентов-чехов /л. д. 10,27,62,63,70/.

Далее обвиняемый ПЛОТНИКОВ показал, что он при поступлении на работу в Советские учреждения, всегда выдавал себя, как человек, имеющий высшее образование, т. е. окончивший Рижский политехнический институт, чем обманывал советские учреждения в личных корыстных целях, т. к. в действительности ПЛОТНИКОВ высшего образования не имел /л. д. 101-102, 86, 87/.

Свою контрреволюционную деятельность в последующие годы, как «Сибирский областник» и руководитель контрреволюционной организации РОВС в г. Хабаровске, ПЛОТНИКОВ отрицает, однако, показаниями соучастников по контрреволюционной деятельности и свидетельскими показаниями ПЛОТНИКОВ достаточно уличён в этом.

Обвиняемые ФРИЗЕНДОРФ и ДАНИЛОВИЧ на следствии показали, что перед отъездом в 1933 году из гор. Хабаровска ПОГОДИНА – руководителя контрреволюционной организации РОВС, назвал нам ПЛОТНИКОВА, как одного из руководителей организации РОВС и предложил в дальнейшем установить с ним организационную связь по контрреволюционной работе /л. д. 109,110, 145, 160, 183/.

Обвиняемые ФРИЗЕНДОРФ и ДАНИЛОВИЧ на следствии также показали, что ими в начале 1934 года была установлена организационная связь с ПЛОТНИКОВЫМ, которую впоследствии ПЛОТНИКОВ поддерживал с ДАНИЛОВИЧ вплоть до дня

его ареста. Им же со слов ПЛОТНИКОВА были также известны ряд участников РОВС, которые непосредственно имели организационную связь непосредственно с самим ПЛОТНИКОВЫМ /л. д. 109, 110-147, 148, 149, 161, 162, 187, 188, 189/.

Причастность ПЛОТНИКОВА к контрреволюционной организации РОВС и его организационных связях с ФРИЗЕНДОРФ и ДАНИЛОВИЧ, подтверждают в своих показаниях обвиняемые ЭНГЕЛЬГАРТ и ОДЕРСКИЙ (осуждены) /л. д. 197-198/.

ПЛОТНИКОВ, будучи антисоветски настроенный, систематически проводил фашистскую контрреволюционную пропаганду, направленную на дискредитацию советского строя. Восхвалял фашизм и фашистский строй /л. д. 120, 121, 122, 123, 165, 166, 167, 204, 205, 207, 208, 209, 210/.

В предъявленном ему обвинении виновным себя частично признал /л. д. 10-16/, но впоследствии от своих показаний отказался /л. д. 128/, однако, достаточно изобличается показаниями: ФРЕЗЕНДОРФ М. Ю. /л. д. 106-112. 145, 147-152, 155-164/, ДАНИЛОВИЧ Л. И. /л. д. 117-126, 165-167, 183-189, 191-196/, ЭНГЕЛЬГАРТ М. В. /л. д. 197/, ОДЕРСКОГО /л. д. 198/ и свидетельскими показаниями – ГОРБУНОВА И. А. /л. д. 204, 205/, ЕРМАКОВОЙ М. М. /л. д. 207-210/.

На основании вышеизложенного ОБВИНЯЕТСЯ:

ПЛОТНИКОВ Михаил Павлович, 1892 года рождения, уроженец дер. Каменка, Новосибирского р-на, сын приказчика, служащий, русский, гр-н СССР, беспартийный, женат, со слов не судим, до ареста работал литературным сотрудником редакции газеты «Пограничный водник», В ТОМ, ЧТО является одним из руководителей контрреволюционной организации РОВС /Российского общевоинского союза/ в г. Хабаровске и участником «Сибирского областничества», проводил контрреволюционную деятельность, направленную на свержение советского строя и установления в СССР фашизма, а также занимался контрреволюционной пропагандой, направленной на дискредитацию советского строя, т. е. в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 58-1 «а», 58-2, 58-10 и 58-11 УК РСФСР, а поэтому руководствуясь ст. ст. 206, 208 УПК РСФСР

ПОЛАГАЛ БЫ:

Следственное дело №-85649, по обвинению ПЛОТНИКОВА М. П. через Военного Прокурора направить на рассмотрение Военного Трибунала 2-1 ОКА.

Арестованного ПЛОТНИКОВА с сего числа перечислить содержанием под стражей за Военным Прокурором 2-1 ОКА. Обвинительное заключение составлено 25 июня 1939 года, в гор. Хабаровске.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕД. ЧАСТИ УНКВД
по ХАБ. КРАЮ – МЛ. ЛЕЙТЕНАНТ
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ /ПЕТРОВ/
«СОГЛАСЕН»

НАЧ. СЛЕД ЧАСТИ УНКВД ПО ХАБ. КРАЮ
СТ. ЛЕЙТЕНАНТ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
/ВЕСЕЛОВ/». ⁵⁰

В этом явно сфабрикованном деле есть много интересных материалов для дальнейшего исследования биографии Плотникова. Однако нас интересует, прежде всего, его литературная деятельность. О ней-то в первые дни своего ареста Михаил Павлович упоминает очень скупно, словно опасаясь того, как бы вся правда ему не повредила. Рассказывая о своей основной работе в Крайзу (краевом Хабаровском зооуправлении) в качестве специалиста по оленеводству с 1932 года, уже во втором своём показании, на следующий день после ареста, Плотников опровергает все обвинения во вредительстве, но при этом и честно отмечает свои профессиональные недоработки, правда, по объективным причинам: *«До 1934 года я был единственным специалистом по оленеводству, а поэтому с работой не справлялся, а кроме того мне плохо помогали все начальники Крайзу, с которыми я служил, а также ветотдел...»*

⁵⁰ Журнал «Лукич», ч. 6 (16), 2000. Петрушин А. А. Михаил Плотников: из дела о расстреле. – С. 85-88.

Существовала ли какая вредительская организация в Крайзу, я не знал и меня никто не привлекал, т. к. существовала верхушка в Крайзу...

Это была спаянная компания. Лично я никаким вредительством в оленеводстве не занимался, кроме того я работал в центральном аппарате и с живыми оленями дела не имел. Дружеских и приятельских отношений я из крайзовцев ни с кем не имел». ⁵¹

В Хабаровске, как пишет Плотников в своём показании 5 октября 1938 года, на следующий день после ареста, «из беллетр. литер. деятельности я почти ничего не писал». ⁵² «Отмечу, что был на первом дальневосточном краевом съезде писателей. Съезд прошёл в нездоровой обстановке». ⁵³ (Этой фразой завершается письменное показание следователю 5 октября 1938 года).

«Надо отметить, что со времени 1928 года, т. е. отъезда в Туруханский край, я никакими политическими вопросами не интересовался, жил-был особняком, посвящая все досуги роману, который я писал. Писание романа «Городок» в своё время одобрил А. М. Горький, написавший мне сочувственное письмо. Доказательством того также служит то, что я не принимал никакого участия в работе журнала «На рубеже» и дальневосточного отделения советских писателей». ⁵⁴ (Показание 11 октября 1938 года, через неделю после ареста). Эта же мысль о прекращении литературной деятельности с 1928 года, о написании романа «Городок», «который А. М. Горький признал хорошим. Его письма имеются в изъятых у меня бумагах» ⁵⁵, повторяется в следующем показании. Следственные органы, очевидно, настораживает тот факт, что Плотников пытается уволиться из Крайзу именно в тот момент, когда

51 Журнал «Лукич», ч. 5 (15), 2000. Петрушин А. А. Михаил Плотников: из дела о расстреле. – С. 44.

52 Там же. – С. 45.

53 Там же. – С. 46.

54 Там же. – С. 49.

55 Там же. – С. 53.

в этой организации начинаются массовые аресты её работников, поэтому арестованному приходится терпеливо объяснять причину своего ухода отсюда, и окончательный переход на журналистскую работу. В мае 1938 года Плотников подаёт документы о своём увольнении из краевого зооуправления, ему предлагается заключить договор ещё на один год: «Я заявил, что до тех пор, пока не будет представлен отпуск, договора я не заключу»; «Дело тянулось примерно до 15 июля, когда я неожиданно получил приказ о моём увольнении в виду несоответствия к исполнению обязанностей старшего специалиста по оленеводству и за проявленную бездеятельность».⁵⁶

Дело по инициативе Плотникова было передано в суд, и он его выиграл.⁵⁷

Возможно, именно это обстоятельство в какой-то мере в дальнейшем послужило причиной смягчения ему приговора, поскольку, во-первых, развенчивало миф руководства Крайзу о Плотникове, якобы халатно относившегося «к исполнению обязанностей старшего специалиста по оленеводству» и проявлявшего бездеятельность на своём рабочем месте (читай между строк – вредительство). Во-вторых, была выяснена конкретная причина, из-за чего увольнялся из Хабаровского краевого зооуправления Плотников: «Надо сказать, что ещё в июне 1938 года мною был заключен договор с начальником Амурской экспедиции Наркозема СССР – Клейманом на производство работ по оленеводству. Мой договор с Клейманом был одной из причин, заставивших меня просить о скорейшем увольнении из Крайзу, так как я не позднее 1 июля должен был выехать в экспедицию. Ввиду того, что дело с Крайзу затянулось и мне пришлось ждать решения суда, я в экспедицию выехал только 1 августа».⁵⁸

56 Там же. – С. 51.

57 Там же. – С. 51-52.

58 Там же. – С. 52.

В сентябре Плотников вернулся в Хабаровск и продолжил журналистско-литературную деятельность, к которой у него больше всего лежала душа: «В марте 1938 года я поступил на работу в редакцию газеты «Пограничный Водник», где писал фельетоны». «Собственно говоря, крайзовцы мне были людьми далёкими, так как я работал в литературе, этнографии, фольклоре и оленеводстве, областях для них чуждых».⁵⁹

Из «расстрельного» дела можно в общих чертах восстановить рабочую биографию Плотникова. Так, из допроса, начатого в 12 часов 40 минут 21 июня 1939 года, мы узнаём следующее: «Вопрос: Расскажите о Вашей трудовой деятельности?»

Ответ: Трудовой деятельностью я начал заниматься с 1913 года с декабря месяца, за этот период времени работал:

1. Декабрь месяц 1913 года корректор редакции «Сибирская новь» г. Новосибирск.

2. С января м-ца 1914 года по май месяц 1918 года консультантом по вопросам сельского хозяйства на Омской жел. дороге г. Омск, но с ноября м-ца 1917 года по май м-ц 1918 года был избран членом коллегии контроля Омской ж. д. и был утверждён коллегией Государственного контроля.

3. С сентября м-ца 1918 года по июнь м-ц 1919 года работал гор. Камень инструктором по с/х при Правлении Каменского союза кооперативов.

4. С июня м-ца 1919 года по декабрь м-ц 1919 года агроном по Северному сельскому хозяйству при Губернской земской управе гор. Красноярск.

5. С декабря месяца 1919 года по июль м-ц 1920 года секретарь редакции газеты «Красноярский рабочий» г. Красноярск.

6. С июля м-ца 1920 года по ноябрь м-ц 1920 находился в экспедиции в Таруханском крае.

⁵⁹ Там же.

7. С ноября м-ца 1920 года по июнь м-ц 1921 года пом. заведующего Городским музеем в гор. Енисейске.

8. С июня 1921 года по ноябрь м-ц 1921 года заведующим общим подотделом конторы Сибуголь г. Новосибирска.

9. С ноября 1921 года по июль м-ц 1924 года работал при Министерстве национальных дел ДВР нач. туземного отдела, впоследствии в Туземном подотделе Дальревкома учёным секретарём г. Чита.

10. С июня м-ца 1924 года по июль м-ц 1925 года секретарём редакции журнала «Забайкальский таёжник» г. Чита.

11. С сентября м-ца 1925 года по август м-ц 1929 работал при редакциях газет: «Советская Сибирь» и «Сибирский гудок» в гор. Новосибирске, «Ачинская правда» гор. Ачинск и «Красное знамя» в гор. Томске, «Кузбасс» в гор. Щегловске и «Красное знамя» в гор. Тюмень.

12. С сентября м-ца 1929 года по сентябрь м-ц специалистом по оленеводству при зоотехническом пункте на реке Турухан Туруханского края.

13. С февраля 1932 года по июль месяц 1937 года специалистом по оленеводству при Крайзу гор. Хабаровск.

14. С августа м-ца 1937 года по март м-ц 1938 года специалистом по оленеводству при экспедиции наркомзема СССР на ДВК.

15. С марта м-ца 1938 года по 4-ое октября 1938 года, т. е. по день ареста при редакции газеты «Пограничный водник» литературным сотрудником город Хабаровск». ⁶⁰

(Любопытна «перестраховочная» характеристика, данная Плотникову в «Пограничном воднике» руководителем, как попытка отгородиться от бывшего сотрудника, потенциального «врага народа» и лишний раз продемонстрировать властям свою лояльность: «Плотников М. П. работал в редакции газеты «Пограничный Водник» в качестве литературно-

⁶⁰ Журнал «Лукич», ч. 6 (16), 2000. Петрушин А. А. Михаил Плотников: из дела о расстреле. – С. 73-74.

го сотрудника со 2 марта по 4 октября 1938 года. Как сотрудник он очень писучий, т. е. много давал материала в газету. С его стороны имелись нехорошие т. е. рваческие тенденции, он доходил чуть ли не до торговли в оплате гонорара. В общественной жизни не принимал никакого участия, однажды летом коллектив редакции и типографии ездил на субботах, он не поехал. За короткое пребывание он мало мною изучен, но, в общем, производит впечатление человека со старыми традициями.

Крынин.
17/V1-39 г.». ⁶¹

На том же допросе 21 июня 1939 года в ответе на вопрос «какие Вы имеете напечатанные труды под своим авторством?», почему-то не прозвучало упоминание о главном его произведении – поэме «Янгал-Маа»: «Ответ: Имею следующие напечатанные труды: книга «Оленеводство» издана в гор. Чите в 1922 году, брошюра «Туземный вопрос ДВР» издана в гор. Чита в 1922 году. Книга «Современное состояние туземных племен ДВК» издана в 1922 году в г. Чита, брошюра «Тунгусы-Орочены Забайкалья» издана в гор. Чита редакцией газеты «Забайкальский рабочий» в 1925 году, брошюра «Послерусский вогульский эпос» издана в гор. Новосибирске в 1924 году издательство редакции журнала «Сибирские огни», книга «О приросте некоторых Западно-Сибирских туземных племён» издана в гор. Ленинграде в 1925 году редакцией журнала «Северная Азия», повести «Кержаки» и «Изгнание Аланго» изданы в 1929 году редакцией газеты «Беднота», роман «Городок на Каве» издана в 1938 году в гор. Новосибирске, редакцией журнала «Сибирские огни», книга «Северное оленеводство ДВК» издана в 1933 году в гор. Хабаровске Дальгизом и брошюры «Происхождение оленеводства и «Тунгусские всадники» из-

⁶¹ Там же. – С. 85.

даны в 1936 и 1937 годах в гор. Хабаровске редакцией журнала «На рубеже».

Кроме этого изъяты рукописи при моём аресте:

1. «Северное оленеводство ДВК» курс лекций для средних и высших учебных заведений

2. «Оленные тунгусы Забайкалья»

3. Роман – не закончено «Чалдоны».

Протокол записан с моих слов верно и мною прочитан.

Допрос окончен в 16:00 часов.

Допросил: Старший Следователь с/ч УНКВД млад, лейтенант Гос. безопасности (Петров).⁶²

Таким образом, Плотников не упоминает о «Янгал-Маа». Не свидетельствует ли этот факт о том, что поэма оказала роковое влияние на его судьбу? *Напомним ещё раз*, как её «объективно» оценивает современный исследователь Сергей Пархимович: «На фоне <...> восторженных оценок поэмы «Янгал-Маа» журналистами и литературоведами особенно заметно безразличие фольклористов и этнографов. Обычно исследователи ценят каждую подобную крупицу информации, но «Янгал-Маа» их не взволновала. Может быть, по каким-то причинам это произведение выпало из поля их зрения? Нет, дело не в этом. По крайней мере, в 30-х годах этнографы и фольклористы откликнулись на выход в свет поэмы. Правда, вскоре полностью утратили к ней интерес. Причина проста: профессионала трудно обмануть...»⁶³

А, может быть, причина кроется в другом? В 1938 году и до них дошёл слух об аресте автора «Янгал-Маа» и они затаились из-за боязни прослыть пособниками опального

62 Там же. – С. 74.

63 «Как слово наше отзовется...» Сб. докладов и сообщений, посвящённых 70-летию издания поэмы М. П. Плотникова «Янгал-Маа» и 75-летию со дня рождения М. К. Анисимовой. – Ханты-Мансийск, 2003. – С. 32-33.

автора? Статья-то обвинения была политическая, да и расправа с участниками Казымского восстания была у всех ещё на слуху.⁶⁴

Это предположение ещё ждёт своего документально-го обоснования, но косвенно в его пользу говорит уже то, что после своего освобождения из заключения Михаил Павлович через три года создаёт новую редакцию поэмы, пытаясь внести исправления, соответствующие «партийному» мировоззрению того периода. Возвращение к поэме,

64 Вкратце напомним, в чём там было дело. Власти затеяли сооружение культбазы и насильно заставляли местных жителей вывозить лес для постройки, так поначалу дело добровольное стало обязательным для всех, грозя карами за неисполнение своих обязанностей и нарушения сроков вывозки. Такого «крепостного права» не было даже при царе. Затем уважаемых людей – шаманов и тех лиц, кто давал подработку за деньги, а не бесплатно, как советская власть, лишили избирательных прав.

Самых трудолюбивых и заботливых о своих оленьих стадах хозяев – середняков и кулаков – решили задавить налогами. Им давались заведомо невыполнимые задания и сроки по сдаче рыбы, пушнины, дичи и оленьих голов при этом были самые, что ни на есть минимальные! Из-за этого шла ежегодная убыль стада у коренных жителей. Возникла угроза, что население вообще останется без оленей. Изменение размеров налогообложения было главной причиной Казымского восстания.

При этом план ввоза продовольствия не выполнялся, местное население просто-напросто голодало, а за сданную продукцию вместо продовольственных и промышленных товаров насильственно выдавались облигации государственного займа, которые к тому же не погашались. Особенное возмущение вызывали цены на товары в отдалённых лавках, которые находились в верховьях Казыма, поскольку товар там был значительно дороже.

Другой причиной восстания являлся принудительный сбор детей для обучения в школе-интернате. В начале 1930-х годов практически всё население Казымской территории вело кочевой образ жизни, его страшила мысль: выучившись грамоте, дети забудут родной язык, не вернутся обратно в стойбища. Доходило до того, что по указанию председателя Казымского туземного совета в качестве залога, требовавшего отдать детей в школу, у населения стали отбираться ружья, и это становилось ещё одной причиной голода для больших семей. У населения сформировалось отрицательное отношение и к школе, и к советской власти в целом. В довершение всех бед в школе-интернате вспыхнула эпидемия ветряной оспы.

В следующем году часть населения потребовала снизить налог, насильно не собирать детей в школу-интернат, отпустить арестованных, тех, кто больше всего возмущался новыми порядками. На выполнение требований дали месяц. Протест осложнился тем, что жертвой неповиновения пали пять человек, ибо «бог требовал смерти русских»: их задушили верёвками. Опергруппа ОГПУ провела карательную операцию, молва к весне 1934 года разнеслась по всей округе. На подавление восстания из Москвы были отправлены аэропланы, которые позволили провести операцию по задержанию мятежников в короткие сроки. В итоге 11 человек приговорено к расстрелу, 3 оправданы, остальные получили разные сроки тюремного заключения, откуда вернулись не все.

29 декабря 1993 года прокуратура Тюменской области рассмотрела дело о Казымском восстании 1933–1934 гг. В реабилитации 49 его участникам было отказано.

конечно же, не случайность, а понимание важности работы, как своеобразного итога своей творческой деятельности. 21 ноября 1946 года было написано несколько иное напутствие автора к своей поэме, отличающееся от публикации 1933 года. Во-первых, в нём не упоминается, что сказитель-манси Кутоня, от которого были услышаны сказания, былины и песни манси, являлся шаманом. Во-вторых, в новой редакции появляется «оптимистическая», идеологически выдержанная фраза о том, что «манси дождались богатыря-освободителя, но он пришёл не в образе музыканта с берегов таёжной Ксенты, а в виде русского многомиллионного пролетариата **под непобедимым знаменем партии Ленина – Сталина**» (жирным шрифтом выделена фраза, которой нет в первой редакции «Напутствия» – М.Р.).⁶⁵

Итак, поэма «Янгал-Маа» в новой редакции дополнена и переработана автором: добавлена и новая глава, которой не было в академическом издании – «Аргаш Ленина» («путь Ленина», «путём Ленина», как поясняют сноски автора). Стала поэма от этого лучше или хуже – отдельный разговор. Важно, что Михаил Павлович вернулся к своему главному труду – и это, прежде всего, означает, что произведение «Янгал-Маа» для него являлось не литературной мистификацией, «которая до сих пор дурачит даже научных работников», а чем-то гораздо большим. Впрочем, история и этот спор рассудит...

65 Журнал «Лукич», ч. 2 (12), 2000. Переплёткин Ю. И. Многолюдная «тундра». – С. 17.

«СКАЗКОТЕРАПИЯ» АННЫ КОНЬКОВОЙ

Погружаясь в мир мансийских сказок, которые собрала и выпестовала – и тем самым дала вторую жизнь – «бабушка Аннэ»: Анна Митрофановна Конькова, я с благодарностью вспоминаю эту писательницу. Так случилось, лично встретиться с ней не довелось: она ушла из жизни в 1999 году... Однако её сказки в какой-то мере отражают её жизнь – непростую, но достойную, духовно связанную со своим народом. Сколько мифов слагалось об истории развития нашей страны, пока мансийская девочка росла и взрослела. На первый взгляд – обычная судьба человека из народа: окончила туземную семилетнюю школу, а затем Остяко-Вогульское (ныне – педколледж в Ханты-Мансийске) национальное педагогическое училище в 1937 году. Затем более тридцати лет отдала педагогической деятельности в школах Березовского, Сургутского, Ханты-Мансийского районов, почти 20 лет посвятила дошкольной воспитательной работе в окружной столице. Профессионально литературным трудом стала заниматься в зрелом возрасте, с этого же времени произведения народной мансийской сказительницы и писательницы переводятся на ряд европейских языков.

Первые опубликованные тексты Анны Митрофановны – быль-рассказ «Васька» и сказка «Колыбельная вечерины» (1976).

Исследователи фольклора манси (вогулов) отмечают: исполнение устных народных произведений требует большого мастерства. Анна Митрофановна была сказительницей большого дарования, унаследовав этот дар от своей бабушки. Ос-

мыслив, всё услышанное в детстве, она стала создавать свои художественные произведения. Благодаря такой доступной форме, поскольку в основе сказки – развлечение, а потом уж поучение, она познакомила читателей с историческим прошлым народа манси восточного региона – кондинских манси – их бытом и культурой. Наследие бабушки Аннэ – необычная «мансийская энциклопедия». Педагогический дар превосходно соединился с даром рассказчика. Люди попадали под обаяние её голоса, покоряясь художественной манере вести с ними разговор...

Выйдя на пенсию, Анна Митрофановна много общается с литераторами, этнографами, финно-угроведами, фольклористами, учёными из Эстонии, Венгрии, Германии, Франции, Англии. Для молодых прозаиков и поэтов коренных народностей Севера общение с нею становится своего рода творческой лабораторией.

...После досрочного окончания педучилища девушка отправилась по распределению в одно из национальных сёл. Спустя годы мансийская сказительница вспоминала, как на шатком челне-обласке добралась до далёкого стойбища. Курились синим можжевельным дымом крытые кореньями юрты. Её окружили люди в одеждах из шкур. С облегчением поняла: говор их близок языку сородичей из Конды. Но не сразу жители доверили ей детей: слишком молодой она им показалась. Поэтому, прежде чем сесть за учительский стол, юная Аннэ много дней работала вместе с женщинами рода, плетя рыболовные сети, выделывая узоры на меховой одежде. Потом участвовала в загонной охоте на лосей – празднике пёстрой стрелы. Вечерами у ярко пылавшего костра рассказывала она пельымским манси родовые легенды и мифы и тем самым приобрела уважение у них. Сама Анна Конькова происходила из рода Чаек, появилась на свет в селе Евра, где издавна жили рыбаки и охотники. Дед её был сборщиком податей и хранителем родового капища, а бабушкой была известная в округе сказительница Околь. Анна Митрофановна вспоминала: «Сказки, которые я рассказываю,

родовые наши сказания сохранила память моей бабушки. Матерью Матерей звали в стойбище бабушку Околь, а Мать Матерей – это высокое звание мансийской женщины».⁶⁶

С детства Аннэ запомнились её слова-пожелания, обращённые к реке: «Счастья тебе, вода! Живи вечно, родительница жизни, пусть будут икряными жители твои рыбы, поилица и кормилица наша Евра!»⁶⁷ Старая и мудрая Околь кланялась реке и та, казалось её маленькой внучке, тоже в ответ ласковым плеском волн дарила благодарность за добрые слова...

Много интересных сказок и легенд поведала бабушка внучке, укладывая девочку спать: о солнце, что ночует на перине молодого болота; о луне, которая чистит песком до блеска звёзды; о приключениях белого оленёнка – всего и не упомянуть, но многое цепкая память всё же сохранила, поскольку детская душа открыта для родовой памяти – познания вглубь себя. Сказочное слово будит воображение и окружающий мир воспринимается творчески, ибо в природе и рождается сказка! Земные и небесные силы обращаются к человеку, как к живой частице Земли и Вселенной, изменяя представление о мире с помощью логики песни и притчи. Устное народное творчество нельзя себе представить без синтеза цвета, звука, запаха, которые связаны с художественными образами. Всё это в детстве воспринимается интуитивно, включая свои механизмы познания окружающего мира.

Потом, когда Околь не стало, часто Аннэ виделось, как брела по просторам Югры Золотая баба Сурненне со взглядом бабушки. Наверное, тогда и дала себе клятву Анна Митрофановна донести до своего народа сказки женщины, сердце которой всегда было переполнено любовью. Чего только не пережили бабушка Околь и весь мансийский народ, если столько важного и дорогого сердцу запечатлено в сказках, что передавались от поколения к поколению

⁶⁶ Конькова А. М. «Сказки бабушки Аннэ». – Екатеринбург, 2001 г. – С.8.

⁶⁷ Там же. – С. 5.

из уст в уста! Потом сказительница и писательница признается, дружившему с ней тюменцу Александру Мищенко, будущему лауреату двух Всероссийских литературных премий, автору 50 книг и члену Союза писателей СССР: «Не все сказки дожили до светлого времени. Многие умерли, погибли, замёрзли в снегах и во льдах, в тёмных стенах жизни. Теперь летят мои сказки, сказки родного народа по радиоволнам, дают им жизнь печатные машины».⁶⁸

Да! Действительно сказки бабушки Аннэ стали для детворы крылатыми!

В Ханты-Мансийске она поселилась в 1946 году. Работала в детских садах, школах города. Более тридцати лет отдала она детям.

С 1976 года сказки Анны Митрофановны стали активно печататься в окружной газете «Ленинская правда».

В 1981 году вышел сборник «Огонь-камень», изданный в Свердловске. А ещё через год выходит первый в мансийской литературе роман «И лун медлительных поток», написанный Анной Митрофановной в соавторстве с тюменским прозаиком Геннадием Кузьмичём Сазоновым, лауреатом премии Тюменского обкома ВЛКСМ, членом Союза писателей СССР с 1971 года. История рода охотников манси в книге тесно переплетена с народной мифологией и историей Югорской земли. Роман выдержал два переиздания – в Свердловске (1990) и в Москве (1994). К тому времени Анну Митрофановну приняли в Союз писателей СССР.

До этого отдельным изданием выходили «Сказки бабушки Аннэ», а затем, в 1993 году, благодаря американским нефтяным компаниям «Эксон» и «Мобил», книга была переиздана. Позже «Сказки» выходят с рисунками московской художницы Т. Васильевой, а в 2001 году в Екатеринбурге изданы с иллюстрациями школьников посёлка Талинка (г. Ня-

⁶⁸ Там же. – С. 7.

гань). Книга Анны Коньковой «Вожак Ивыр» – миниатюра, изданная к её 75-летию, была любовно проиллюстрирована народным художником Геннадием Райшевым, и, не успев выйти, стала библиографической редкостью.

Последнее прижизненное издание Анна Митрофановна назвала «Свидание с детством» (Москва, 1996). Произведения переводились на английский, венгерский, польский, чешский языки.

Сама она не предполагала, что сказки станут основным делом её жизни. Но своим русским учителям литературы и языка была благодарна всегда за распахнутые двери в страну знаний. Как она сама вспоминала: книги не просто читала, а, словно в волшебные двери входила. В педучилище любила все предметы, а русский язык, литературу – до самозабвения. В те времена «партийность» пронизывала все виды социалистического искусства. Газета «Советское искусство» 10 января 1938 года в заметке «Сокровища фольклора» сообщала об интересных находках, представленных на выставке фондов Литературного музея в Москве. Автор отмечал: среди образцов советского фольклора почётное место занимают прекрасные песни Сулеймана Стальского «Товарищу Сталину» и Джамбула «Песня о Сталинской Конституции». Вряд ли молодая выпускница туземного училища, посланная по распределению учительствовать в один из районов округа, думала о карьере «партийного» фольклориста, однако, привитое педагогами уважение к устному народному творчеству – сказкам, загадкам, преданиям и легендам манси – не только сохранила, но и приумножила, собирая, где только возможно, сокровища устной речи.

Уникальность находок Анны Митрофановны как раз и заключается в том, что они знакомят маленького читателя с мудрым мансийским народом, с его легендами, убеждениями, обычаями, мечтой о светлом будущем. Однажды она написала в одном из предисловий – обращении к маленькому читателю слова о своём видении миссии на-

ционального писателя: «Два десятка сказок в книжке. Иные звучат как размеренное повествование в долгие зимние ночи, другие – совсем короткие рассказы о лесных зверях и растениях – друзьях человека. Но все они – об истории народа манси, его культуре... Долгими зимними вечерами записывала я сказки и легенды своей деревни, своего народа, чтобы рассказать их тебе».⁶⁹

Нельзя сказать, что Анна Митрофановна сама выдумала эти сказки. Как и нельзя сказать о том, что её сказки – целиком образцы мансийского фольклора. Золотая середина заключена в донесении до нас из глубин времён той части мансийского эпоса, которая только выиграла в переложении и авторской обработке бабушки Аннэ.

Исследователь и собиратель мансийского фольклора Иван Авдеев, принимавший участие в экспедициях на Север Югры ещё в 1933–1934 годах, во введении к книге «Песни народа манси» отмечал: «Сказочник и песенник не только передатчик, но и поэт, изменяющий услышанное соответственно мироощущению своей общественной группы. Кроме того, он творит совершенно новые фольклорные произведения на злобу дня».⁷⁰

Заслуга сказочного творчества Анны Митрофановны заключается в том, что её произведения принадлежат к тем памятникам мировой культуры, которые возникли на стыке двух художественных традиций: устной и письменной, фольклорной и книжно-литературной. У разных народов в разное время, в зависимости от их внутреннего развития, происходило слияние этих двух традиций, книжность обогащалась мощным влиянием фольклора – и благодаря этому на свет рождались новые художественные явления.

Все народы до появления у них письменности жили в течение веков и тысячелетий в мире устной культуры, пере-

69 Конькова А. М. «Сказки бабушки Аннэ». – М.: Мария, 1993. – С. 3.

70 Авдеев И. И. «Песни народа манси». – Омск, 1936. – С. 21.

дававшейся от поколения к поколению в форме мифов, преданий, песен, сказок, верований. Но рано или поздно наступал момент зарождения письменности и книжности – у одних народов они появились несколько тысячелетий тому назад, у других – несколько веков, а кто-то только в начале пути. Есть народы, у которых ещё нет развитой книжности, а, следовательно, и достойного литературного языка. В современном мире можно встретить тысячи языков, а, следовательно, многократно увеличенное число их носителей. Есть среди них ещё много таких народов, которые именуются бесписьменными или младописьменными. Поэтому их устное культурное наследие представляет весьма актуальную ценность.

Совершенно естественно, что основой и питательной почвой для развивающегося художественного языка и самой литературы у того или иного народа становится его устное наследие. Причём на ранней стадии письменный язык может иметь ещё очень узкую сферу применения – и грамотных людей мало, и книги издаются редко. Но в результате сложных общественно-культурных процессов, особенно в периоды формирования наций, роль литературы возрастает, равно как и роль фольклора.

Для мансийского народа и его интеллигенции XX век стал эпохой исторического самопознания и национально-культурного самоутверждения.

Сегодня мы отдаём себе отчёт в том, что даже для крупных и развитых народов опасно впасть в историческое беспамятство, забывать о своём прошлом, допускать искусственные разрывы в преемственности национально-культурных традиций. Тем острее такую опасность осознавали представители относительно малочисленного народа – манси. Пробудившийся интерес к собственному прошлому и этническим корням, собирание древних мифов, преданий и песен, изучение диалектов родного языка и языков родственных народов, выяснение своего места в огромном многокультурном и многоязыковом

мире – всё это становится чрезвычайно важными формами национального самопознания. Именно в таком смысле понимала свою задачу Анна Митрофановна Конькова. Конечно, она не была одинока. Мансийские писатели, филологи, народные просветители, собиратели фольклорного наследия донесли до нас послание из далёких мифологических времён, как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Их благородный труд воспринимается, как символ национально-культурного возрождения, как убедительное доказательство правомочности народа манси занять своё достойное место среди других народов и народностей.

Человек творит для общества. Может прерваться род, но труд человека, воплощённый в общественное дело, может пережить его физическую смерть. Страшнее смерти для представителей естественных народов изгнание из общины, отъединение от богов, которым человек передал право распоряжаться своей свободной волей. Зародившееся понятие священного, проявление которого философ культуры, историк религий Мирча Элиаде предлагает называть термином «иерофания»,⁷¹ всё более укрепляется в мифологическом сознании человека.

В первобытном сообществе делается попытка соединить горний и земной миры, и, таким образом, дотянуться из «мирского» до «священного». Именно в последнем,

71 Иерофания (от греч. *ιερός* – священный, святой и *φανός* – являть) – проявление священного начала в чувственно доступной форме. Понятие это было введено в научный оборот Мирче Элиаде для обозначения фактов религиозного опыта, содержанием которых выступает наглядное восприятие явленности священного. В традиционных культурах священное обнаруживается в поклонении особым предметам – деревьям, камням, небесным светилам и прочему. В христианстве и индуизме учение об иерофании получило глубокую разработку, на основе которого сложились своеобразные стороны религиозного культа и искусства. Уже архаические культуры допускали возможность явления священного в человеческом существе; объект иерофании при этом получал статус харизматического лидера. Представления о высшей форме иерофании развиты в христианском учении о боговоплощении, в индийской концепции аватар и ряде других древних и современных систем. Специфическим видом иерофании выступает акт явленности священного в душе человека.

таинственном, наблюдается проявление «высшей» реальности: она обозначена в предметах, казалось бы, обычных, но представляющих собой «иерофании» и потому являющимися объектами поклонения (вспомним мифы, сказания и предания, а также народные сказки, где действуют священные деревья, камни, холмы, водные источники, – которые сами по себе внешне ничем не отличаются от подобных им реальных объектов). Разница лишь в том, что у священных предметов непосредственная реальность с помощью мифологического общинного сознания преобразована в сверхестественную реальность. И вот уже в сказочном фольклоре появляются различные шапки-невидимки, сапоги-скороходы, ковры-самолёты и волшебные помощники. Первобытное общество догосударственного уровня пытается, как барон Мюнхаузен, вытянуть себя за волосы из болота обыденности в священный мир. Отсюда попытки, насколько это возможно, жить посреди священного. Ведь для древнего общества оно обозначает дополнительное могущество – и без него нельзя представить бытие того времени с его реальностью, незабываемостью и эффективностью. За примерами далеко ходить не надо, достаточно обратиться к героическому эпосу любого народа.

С выходом книжки для детей «Сказки бабушки Аннэ» в московском издательстве «Мария» прошло три десятка лет, и за это время аудитория читателей только прибывает, поскольку сказочное творчество писательницы воспринимается, как своеобразный «срез» мифологии, фольклора, культуры. В один поток, действительно, нельзя вступить дважды, но то, что сделано бабушкой Аннэ, по эстафете переданное ей ещё тогда, когда она была внучкой бабушки Околь, а той – другими поколениями сказителей, теперь продолжает жить в нашем сознании, как образец мысли и чувства, которые по своей народной природе не могут быть привязаны к определённому пространству и времени. Вот поэтому взаимодействие литературы с фольклором – не односторонний процесс.

Наблюдения над современным устным творчеством показывают, что не только оно влияет на литературу, но и словесность – на фольклор. Только один наглядный пример. В сказке «Бедный человек, определённый Торумом», услышанной Евдокией Ивановной Ромбандеевой⁷² от матери – Марии Дмитриевны, высказывается нравоучительная народная мудрость: человек, не воспринимающий добро, наказывается отлучением от него – «глупого ума был человек, в нужду он и попал», «у бедного человека больше ума». Здесь же мы встречаемся с ослепительным образом – «божьей бумагой» – снежной дороги, по которой осуществляется движение героя сказки. «Божья бумага» вызывает в сознании не только снежную белизну, но и чистоту. Конкретные определения снега, как непорочного, упавшего с неба, рисуют чистоту помыслов божественного замысла о человеке, его деяниях и судьбе. Так путь героя, назначенный ему Богом, становится «божьей бумагой» – начертанной судьбой, причём в её «начертании» принимает активное участие сам человек.⁷³ По следам, оставленным им на «божьей бумаге», можно получить безошибочные знания о человеке, как личности, точно такие же, какие получает опытный охотник-следопыт, внимательно изучающий повадки зверя по оставленным на снегу отпечаткам.

И это только один пример, как в народной сказке переплетается конкретное и обобщённое, рождаются образы-символы. Воображение человека не в силах придумать такое, что кардинально выходило бы за рамки самой жизни и её законов. Так или иначе, мы вынуждены подчиняться

72 Эта женская сказка – произведение устного народного творчества народа манси – представлена в собрании шестидесяти двух мансийских сказок, подготовленных к печати с комментариями доктора филологических наук Е. И. Ромбандеевой. Они вошли в состав 35 тома фундаментальной серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» Института филологии СО РАН. Уникальность этого издания заключается ещё и в том, что более двух третей мансийских сказок публикуются впервые.

73 Подобная мысль уже высказывалась на заре христианской эры не только писателями-богословами (например, Аврелием Августином), но и древнерусской литературной классикой, проповедовавшей читателям христианские добродетели.

им, поскольку бытие каждого из нас характеризуется повторяющимися реакциями на возникающие обстоятельства. Со временем реакции крепнут, кристаллизуясь в устойчивые программы, которые, в свою очередь, взаимодействуя между собой, определяют более длительный и устойчивый тип поведения человека в мире. Так выкристаллизовывается то, что принято называть «сценарием жизни» – судьбой. Благодаря «сказкотерапии», мы обретаем уникальную возможность безболезненно подняться над тем, что стало для нас неприятным или навязчивым. Вера в сказку и собственную интуицию позволяет без особых огорчений миновать жизненные препятствия всякого рода логически аргументированных общественных запретов, цель которых подчинение государству и лишение личной духовной свободы. Именно причастность к сказке и мифу помогает человеку почувствовать в себе искру Божью, поверить в исполнение своей мечты и выступить в роли творца собственной судьбы.

Кто-то скажет – «грёзы», «пустые романтические ожидания», но как показывает сама жизнь в каждом из нас ещё много творчески непознанного и нереализованного. Вера в чудо, безграничные человеческие возможности – не могут не окрылять, устремляя личность в творческий полёт.

Сказкотерапия, таким образом, даёт нам реальные попытки расширить пределы своих возможностей и по-новому взглянуть на мир, осознав своё место в нём.

И как здесь с благодарностью не вспомнить бабушку Аннэ, рука которой порою сама тянулась к бумаге, чтобы всё записать и ничего не упустить. Благодаря ей, дошедшие до нас легенды и сказания народа манси, помогают любить свою малую Родину уже не одному поколению жителей Югры, бережно относиться к природе, ценить всё лучшее, что есть у каждого из нас.

Сказочный мир писательницы наполнен нежностью, любовью ко всему живому. В нём много вымысла, игры фантазии, но зато сколько наивного очарования и житейской мудрости! Благодаря доброте и волшебству все сказки бабушки

Аннэ со счастливым концом. Никто ещё так пронзительно не писал о детстве человека, как это сделала бабушка Аннэ. На закате своих дней она остро ощутила: ничего просто так не случается – и всё предопределено Божественным промыслом. В минуту её рождения, например, высокий и всевластный Бог засветил слабую звёздочку.

Не каждому дано духовно узреть, как она где-то светит среди многих звёзд. Интуитивно почувствовать её путеводность, увериться в том, долетела она до земли, не попала в августовский звездопад, не скатилась, не сгорела по пути? Бабушка Аннэ поделилась с читателями догадками о своей звезде-судьбе: живу, смотрю на звёздное небо, ищу свою путеводную...

Она от меня высоко, глаза видят слабее, не найдут её, не отличат от других. Я теряю родных и друзей, а сама живу, как будто мне положено прожить за тех, которые не дожили свой срок. Вот и детство своё давным-давно потеряла. Оно ускакало тонконогим оленёнком. Я хотела бы знать, где моё детство затерялось и что с ним случилось? Может, прячется в светлых борах, где загораются брусничные вечерние и утренние зори, где живут белые ночи да сказки старинные? Я всюду ходила, искала, аукала, звала его. Встречалась с глубокими стариками, чтобы они указали мне тропу в детство. Но теперь поняла: что ушло – того не воротить. И сейчас уж не ищу, не плачу. Знаю, что оно не в густых лесах, а с другими детьми ушло. Я слышу, что детство поёт – весело живёт, и жалею, что у ребят эта светлая радость пролетит однажды над их окном или над крыльцом белой чайкой и на прощание помашет ласковым серебряным крылом. Так было, и так будет вечно.

Эти размышления Анны Митрофановны до сих пор волнуют души не только малышей, но и взрослых. Её волшебное наследие ещё ждёт вдумчивых исследователей, и, мы надеемся, помогут раскрыть поэтический опыт народа манси и его дочери-сказительницы, попытавшейся найти в своём творчестве ответы на извечные вопросы нашего бытия.

«СКАЗЫ РОДА ПРАВДИВЫХ ЛЮДЕЙ»
ВЛАДИМИРА ЕНОВА

«В беде никогда не бросайте людей...»

Бывает так: строчки, поставленные эпиграфом к художественному произведению, гармонично и завершают его. Такие литературные явления, конечно, редкость – подобные удачные приёмы в художественной словесности Югры можно пересчитать по пальцам. Но они всё же встречаются. В книге Владимира Енова «Сказы рода Правдивых людей», не случайно одной и той же цитатой открывается и завершается повествование. Она стоит того, ибо смысл её – руководство к действию каждого человека, независимо от того к какому роду-племени он принадлежит и в какую эпоху проживает:

В беде никогда не бросайте людей,
По жизни своею шагайте тропюю.
Впредь будьте честны – и тогда лиходеи
Не сможет грозить вам бедой никакою!

В этих строчках, предваряющих книгу, угадывается проявление высшей мудрости, поскольку при чтении сборника сказов складывается впечатление: ничего случайного в мире не бывает. Подобные книги посланы в наш греховный мир, как оберег из далёкого времени. Есть в сказах определённая символика мудрости веков, рождённая хантыйским фольклором. Когда-то она была ведома только узкому кругу людей, разбросанных по Обь-Иртышью, а сегодня обрела жизнь под книжной обложкой. Мифологические рассказы и сказки, благодаря Владимиру Енову, были заново воссозданы в том виде, который наиболее приемлем для широкого круга чи-

тателей. Для этого пришлось потрудиться над их литературной обработкой и переписать так, чтобы наиболее зримо представить перед нами вольнолюбивый дух своего народа, выстраданную поколениями истину и доброту. В этом автор видит свой долг перед теми, кто окружал его в детстве. Это, прежде всего, близкие после мамы и папы люди – дедушка и бабушка, воспитавшие ребёнка по-хантыйски: в любви к национальной культуре, народным обрядам и обычаям, посреди местных преданий и легенд.

**«Корнями могуч человеческий род, и в памяти
нашей великая сила!»**

Читаешь книгу и зримо представляешь, как маленький Володя, долгими-долгими зимними вечерами напролёт слушает сказочные рассказы своих старших родственников.

Как будто не было, а волшебные сказы
Я слушать готов был всю ночь до утра!

В 1970-е годы фольклорными сокровищами владели и умели поделиться с другими народами ещё многие из стариков-ханты. Те, кто внимал им, свято верили обычаю: знакомиться с преданиями, легендами, сказами лучше ближе к ночи, тогда не выпадут волосы и не потеряется память...

Прелесть вечерних посиделок заключалась не столько в развлекательном характере народных сказок, сколько в знакомстве с житейской философией своего народа, изложенной в специфических художественных образах. Сказка являлась национально-духовной лабораторией, где выплавлялось народное мировоззрение, пробуждавшее интерес к собственному прошлому. Уже тогда, наверное, шустрый и светловолосый Володя, услышав от старших первые наставления о выборе жизненного пути – «по душе и силам» – решил, когда придёт своё время, испробовать себя на литературном поприще.

И вот этот момент настал! Его очередную книгу характеризует история, которая называется «Ай Ас ики и его дочь Айнэ». В этом сказочном повествовании по неписаному закону жанра побеждает добро. Всё произведение излучает его, убеждая нас в неоспоримой истине: в народной памяти должны оставаться только хорошие люди. Об этом свидетельствует и название сказки, в котором не нашлось места злой мачехе и её ленивым дочерям, оставшимся безымянными. По тому же закону таким плохим людям ни один народ не посвятит своих песен. Эту истину ещё раз напоминает нам Владимир Енов, утверждая, что оставаться добросердечным к ближнему – предназначение Человека на все времена, а злым и подлым никогда не будет места в людской памяти – разве что их образами будут пугать непослушных детей!

Ещё одно наблюдение, касающееся художественной детали, как свидетельства достоверности повествования. Читая рассказы нижевартовского писателя Валерия Михайловского о героях хантыйских селений, которых автор постоянно навещал, будучи по профессии врачом, поражаешься тому, как описываемые автором собаки, лаяли совершенно по-другому, нежели в русских деревнях. Эту деталь запечатлел и автор «Сказа рода Правдивых людей»: в его повествовании пёс тоже необычно подаёт голос: «Вов-вов, вов-вов!»

И как здесь не вспомнить слова Александра Сергеевича Пушкина, утверждавшего: в сказке присутствует нечто большее, чем выдумка – это намёк на реальную жизнь, урок «добрым молодцам». Кто из нас не помнит первые сказки, услышанные из уст родителей, бабушек, дедушек, нянюшек? Как бы обеднела духовная жизнь и воображение каждого, если бы в раннем детстве нас не познакомили с добрыми, борющимися за правду героями и поверженными в поединке с ними злодеями!

Сказка – первичная модель поведения, своеобразный кодекс чести, которую надо беречь смолоду. Пролог, открывающий книгу Владимира Енова, не случайно получил название «Рассказы жителя Машпаны (Памяти моего деда

Т. И. Енова)». Так проявилась вынашиваемая многие лета благодарность за переданный опыт, заботу и мудрость. Ничего, что она запоздала: лучше поздно, чем никогда выразить признательность за науку мудрости! Здесь, наконец, ключ к заветному ларцу народных сокровищ и приглашение приоткрыть его.

Но памяти свечи судьба не задула,
Я помню те давние детства года:
Немного чадит на столе керосинка,
Степенный старик на кровати сидит... –
Почти наяву оживает картинка,
И дедушкин голос сквозь время летит!
Хочу записать, чтобы знал мой народ
Рассказы его – из Машпан старожила.
Корнями могуч человеческий род,
И в памяти нашей великая сила!

Стихотворный «Пролог» Владимир Енов доверил перевести на русский одному из хорошо известных читателям поэтов Югры – Павлу Черкашину: тот к тому времени повидал немало, освоив кроме гражданской науки и военную, пройдя боевую практику в беспокойной Чечне.

Таким образом, к «Прологу» оказались причастны трое – его герой, внук Владимир и русский поэт-переводчик...

«Я в памяти много событий держу...»

Когда знакомился с книгой «Сказы рода Правдивых людей», от её автора Владимира Енова пришло письмо по электронной почте:

Уважаемый Михаил Михайлович! 24 января 2013 года в Государственной библиотеке Югры прошла презентация моей первой книги «Сказы рода Правдивых людей», написанной по мифологическим сказкам народа ханты. С самого начала

я писал эти небольшие произведения на родном языке и публиковал их в окружной газете «Ханты ясанг» с 2001 по 2007 годы.

Но это меня не устраивало, так как сказки, восстановленные мной по памяти, могли прочитать только те, кто владеет хантыйским языком. Тогда я решил переводить их на русский язык и печатать в региональном журнале «Югра», в газете «Литературная Россия», в журнале «Мир Севера» и в разных русскоязычных изданиях финно-угорских республик России. В редактировании переведённых мной из хантыйского языка на русский текст сказок, легенд и преданий большую помощь оказал бывший ответственный секретарь Ханты-Мансийского отделения Союза писателей России Николай Иванович Коняев. Он научил меня, как лучше написать вступления к сказкам, избегать употребления неоправданных в тексте повторов действий героев, излагать свой рассказ простым и доступным для читателя, но в то же время эмоционально красивым языком.

И сегодня, когда вышла моя первая книга, я продолжаю работу над другим своим сборником сказок. Поэтому хочется выразить слова искренней благодарности наставнику по перу, редактору моих первых текстов, члену Союза писателей России, главному редактору альманаха «Эринтур» Н. И. Коняеву. Крепкого здоровья Вам и удачи на нелёгком творческом пути и пусть у Вас будет ещё больше читателей и поклонников Вашего таланта!

С уважением Владимир Енов, член Союза журналистов России, автор сборника сказок «Сказы рода Правдивых людей» из г. Ханты-Мансийска.

Я знал, что сказки и стихи Владимир пишет и публикует не только на родном хантыйском языке. С 2007 года их можно было встретить в региональных журналах Югры, Ямала, финно-угорских республиках России и в общероссийских изданиях. Всё это только подтверждало: Владимир на верном пути. С 2009 года он – сотрудник литературного университета молодых переводчиков прозы и поэзии финно-угорских

народов России имени А. Е. Ванеева в Сыктывкаре; участник Всероссийского семинара-совещания молодых писателей в Сургуте. Вырастил достойного сына-журналиста, который писал у меня диплом, и сразу же, после блестящей его защиты в Югорском государственном университете, отправился на срочную службу в десантные войска. Сейчас успешно трудится, покоряя всё новые и новые горизонты в своей жизни.

Сам Владимир никогда не чуждался возможности продолжить собственное обучение. Кроме литературной деятельности, он осваивает научную, принимая активное участие в различных конференциях. Являясь автором более двух десятков научных работ, он на тот момент подготовил к защите диссертацию о хантыйской рыболовной лексике в бассейне Нижней Оби Ямало-Ненецкого автономного округа.

Опубликованные в книге сказы, могут рассказываться в любой аудитории, как старыми, так и молодыми сказителями, неважно женщина это или мужчина, поскольку, хотя это и произведения, «написанные по мифологическим сказкам народа ханты», они по сути своей уже не священные, а художественные произведения. А когда-то предназначались для избранной аудитории народа ханты.

Священные мифы-сказки создаются и исполняются мужчинами. Подтекст такого повествования раскрывается интонацией, паузами, мимикой, в том числе хитровой улыбкой, покашливанием со стороны сказителя, но ни на один вопрос слушателей он не даёт ответа.

Несвященные сказки – другое дело. Стиль изложения их совершенно иной, исполнители общаются со слушателями, те в свою очередь реагируют на повествование репликами или вопросами. Есть даже своеобразный этикет восприятия подобных сказок.

Во-первых, их нужно слушать внимательно.

Во-вторых, по ходу изложения слушатели могут вставлять какие-либо одобрительные слова: тем самым они дают понять – все собравшиеся внимают с огромным интересом тому, о чём им повествуется, понимают суть текста.

В-третьих, некоторые сказки имеют сезонный характер исполнения. Когда стояли большие морозы, дети, женщины и пожилые люди находились дома. Сказки помогали им скоротать время в долгие зимние вечера. Пожилые и взрослые мужчины встречались в отдельном избранном доме, женщины – в другом месте со своими дочерьми и малолетними сыновьями. Подростки же, мальчики, являлись в другой дом на встречу к пожилым, весёлым сказочником. Так издавна повелел великий хантыйский бог – Туром...

**«Туром все дела человека видит:
за добро – приветит, а за зло – злом ответит»**

Автор «Сказов рода Правдивых людей» Владимир Енов снабдил книгу научным аппаратом – словарём и комментарием устойчивых выражений, встречающихся на её страницах: как не быть читателям признательными за такую заботу и основательность?

Открываю в приложенном к сборнику словаре нужную страницу и читаю о верховном божестве хантов: «Нум Туром – Небесный Отец, Верховный Бог у хантов реки Большая и Малая Обь и всевозможных небольших речек-притоков. Обские ханты считают, что Бог Туром имеет блестящую железную колесницу, запряжённую семёркой белых коней. Когда гремит гром, то они говорят: «Это сам Туром ездит на колеснице, осматривая свои земли и воды!» А когда вместе с ударами грома начинают резко сверкать молнии, то скажут: «Это наш Небесный Отец сердится, что его кони медленно бегут, и Он хлещет их своим кнутом!»

Сказка сборника «Бедняк и два богача» повествует о божественном вмешательстве в развязку – для кого-то трагическую, для кого-то счастливую. Если сравнивать её с русскими народными сказками, то поражает сцена расправы над зарвавшимися братьями-богачами, презирающими не только тех, кто беднее их, но божества, отвечающие за традиции и порядок. Жестокость духа нижнего мира Хынь ики, под-

чиняющегося Нум Турому потрясает, поэтому «сказочку» детской явно не назовёшь, в ней живут отголоски древних суровых времён, когда человечеству, чтобы выжить, приходилось подчиняться строго очерченной необходимости... Если бы сильные мира сего – наши вожди – понимали, какое наказание, следуя этой сказке, может их ожидать впереди, то не задумываясь, повели бы за собой мир по-иному, безопасному пути... Ибо мудрая сказка – всегда намёк на добрые дела, тем, кто с ней знакомится...

«Сила не в деньгах, а правде...»

Сказ о «Бедняке и двух богачах» полон жестокостей, это отличает древние сказы от развлекательных детских сказочек. Есть они в сказе «Ай Ас ики и его дочь Айнэ» и прочих историях. Но важно и другое – доброта тоже в немереном количестве присутствует в повествованиях Енова. «Юноша-ханты и девушка-мишнэ» – не единичный пример этому: сколько великодушия и широты дарит герой взамен своим гонителям-погубителям. Человек в сказках Владимира Енова поистине звучит гордо! А что же жестокость? Жестокость, как черта характера художественного образа, проявляется в двух ипостасях.

Первое, это когда истинно сильные духом люди могут быть беспощадными вплоть до безжалостности к своим врагам, но никогда не испытывают удовольствие от страданий живых существ, которым предназначены наказания. Сама жизнь неоднократно подтверждала верность такой неотвратимости.

Второе вытекает из первого, когда читатель до конца начинает постигать народную мудрость – истинная жестокость удел слабых и несостоятельных личностей, мстящих за свою неполноценность.

Книга, на наш взгляд, не состоялась бы, если б в ней присутствовали только одни «преступления» и «наказания»: есть ещё и обаяние хантыйской поэзии, им пронизаны многие строки сборника. Сказка «Юноша-ханты и девушка-мишнэ» имеет благополучную концовку. В русской народной сказке

при таком финале наверняка не обошлось бы без известной формулировки: «Стали они жить-поживать и добра наживать». Здесь тоже есть формулировка, но несколько иная: «И до сегодняшнего дня юноша-ханты и девушка-мишнэ живут в любви и согласии. Если на их жизненном пути бросить иголку, то и она на виду у всех останется лежать».

Подобных образных украшений в книге немало. Но, пожалуй, истинной ценностью здесь выступают люди, герои сказок, подвергшиеся различным искушениям-испытаниям. Сила за человеком, исповедующим правду жизни! Гимн не богам, но именно ему звучит в эпилоге «Дедовский завет». В нём рассказывается невыдуманная история, приключившаяся с дедом Владимира Енова ещё в далёкие дореволюционные времена. Однажды он находит чужой кошелёк, набитый деньгами. Напарник пытается соблазнить героя, взять деньги себе, но тот твёрд в своих убеждениях:

– Неправдой – мы только себе навредим,
А с правдою нас ожидает победа.

На постоялом дворе происходит встреча с тем, кто потерял казённые деньги, честным и порядочным человеком, который из-за роковой случайности должен отправиться в тюрьму на долгие годы. И здесь дедушка Владимира Енова протягивает ему найденный кошелёк.

Совесть человеческая порою напоминает валаамову ослицу. Нет, она не забитое существо, протестующее, когда неведомо, а наш истинный поводырь в жизни. Вспомним библейскую притчу.

Валаам, слывший провидцем и предсказателем, собрался, было, по просьбе недруга – царя моавитян – проклясть сынов Израилевых. Волхв запряг ослицу и отправился в путь. И вдруг та свернула с дороги. Жрец стал бить её, пытаясь возвратить на прежний путь. Но ослица легла на землю. Валаам вновь принялся колотить её палкою. Тогда она заговорила человеческим голосом: «Что я тебе сделала, что ты бьёшь меня?» И тут

Валаам увидел на дороге ангела с обнажённым мечом. И всё понял. Ангел стал его укорять за то, что он издевался над животным. Ведь если бы ослица не свернула с дороги, то он убил бы Валаама. Так что ей он обязан своей жизнью.

Так и наша совесть порою спасает не только честь, но и жизнь!

Что тут сказать? Правда восторжествует всегда! Об этом – главным! – книга Владимира Енова «Сказы рода Правдивых людей».

Вообще такие высокие нравственные понятия, как: добро, правда, честь, справедливость и взаимовыручка красной чертой проходят по всему сборнику сказок. Именно поэтому автор в качестве эпиграфа к своему сборнику сказок взял такое четверостишие, о котором уже говорилось – «В беде никогда не бросайте людей...»

«А с правдою нас ожидает победа»

Владимир, как автор, сумел максимально передать нравственный опыт своего народа – природную этику и мораль северян. Поучительность устного народного творчества всегда обретала наиболее адекватные формы для восприятия слушателей. Заслуга автора заключается в том, что он сумел не только записать, но и осмыслить всё переданное ему близкими людьми именно в том формате, который характерен для устных произведений народа ханты.

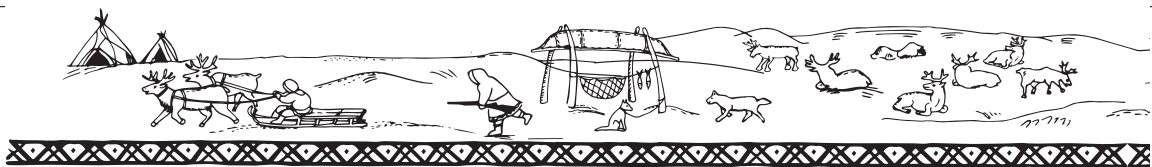
Фольклор существует на протяжении столетий и воспитал, подготовив к жизни с помощью нравственного опыта, не одно поколение людей. Владимир и подобные ему собиратели, литературные обработчики со знанием родного языка, видят свою миссию в донесении до русскоязычного читателя народной мудрости через сказки, легенды и сказания. Для них очень важно, чтобы и другие народы познакомились с бытом коренных жителей Севера, их культурой, относились к иным народным понятиям не только с уважением, но и с такою же любовью, как и талантливые творче-

ские люди – сказители-пересказчики. Важно ведь не только познакомить с традиционной нравственностью былых столетий, но и возродить к жизни её лучшие образцы!

К сожалению, именно таких специалистов народного творчества с каждым десятилетием становится всё меньше и меньше! А надо, чтобы именно эти люди, сохранившие сокровенные знания своих предков, стали занимать видное место в духовной жизни нашего общества. Сегодня пришло время не разбрасывать камни, а по крупичкам собирать бывшие богатства древнего языка, народных традиций, верований и знаний, а также обрядов, что раньше передавались от рода к роду.

У Владимира Енова – хороший творческий потенциал и профессия журналиста, благодаря которой он может пропагандировать мировоззрение своего народа широкому кругу читателей. Главное, было бы движение изнутри – душевный порыв, помноженный на старание и кропотливый труд. Тогда воспоминания детства, рассказы бабушек, дедушек, родителей и талантливых сказителей, встретившихся на пути исследователю и писателю, помогут обрести свою литературную плоть, познакомят нас с тем загадочным миром, к которому когда-то сумел прикоснуться сам Владимир. В этом и заключается любовь человека к своей малой родине, проявляющаяся одновременно в индивидуальном творчестве и следовании фольклорным традициям. Сюжеты; детали; темы доверительного отношения народа к природе и его героизм в процессе выживания на Севере; жизнь в ладу с добрыми духами; преломление мифов в современном сознании; литературные приёмы и художественные средства – всё это не столько подспорье для писательского мастерства, а очевидная художественная перспектива на будущее для автора, взявшего на плечи ношу отражения картины мира своего народа. Остаётся только пожелать ему дальнейших творческих успехов!

«МНЕ КАК-ТО ВСЁ ВЕЗЛО...»: О ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ ВАГАТОВОЙ

Творчество Марии Вагатовой – неповторимый узор в соцветии литературы Югры. Им она пытается противостоять злу, явленному в образах мифологических левиафанов – разрушительной силе, пожирающих слабых и колеблющихся в этом мире.

Для неё, дочери хантыйского народа, важно всегда следовать заветам предков. В связи с этим её труд – продолжение творчества народа ханты, но уже новая его ступень.

Литература любого народа, возросшая на почве фольклора, отражает бытие этого народа и призвана сохранять его идеалы.

Однако ни одна национальная общность не может быть замкнута на себе, как, собственно, и фольклор, родившийся в её среде. Науке известны мировые мифы и сюжеты, где происходит борьба добра со злом. Можно говорить о всеобщих культах, из которых формировались идеалы древних народов. Прежде всего, это – культ солнца – тепла и света. Он как нельзя важен для народа, проживающего на Севере.

В творчестве Марии Вагатовой солнце – некий универсум. В стихотворении «Как бы деревья шумели зелёной листвой» он разрастается до глобальных размеров, становясь символом жизни на земле, её различными проявлениями: корней, земли, любви матери...

Как бы деревья шумели зелёной листвою,
Если б они не имели корней под собой?
Как бы цветы у подножья деревьев цвели,
Если бы не было вовсе земли?
Как бы узнали все люди, что Солнце взошло,
Если б оно не дарило своё нам тепло?
Да, никому никогда эту жизнь не начать –
Дверь в белый день не открыть,
Если это не сделает Мать!
Сердце у матери красного Солнца теплей,
Ну, а забота о детях – бескрайней дороги длинней...
Сыщется ль в мире любви этой доброй цена?
Честь без корысти, которая жизни равна,
Строгая совесть, которая ласки нежней,
Вечная песня, которая смерти сильнее.⁷⁴

Эти строчки Марии Вагатовой были рождены в далёком 1978 году и посвящены её маме. Казалось бы, конкретный посыл, но в нём столько обобщающего для всех матерей сегодняшнего мира. А ещё это обращение к планете, общему дому всех народов!

Будучи старшим ребёнком у Кузьмы Николаевича и Варвары Ивановны (в девичестве Молдановой), приходилось быть во многих хозяйственных делах главной помощницей среди двенадцати детей. Чтобы выжить, был необходим разумный союз не только с природой, но и людьми. Так формировались лучшие качества характера в семейной практике.

Всякий талант неизъясним, но, с другой стороны, когда речь заходит о поэзии Марии Вагатовой, начинаешь понимать, что за искренностью, простотой и правдой её строк не может быть обычной подражательности и литературного везения. Просто она умеет разумно распоряжаться, врученным ей свыше волнующим и покоряющим даром своего народа...

74 Вагатова М. К. Кердан А. Б. Материнское сердце. – Екатеринбург, 2007. – С. 11.

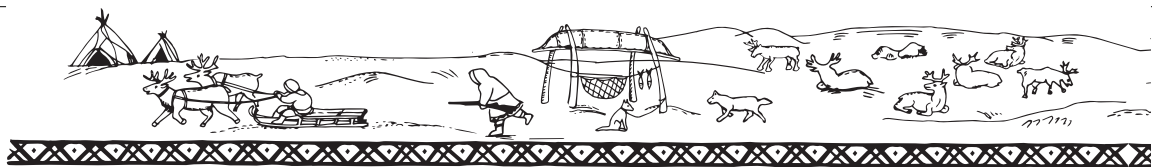
Есть ещё неукротимая энергия передать в авторской трактовке до капельки сбережённое народной традицией творчество всем потомкам народов! Чтобы помнили и любили всех сказителей и художников слова, благодаря которым хантыйская младолитература обрела свою жизнь! Поэзия Марии Вагатовой – творческое воплощение собирательного разума и половодье чувств многих близких ей по духу людей! Стихи возникали, как один из поисков путей к правде, попытки взаимодействия художника со своей аудиторией.

Знакомясь с творчеством Марии Вагатовой, ловишь себя на мысли: как далеко всё-таки шагнула поэзия народа ханты! Раньше народных певцов называли сказителями. Понятие это включало в себя умение не только пересказывать, но и сочинять. В диапазон такого народного поэтического богатства были включены не только героический эпос, песни, сказки и духовные стихи, но и поверья, легенды, были и былички – словом, всё то, что для истинного художника представляет подсобный материал для преобразования устного народного творчества в творчество индивидуальное.

Казалось бы, в фольклоре существуют свои ограничения и клише, но Мария Вагатова использует их никак механические конструкции. Её сюжеты редко повторяются, хотя в них присутствует много общего, но при этом всегда обнаруживается определённое своеобразие – психологическая оправданность образов.

Истина не так проста, как порою кажется... От простого, непритязательного жеста она восходит к общемировым ценностям.

В посвящении «Доченька, доченька» связь между простейшим и сложным наглядно проявляется в четырёх строчках:

Жизнь – дорога сквозь метели,
Время, что тебе даётся.
Пусть же мне не стыдно будет
Дочкой звать тебя моей.⁷⁵

Материнский наказ декларирует высокие и благородные намерения, выстраданные хантыйским народом за многие столетия.

Когда началась война, в детстве Машеньки образовалась брешь. Сама она, сверстники и сверстницы внезапно повзрослели: ведь многие из них остались без отцов, а матери – вдовами. Пустота после отсутствия главы семьи порою была невыносима, но жизнь принуждала и с этим мириться. Мария видела печаль других детей, а ей повезло: отец остался дома, как знатный оленевод. Он был к тому же и превосходным следопытом – знал все тропки и мог отыскать путь домой из любой северной точки. Знал он и о том, где в непроходимых чащобах или иных, неведомых большинству местах, могли скрываться местные бандитствующие дезертиры, не пожелавшие разделить участь большинства мужчин – стать защитниками отечества. Их было мало, но они – были, решив переждать грозные годы в глухомани и тем самым спасти собственную шкуру.

Маленькой Машеньке в начале войны было всего четыре года и поначалу ей казалось, что война, как в сказках и преданиях, сражение одного племени с другим с помощью луков, стрел и копий. Однако, когда она подросла, то ощутила ужас происходящего и людскую трагедию. Пережитое время причудливо отразилось спустя десятилетия в творчестве многозначным символом – святым наказом мужа, уходящим на войну – жене:

⁷⁵ Там же. – С. 13.

Пусть растёт мой сын мужчиной, человеком станет пусть
И пути мои земные дошагает за меня.
Ты отдай тугой мой пояс – он ему придётся в пору:
Будет зверя, будет рыбу по-отцовски добывать...⁷⁶
*(Я ушёл на военную дорогу.
Посвящается не вернувшимся с войны)*

Глубокой символикой пронизано стихотворение «Солдат из камня»:

Для солдата из гранита стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.
Лес зелёный, это – дом.
Но под каменной бронёю бьётся сердце у него,
Что сияет ярче солнца для народа моего.⁷⁷

В поэзии Марии Вагатовой широко используется символика, которая соединяет – единое необозримое пространство окружающих миров и её души. Отсюда рождается понимание, что малое есть проявление большого мира, большой и малый мир взаимно отражаются друг в друге. Вот и красивый женский платок, изготовленный человеком, отражает небо, звёзды, солнце и радуется сердцу:

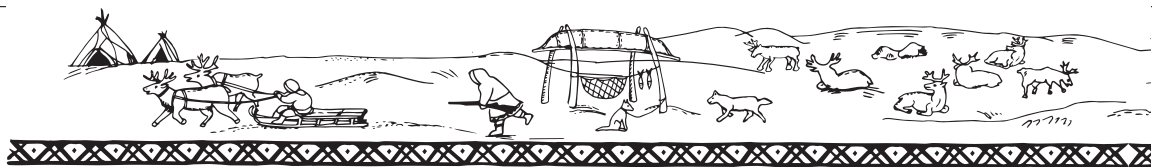
Словно женский платок небосвод,
Солнца лик пламенеет на нём,
Звёзды водят на нём хоровод,
И цветным полыхают огнём
Сотни радуг...⁷⁸

Слово настоящего поэта всегда значит больше, чем есть на самом деле, ибо им можно объяснить не только

76 Там же. – С. 45.

77 Там же. – С. 49.

78 Там же. – С. 33.

конкретное понятие, но и объять, обессмертить беспредельное...

Мой язык, ты стар, как время,
Как народ мой – свят, высок...
Слово каждое, как семя,
Выпускает корешок,
Прорастает в сердце прямо –
Каждый звук упруг, ветвист...
Мой язык, ты добр, как мама,
Как молитва – прост и чист.

Если б я тебя не знала,
Если б слышать не могла,
Как бы песни сочиняла,
Как бы на Земле жила?⁷⁹

(Моё слово, мой язык)

Мария Вагатова своим творчеством перебрасывает мостик из заповедного прошлого своего народа в современный мир реалий, где человек редко удивляется красотам природы и совершенству мироздания, и мало того! – постоянно пытается замахнуться на это чудо...

Персонажи хантыйской поэтессы – люди из другого мира. Оглядываясь на них, Мария невольно вспоминает евангельский завет: «Будьте как дети!», ибо её соплеменники, действительно, – дети Природы. В их сознании начала и концы – едины, и потому мифологические и исторические представления слиты. Люди верят в своё Мировое Древо, ибо, как без корней может шуметь крона и радовать нас новыми плодами? Это только для современного человека мифы мертвы, для исследователей в них – едва заметная грань между искусством и религией, а для народа, которого

79 Там же. – С. 39.

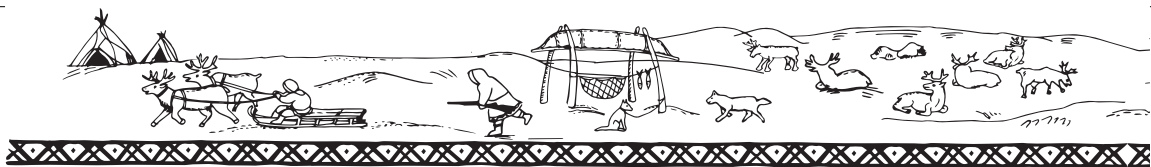

представляет в своём творчестве Мария Вагатова, – это живое переживание, ибо ничто никуда не исчезает, а только скрывается до поры, до времени – и всегда появляется вновь в трудную для Человечества минуту. Поэтому солнце поэзии Марии Вагатовой состоит из добра и света – и она этой радостью щедро делится с читателями.

Народной мудрости сохранения себя в природной среде, а не выживанию в каменных джунглях, приходится с каждым новым десятилетием всё упорнее учиться «цивилизованному» человечеству. Но всякий раз мировому сообществу всё труднее расходовать свои силы не только на единый мощный порыв, но и на малые усилия. Нынешний 2020 год обнажил до последней степени то, что для нас является благом и что стало явным злом, как в широком, так и в конкретном смысле. Дело не только в коронавирусе, унёсшим около трёх миллиона жизней на нашей планете. Мы отделились от Природы настолько, что нет надежды на возвращение в её лоно, – просто, некуда скоро будет возвращаться!

Поэзия Марии Вагатовой убедительно указывает на самое дорогое и значительное в жизни, призывая отказаться от нежелательных соблазнов, всего, что нетерпимо, невыносимо и неприятно для большинства из нас – с чем нельзя никогда смиряться!

Если сравнить международный глобализм с его разумными концепциями усовершенствования мирового будущего с мудростью маленького хантыйского народа, то выигрыш будет не в пользу необъятной мировой величины – и Давид всегда победит Голиафа! Достаточно только вспомнить историю о том, как библейский царь Соломон решил спор женщин о дитя, на которое претендовала каждая из них. Глобализм готов разрубить всё живое во имя своих мифических благ, как того библейского ребёнка. Ханты мыслят совсем иначе: они как раз готовы и пожертвовать правами родства ради сохранения жизни на земле. Люди, представляющие культуру этого народа, постоянно призывают мировую общественность присоединиться к их голосам в защиту окру-

жающей среды, ибо важно не спорить, а заниматься делом спасения Югры и других замечательных регионов нашей страны, да и самой планеты от уничтожения всего живого на земле и в океане. А международные корпорации тем временем добираются уже до космоса...

Эту озабоченность своего народа и пытается донести до каждого Мария Вагатова. В этом напряжённом противодействии гибели жизни на земле раскрывается сила её поэзии, где обнаруживаются привлекательные черты лирической героини – жизнестойкость, верность народным традициям и сила духа. Стихи Марии Вагатовой создают образ северной женщины, исполненной мужества и сдержанности, хотя её лирическая героиня вовсе не лишена эмоций.

То, что отстаивается в этой борьбе – природного с цивилизацией, – в действительности касается не столько достижения материальных благ, сколько духовных устремлений. Люди должны жить в согласии с природой, а не наживаться на ней, принося её в жертву материальным выгодам. Иначе земля станет территорией, а народ живущей на ней – пришлым населением...

Не отдельные, подкупленные с помощью золотого тельца личности, а сами народы должны быть хозяевами на земле! Именно в этой убеждённости – объединении всех честных людей в борьбе за справедливость! – заключен сгусток воли поэзии Марии Вагатовой:

Пусть несутся дни по кругу,
Пусть меняет облик жизнь...
Крепко взяв за руку друга,
За неё всегда держись!⁸⁰
(«Не меняй руку друга»)

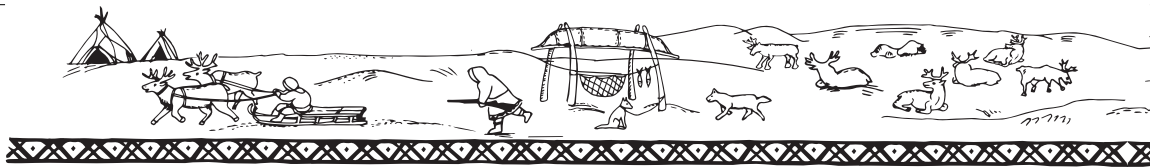
80 Там же. – С. 21.

Всякое осмысление искусства начинается с его оценки. Оценка – непростой процесс, его цель – восприятие нового. У Марии Вагатовой в каждой поэтической фразе есть слова более значительные и менее значительные. В этом нет ничего удивительного. Но её особая система стихосложения, ритмическая певучесть, лирические повторы – всё это образует литературный стиль, присущий её поэтическому дару. В поэтической строке целенаправленно представлены ударные, укрупнённые, объёмные по смыслу слова, которые могут выступать в роли контрастов на фоне обыденной речи. Например, в стихотворении «Только б счастье было!» речь идёт о смене старого года новым. На эту тему написано немало стихов. Но как осмысляется здесь «вчерашний день»? Как важная часть судьбы человека! И просто, казалось бы, на первый взгляд и одновременно сложно, как это бывает в жизни каждого из нас. Старый год под поэтическим пером превращается в образ догоревшей зари:

Он стал для нас уже вчерашним днём,
Но разве можем мы забыть о нём?
Часть нашей жизни, наших дум и дел,
Он, как заря, тихонько догорел.

Далее автором укрупняется новое ударное слово, под которым уже подразумевается новый год. И здесь вновь на себя обращает внимание образ зари, но смысловая нагрузка уже иная – не подведение итогов, а перенацеленность на будущее с помощью целеустремлённого пожелания:

Но завтра будет новая заря,
Взойдёт, блестя снегами января.
С ней новый год придёт – его черёд.
Пусть больше счастья людям принесёт!
Даст крепость сердцу, от беды любой
Пусть отведёт рождественской звездой.⁸¹

Вторая часть стихотворения – продолжение лепки фразы, насыщенной новыми образами, где финал венчается библейским образом рождественской звезды – символом рождения Иисуса Христа и новой эры человечества. Так стихотворение заканчивается, пожалуй, главным словом. Каждая подобная ассоциация, – несомненно, рождает читательскую мысль, переключая её с обыденного на высокое. Эти ассоциации разбросаны в поэзии Марии Вагатовой, как жемчужины. На примере простого новогоднего пожелания, мы видим, как вырастает вечная тема единения людей под путеводной божественной звездой. Внешняя простота стихов, благодаря вызванным у читателей ассоциациям, углубляется. Несмотря на простоту композиции словесной картины, она позволяет задуматься...

Последние строки стиха кажутся скупыми только на первый взгляд: их выразительность для большинства расшифровывается не сразу, но рано или поздно сложится ощущение, что всё дышит только одним символом Вифлеемской звезды.

Есть в обычае хантыйского народа время для сбора в общий круг, где поэтически одарённые натуры исполняют свои личные песни жизни. Каждый, независимо от пола, в течение всей своей жизни зачинает эту песню. Это поэтический рассказ не только – и даже не столько о себе, – но и о том, что встречалось на пути человека. Говорят, людей лучше всего сближает дорога, если под ней подразумевать судьбу и любимое дело. Работа на благо других требует совместного

81 Там же. – С. 51.

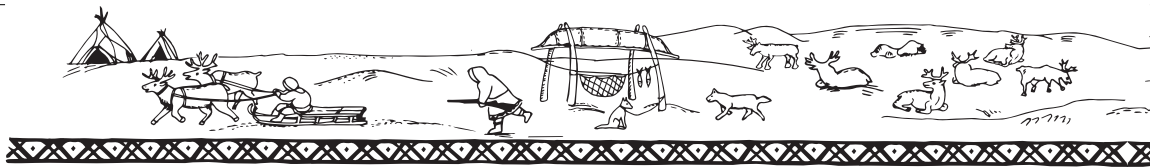

труда, как неотъемлемая часть жизни каждого, поэтому подразумевает общность целей, а те в свою очередь – знаний, которые приобретают ценность лишь тогда, когда прилагаются к выполнению полезного труда. Надежда на то, что каждый из нас пригодится обществу, реализуется в любви к людям и желанием с ними делиться всем хорошим, иначе не получится в ответ получать от других также доброе и полезное. Нравственный закон этот существует издавна и его невозможно нарушить, если хочешь оставаться в глазах своего окружения нормальным человеком. Личные песни жизни – и об этом!

Сказитель обычно даёт оценку не только своим поступкам, характеру и помыслам, но и окружающим его людям. Рассказать об этом певцы считали очень важной задачей, ибо нельзя промолчать о том, что трогает твою душу, берedit сердце и занимает мысли.

У каждой песни, считают ханты, не только своя жизнь, но и слова с неповторимой мелодией. Исполнение подобной песни – своеобразная характеристика её автора. У одних слушатели набирались мудрости, другим – дивились, третьими – гордились. Собрание подобных песен чем-то сродни портретной галерее, где каждая картина имеет свои краски, характер и непридуманную историю появления на свет. Таким именно образом определяется картина судьбы человека, которая несёт духовный свет своим слушателям. Человек благодаря этому не уходит совсем в небытие, но оставляет о себе отблеск знаний в судьбе своего народа.

Восемьдесят пять лет назад в журнале «Советская Арктика» появилась статья Виктории Вячеславовны Сенкевич, исследовательницы песенного фольклора ханты. Анализируя обский фольклор, она подчёркивала: «Безымянные поэты Севера создали и создают поэмы, образности и реализму языка которых могли бы позавидовать современные квалифицированные поэты и писатели. Описание природы и человеческих чувств в северном фольклоре настолько жизнерадостно, полнокровно и прекрасно в своей художественной простоте,

что вполне достойно войти в мировую художественную литературу через творчество северных писателей». ⁸²

У каждого народа – свои художники слова: они очень разнообразны по талантливости, уму, характеру, умению рассказывать. Поэзия Марии Вагатовой обладает незабываемой задушевностью, мягкостью и нежностью тона. Об оригинальном освещении событий, манере использования художественной детали, превосходном владении словесным материалом можно говорить много. Всё это впервые уверенно было продемонстрировано в поэтическом сборнике «Моя песня, моя песня».

В творчестве поэтессы талант сказительницы переплетается не только с талантом певца, но и музыканта, писателя, танцора. Именно языком этих искусств разговаривает с нами Мария Вагатова. А с другой стороны, как бы иначе могла говорить душа хантыйского народа?

Со страниц её книг веет одновременно древностью и современностью. Цикл стихов «Сердце матери», насквозь пронизан духом матриархата, времена которого, казалось, находятся в такой дали от нас, что трудно себе и представить. Но прошлое не бесследно, оно растворено в нашей крови и, если не обращать внимания на его седину, то можно обнаружить много полезного и поучительного для сегодняшнего дня. Например, что представляет из себя наше современное общество без женского созидющего начала? Истоки народной души немислимы без материнской и отеческой заботы предков. Их голоса слышны в песне бабушки-берегини:

О добрый час! И в будни
В душе поёт ручей.
И стала я как будто
Ровесницей твоей. ⁸³

82 Сенкевич В. В. «Фольклор обского Севера» // «Советская Арктика». 1935. № 5. – С. 65.

83 Здесь и далее стихотворения цитируются по сборнику: Вагатова М. К. «Моя песня, моя песня»: Стихотворения, легенды, сказки. – Екатеринбург, 2002. – 192 с.

И вот уже женская обольстительная и миротворческая сила, перешедшая к гордой и красивой дочери народа ханты, поёт в ней голосом её родины:

И не знала я вольней
Тундры – родины моей!

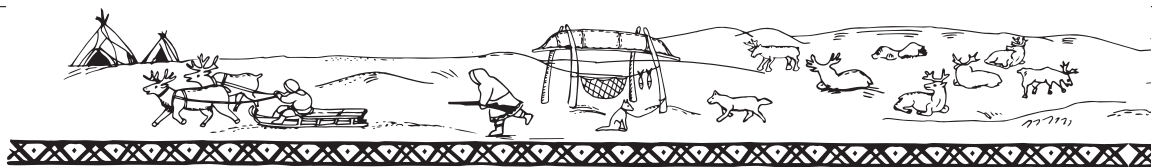
Да, горда и красива героиня Марии Вагатовой! Её ощущение родной природы, как своего истинного дома, волнует и удивляет читательские сердца:

«Войди в мою жизнь – мой дом.
Живи со мною».

Дом героини это – и священное цветущее дерево; и спелая морошка, что выросла вблизи болота, «красно-жёлтым соком налитая». И этим вкусным соком спелой морошки заливается и тает сердце, биение которого нельзя представить вне кустика, листочка, скромного цветочка – и от этого всё ещё более дорого взору, окидывающему с любовью родину-тундру.

На наших глазах девочка-подросток, внучка и доченька превращается в статную девушку, а затем в женщину, которая торит охотничьи пути, воспитывает детей и, не старея душой, превращается в бабушку. Однако, и бабушка она необычная, её энергии могут позавидовать многие молодые. А может быть тайна непокорности возрасту заключается в сакральных знаниях народа ханты о бессмертии своей земли, которую называют мамой за надёжность и сердечность? Этим материнским теплом обладают все женщины – ведь так уже веками заведено:

У Земли и нашей мамы
Схожи древние заботы –
Сердце матери сравнимо
Только с жизнью...

Сберегаемая материнским сердцем, героиня Марии Вагатовой продолжает великое предназначение всех матерей мира – она вдохнула жизнь в своих детей, которые в свою очередь станут мамами и папами у своего потомства.

Всё в себя вбирает её материнское сердце – природу, добрый нрав и ум народа, молитвы о своих детях, тепло Солнца, которое затем отдаёт людям вместе со своими жизнеутверждающими песнями так же необходимыми народу, как материнское молоко только-только появившемуся на свет ребёнку:

Солнце тепло – что матери грудное молоко.
Они равную силу имеют.
Они равную цену имеют.

Образ вечной Матери распространяется не только на женщин из народа ханты: мансийская писательница и сказительница, современница Марии Кузьминичны – Анна Митрофановна Конькова запечатлена в образе героической женщины Аннэ. Сложенное поэтическое сказание о ней – гимн не просто женщине – это «сказ от чистого сердца» о созидательном женском начале на Земле.

Цикл «Сердце матери» – это ещё и поэтический космос. В нём планеты, звёзды и созвездия, галактики и спутники – для каждой частички бытия здесь находится место. Благодарные слова звучат по адресу «матери мужа моего», они воспевают голубое небо – «платок всех женщин Земли», звучат для женщины из Осьюланг, для плясуньи девушки ханты, для людей из хантыйской деревни Вон Ангклумант, для милого Петара, мужа женщины-огонь, для дыхания ребёнка...

Стихи-песни Марии Вагатовой имеют свои стилистические особенности. В основе них лежит повтор звуков, интервала, мелодической линии, архитектурной формы. Порою полный повтор заменяет неполный повтор. Наглядно этот приём демонстрируется в песенном стихотворении

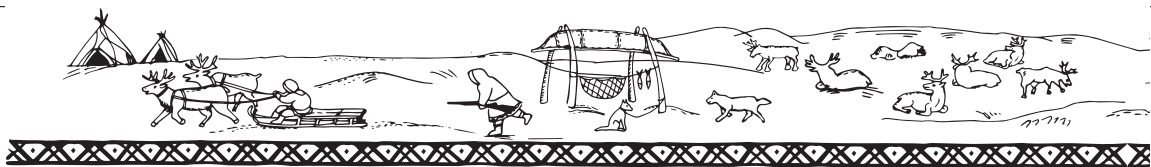

«Молитва матери», которое начинается с неполного повтора и практически строится на нём целиком. Характерно, что этот поэтический приём придаёт поэзии Вагатовой величественность и печальную торжественность: истоки подобной техники, конечно же, в ритуальных хантыйских песнях, поэтическая структура которых основана на том же стилистическом принципе повтора и примитивной понятной симметрии:

Вот столик с едой я поставила,
Вот столик с питьём я накрыла...

В «Молитве матери» мы наглядно убеждаемся, что женская лирическая песня существенно отличается от ритуальной песни исполняемой только мужчинами. Начало «Молитвы», например, «бытовая» ступень параллелизма, в отличие от более «высокой» поэтической ступени параллелизма, основанного на явлениях и предметах северной природы, свойственных ритуальным песням.

Если взять начало другого стихотворения – «Я – женщина, подобная длиннохвостой лисице», написанного по мотивам хантыйской песни, мы видим, что четыре слова повторяются, а предпоследнее заменено сходным понятием. В третьей и четвёртой строках ни одно слово не изменено, осуществлена лишь перестановка местами: первое слово из третьей строки стало вторым в четвёртой строке, а второе из третьей стало во главе четвёртой строчки. Такое бережное отношение к постоянству песенного слова связано с религиозными запретами, поэтому Мария Вагатова к импровизации старается относиться очень осторожно, в отличие от переводчиков её произведений. Для мужчины-исполнителя лучше пропустить фрагмент ритуальной песни, нежели дополнить её своими словами, поскольку изменившего хоть одно слово или звук исполнителя ждёт неминуемая кара. Об одном из таких эпизодов, связанных с посещением северных ханты в Казымском районе на мед-

вежем празднике в июне 1938 года, вспоминает Виктория Вячеславовна Сенкевич-Гудкова.⁸⁴

Стихотворение «Я – женщина, подобная длиннохвостой лисице», если и связана с ритуалом, то очень отдалённо – это песня-впечатление: здесь импровизация-воспоминание переносит часть повадок-умений зверя на образ лирической героини, которые её делают сильной, мудрой и ловкой. Песня достаточно коротка и поэтому не тяжела для восприятия, она не перегружена второстепенными образами, весёлое здесь преобладает над печальным. Эту очень «продуманную», можно сказать, «осторожную», бережливую к фольклорному наследию импровизацию, можно назвать песней-вызовом мужчине, к которому лирическая героиня обращается с именем «Опнась». В этом произведении мы легко можем обнаружить достаточное уважение к зверю, как «младшему брату».

В программном стихотворении «Моя песня, моя песня!» героиня «В ритмах сердца и устно, и письменно» летит в творчестве к своему народу. Для авторской лирики Марии характерны все законы народной поэзии: яркие параллелизмы, являющиеся ведущими в хантыйском народном творчестве, постоянные и непостоянные эпитеты, метафоры сравнения.

...Истоки душевного богатства у Марии Кузьминичны, безусловно, в той стране, в которую уже никогда не попасть – детстве. Отсюда её полёт в сегодняшнее поэтическое состояние души. Говорят, что для полного развития личности необходимо преодолеть несколько уровней сознания. Один из высших – это такое самосознание личности, которое соответствует душе своего народа. В своих последующих поэтических циклах Мария Вагатова показывает, что её героиня и положительным персонажам чуждо замыкание личности на самой себе. Но если даже представить себе человека, исповедовавшего идею сверх индивидуальности, где жизнь

84 В. В. Сенкевич «Некоторые музыкальные и поэтические особенности саамских и хантыйских песен о зверях и птицах». – С. 249-265. В сборнике «Обско-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами». – Таллин, 1980. – С. 254.

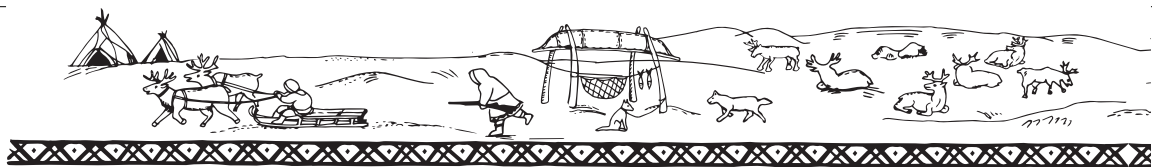
подчинена устремлениям эго, то остаётся только пожалеть о нём, оставшемся наедине со своей смертью. Такая жизнь обесмыслена. Вот почему предостережением таким людям начинается цикл «Харсаюм»:

Нет в вас сердца. Ваша плоть
Сотворит ли кровь живую?

«Харсаюм» – своеобразное продолжение мотивов из цикла «Сердце матери» и одновременно – напоминание и наказ, о том, что:

Всё может случиться.
Сердцем ты это знаешь.
Прямо веди жизнь свою,
Как живут настоящие люди.

В стихотворении «Жизнь наша – извилистая река...», которое может показаться для нынешнего времени весьма оптимистичным (в своей первой части), характерным является восхождение лирической героини не только к своему народу и народу манси, но и к русскому народу-брату. Боль за свой народ, растворённая в поэтических строчках, не упрёк кому-то, а пожелание видеть свою Родину счастливой, обильной одеждой, утварью, «с нашим родным языком, с оленями, с живой Землёю, со всеми людьми на Земле жизнь высоко нести». Дальнейший поэтический рассказ о своём народе можно определить, как трагический и оптимистический одновременно. Об этом мы узнаем не только из поэтического цикла «Харсаюм», но и завершающего поэтическую часть цикла «Хетта» в книге «Моя песня, моя песня». Однако было бы неправильно делать вывод о том, что здесь преобладает грусть и печаль. Общий настрой – не только надежда на лучшее, но важным является обращение ко всему духовному миру, а также ощущение своего «Я», как части всего человечества:

Как живёт моя Земля, как жизнь моя идёт,
Донеси до всех сердец народов мира.
(«Праздник мая»)

Но и это ещё не вершина книги! Подспудно, а не в лоб, в ней говорится об устремлённости к единству со всем живым и неживым, когда всё становится одушевлённым и направляет нас к постижению единства нашего мира. Перед нами открывается не просто мироздание, где спокойно друг с другом уживаются божки и боги, люди и звери... Нет, мы вдруг, попав под обаяние произведений Марии Вагатовой начинаем чувствовать и языческую наивность и христианскую глубину мира, разрушается смертная оболочка между материальным и духовным, возникает такая гармония, которую можно ощутить лишь в Мире Божьем. Вот он, единственный путь спасения в заветном Слове, что дано настоящему художнику от Бога. Пока мы верим – богоспасаемы, пока у нас есть духовные дары, которые чтим, звезда наша не закатится!

Именно об этом и многом другом говорится в небольшой книжке Марии Вагатовой, где культура её народа тесно переплелась с духовными достояниями других эпох и наций – и прежде всего – братской русской! «Моя песня, моя песня» – важнее томов огромных: в ней заключена поющая душа. Без человеческого одушевления нельзя представить феномена культуры любых народов – малых или больших.

Бесспорно, что надо относиться с должным вниманием к тем культурам, которые стали, действительно, основополагающими в формировании современной общечеловеческой цивилизации. Однако не следует забывать и о роли тех народов-творцов, которые ещё несколько столетий назад имели явное преимущество перед носителями тех культур, что сегодня «объявлены» ведущими, например, американской или западноевропейской. По сути, без них – ныне «малых» культур, (хотя, как может быть человеческая культура «малой»?) не было бы нынешней цивилизации и уже в этом

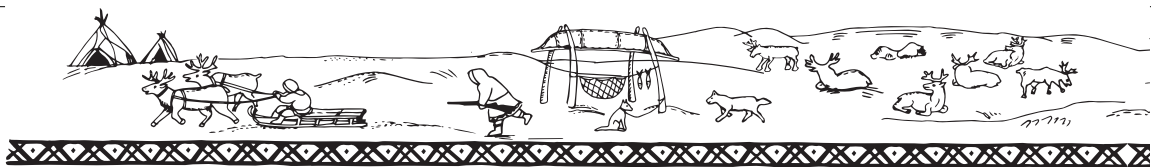

их величие! Сможем ли достигнуть полноценного дальнейшего развития нынешней цивилизации, если забудем об истоках всего того позитивного, что содеяно к сегодняшнему дню?

Конечно, нет. И спасибо художественным произведениям, составляющим поэтические книги подобные книгам Марии Вагатовой. Они не зря сегодня появляются на свет – они помогают нам лучше познавать окружающий мир, ставя первоочередные вопросы, среди которых: «Как познать самого себя» и «Сможем ли мы оставаться в своей культурной и национальной независимости такими, каким нас создал Господь?»

Нет ни «маленьких» культур, ни «маленьких» народов, ибо всё, что представляет человечество, уникально в своей неповторимости, и если этого факта не учитывать, то нас ожидает в скором времени обесцененность общечеловеческой духовности. Культура не может быть перенесена на новую почву, внедрена, а также записана в книжку, уложена на полку, а потом, когда наступит подходящее время, изъята с этой полки и возвращена в действительность. Культура может жить только внутри человека, внутри народа. И творчество Марии Вагатовой только подтверждает эту закономерность.

ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА

Перед тем, как сесть за стол, чтобы поделиться своими размышлениями о творчестве Владимира Волковца, вспомнил одного своего знакомого. В разговоре с ним я коснулся современной поэзии, прочёл понравившиеся стихи. Он в ответ только замахал руками: помилуй, зачем всё это? Разве старых нам недостаточно! Зачем люди мучаются, сочиняют?!

Я задумался. Вспомнил свою студенческую пору, когда нам, будущим филологам, ох, как не просто было достать сборник поэтической классики, независимо от того, был ли автором Пушкин, Фет, Блок, Есенин или Рубцов? В книжных магазинах настоящая поэзия была нарасхват! Но и жизнь тогда была спокойной и размеренной. Чувство уверенности внушала и степенная информационная программа центрального телевидения «Время». Темп вещания дикторов-профессионалов умеренный, – примерно, 80 слов в минуту. Фразы чёткие, укладываемые в сознании. Теперь же иной – бешеный ритм! – в речь современных ведущих укладывается в полтора раза больше слов: 120 в минуту. Что заставляет людей говорить быстрее? Ведь скорость эта бывает порою в ущерб яркости, образности и доходчивости... А сколько мусорных слов проскальзывает с голубых экранов к нам, когда просматриваем очередные новости!

Почему я вдруг вспомнил о былом? Наверное, просто вызвала озабоченность мысль: как на фоне всего этого выживают люди с непреодолимой тягой выразить себя в слове? Святой Августин однажды изрёк: «Для изучения языка гораздо важнее свободная любознательность, чем грозная необходи-

мость». Он, конечно, прав! Новости по радио или телевизору – необходимость, а настоящее творчество, действительно, – любознательность!

Не от того ли истинную поэзию теперь можно отыскать лишь в заповедных местах... Образная, завораживающая художественная речь теперь стала редкостью! Но я верю, это ненадолго, поскольку знаком с творчеством многих современных поэтов, которые своим творчеством вселяют в меня эту уверенность. Один из них – Владимир Волковец.

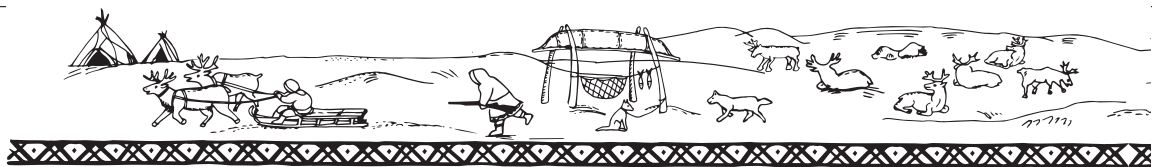
С той поры минуло два десятилетия, когда повстречался с его стихами, но из головы не выходят строчки из сборника «Солнце на подоконнике» (Ханты-Мансийск, 1998). Особенно запала в душу его «Доля»:

Горек и сумрачен путь –
Наша российская доля.
Сила нужна – согнуть.
А разогнуться – воля.
Войны, гонения, власть,
Ссылки и высшая мера...
Горе нужно – упасть,
А приподняться – Вера.⁸⁵

Не каждый наш соотечественник имеет моральное право так говорить от имени народа и не каждый поэт. Владимир выстрадал его своим талантом и знанием жизни. В силу журналистской профессии он общался с представителями самых разнообразных социальных слоёв. Сам он из простой работающей семьи, словом, – человек из народа...

Потому так популярна его поэзия среди простого люда и многие стихи стали песнями, что поются не только со сцены, а строчки цитируются, как афоризмы.

85 Волковец В. М. «Солнце на подоконнике». Стихи. – Ханты-Мансийск: Государственное унитарное издательско-полиграфическое предприятие «Полиграфист». 1998. – С. 53.

Смерти нам не избежать,
А пока живём, то жизни;⁸⁶

Чем непрогляднее час,
Тем беззащитнее.
Боже,
Если простимся сейчас –
Мы не отыщемся больше!⁸⁷

Покорила меня своею образностью и проникновением в суть вещей и эта фраза, на которой взгляд ценителя обязательно остановит внимание:

Постоим, в ладонях разотрём
Горечь настоящего, а дальше...
Разговор по рюмкам разольём.⁸⁸

О незыблемости и предначертанности того, что написано на роду, писали многие, у Владимира мысль эта выражена своеобразно:

За окном щебечет та же птица
Повторяет то же об одном.⁸⁹

Замечателен финал этого стихотворения «Резаная, комканая зелень...», когда привычная картина дождливого ненастья вдруг вырастает в неповторимый художественный образ:

86 Волковец В. М. «Необъяснимым образом». – Советский, 2020. – С. 4.

87 Там же. – С. 11.

88 Там же. – С. 15.

89 Там же. – С. 17.

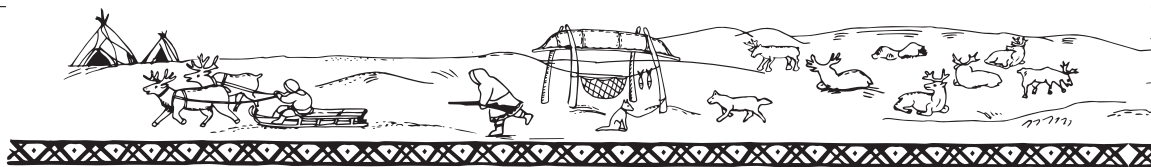
Обступают холодно и чуждо
Сумерки, бывшее бередя...
И круги сливаются кольчужно
На воде от мелкого дождя.⁹⁰

Представил себе зримо эти «кольчужные круги», и сразу же вспомнился Николай Гоголь со своей замечательной фразой из «Мёртвых душ». Она вполне подходит к моим размышлениям об этих стихах, поскольку благодаря ей писатель создал в очередной раз гимнографию нашему художественному языку.

Есть в речевой практике такие устойчивые словосочетания, которые берут начало от молвы народной. Наверное, потому их так и прозвали – «молвушки». По отдельным признакам их можно отнести к пословицам, поговоркам, крылатым словам и выражениям. Как справедливо замечено специалистами-филологами, точной прописки они не имеют, но без этих присловий в устной и литературной речи – просто никуда не деться! В целом молвушки примыкают к пословицам, поскольку и те, и эти употребляются в качестве самостоятельных предложений. Но молвушка более зависима от речевого контекста и приобретает какой-то смысл, если употребить её в виде ответа на реплику собеседника, например, в ответ на предложение – хочешь? – молвушка может отозваться: «Ещё бы!» При ином результате её смысл может измениться: свой отказ она выражает другим, схожим устойчивым выражением – «Вот ещё! Была нужда!»

У Владимира подобных народных выражений разбросано немало среди его поэтических строчек, что свидетельствует об его внимательном отношении к народному языку. Здесь повсюду своя интонация! Благодаря ей поэзия становится многозначительнее. Молвушки

⁹⁰ Там же.

у поэта можно встретить в определённых диалогических ситуациях, разобравшись с которыми, постигаешь их смысловые оттенки.

Открываю недавний поэтический сборник «Необъяснимым образом» (2020, Советский) Владимира Волковца – и в первом же стихотворении «Чёрствым ажуром обтянут сугроб...» – молвушка, в самой последней строчке: «Ну, слушайте, что ли...»;⁹¹ в другом – «Следы на снегу превратились в подмётки» – также встречаю подобные выражения: «ни отнять, ни прибавить»; «была не была».⁹² В стихах с названием «В поезде» обращает на себя внимание словосочетание «сердце об землю»;⁹³ в «Чего-то» – «вроде всё...»;⁹⁴ «В стране без варианта...» – «нет дыма – без огня»;⁹⁵ «во, красавец!»⁹⁶ – в стихотворении «Четыре времени омута»...

Живёт Владимир на Севере, но пишет не только о нём. Иной раз, кажется, сам народ говорит его устами. Хотя к этому понятию сам он относится осторожно, если вчитаться в стихотворение «Вождь».

Толпа желает стать народом.
Народ не хочет быть толпой.
И год от года, год от года
Мрачнее небо над страной.
Растёт чернобыльская яма,
От гари кашляет Урал...
Вождю на митингах упрямо
Толпа поёт: Ура! Ура!
Его слова пьяней отравы
Для тех, кто низок и жесток.

91 Там же. – С. 3.

92 Там же. – С. 6.

93 Там же. – С. 9.

94 Там же. – С. 34.

95 Там же. – С. 35.

96 Там же. – С. 49.

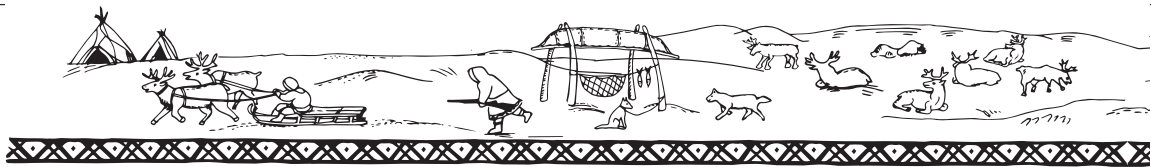
Вожди всегда толпою правят.
Народом правит только Бог.⁹⁷

Сам Владимир не часто обращается к гражданской лирике, только тогда, когда душа не может молчать, и от того стихи его порою переворачивают сознание читателя.

Для того чтобы лечить «социальную» сердечную недостаточность некоторых закостеневших в эгоизме граждан, нужен поистине шекспировский размах! Смешно было бы воздействовать на эмоции людей, если те утратили чувство Родины, уподобившись в речах иноземной абракадабре, совсем игнорируя родной язык. Чем не продолжатели деяний Элочки-людоедочки в отказе от богатейшего духовного наследия? Оскудеваем не только речью, но и умами! Но почему-то об этой стороне творчества Владимира Волковца написано до обидного мало в литературно-критических статьях и рецензиях, неужели такого несправедливого отношения заслуживает его замечательный талант?! Интересно, что первыми эту черту его творчества подметили не маститые литературоведы и литературные критики, а вчерашние школьники. Лет, эдак, двадцать назад, один студент-филолог первого курса выразился по поводу творчества Владимира Волковца: поэт всегда рупор народных совестливых настроений, а не «начальства» ...

Читаешь первое опубликованное стихотворение «Дождь» (1971) и радуешься слогу поэта. Стихи «Дрова» (впервые увидели свет в мае 1979), «Сварщик» (март, 1982) являются своеобразным поэтическим гимном труду; стихотворение «В зелёной картофельной грядке...» (сентябрь, 1983) – ностальгия о том, чего уже никогда не вернуть в нашей жизни: кажется, всего-то один эпизод из раннего детства, а всплывает сразу многое из той удивительной мальчишеской поры.

97 Волковец В. М. «Одно – единственное...» – Советский, 2005. – С. 92.

Стихи Владимира подходят для всех возрастов и уровней восприятий, (если, впрочем, не брать во внимание «клинику» некоторых читателей). Его поэзию можно оценивать с точки зрения элитарности, ибо в ней немало первозданных находок, а не чужих заимствований. Но поэт никогда не станет аристократически кастовым: народная языковая традиция не допустит этого, ибо поэзия не вбирает в себя только один рациональный замысел, отдалённо напоминая искусственный интеллект, поскольку в ней всегда присутствует народная стихия.

Безусловно, большим поэтическим открытием является стихотворение «Ель», появившееся в печати в июне 1984 года. Россыпь ассоциаций! Перед читателями предстаёт сложившийся мастер. Свою величественную образность в описании природы он ещё не раз подтвердит читателю и удивит его новыми обворожительными мирами, благодаря которым подрастающее поколение Югры должно начинать знакомство с родным краем. Такие произведения, как «Ель» и «Болото» непременно должны войти в детскую поэтическую хрестоматию о нашем северном регионе, ибо что же, как не искусство слова способствует духовному и практическому освоению природы? Владимир со своими собратьями по поэтическому цеху раздвигает перед юными читателями границы мира и тем самым помогает осваивать его. Для него после природы главное чудо света – человек. Стихи его мне напоминают поэтические притчи или сказы, издревле связанные с хождением нашей души по миру.

У Владимира исповедальность тона не случайна: лирический герой его доверительно говорит от первого лица, ненавязчиво объясняя увиденные картины природы.

Когда-то для детей Владимир Волковец со своими товарищами пытался издавать своеобразный «букварёнок» о природе – несколько номеров детских журналов. Желание донести до юного поколения мысли и чувства осталось, а денег на издание снова нет! Странно об этом слышать в столь богатом «нефтянно-газовом» регионе, ибо как же «без цветов бу-

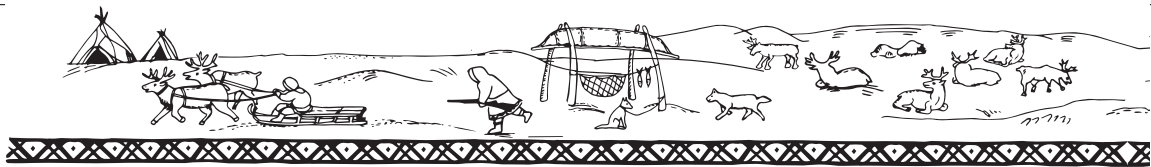
дущего» – наших детей? Владимир и его единомышленники учили их не только добру, но и прививали юным читателям литературный вкус...

Более десятка лет назад стихи Волковца оказались включёнными в школьную хрестоматию Югры, это, конечно, хорошо, но мало! Значение такого духовного воспитания у нас почему-то до сих пор недооценивают – и напрасно! Дети должны размышлять о ценностях жизни, включая туда понятия о Православии, Отечестве, гражданском долге, чести, дружбе и любви, не забывая национальных традиций.

К молодым читателям и начинающим поэтам Владимир всегда благосклонен, если они вдумчиво относятся к своему труду. Поверхности в творчестве мастер не терпит и при всей своей человеческой мягкости очень принципиален к графомании. В Сургуте лет десять назад, участвуя в проведении мастер-класса, я лично наблюдал, как разбирая опусы начинающих поэтов, он рекомендовал к печати в писательском ежегоднике буквально единичные стихотворения – вот это школа! Дело даже не в суровости или жёсткости, а в умении донести молодому стихотворцу мысль о том, что поэтический труд – это не сладостное времяпрепровождение наедине с листом бумаги, а каторжная изнурительная работа – и, прежде всего, над собою.

Стихи пишутся не просто так. Художник, по большому счёту, всегда находится над временем – его творчество должно быть привлекательно для всех эпох и всех народов.

С помощью поэзии Владимир пытается разобраться в себе и судьбе народа, понять, какие «механизмы» движут всеми нами. В его стихотворении «Долгий бег на месте» об этом лучше не скажешь, поскольку, подводя итоги значительной части своей жизни, поэт практически каждую строчку начинает со слова «Жил», а вывод делает совершенно противоположный:

И прожив полвека с лишком,
Вроде бы не жил, вообще.⁹⁸

Почему меня заинтересовало это стихотворение? Потому, что многие из нас могут его отнести и к себе, спроецировать на свою судьбу. Это как горестно-ироничный выдох, но только не одного человека, а большинства из нас, современников Владимира! В произведении проходит перед глазами читателя судьба лирического героя, характеристика его бытия в социуме, где перемешаны «пространственные» понятия (где конкретно «жил») и «оценочные» (как «жил»). Мой слух резанула фраза:

...Жил, чиновного мундира
Не примеривал пока...⁹⁹

В ней определённый смысловой жест и авторская позиция максимально созвучная судьбе своего лирического героя. Не забудем, что строчки эти даны сразу же после явно иронично-горьких иных:

...Жил и верил простодыро
В коммунизм и ЦСКА...¹⁰⁰

«Начальство», по моему собственному убеждению, таких людей, держащих фигу в кармане, не особенно-то и жалует, а от пишущей братии ожидает не критики в свой адрес, а в большей степени заискиваний и мадригалов. На это у Владимира всегда один и тот же ответ: «Не дождётесь!» Если было бы наоборот, то у поэта такого необыкновенного дарования за плечами было гораздо больше полновесных книг, чем их теперь можно пересчитать по пальцам одной

98 Волковец В. М. «Река моя, память-транзит...» – Советский, 2012. – С. 102.

99 Там же.

100 Там же.

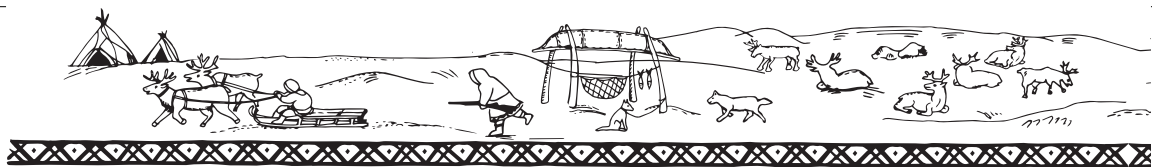
руки. Это не упрёк нашей местной власти, а похвала скромности такому талантливому художнику, которым является Владимир Михайлович Волковец!

Не клонить к долу гордую голову поэта ему помогала журналистика: немалую творческую дань он отдал районной прессе: был корреспондентом газеты «Путь Октября», заместителем редактора, а затем и самим редактором. За его плечами не одно периодическое издание в Советском районе нашего округа. И ему не стыдно глядеть в глаза своим читателям, поскольку он всегда понимал простую истину о своей «районке» – она никогда не потерпит никакой фальши: «...Если в чём-то соврётся, то завтра тебя встретят читатели и выскажут в глаза своё отношение к напечатанному».¹⁰¹ На вопрос о том, что дала ему печать, отвечает сдержанно и лаконично: благодаря журналистике объездил почти все предприятия Советского района, знакомился с людьми и событиями. Газета дала ему не только опыт человеческого общения, но и научила избегать штампов в литературном деле, ценить образный язык, видеть за обычным фактом судьбу человека.

Мысли эти подтверждаются мнением со стороны людей с ним лично не знакомых, но близко принимающих к сердцу его поэзию. Ксения Неверова, тогда ещё совсем молоденькая студентка хореографического отделения Ханты-Мансийского филиала Московского государственного университета культуры и искусства в 2011 году написала об одном из поэтических произведений Владимира Волковца: «Особое внимание привлекло стихотворение «Инвалид». Оно вызвало во мне сложные эмоции: сочувствие и одновременно гордость.

В стихотворении идёт речь о человеке, прошедшем войну. Поэт показывает силу духа героя, храбрость. Вернувшись домой инвалидом, он не потерял веру в себя, не стал жало-

101 «Эринтур». – Ханты-Мансийск, 1996. – С. 237.

ваться на своё увечье и даже приспособил костыль для своей нелёгкой работы:

Ямки выкопал, потом,
Древца держа неловко,
Засыпает сапогом,
А костыль – его трамбовка...¹⁰²

Лирический герой, в прошлом лейтенант, командир, а теперь просто человек, выращивающий деревья, знает, что делает. На своём месте он также служит родине, выращивая новых солдат: «*Одноногих тополят / Майского подразделя* ...»

Эти солдаты в чём-то похожи на него, они одноноги и воюют совсем по-другому, никого не убивая, но, напротив, создавая. Он вместе с этими солдатами выращивает лес.

Строчки стихотворения довольно короткие, будто обрывистые. Автору сложно рассказывать об этом человеке, он сопереживает своему герою, чувствуя его боль с каждой написанной строчкой».¹⁰³

Святотатство обидеть ветерана, не помочь ему в трудную минуту. Владимир Волковец стихотворение «Инвалид» заканчивает не упреком в адрес тех, кто не воевал, (на это есть немало уважительных причин), – он в последних строках намекает читателям на людей чёрствых, пытающихся жить только для себя и забывающих о своём долге перед Родиной, который измеряется не только большими, но и малыми делами... И как совестливо, как не навязчиво поэт говорит об этом:

102 Волковец В. М. «Весенний день осени»: Сборник стихотворений. – Тюмень – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 51.

103 Научный вестник Ханты-Мансийской государственной академии. – № 3-4, 2011. – Ханты-Мансийск, 2012. – С. 114-115.

И опять стучит костыль
И скрипит сапог солдатский.
Стыдно из своих квартир
Выйти некоторым штатским.¹⁰⁴

«Некоторые штатские» – ещё один пронзительный и одновременно ироничный образ из разговорной речи, уместно вплетённый в поэтическую ситуацию.

По мнению бывшего первокурсника журналистского отделения Югорского государственного университета Булата Сабитова, Владимир Волковец несёт свой бесценный дар людям, как Божие поручение, которое нужно исполнить со всей ответственностью.

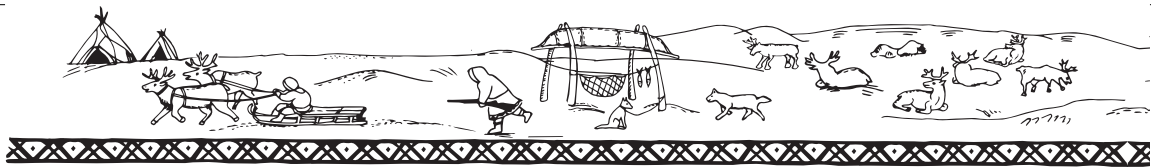
Сейчас в среде писателей появилось немало желающих наниматься к власти имущим в службу. Но для Волковца не деньги главный стимул для творчества, потому-то Владимир Михайлович – бессребреник. Сам Владимир считает, что поэзии без любви не бывает. Только через любовь во всех её проявлениях может возникнуть тяга к поэтическому слову.

Не знаю, как в других городах нашего региона, но в Советском, где газетная рубрика «Творчество» всегда была наполнена разнообразными произведениями талантливых авторов, она стала первым боевым крещением для многих, кто теперь профессионально занимается литературой. Сам Владимир четверть века назад признался: «Я работаю в газете, и вся стихотворная продукция района стекается ко мне. С полос газеты стартовали многие поэты, в том числе и я сам».¹⁰⁵

Благодаря энергии Волковца – профессионала, выпускника единственного в стране литературного вуза, а также лёгкости его руки, в первый номер альманаха «Эринтур» четверть века назад пробилась четверо из Советского: про-

104 Волковец В. М. «Весенний день осени»: Сборник стихотворений. – Тюмень – Ханты-Мансийск, 2008. – С. 51

105 «Эринтур». – Ханты-Мансийск, 1996. – С. 237.

заик Александр Игумнов и три поэта – Александр Губанов, Станислав Юрченко и Александр Загоровский. Сам Владимир в этом выпуске ежегодника писателей Югры выступил в роли автора миниатюр – лирической прозы и, признаться, удивил своей откровенностью тех, кто был прежде не знаком с творчеством прозаика-лирика. Для меня эта проза – продолжение лирической тематики, но уже другими художественными средствами, с той же, неизменной болью в сердце.

Более десятка участников рубрики «Творчество» выбились «в люди» – стали профессионалами. Среди них несколько членов Союза писателей России. С некоторыми знаком лично – Александром Игумновым, Людмилой Ветровой, Станиславом Юрченко, Валентином Степановым.

Нравится мне проза Вячеслава Смоленского, руководителя литературного клуба «Элегия», из соседнего города Югорска. Эти литературные таланты, как их «газетный» куратор Владимир Волковец, считают, что поэзии без любви не бывает и только через любовь во всех её проявлениях может возникнуть тяга к искреннему слову. Иначе написанное не предстанет жизненной правдой. Журналистика научила: в публикации на злобу дня не должно быть ничего случайного, ибо всё подчиненно единому целому, а для этого надо переработать горы словесной руды, чтобы отыскать золотое зерно действительности. Читательское внимание привлекает способ изложения, не каждый может владеть этим искусством.

Но журналистами становятся, а поэтами всё-таки рождаются! Однако одного только вдохновения художнику недостаточно, необходим упорный труд и воля, учёба с постоянным пополнением знаний, и стремление к новым творческим вершинам. Писательское мастерство Владимир постоянно развивает, не уповая только на природную одарённость. Важно не копировать, а выражать творчеством душу, смысл, характер и облик описываемого, его главную сущность.

Помню, в первом выпуске писательского альманаха «Эринтур» меня поразили лирические рассказы писателя своей искренностью и наблюдательностью. «Камушки» – не просто история о том, как, соревнуясь с приятелем, забыв про осенние грибы и ягоды, собирали полудрагоценные камни – агаты, жёлто-красный халцедон и сердолик. Владимира Волковца удивило чувство, которое он испытывал при этом: «Глаза машинально выискивали среди галечника самоцветы.

Я остановил себя, когда вдруг испугался – больше ни о чём не могу думать, только как бы отыскать повеселее сердолик, собрать побольше, стать обладателем целого состояния. Жуткое, противное, невытравимое, влекущее желание. Камни стали сниться, мучить. Мы ещё несколько раз выезжали на то место и возвращались затемно с горстью желтовато-прозрачных, изъеденных временем камушков. И тянуло ещё...

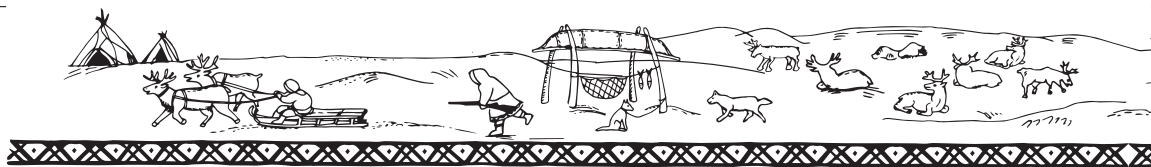
Это чувство прошло, как только выпал первый снег».¹⁰⁶

Ну, что тут скажешь? Это похоже более на диагноз болезни, нежели просто на любовь к природе. Закономерно, что соблазн прошёл с первым снегом – обеляющим всё и вся и в герою победила человеческая сущность, преодолевшая звериную тягу к накопительству. А сколько в ту пору наших, вчерашних советских граждан, поддались зову золотого тельца в «лихие» 90-е!

Незабываем рассказик-быль «Ворона» о похождениях птицы в пивной. Напиши автор всё это просто о человеке, не было бы такого потрясения у читателя, когда одновременно больно и смешно. Что человек с его пьянством у нас в России? Эх, нашли, чем удивить! Ворона, другое дело. Поражает финал повествования о пернатой пьянице: «Однажды мы её перед самым закрытием вынесли на свежий воздух: жалко, сопьётся птица. А утром, проходя мимо пивнушки, увидели её переминающуюся в толпе мужиков, жаждущих «опохмелятора».¹⁰⁷

¹⁰⁶ Там же. – С. 270.

¹⁰⁷ Там же. – С. 272.

О писательском труде обычно судят по конечному результату. Не исключение и творчество Владимира. Но мучительный процесс поиска художественных средств для воплощения замысла в конечный результат тоже не надо сбрасывать со счетов. Есть у мастера из города Советского особенная увлечённость в поисках раскрытия своих художественных образов. В этом и главная загадка творчества: как художник дошёл до тех закономерностей, что нашли отражение в работе со словом и отразились на его замысле, образах и сюжете? Как сумел преодолеть стихийный хаос в самом себе, подчинив его стройной системе?

Один из незабываемых рассказов – «Запой». Для меня он до сих пор – загадка творчества Владимира. От одного писателя я услышал историю о его запойных катастрофах, приключавшихся с ним ежегодно в определённое время. Самым тяжёлым был момент не входа в запой, а выход из него. Знаешь, часто говаривал он мне, когда выходишь из этого состояния небытия, мир кажется совершенно другим: с такой остротой чувствуешь запах леса, вкус воды из речки! Жизнь возвращается во всей своей первозданной красоте, и ты лишь благодаришь Бога за своё воскрешение...

Сейчас это вполне разумный и преуспевающий человек, излечившийся от недуга, обладатель многих литературных премий...

У героя Владимира всё гораздо хуже – навязчивая идея об измене жены, которой обычно подвержены алкоголики, страдающие от неполноценности личности, приводит к катастрофическому сознанию: «навязчивая, самому себе внушённая мысль об измене жены, бессилие и ревность, желание протрезветь и реально оценить случившееся, и невозможность это сделать».¹⁰⁸

Автор использует литературный приём «замещения»: о нерадостной доле супруги, живущей с мужем-пьяницей

108 Там же. – С. 273.

и ушедшей от него после очередного избиения, безмолвно повествует другой персонаж – полуголодная собачка. Она «обходит комнаты, обнюхивает углы, вздыхает. А потом вспрыгивает на кровать и свёртывается клубком под боком хозяина. Чутко взлает, если опять кто-то заглянет на огонёк. Разбудит хозяина, всё более сознающего, что он наделал, всё более молчаливого».¹⁰⁹ На этом, казалось бы, можно и поставить точку, но писатель, даёт своему герою шанс: «Трезвеет человек. Внутри его, где-то под сердцем и глубже начинается сифонить, сквозить всё мучительней и больней гремучая смесь стыда, совести и тоски...

Господи, дай ему силы всё вытерпеть!»¹¹⁰

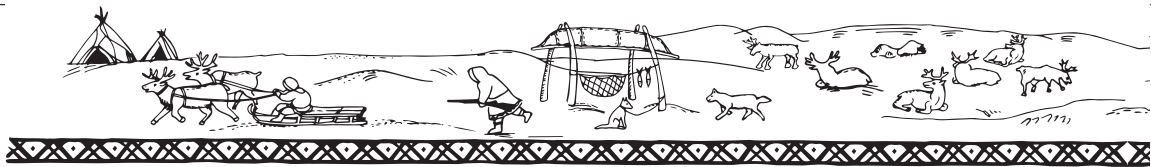
Автор нам поведал не просто историю из жизни человека, а обнажил срез психики в одной из её болезненных фаз. Для этого мало владеть азами, надо знать психологию творчества. А она немислима без знания факторов чисто биологического порядка, которые восходят к психофизиологии данного персонажа.

Важной чертой творчества Владимира является призыв к читателям задуматься о том, что происходит с нами. В его «эссеистском» произведении, венчающем книгу «Река моя, память-транзит...» с символическим названием «Год как жизнь», в первых строчках заложен глубокий смысл – что есть бытие человеческое? Конечно, вопрос этот философский, и за всё человечество на него трудно ответить, точнее, просто невозможно... Однако о своей жизни автор попытался сказать ёмко и образно: «В одной руке – медный пятак 1953 года, в другой – алюминиевая монетка 2003 года. Между этими датами – моя полувековая жизнь. Как она подешевела!»¹¹¹ Такой приём самонаблюдения интригует читателя, которому не терпится узнать, что наиболее ценно для самого повествователя в его биографии, умещающейся в этот вре-

109 Там же. – С. 274.

110 Там же.

111 Волковец В. М. «Река моя, память-транзит...» – Советский, 2012. – С. 111.

менной отрезок? Несомненно, для Владимира литературный труд стал делом всей его жизни. Его спонтанные мемуары-размышления, которые можно вполне отнести к жанру эссе, дышат трагизмом. Художник болезненно относится к тому, что в нынешнюю эпоху творчество не востребовано читателями, как это было ещё несколько десятков лет назад. Внимание современников к выстраданным строкам всегда было проверкой для поэта на значимость его творчества. Обратная связь творца с его аудиторией кроме разочарований, бывает, приносит радости – духовное освобождение и просветление. А как же быть сегодня, когда твоё творчество, не востребовано?

От того Владимир невольно настраивается на исповедальный тон повествования, на серьёзность авторских мыслей и чувств. О чём размышляет поэт в своей прозе? Он интуитивно чувствует, как что-то неуловимо-жестокое уродует сознание и души его соотечественников, деформирует личности граждан нашего Отечества. Люди не просто меняются, они подчиняются велениям незримых кукловодов. Поэт пытается разобраться – кто, как и зачем их обманывает, маскируя ложь под правду?

Когда чеканился медный пятак 1953 года, времени рождения Владимира Волковца и смерти вождя народов Иосифа Виссарионовича Сталина, у нас была другая страна и другая эпоха. Никто тогда не был в состоянии напрячь мозги настолько, чтобы представить, что будет с нами, когда появится на свет маленькая и легонькая монетка из алюминиевого сплава 2003 года, поскольку реальность превзошла все ожидания. Мы стали жертвами манипуляций холодной войны сразу с двух сторон. Нашу линию обороны чужая идеология прорвала не с помощью танков, боевых самолётов, кораблей и ядерных зарядов... Мы понесли огромные духовные потери от нездоровой информационной атмосферы. Всё, что раньше достигалось военными методами, теперь завоёвано исключительно «мирным» путём, а потери от этого ещё страшнее

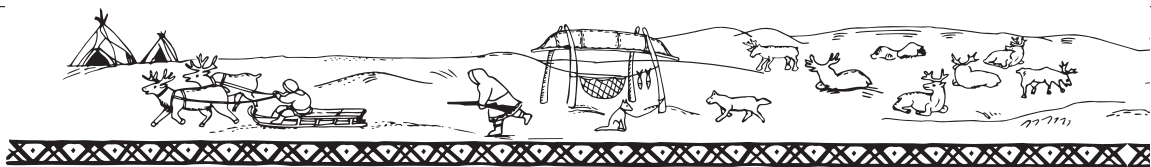
и только у единиц всерьёз мыслящих людей ещё до конца не сломлены дух и вера в нашу окончательную победу. Один из них – Владимир Волковец, не утративший здравого смысла. Но и он с сожалением констатирует: «Как люди думающие, сомневающиеся, радующиеся, грустящие, творящие, созидающие, неповторимые теперь не нужны. Друг другу рассказываем то, что вдалбливает в нас методично и нагло телевидение. Сопrotивляемся этому, но всё слабее, не хватает духу выключить».¹¹²

Такое положение нельзя считать нормальным, ибо современные люди забыли, когда уже с ними случались счастливые дни. Есть такое латинское выражение – *albo días notánda lapílló* (день, который следует отметить белым камешком). Так в античности говорили об удаче и по фракийскому обычаю в Древнем Риме выделяли события белыми, а несчастные дни – чёрными камешками.

Единственный выход – постижение философии творчества. Всё, что происходит с нами – уже давно испытано на себе прежними поколениями в той или иной мере. Нужно просто систематизировать всё лучшее из этого творческого многовекового опыта, уловить то общее, что делает нас похожими друг на друга и сделать для себя соответствующие выводы... Они и будут современным законом для жизни. Главное, не дать сбить себя с правильного пути! У некоторых художественных произведений, которые считаются бессмертными, общего очень много; если из каждого из них выкинуть это общее, то произведение утратит свою цену и прелесть. Суть этого общего проста: художник всегда и ненасытно жаждет свободы, видя в ней красоту и правду!

Исследование творчества Владимира лучше всего начинать не с анализа его творческих замыслов, а с их возникновения. Культура творческого человека, накопленный жизненный опыт, мировоззрение – во многом способству-

¹¹² Там же. – С. 121.

ют постижению сюжетов и композиции, языку и процессу обработки и переработки написанного произведения.

Увы, на фоне заполонившей книжный рынок беллетристики, большинство читателей забыло о том, как величествен труд художника, как полон он глубокого внутреннего содержания. Есть от чего пригорюниться талантливому человеку в нашем отечестве! В цене ныне не талант, а ремесло... Где черпать нравственные силы для сопротивления, чтобы не превратиться в самодовольное и послушное глобалистам быдло? Поэт обращает наше внимание на людей старшего поколения – ветеранов, подобных героям стихотворений «Инвалид» и «Дед».

Если в первом произведении осмысляется всего один эпизод из жизни человека, то в другом автор использует такой литературный приём как предположение. На протяжении пяти четверостиший даётся читателям, как бы «мимоходом», характеристика уходящего поколения, прошедшего через такие испытания, которые, идущим следом за ним, просто не под силу вынести, ибо не фронтовики, а те, кто воспользовался их победой, растратили и распродали всё, что только можно было в нашей стране, а их современники им это позволили... Самая главная утрата сегодняшнего дня – духовность: мы стали бескрылыми и приземлёнными настолько, что рядом с собой видим «не сад в цвету», где «благостно на сердце» («Дед»), а «небритые лица вора, вруна, подлеца...» («Девяностые»). Мы не сумели оказать сопротивление пятой колонне нашей страны – нечистым на руку дельцам, проявляющим нездоровый интерес лишь к личностям имеющим «наличман». Владимир Волковец ставит диагноз себе и подобным ему: то есть тем, кто ещё два-три десятилетия назад находился в большинстве: мы теперь лишние люди! И вряд ли можно нынче оспорить его утверждение: «Как человек, носитель какой-то духовности или знаний, я никому не нужен. Даже грабителю я интересен, как имеющий деньги. Если кто-то вспоминает обо мне, то интересуется подспудно моей пенсией, если кто-то зна-

комится, то гадает, какую пользу можно извлечь из нашего знакомства. И веселимся мы за деньги, и бодем за деньги, и всем другим занимаемся не без корысти.

И постепенно мы становимся тем, насколько платёжеспособны». ¹¹³ Поэт очень верно подметил трагедию нашего века, утрату былой сердечности и открытости, поскольку большинство граждан не замечают собственной нищеты духа... А многие из них идут ещё дальше, готовые переступить через многое ради личного обогащения. Сам Владимир только горько усмехается по этому поводу – бесребриком родился и таковым остался... Поэтому поводу он иронизирует:

Денежное дерево однажды
Подарили мне на торжество.
И теперь я жду когда, когда же
Листопад начнётся у него.¹¹⁴

Если уходящее поколение ветеранов уносит с собой ещё недавно котировавшиеся духовные ценности, то новых образцов для подражания в обществе нет. Такая ситуация сложилась не от того, что в нашей стране стало меньше героев, просто в моде иные конструкции моделей для подражания – увы, такова нынешняя реальность!

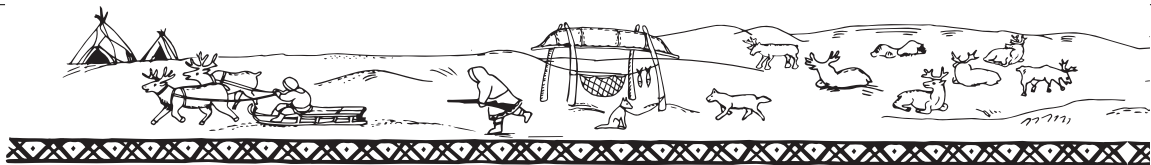
Неужели выхода нет?

Владимир Волковец обращается к вечному, где социум с наступающим глобализмом ещё не властен. Это мир природы. И только тонко воспринимающий всё окружающее художник может сделать такое признание: «...Посмотришь в синь между сосен и неожиданно родным почувствуешь мир, будто не ты в нём живёшь, а он в тебе болит, радуется и переживает от нехватки кислорода...»¹¹⁵

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же. – С. 109.

¹¹⁵ Там же. – С. 128.

Нам, действительно, не хватает кислорода, мы задыхаемся в удушающей атмосфере нашей несовершенной цивилизации и в угоду ей же, недоумки, пытаемся разрушить гармонию всего того, что создано не нами...

По нужде и велению сверху
Рубим сук, на котором сидим...
Долго-долго не видеть просвету
С хамоватым бездушьем таким.¹¹⁶

Большая часть поэзии Владимира – о Природе. Под понятие «Природа» подходят не столько лесные и остальные земные богатства, что кормят человека и не дают ему пропасть, но и весь опыт человечества, запечатлённый в его духовных сокровищах. Не случайно же Владимир обмолвился: «Старею и потому ближе держусь к вечному, к тому, что не подведёт, к природе, земле и любимым книгам».¹¹⁷

...Всё суетно-сутолочное отбрось!
Лес более дух, а не плоть.
И в горсть уместилась
рябинная гроздь,
А кисть костяники – в щепоть.

Любви и доверья,
будь нем, но не слеп,
От нас ждёт народец лесной.
А древние страхи,
ступая след в след,
Пришли, озираясь, с тобой.¹¹⁸
(Ещё вездесущие настороже...)

116 Там же. – С. 43.

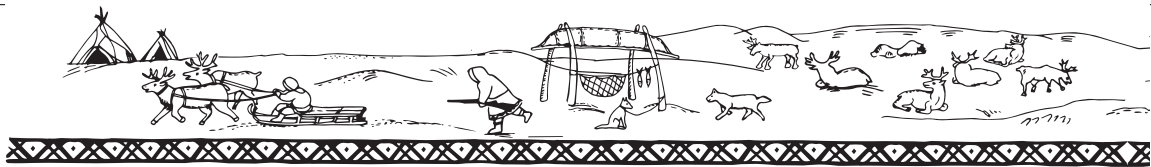
117 Там же. – С. 120.

118 Там же. – С. 17.

Не каждому поэту дана столь тонкая наблюдательность, чтобы при помощи мелких подробностей осеннего пейзажа уловить духовную и целительную силу леса. Владимир Волковец в поэзии не просто художник-живописец, фиксирующий на своих полотнах каждую конкретную деталь. Его картины иного свойства: они пробуждают любовь к России и её таёжным богатствам, они для читателей в словесных образах зримо передают мудрость устройства мира дикой природы. Всё здесь выверено тысячами лет изо дня в день, от эпохи к эпохе.

Человечеству, объятому социальными потрясениями, никогда не постигнуть эту высшую закономерность природного бытия, и только художник такого уровня как Владимир Волковец может попытаться нас заставить обратить внимание на зашифрованный смысл послания к человечеству: отбросить всё суетное и пересмотреть свои общественные интересы. Казалось бы, привычные образы осеннего увядания запечатлены перед нами в обречённых «спиралях паучьих сетей», в смешении красок прелых и ярких листьев «на шляпах молочных груздей», но под кистью живописца-философа именно они вызывают наше благоговение ко всему, что «пришло процветать и умереть». Для поэта, перекликающегося с художником первой четверти прошлого столетия Сергеем Есениным, всё, что воспевается, имеет свою душу и потому для человека всегда живое. Это хорошо понимали древние греки: у них растения, реки, озёра и моря имели душу и своих божественных покровителей. Поэтому в стихотворении «Ещё вездесущие настоroje...» приятно ласкает слух словосочетание «народец лесной», когда речь заходит о природе нашего северного края. Плоды размышлений созревали не сами по себе, а с определённой целью. Мысли художника погружают нас в чудесную сказку, из колыбели которой мы вышли на заре развития нашей цивилизации. Вышли, обожествив по-своему когда-то приютивший нас мир, который ещё долгое время для коренных народов, населяющих его, будет храмом духовной чистоты в отличие от нас, греш-

ных, считающих себя оплотом цивилизации, но позабывших своё далёкое прошлое ради устремлённости к призрачным благам. Поскольку сам поэт Владимир Волковец интуитивно связан народной культурой, независимо от того – городской он житель или сельский, отсюда и его своеобразный поэтический антропоморфизм:

Дерева разговаривают с ветром
Размашистыми жестами вдогонку.
И норовят за шиворот при этом
Закинуть мне то шишку, то иголку.¹¹⁹

Художник потому и художник, что привычное под его взглядом становится необычным. Лирический герой Владимира, выйдя из леса, отправляется домой: ну, что особенного в том, что возвращается он из лесной кладовой не с пустыми руками?

Мне с облаком грибного аромата
Никто не удивился в электричке.¹²⁰

И размышляет он вроде бы ни о чём, – подумаешь, привычный пейзаж мелькает за окном электрички! Но именно он напоминает нам об иной, более стоящей жизни, полной острых ощущений, драматизма и приключений – и, увы, позабытой большинством... Вместо неё – суррогат:

В углу веселье с баночками пива,
В другом – игра в ладонях мальчугана,
У пожилых – обложка детектива
Да переплёт любовного романа.¹²¹

119 Там же. – С. 8.

120 Там же.

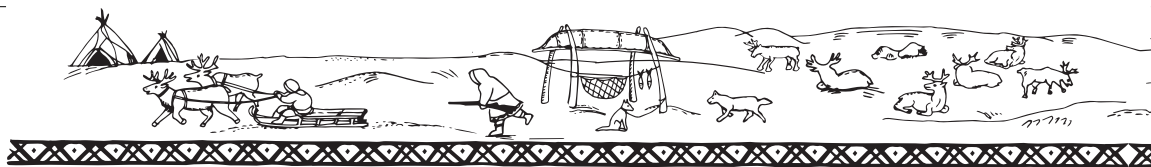
121 Там же.

В чём мастерство детали в этом четверостишье? Первая строка – об искусственном забытии с помощью привычной дозы слабого алкоголя. Почему оно «искусственное»? Помилуйте, каким оно ещё может быть, если в отличие от нашего национального веселья «во всю Ивановскую», затаилось где-то в уголочке-закуточке? Можно возразить: банка химического пива просто убивает время. Но это «убивание времени» пока пассажиры добираются до дома, автором названо не случайно «весельем» – очень уж измельчала русская душа, лишившись былой удали. Скоро-тал поездку с банкой пива в компании случайных попутчиков, вот тебе и всё веселье! Далее фактологический ряд образов, подтверждающий это «обмельчание» рек русского духа. Что можно противопоставить роскоши человеческого общения, кроме веселья с баночками пива в углу электрички? – об этом вторая строка четверостишия. Она – об электронной игрушке, что умещается в детской ладошке: плоды хилой «цивилизованной логистики» подрастающему поколению намного важнее, нежели проносящийся мимо живой мир, где разыгрываются такие сценарии выживания, что ни в одной электронной схеме их нельзя уместить и, тем более, предугадать в какой-либо интернет-игре!

А о том, что настоящую литературу о насыщенной жизни человека заменило искусственное чтиво, говорят третья и четвёртая строки. Книги в руках пассажиров даже не удастаиваются какого-либо объяснения их содержательного уровня: «обложка» да «переплёт».

Неужели человечество настолько проиграло сражение прожорливому глобализму? Нет! Надежда на то, что ещё не всё потеряно, теплится в каждом из нас, едущим в этом символическом железнодорожном составе, что везёт и лирического героя Владимира Волковца. Знаете, в чём она проявляется? – В ощущении героя, что он не одинок. Не выветрилась из сокровенных уголков русской души гордость за своё Отечество, без которой мы – Иваны, непомнящие своего

родства. Надо помнить, надо любить, надо ценить и приумножать былую славу, завоёванную нашими дедами и прадедами. Мы сумеем, мы сможем преодолеть любые трудности, поскольку наше дело правое, а, значит, победа обязательно будет за нами! Поручкой этому всевидящие очи талантливого Поэта, взор которого проникает в глубочайшие тайники жизни народного духа; его сердце, как набат колокола, заставит разбудить ото сна нерадивое человечество, обнаружить недостающую пропажу:

Не на месте чего-то душа...
А душа – как раз это «чего-то». ¹²²
(Чего-то)

Иначе бы поэт никогда не написал оптимистические строки о невыразимо-подспудном в душе своего героя:

В окне средневековые коттеджи
Торчат из среднерусского пейзажа.
И ощущение грусти и надежды
На лучшее растёт и крепнет даже. ¹²³

Финал стихотворения – гимн нашему народу, помнящему ещё на генетическом уровне, откуда он родом и что такое натуральный вкус:

Я очарован нашим захолустьем
И сентябрём берёзово-туманным,
Им нету заменителей «со вкусом
И цветом идентичным натуральным». ¹²⁴

122 Волковец В. М. «Необъяснимым образом». – Советский, 2020. – С. 34.

123 Волковец В. М. «Река моя, память-транзит...» – Советский, 2012. – С. 8.

124 Там же.

Россия во все времена спасалась «провинцией». Пока же, по мысли Владимира, мы выживаем благодаря своей не разъединённой близостью к Природе.

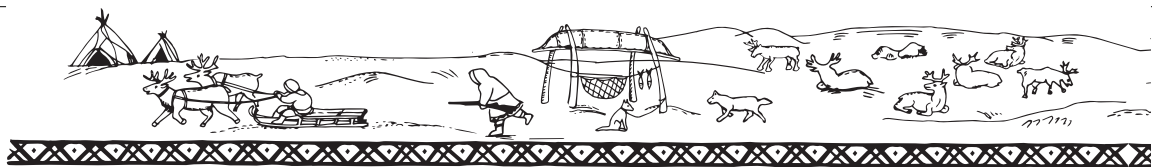
Роль поэта заключена в том, чтобы он стал посредником между всеобъемлющим миром и человеческим обществом. Природа, создавшая нынешнюю техногенную цивилизацию, населённую в большинстве своём жалкими ничтожествами, что в своей гордыне её же, природу, игнорируют, недолго будет терпеть это неповиновение. Но Владимир старается здесь не сгущать краски, действует больше уговорами и советами.

Даже от стихотворенья
С добрым настоем тайги
Может прийти исцеленье
От неудач и тоски.¹²⁵

У Владимира Ивановича Даля, создавшего толковый словарь великого и живого русского языка есть «Притча о дубовой бочке». Рос в лесу огромный дуб. Его срубили. Сделали из дерева бочку. Но бочка по хозяйскому недогляду рассохлась и рассыпалась. Обручи растаскали, клёпки выбросили, а то, что осталось пошло в печь на растопку.

Владимир Иванович символически под дубом подразумевал православного прадеда; клёпки – семья, от мала до велика; обручи – честь, смирение и доброе согласие. Получается, если мы не рачительно пользуемся дарами природы, постоянно злоупотребляя, то у нас не будет содружества с нею, как в большой и крепкой семье! Поэтому, рассуждая об окружающей человека среде, Волковец уже не имеет в запасе того оптимизма 1970-х и 1980-х, который подпитывал его надежду на лучшее в жизни. Теперь, глядя в будущее, поэт испытывает горечь от того, что идущие следом

125 Там же. – С. 7.

за ним младшие поколения не сумеют сохранить для детей и внуков природные богатства нашей Родины, поскольку никогда так цинично и хищнически они ещё не эксплуатировались в нашей стране. Потому-то у поэта есть все основания для беспокойства: вполне возможно, что потомкам нынешних варваров ничего не достанется от былой роскоши лесных даров и речных просторов. Что остаётся в такой ситуации делать поэту? Ещё талантливее острить своё гневное Слово на всех живущих одним днём, избравших для себя девизом фразу: «После нас, хоть потоп!» Владимир Волковец призывает всех равнодушных встать на защиту Матери-Природы. В рассказе «Актуальное», размышляя о том, как все растения на земле уживаются под солнцем, он бросает отчаянный клич: «Вразуми человека, природа!»¹²⁶ Делает он это весьма талантливо. С одной стороны, воспеваает красоту и очарование природного мира, находя при этом броские и неожиданные метафоры, сравнения и эффектные художественные приёмы. С другой, пытается усовестить нерадивых граждан, не задумывающихся о том, что они творят с колыбелью человечества, Природой! Кто-то скажет: многие в нашем обществе на это способны и поддерживают природоохранные меры. Да, это так. Но только такие талантливые художники, как Владимир Волковец, могут сказать об этом своим читателям пронзительно и весомо, а главное – внушительно – о своём протесте. Те, кто потребляет и ничего не даёт взамен, завтра окажутся у разбитого корыта. Они обрекут на безрадостное существование не только себя:

Придёт праправнуково время,
И в Книгу красную войдут
Не только гусь и лось – деревья,
Что нынче с внуками растут.¹²⁷

126 «Эринтур». – Ханты-Мансийск, 1996. – С. 270.

127 Там же. – С. 14.

Поэт подобен мудрецу, который не ищет причин, чтобы свалить на кучку негодяев нерадивое отношение человека к природе, а, напротив, изыскивает возможности помочь окружающей среде и усостить тех, кто наносит ей непоправимый вред случайно или намеренно. Среди них, увы, – многие из нас!

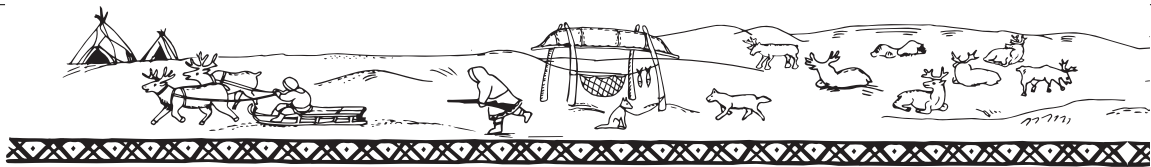
Из Древней Руси к нам пришла одна поучительная история.

В одном богатом городе на рынке участились кражи, а вора поймать никак не удавалось. Страдали продавцы и покупатели. Пришёл люд к одному из мудрейших горожан, бил челом и просил отыскать вора. Тот обещал. Но случилось это не сразу: когда наступил шумный праздник, на многолюдном рынке и появился мудрец, громко крикнув: «Посмотрите, на воре шапка горит!» Сразу несколько человек схватились за свои шапки. Как оказалось, они-то и совершали эти кражи. Когда мудреца спросили, почему он так долго не приходил, он ответил: в любой другой день можно было бы поймать одного или двух воров. А сегодня весь город здесь, поэтому и поймали всех сразу!

Вот бы и нам – раз и навсегда из губителей перейти в ряды Природы, а пока на головах почти каждого горит шапка потребителя, но не воздаятеля...

Поэзия и лирическая проза Владимира Волковца отличается на редкость устойчивым и ясным взглядом на вещи. В его стихах – правда о нас и том мире, в котором большинство из нас не живёт, а только существует. И правда эта выражена рельефно и убедительно, совсем не так, как у многих модных поэтов, что сегодня на слуху неразборчивых читателей. У меня, когда я перечитываю поэзию Владимира, складывается порою такое ощущение, что слова открывают ему душу. Сам поэт считает, что «у слова сердце есть».¹²⁸ Душу открывают обычно родному человеку! Пользуясь этим доверием, художник обращается к нам, своим читателям, с одной про-

128 Волковец В. М. «Река моя, память-транзит...» – С. 87.

стой, но очень важной мыслью: помнить о том, что мы также являемся наследниками великой отечественной культуры, вобравшей в себя все мировые сокровища. Об этом надо не просто помнить, но ещё и быть достойными этого!

У Владимира лирический герой практически всегда вписан в контекст природы. Он, созерцая окружающую картину, утверждает: только природа может стать для нашего общества источником красоты с её неиссякаемой мудростью. Не может быть никакой раздельности человека и этого мира, ибо малейшее сотрясение воздуха так или иначе в конечном итоге коснётся нас или наших потомков. Ни человек, а сам Бог определяет жизнь всему Сущему – и решает, когда она источится. Вечно только само время. Своим творчеством он пытается, как по телеграфу, срочно отослать предупреждение человечеству. Пока прекрасное мгновение можно ещё остановить и продолжить своё пребывание в нём, а дальше может быть поздно! В этом призыве Владимир видит миссию поэта. Он пытается помочь читателю понять, что человек без Природы не сможет существовать, задохнётся от нехватки кислорода, отравится водой из загрязнённых им же самим рек и других источников, не выживет в пустыне, образовавшейся на месте срубленного леса...

Владимир Волковец до конца искренен со своими читателями. Распахивая душу, говорит о самом себе без прикрас, не отделяя от всех прочих. Свой дар он посвящает людям и мечтает не о собственной славе, а о взаимопонимании. Вслед за ним каждый из нас может признаться в том, о чём исповедуется Поэт:

В столе томятся грустные поэмы.
А если не востребует их время,
А внуки – старомодными сочтут?
Тогда чем оправдаешь перед Богом
И пьянство, и скитанья по дорогам,
Бессонницу и горестный уют?

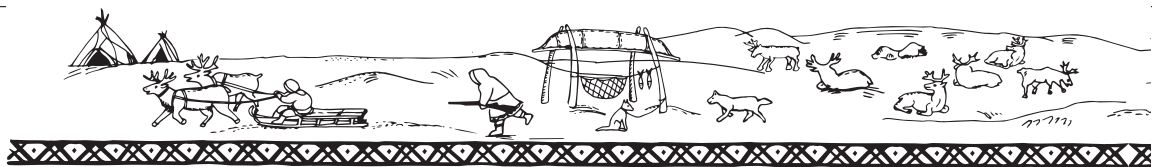

О, как же время всё-таки жестоко!
Но только солнце брызнуло с востока,
Лучами иглы сосен удлинив,
Заставило – какое из мгновений? –
В предчувствии духовных озарений
Тебе уединиться, всё забыв,

В сиянии, миллионами воспетом.
И не понять: на том или на этом
Прекрасном свете, дорогой чудак,
Бормочешь и бормочешь мысль простую,
Что ничего не может быть впустую,
Бессмысленно, напрасно, просто так...¹²⁹

129 Волковец В. М. «Весенний день осени»: Сборник стихотворений. – С. 313.

«Я ПРОПАЛА, КАК СОБАКА...» ИЛИ ЗАЧЕМ НУЖНА ИГРА В «КОШКИ-МЫШКИ» С ЧИТАТЕЛЕМ?

Погодите – не проходите.
Стоит только то, что дадите...

Анжела Бецко «У метро»

Познакомившись с поэзией Анжелы Бецко, я подумал: а что, если бы пушкинская дева Татьяна Ларина также писала стихи, и однажды отправила Евгению Онегину не скромные строки: «...Я знаю, ты мне послан Богом, / До гроба ты хранитель мой...», а, например, такие:

«Бери меня всю сразу, без остатка.
Не разбирай, где плоть, а где душа.
Сладка я, стало быть, со мною сладко,
Бери же без единого гроша!»¹³⁰

Где-то подобное публика уже слышала – в модном шлягере 1990-х годов. Но тогда какой только ахинеи не звучало из подкупленных радиодинамиков и лживых голубых экранов! Поэзия и в самом деле бывает не только глуповата, но и примитивна... Да и поэзия ли это?

Забирай меня скорей!
Увози за сто морей!
И целуй меня везде,
Я ведь взрослая уже!

¹³⁰ Бецко А. М. «В центре круга». – Ханты-Мансийск: Изд-во Юграграфика. 2014. – С. 126.

Честно, не знаю, как бы повёл себя теперь Евгений Онегин – и даже предполагать не стану. А цитирую современную поэтессу только потому, что наши любовные нравы весьма упростились: то интимное, что доверялось только девичьему альбому, ныне тиражируется, как любовная женская лирика. Хорошо ли это, плохо ли? Дело не в этом! Просто сущность женщины на протяжении столетий не изменилась. Она всё также страдает и любит, и хочет в ответ не страсти, а более глубокого и даже романтического чувства. А мужчины скептически видят в женщинах лишь фактуру, подчёркиваемую миниюбками и кофточками в обтяжку да прочими нарядами с глубоким декольте и приталенными покроями... Что делать? Это мужчинам можно быть чуть покрасивее обезьяны, а женщина должна соблазнять и радовать внешним видом своего избранника – незавидная доля!

Но отбросим иронию в сторону. Было бы ханжеством ограничить тему творчества только морализаторскими канонами и в ожесточённой полемике идеалистов с вульгаризаторами, становиться на сторону первых. По признанию Александра Сергеевича Пушкина, «поэзия, <...> должна быть глуповатой». Ах, если бы он жил сегодня среди нас, то окончательно убедился, что он был чрезмерно прав! Во всяком случае, складывается такое ощущение, когда читаешь некоторые строки...

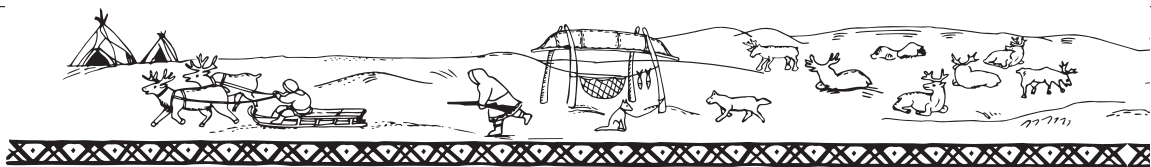
Кто же она, современная героиня?

Если составлять её портрет по сборнику поэзии Анжелы Бецко «В центре круга», то эта женщина, жаждущая любви:

И коль пойдёшь дорогою,
никем не проходимою,
дарую, недотрога, я
себя, чтоб стать любимою.¹³¹

(«Во мне любовь, что солнышко...»)

131 Там же. – С. 125.

Именно такими и должны быть «женские» стихи: о любви, о будущем счастье и, увы, о том, что надежды на него не оправдались. Лирика Анжелы по-своему трагична, как увядающий букет цветов. Сорванные в поле чужой рукой, они порадуют окружающих день-два, а потом... Об этом «потом», собственно, и поэзия Анжелы Бецко. Не может быть её героиня счастливой, поскольку она не такая как все – белая ворона! Для всех наша планета – шар, а для неё круг, переходящий в яблоко, а земля – занавес... Оказаться в центре такого «круга» – то же самое, что и постигнуть лирические откровения Анжелы: ох, непросто!

В далёком 1587 году папа Сикст V ввёл институт адвокатов дьявола: это было необходимо при католической канонизации очередного кандидата в святые – поддерживать сомнения в действительности чудес обсуждаемого лица. Мне не хочется выступать в этой роли по отношению к поэзии Анжелы, но и от назначения меня адвокатом от Бога, тоже увольте! Я всего лишь простой читатель, пытающийся понять непостижимое – мир лирической героини Анжелы Бецко. Одно для меня здесь, несомненно: она похожа на остальных женщин – и не похожа, поскольку есть в ней что-то этакое, меня то ли, как читателя, то ли, как мужчину, «цепляющего» – и от этого иррационализма никуда не деться! Смогли бы вы дать рекомендательные письма такому человеку, если бы он обратился к вам за помощью в устройстве на работу? Думаю, что нет... Необычность, неординарность смущает. По крайней мере, надо быть таким же взбалмошным, как и он сам, чтобы выставить ему положительную оценку. А если вы человек солидный и основательный, то обязательно поостережётесь делать какие-либо далеко идущие выводы, после таких строк:

И ныне и присно
я – чистая медь.
Своей дешевизной
мне звонко звенеть.¹³²

(Музыка)

Поэтическое творчество Анжелы характеризует её лирическую героиню как странную личность. Не до такой, конечно, степени, чтобы показывать в цирке за деньги, но и мимо просто так не пройдёшь – обязательно обратишь внимание. Может быть, печать этой странности лежит и на авторе – не знаю, поскольку лично незнаком, но очень бы хотелось, чтобы в жизни у этого человека было всё в порядке, ибо «женские» стихи ещё не повод для беспокойства. В конце концов, я пытаюсь поведать о своих ощущениях, а не ставлю диагноз, и потому следует понимать, что женское мировидение отличается от мужского, но при этом гораздо глубже в охвате чувствами, нежели разумом. Поэтому не стоит волноваться консервативно настроенным читателям, когда автор отходит от привычной трактовки поэтических образов – сколько людей, столько и мнений! Отступление от канонов – лишь дань поэтической условности, но, как поётся в популярной песенке конца 1970 – начала 1980-х, «точка улыбнулась и стала запятой...» Это я к тому, что любовные пути героини неисповедимы – от любви до ненависти – один шаг! Так начинаешь думать, когда делаешь маленькие открытия в этой «женской» поэзии: месть за поруганную любовь лирической героини не имеет пределов – и вот уже поэтическое воображение превращает поругателя «ничтоже сумняшеся» в червяка. Образ червивого яблока во всемирной лирике не менее древний, чем образ самого яблока, ведущий своё начало даже не с библейских, а ещё с языческих времён. Любовь уже тогда была яблоком раздора, из-за неё воевали друг с другом

132 Бецко А. М. «Бражник». – Екатеринбург, 2017 – С. 14.

целые народы и государства, если вспомнить историю падения гомеровской Трои... А что же сам автор? – взглянул – и мимо, перепрыгивая через этот образ, он уже ведёт своё лирическое повествование далее:

Вестибюль.
Зал. Ряды
кресел. Свет –
зябликом.
Жизнь свою
в стиле арт
проживи
заново.
Прав Шекспир:
мир – театр...
И земля –
Занавес.¹³³

(В центре круга)

Последнее утверждение, что жизнь – театр, банально, но применительно к мысли лирической героини в повелительном наклонении «жизнь свою в стиле арт проживи заново» заставляет на неё взглянуть по крайней мере с интересом: что же за городская сумасшедшая объявилась в здешних краях поэзии, не такая как все? Не знаю, уж как вас, а меня такие поэтические переосмысления не оставляют равнодушным. Многое в поэзии Анжелы наряду с банальным кажется непривычным и даже неприличным для снобов. Но кого-то ведь, может быть, неприятно задевает, коверкает привычные благозвучность и «благообразие». Судите сами!

133 Бецко А. М. «В центре круга». – Ханты-Мансийск: Изд-во Юграграфика. 2014. – С. 71.

В городе снег –
вместо перил,
вместо мостов –
всюду.

И человек
двери открыл,
верить готов
чуду...

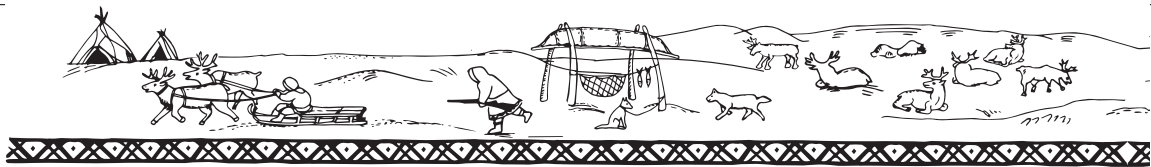
Зимняя стынь.
Белая вязь.
Ангел летит
в руки.

Вышняя синь
не шевелясь
в ясли глядит
в муке.

В яслях дитя.
В небе звезда.
В путь свой волхвы
вышли.

Мать, грустя,
станет седа
и синева
выше.

В мир на «Распни!»,
в мир на «Воскрес!»
послан Отцом
птенчик.

В мире, где пни,
вырастет лес.
Станет венцом
венчик...

Тихо вьясь,
падает снег,
чист, легкокрыл,
вечен.

Чуду дивясь
вновь, человек
двери открыл.
Вечер...¹³⁴

(Рождественское)

Лично мне это стихотворение показалось невероятно длинным, и, если быть точнее, очень уж подробным. Будь я автором, то непременно обошёл бы без строк о том, что «В яслях дитя. В небе звезда. В путь свой волхвы вышли», поскольку это и так подразумевается из «рождественского» сюжета. Отказался бы я, наверное, и от строчек «Мать, грустя, станет седа и синева выше». Ибо есть в Дрездене всемирно известное полотно «Сикстинская Мадонна», где по выражению лица Богоматери можно прочесть гораздо больше, чем написано в учёных трактатах об этом образе за половину тысячелетия после его создания гениальным Рафаэлем. О Мадонне писали Гёте и Винкельман, Карамзин, Жуковский, Фет, Достоевский. Не обошёл её своим вниманием и Пушкин. Во взгляде Матери читается самое высокое, что есть в человечестве и после этого любые слова кажутся излишними...

134 Там же. – С. 7-8.

«В мир на «Распни!» и «В мире, где пни...» – красиво по-цветаевски, но уж слишком по-цветаевски.

Но, возможно, я слишком придирчив, ведь Анжела Бецко только начинает свой путь в поэзии. Насколько он будет успешным можно судить по остальным стихотворениям, где значительная часть посвящена любовной лирике. Лирика эта совсем не приземлённая, хотя и высокодуховной её тоже не назовёшь: в поисках определения мне подвернулось словечко «вертикаль», зацепившись за него, я решил условно назвать поэзию Анжелы «вертикальной» – и этому есть подробное объяснение. Во-первых, поэтические образы у неё имеют большей частью «вертикальные» свойства: её сосны – «...струны. // Сосны – свечи. Сосны – к небу тяготење» («Сосны – струны. Сосны – свечи...»); «Флаги над городом – белые птицы, // взмывшие выше фонарных столбов. // Плещут, полощутся. В небо бы взвиться, // ввысь, к веренице седых облаков» («Флаги»); «Я смотрела на нас с высоты...» («Ты был пьян и безумен слегка...»); «И улетала к небу голова – // всё выше, выше, выше...», «берёзы тонко ветви поднимали // и уносили тело в небеса...» («Мандельштаму»).

В угоду своей поэтической «вертикальности» автор готов даже вертикально «сушить» облака:

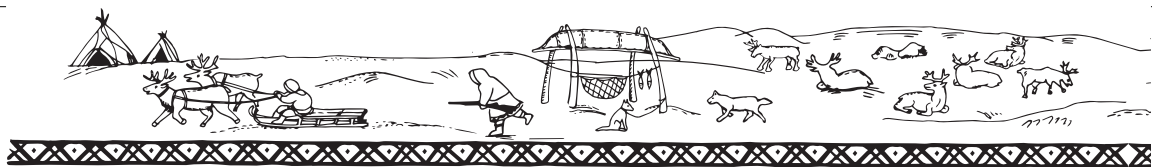
Дождь словно тысячи подков,
дробящих пыльных улиц щебень.

Натянуты верёвки в небо
для выстиранных облаков.¹³⁵

(«Я говорю весне: – Живи!»)

Во-вторых, условно, конечно, к этой «вертикальности» примыкают «высокие» образы «Вселенной», «неба», «любви», «снега» – и это далеко неполный перечень понятий, по-

135 Там же. – С. 10.

добных им, стоит лишь вспомнить многочисленные поэтические вариации авторских образов птиц в небе и в клетке.

В-третьих, на фоне «вертикальности» чётко оттеняется «горизонтальная» – греховная земная тема, осознанность которой не может не захватить читателя до такой степени, что вызывает у него сострадание. Во всяком случае, лично меня пробрали до самого естества такие строчки Анжелы Бецко о своей лирической героине:

*Я пропала, как собака.
Убежала с поводка.
В чаще плюшевого мрака
не найдусь наверняка.*

*Буду пить из тёплой лужи,
ночью выть на фонари,
разгрызая жизнь снаружи,
опостылую внутри.*

*Облохастею изрядно.
(выбирай не выбирай!)
И в конце – во всём парадном –
попаду в собачий рай.¹³⁶*

(«Я пропала, как собака...»)

Лирической героини, сознающей свою греховность, близки «живые» образы: то она – кошка и колдунья («Детали»), то – Лилит, неудачный вариант Евы из ребра Адама («Скользит лисицей огненной фокстрот...»); и это лишь единичные примеры её поэтической многоликости, апофеозом которой является, приведённое целиком следующее стихотворение Анжелы Бецко:

136 Там же. – С. 27.

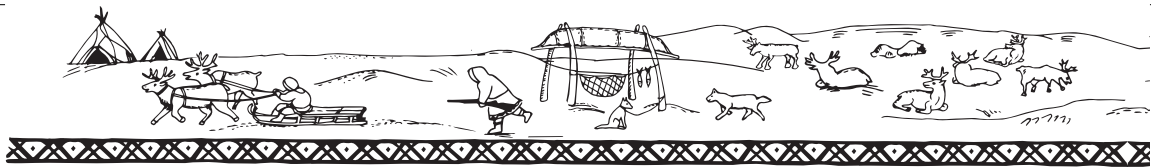

Я не женщина. Я – доска.
Свежеструганая, пахучая.
Я не женщина. Я – тоска,
неуёмная, неминуемая.
Я не женщина – суший мёд.
Потеку по рукам – понрависься.
Нет, не женщина. Гололёд!
Расшибёшься – а не управисься.¹³⁷

Настоящая поэзия всегда гармонична. Вот и наша героиня, переменяя всевозможные маски и позы в той жизни, что является шекспировским театром со своими страстями и потрясениями, пытается отыскать свою «гармонию», примирить «вертикальное» и «горизонтальное», «небесное» и «земное»:

Там много курили и боготворили
напиток в стаканах, что звался вином.
И что-то шептали, и руки сплетали,
и вдруг исчезали в проёме дверном.
И был неприютен и так неопрятен
случайный, неласковый этот приют:
диван из верблюжьих горбов и из вмятин
и зеркало (будто тебя стерегут),
глядящее в мир своим дымным и грязным,
расколотым надвое, мутным зрачком.
А мир и шептал, и сплетал несуразным,
бессмысленным, пошлым, тупым языком,
ютился по тёмным углам за диваном,
из зеркала альтом забытым смотрел.
И был бесшабашным, мажорным и пьяным.
И в деле мажора весьма наторел.
За окнами мира дождь лился безбожно

137 Там же. – С. 62.

и толстые женщины мыли асфальт.
И было поверить почти невозможно,
что этот цедящий мелодию альт,
вонзающий руку свою в чью-то руку,
над ним изогнувшейся гибкой змеёй,
спасёт оба мира, насквозь близоруких,
давно перепутавших небо с землёй.¹³⁸

Мне очень нравится это поэтическое примирение, поскольку его создатель, слава Богу, поэтесса, всего лишь поигравшая «в кошки-мышки» с читателем.

Недогадливый читатель, возможно, спросит: а причём здесь собака, что сорвалась с поводка? Ну, что ему ответить на это? Только успокоить: обошлось без жертв, она, собака, никого не покусала, поскольку не была бешеной...

Есть несколько типов творческой личности. Анжеле я бы отнёс к «человеку-перо», она мне, кажется, существует ради творческого самовыражения и хочет многого добиться посредством него. Она потому и живёт искусством. Что ж, чем плохо такое жильё – башня из слоновой кости?

Жить в своей скорлупе – тоже надо уметь! В конце концов, каждого из нас Господь спросит: зачем писал и чего хотел от своей писанины? Для кого-то творчество – развлечение, кто-то так убивает время, кому-то важна слава и деньги... И лишь для немногих – это каторжная работа на износ, ибо художественная словесность столь заразительна, что может целиком поглотить человека. Но при этом ещё важно сохранить свою творческую индивидуальность! Лев Толстой не хотел примириться с тем, чтобы писательство становилось ремеслом. Он и землю пахал, и сапоги шил, и крестьянских детей учил в школе – лишь бы его не поглотила страсть к сочинительству! Однако когда не мог молчать, брался за перо и в этом видел общественную значимость профессии писате-

138 Там же. – С. 13.

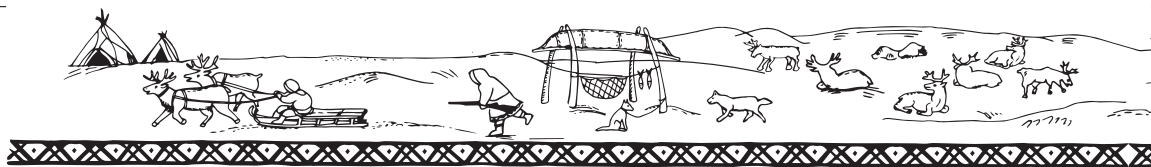
ля, но, прежде всего, – призвание. Любое призвание – плод неустанного знакомства с жизнью, умение добыть нужный материал для творчества. Поэтому нужно владеть «методикой узнавания», которая помогает обогатить не только жизненный, но и творческий опыт, возвыситься полученными знаниями над обыденной жизнью, чтобы поделиться ими с читателями и тем самым быть для них интересным рассказчиком.

Хочешь или не хочешь, а важно отыскивать необходимый материал в жизненных реалиях и умело его перерабатывать для своих литературных нужд. Но для этого придётся хоть изредка покидать свою «слоновую» башню...

Перелистываю новый сборник Анжелы «Бражник» – многое здесь интересно и по-своему талантливо, а ещё больше спорно и эпатажно. Но это мой взгляд на книгу, ибо я человек старшего поколения, воспитанного на поэтической классике, которая в своё время тоже казалась консерваторам ушедших эпох очередным выпендрёжем. Не зря же говорят: всё течёт, всё меняется. Не меняется только женская жертвенность (хотя последний стих – кощунственный перебор из разряда красотей):

А если стыло на юру,
погостом стал помост,
тогда я за тебя умру –
как умирал Христос.

Зато предыдущие строки стихотворения «Песенка любви», признания лирической героини, вряд ли кого смогут оставить равнодушными из читателей или читательниц, поскольку именно они порождение поэзии, а не стихоплётства. Такой совет мужчине может дать не только страдающая, но и любящая женщина!

Бескрыла явь, и жизнь – не май,
и вьюги – вперехлест.
Из рук, из уст не вынимай:
верста – к версте – до звёзд.¹³⁹

Р. С. На этой мажорной ноте было хотел и закончить и тем самым поддержать молодую поэтессу. Но не тут-то было, ибо верно говорится: человек предполагает, а Бог располагает...

Когда готовил заметку к печати, открыл «Эринтур», ежегодник писателей Югры за 2019–2020 годы. Среди стихов, посвящённых 75-летию Великой Победы, обнаружил и стихи Анжелы. Поэтесса касается священной темы для каждого российского гражданина – памяти павших в боях за наше Отечество, а ещё шире – бессмертного подвига советского народа. Какие уж здесь могут быть «кошки-мышки» с читателем: шапки с голов долой и застынем в скорбной минуте...

Анжела Михайловна вроде бы тоже со всеми вместе: «О Победе пою...» – так начинается стихотворение «Мой реквием». И слова, предваряющие стихи, тёплые – светлой памяти павших в боях за Родину. Только режет слух неточность в священных строках о величайшей в мире трагедии:

О Победе пою.
о Победе великой и страшной,
о шагавших в строю
на далёкой войне и вчерашней,
о рванувшихся в бой,
о незначущихся в списках вечных,
об унёсших с собой
счастье детское в ранцах заплечных...¹⁴⁰

139 Бецко А. М. «Бражник». – Екатеринбург, 2017. – С. 153.

140 «Эринтур» (Поющее озеро): Окружной литературно-художественный альманах. 2019–2020. – Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск, 2020. – С. 108.

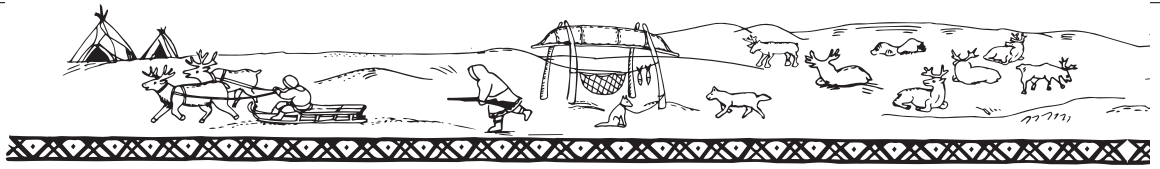
«Заплечные ранцы» были у немецких солдат, фашистов, а наши воины за плечами несли вещевые мешки, которые называли «сидорами»... Неточность, а смысл меняется со знака «плюс» на «минус»... Можно, конечно, простить и эту поэтическую условность, но зачем? Какой смысл в том, что читатель закроет глаза на эту «неправду» жизни? Ради какой цели?

Ещё один ляп следом, но это уже на литературный вкус тех, кто прочтёт. Лирическая героиня поэтессы так вживается в тему войны, что ведёт повествование от имени всех погибших. В этом нет ничего предосудительного, но насколько это получилось естественно? Недавно по телевидению прошёл сюжет о том, как одна телекомпания пыталась имитировать муки узников концентрационного лагеря смерти в своём игровом ролике, пригласив для съёмок артистов. Картина получилась не столько убедительная, сколько фарсовая! Результат – осуждение со стороны мировых масс-медиа (средств массовой коммуникации) и некоторых общественных институтов, ибо к этой теме – разговору от имени убитых и замученных – надо подходить весьма деликатно, не сбиваясь на фальшь...

Есть в отечественной поэзии замечательный монолог погибшего солдата, которого разорвало снарядом – «ни петлички», «ни лычки». Он словно бы растворился в мире, став его частью. Это замечательные строки Александра Твардовского «Я убит подо Ржевом...», написанные вслед за кровопролитными боями, но опубликованные только через несколько лет...

Поэт использует этот приём для выражения главной мысли: мёртвый завещает будущей победе – он в этом уверен! – все свои несбывшиеся надежды, он призывает живых продолжить борьбу с тёмной силой:

И у мёртвых, безгласных,
Есть отрада одна:
Мы за родину пали,
Но она – спасена.

У героини Анжелы, хоть она и «разомкнулась с той войной», но представляет её так, будто «было всё со мной»¹⁴¹ тоже попытка сказать своё слово от имени мёртвых.

И в этом нет большого греха, если так чувствует человек, пропуская через себя боль миллионов... Но есть небольшое «но»: небрежности в словах: например, «мой дух из труб печных дымит...»¹⁴² – дом, печка, труба и дым – эти образы обычно рисуют нам картину домашнего деревенского уюта и это сбивает с мысли в контексте данного стихотворения. Во всяком случае, я это почувствовал. Не станем обсуждать резанувшую слух фразу о том, как «дух дымит», это авторский образ, но обозначить печные трубы, как жерла крематория, не помешало бы, чтобы не спутать читательские ассоциации. Священная тема должна подразумевать и священные слова, которые у читателей должны вызывать святые чувства. Здесь не уместны какие-либо игры с читателем, ибо память о святом не терпит никакой игривости. Познакомился я с другими поэтическими страницами альманаха, где авторы отдают дань памяти Великой Победы. Может быть, подумалось мне, зря я придираюсь к начинающему творческий путь дарованию?!

Стихи наших многих авторов зацепили!

Как просто и хорошо написано у Станислава Юрченко «Утро 9 мая»:

Встречая день, не забывайте, люди,
метели злой, что над Россией дула...¹⁴³

Поэт пишет о чувствах им изведанных: об отце-фронтовике, о своей печали на могиле ветерана – без надрыва и заламывания рук, как в дешёвенькой трагедии. Это для меня настоящая поэзия...

Читаю далее стихи Владимира Волковца:

141 Там же. – С. 110.

142 Там же.

143 Там же. – С. 161.

«Живые не взыщите,
Найдите нас и адреса
Любимым нашим сообщите...»¹⁴⁴

Поэтический приём Александра Твардовского здесь вполне уместен: павшие заботятся о живых и просят помнить о них, отыскать, известить родных: ведь нет их вины в том, что погибли, защищая Родину, а числятся до сих пор безымянными...

Образ этот мне сразу же напомнил известную фразу – война закончится лишь тогда, когда будет похоронен последний её солдат...

Конкретность – характерная черта стихотворения «Герои» Валерия Акимова:

И дяде благодарен я, и деду,
И Бог простил, им отпустил грехи:
Они отдали жизни за победу,
Чтоб я на русском смог писать стихи.¹⁴⁵

Здесь ни слова о страданиях, боли, потерях – всё и так понятно и подразумевается только благодаря тому, что: Господь простил...

У Марии Вагатовой «Солдат из камня» написан, на первый взгляд, совсем безхитростно, но зато какая глубина чувств! И слова какие:

Для солдата из гранита стало солнышко костром.
Голубое небо – крыша.
Лес зелёный, это – дом.
И под каменной бронёю бьётся сердце у него,
Что сияет ярче солнца для народа моего.¹⁴⁶

144 Там же. – С. 48.

145 Там же. – С. 140.

146 Там же. – С. 44.

Тема войны многогранно представлена в альманахе писателей Югры, мы гордимся нашими отцами и дедами, помним о подвиге павших и живых... Цена Великой Победы и в нашей крови, ибо это нужно не мёртвым, это нужно – живым... Об этом, кстати, замечательно сказано у Владимира Андреева в стихотворении «Во мне душа безымянного солдата...»: в стихах этих всё уместно – к ним относишься с пониманием и сопереживанием:

Откуда бы мне знать о сокрушаемом аде
и как престарелый ветеран
страдать от донимаемой памяти,
если б душа моя там не была,
не видела,
не пережила,
не запомнила,
не вошла
в меня пожизненным судьёй.¹⁴⁷

Молодым нашим авторам есть у кого учиться, в том числе, и у поэтов Югры. Стихи, опубликованные ими в альманахе «Эринтур», ещё одно тому свидетельство...

¹⁴⁷ Там же. – С. 130.

О РЕКЕ ВРЕМЕНИ СЕРГЕЯ ЛУЦКОГО

Проза Сергея Луцкого мне напоминает разлившийся без конца и края горизонт. Он кажется и близким – и всегда дальним, недостижимым, но зато над ним сияет небо надежды! Собственно, за это и люблю творчество Сергея Артёмовича.

Вживаюсь в каждое предложение и ощущаю лёгкий дух его прозы, вызывающий во мне читательскую благодать. Он, конечно, писатель-философ. Однако его проза о земле и небе, о вечном и насущном для меня никогда не была стреножена какой-то одной идеей. Над страницами его книг скакать с одного места на другое не получится... Хороший художник всегда ловец человеческих душ, он сродни апостолам, что до поворотной встречи были простыми рыбаками. Не потому ли и внимательный читатель может выловить для себя немало интересного в «Реке» Сергея Луцкого?!

Одно только меня немного смущает: появляется на свет так много хороших книг, созданных хорошими людьми, отчего всё меньше становится истинных читателей? Ловцов сокровенных мыслей?

Герой рассказа – не вымерший ещё русский тип – Олег пытается быть непохожим на остальных. Однако это не всегда у него получается, ибо человек, вступивший в жизнь в брежневскую эпоху, был воспитан, как большинство его современников, не без помощи советской идеоло-

гии, рассчитанной на широкие массы. Он, как большинство молодых мужчин, отдал долг государству на срочной службе и законно ушёл на дембель в последний год уходящего социалистического процветания. Запросы у парня, по нынешним меркам, были скромные: мечта о мотоцикле «Иж», и поэтому, не чураясь тяжёлой работы, он имел соответствующий ей заработок. Судьба занесла его на Север, в селение возле Реки, где он выбрал дом на её берегу, в семье Топорковых.

И пока жители прибрежного поселения вели свои скромные земные дела, Олег пытался разгадать загадку речного течения и причины перемены русла... Задача эта для него оказалась сложной, выше сил человеческих.

Автор приглашает нас в небольшую, но, тем не менее, впечатляющую портретную галерею, знакомя с разнообразными людскими типами – от современного «сатира» до хлебнувшей лиха старухи, осколка сталинской империи. После её посещения складывается неожиданный «облик морале» советского и постсоветского человека...

Например, бондарь Киндинов, мастеровой и по-своему неглупый трудяга. У него своё понимание жизни. На фоне остальных он может показаться даже мыслящим человеком. Но личность его, на самом деле, оказывается настолько мелкой, что судьба ею играет, как пушинкой: то положит в карман, то двинет за пазуху – и, наконец, предаст пламени недоброжелателей и конкурентов. Когда-то он осуждал роскошь и богатство, ставшие результатом наживы, но при первой же возможности в новые времена воспользовался случаем, став очередной жертвой Мамоны. Его дом подожгли снаружи, и никто не догадался зачерпнуть речной воды для укрощения адского пламени...

Портрет его, как одного из «героев», пливших по «перестроечному» течению, хоть и скуп, но многозначителен. Автор использует античную символику: «Киндинов был лысый, с курчавящимися над ушами остатками полуседых волос, однако оставался завятым ходоком. Прилепи ему

рожки – настоящий сатир, которого в детстве Олег видел в книжке древнегреческих мифов».¹⁴⁸

После распада СССР, «в начале девяностых нефтяники перестали в подхозе нуждаться – в страну в изобилии пошли продукты из-за границы. Нефтяники не мелочились, подхозовский скот, технику и строения передали тем, кто решил стать фермерами. Было много крика, женских слёз, рушились давние дружбы. То, что раньше дремало в людях, полезло наружу. Доходило до драк и стрельбы...

– Интересное, говорю тебе, время! Главное, сопли не жевать, соображаловкой шурупать!.. – Киндинов звучно шлёпал себя по лысине и смеялся. Как раньше в разговорах о женщинах, он азартно подавался вперёд, подмигивал. – Такой шанс раз в сто лет бывает...

Киндинов один из первых оформил фермерство, предлагал Олегу вступить в долю. Но тот не захотел. Как и на рушащийся берег, он предпочитал смотреть на происходящее с расстояния...

В СССР жизнь не была сказкой, однако, трудящийся человек не побирался – на скромную жизнь хватало... А как наступили новые времена, народ у Реки вроде бы остался прежним – та же Русь-Россия: только с голоду пошла побираться, либо обжуливать. Одним словом, «Свобода!»

Пагубность рваческого отношения к жизни вопреки степенным традициям былого уклада прослеживается на конфликте поколений «отцов и детей». В нашем случае свекрови и невестки Топорковых, а затем и Топорковой-младшей – в одном лице внучки и дочери. Все они жили в доме у Реки в Рябинках.

Старуха помнила их ещё Юртами Рябинковскими: «до спецпереселенцев здесь жили одни ханты. Воровства не было, вместо замков прислоняли к двери батожок, дескать, никого дома нет. Продавать за деньги рыбу, кедровый орех или яго-

148 Здесь и далее: Сергей Луцкий. «Река». // Журнал «Второй Петербург», № 41, 2020, Санкт-Петербург. – С. 122-130.

ду принято не было – давали так, в другой раз ты мне дашь. Спецпереселенцев записали в колхоз, выращивали всё, даже пшеницу. Работать приходилось тяжело, но жили неплохо, чтобы голодать, этого не было».

Получается, парадокс какой-то: свободы в сталинские времена было меньше, а люди, получается, жили краше? Такова реакция старшего поколения на горбачёвскую перестройку: «Старуха давно болела, в основном, лежала, целыми днями слушала радиоточку, транслирующую съезды народных депутатов и другие перестроечные передачи. Смотреть недавно купленный чёрно-белый телевизор она не могла, жаловалась, что кружится голова. – В наши годы и не за такое ссылали. Тогда попробуй слово скажи, враз к чёрту на кулички упекут. А сейчас...

Олег улыбался:

– Дальше на Север, что ли?

– А что ты думаешь. Тятину семью из-под Увата сослали, тоже не на юга. Тятя говорил, бьют и плакать не дают...»

«Бьют и плакать не дают», а на душе было спокойнее! Кирилловна с этим не соглашалась – так невестку старухи величали за могучее телосложение – после распада колхоза, который застала её свекровь, та устроилась на рыбоучастке засольщицей и без труда ворочала здоровенные бочки. «В доме последнее время часто переругивались. Кирилловна подворовывала в подхозе комбикорм, свекровь, обнаружив в кладовке новый мешок, принималась выговаривать. Передвигалась она медленно, держась за стены, тёмные подглазья резко выделялись на бледном лице.

– Ты чего себе думаешь, ведь посадят!

Хозяйка лениво огрызалась:

– Ага, уже идут за мной, суши сухари... Чем поросёнка кормить?

– Взять бы да купила. Совесть у тебя есть?

– Совесть? – Кирилловна выпрямлялась. – Это ты у других спроси насчёт совести. У них на этом месте хер вырос. Ты тут лежишь, что творится кругом, не знаешь. Да что с то-

бой говорить!.. – Хозяйка замолкала, продолжала заниматься домашними делами.

Старуха жаловалась Олегу:

– Раньше ничего такого не было. Ну, пару чебаков домой принесёт, так это можно. Сейчас-то чего? Ведь посадят, мешками таскат. Чего деется, чего деется...»

С этими последними словами отмирало поколение граждан честного и ударного труда: «С ней словно ушло время, в котором она жила. По крайней мере, ни от кого о сороковых, а тем более о тридцатых годах Олег рассказов больше не слышал. Та жизнь куда-то исчезла, растворилась, как лёд на Реке в июне, а нынешняя, казалось Олегу, стала плоской, скучной, лишилась сокровенной глубины».

Топоркова-младшая, рано созревшая девица пятнадцати лет, обладала весьма своеобразным мышлением, особенностью которого являлась уверенность в собственных правах на интересную и динамичную жизнь. Она искренне считала: для достижения этой цели ей вполне хватит знаний четырёх действий арифметики, а из всех умных книжек важно обладание лишь одной – сберегательной. Для постояльца Олега демонстрация соблазнительных её прелестей закончилась ни мучительно, ни прекрасно: мать застала их, вкусивших плод от древа познания в адамовом облачении, что вынудило героя-любownika принять решение – «Женька, конечно, глуповата, но девчонка хорошая, ему нравилась. В принципе, можно жениться», – на том и порешили...

Казалось, только сын Валентины Кирилловны обещал вырасти через несколько лет в правильного и толкового человека. Автор отмечает духовную близость Валерки к Реке, которую он пытается объяснить, собрав мощь своего школьного познания: «Смущаясь, он называл реки важными транспортными артериями, дорогами жизни, особенно в давние времена. Так было написано в учебнике». Сергей Луцкий подчёркивает ещё одно обстоятельство, касаясь характеристики этого персонажа: «Похоже, смерть ушедшего под неокрепший лёд вместе с «Бураном» отца не сделала Реку враж-

дебной для Валерки». Автор соглашается с точкой зрения Валерки и Олега на речную «артерию жизни»: «В самом деле, как ещё связаться между собой людям, если болота и леса намертво отрезали населённые пункты друг от друга, словно запирали на замок. А ни железных дорог, ни обычных тогда ещё не было, самолётов и вертолётов тем более. Только по рекам. Транспортные артерии, дороги жизни».

В рассказе мало солнца, во всяком случае, оно не горит на церковных крестах. Да и о церкви речи нет, несмотря на некоторые перемены у поселения рядом с Рекой, ибо люди жили и действовали, считая свои действия важными в жизни временной и совсем не думали о вечном. Река была всегда рядом, но никто не желал напитаться от неё мудрости...

И всё же неясная, но неизменно действующая сила, вела Олега вперёд по Реке. Навстречу ему двигалась собственная, далеко не роскошная жизнь со своими омутами и отмелями, от которой он пытался уйти с помощью той же реки. Странный получился герой у писателя! Молодой парень, а стариковским делом занимается, думает-гадает... Далась ему эта река!? Поначалу он был как все: «Олег осваивал немудрящую профессию рыбака, пил водку с другими вербованными, среди которых встречались недавние зеки...» Всё изменилось, когда обстоятельства заставили его взглянуть на свою жизнь по-другому: «как-то его порезали, и он почти два месяца пролежал в районной больнице. После случившегося мечту о «ИЖе» пришлось забыть – тяжело работать Олег больше не мог, пить тоже».

Зато у героя появилось свободное время, и он стал задумываться о вещах, которые раньше не приходили в голову: «На рыбоучастке и рядом в деревне с интересным названием Рябинки шла жизнь, которую ни во время службы, ни тем более в доармейские годы Олег даже представить не мог. И это тоже казалось удивительным».

Но ещё более удивительным было влияние Реки на судьбы жителей.

Во-первых, «при нём рухнула в воду старая контора, большими глинистыми пластами обваливался высокий берег».

Во-вторых, «потом наступила очередь ледника, тот погибал медленно, вкривь и вкось висели над обрывом ещё крепкие брёвна с ошмётками слежавшегося тёмного мха. Видеть это было неприятно».

Лёд, добывавшийся натуральным способом из Реки, перестал вывозиться. Осталось только название от этого речного сырья. «Кабанами» называли прямоугольные глыбы льда в тонну-полторы весом, их раньше пешнями выдалбливали в зимней Реке. Потом хитрыми приёмами вываживали из воды, чтобы погрузить на сани и отвезти в ледник, в котором рыба хранилась летом до того, как её забирали на рыбозавод на переработку».

В-третьих, Река не баловала своим теплом, «здесь не купались, слишком холодная».

Затем Река коснулась и дома, где квартировал Олег. Пришлось искать для него новое место. Событие это совпало с переменной жизни главного героя, которого вынудили жениться: «К разобранному и перевезённому с берега дому сделали пристройку из новых брёвен, в ней и стали жить молодые».

Скоро семья дала трещину. Она стала следствием обратной стороны медали под названием «свобода», «украсившей» вместе с экономикой и секс. Объяснялось всё просто: «рыбозахват к тому времени закрыли, рыбозавод тоже не работал». Пришлось искать «вахтовку» не вблизи от дома, доверив семейный очаг несовершеннолетней супруге. На неё так подействовали «общечеловеческие ценности», звучавшие постоянно с экрана телевизора и повторяемые радиоточкой, что она стала отыскивать к ним свой, совсем не тернистый путь... Наверное, тоже Река была виновата?

«– Ты вот чего, – сказала однажды Кирилловна. – Долго ещё Женька яловой ходить будет? Сделай ей ребёнка».

Олег озадаченно посмотрел на тещу. К её прямоте он привык, но здесь было что-то ещё. – Так ведь учится, выпускной класс.

– С ребёнком у ней хоть забота появится. Не то, что сейчас».

Вскоре для Олега открылся истинный смысл этих слов. Неожиданно прервав свою двухнедельную вахту, муж заявился домой и застал жену с одноклассником. Как не допытывался он: чем любовник был лучше его, ответ был один: «Он динамичный!»

«С ним интересно. Ты старый».

Жить после этого с Женькой Олег не захотел. Он уехал в город, стал снимать комнату.

Казалось, и в судьбе главного героя рассказа можно поставить окончательную точку... Но Сергей Луцкий не любит таких финалов и двигает свои фигуры до конца партии.

Как не пытался близко подходить к водовороту жизни Олег, глядя на рушащийся берег с безопасного расстояния, всё равно – не уберётся. И то неизвестное, что обещала ему Река в самом начале, теперь обернулось списанием на берег: течением выбросило на жизненную отмель, как, впрочем, большинство односельчан... Но стоит ли винить в этом всю предыдущую жизнь? «Удивительно. Странно» – констатирует автор... Хотя ничего необычного в этом не было, просто одна жизнь теснила другую: «То, что раньше дремало в людях, повывлезало наружу». Винить в том новые поколения, новую власть, новые времена, «когда стало не до того»? Прямого ответа не подчерпнуть даже из реки жизни!

Образ Реки – это не столько символ жизни и карающий судьбы, сколько предупреждение тем, кто пытается грозно замахнуться на всё живое в Природе. Если она отступала в одном месте, то рушила и наказывала в другом, творила свой суд. Река предупреждала: довольно глупостей и насилий, жадности и жажды богатства, зверств в окружающем мире. Сблизившийся в какой-то мере с речной стихией, герой повествования «возвращаясь к деревне, пристально смотрел на высокий берег. С воды обрыв выглядел особенно внушительно. На первый взгляд, менялся мало. Изрезанный дождевыми стоками и мелкими глинистыми осыпями, он ка-

зался освежёванным боком огромной туши, цветом напоминал старый подкожный жир. Нависавший сверху дёрн, походил на остатки шкуры».

У Реки появилась своя, отличная от людей жизнь, её воды таили угрозу, как в Книге книг, повествующей о наводнениях, посланных непослушным людям. Но те не замечали её милости – освежающего дуновения ветра и чистоты переменчивых волн. Что за люди! И что за жизнь у них, если они сами не хотят её изменить к лучшему...

«Однако думал об этом Олег уже спокойно»: он уже был немолод и не имел во всём былой легкоупругости. В последнюю, случайную встречу с Рекой, почти через два десятилетия, он даже рад был расставанию с ней. И хотя что-то ещё набиралось и бродило в нём, он уже не хотел жить рядом с Рекой, его не интересовала её перемена русла. И солнце в ней, как прежде, не отражалось, не блестело в струях, – жизнь стала примелькавшейся и обыденной. Время всё изменяет...

«Он вышел к Реке. Чистое заснеженное пространство раскинулось в обе стороны».

Сергей Луцкий, казалось, пишет о негероических пустыках. Но «пустяки» эти – наша жизнь! Река времени закрутит, замылит пеной среди многочисленного люда перед тем, как кануть в Лету, и только мысль истинного художника обращена к вечности, где не может быть мелочей.

ГЕРОИ И ЧИТАТЕЛИ НИКОЛАЯ КОНЯЕВА

Казалось, ещё совсем недавно, писательская организация Югры и читатели Ханты-Мансийского автономного округа отмечали полувековой юбилей Николая Коняева, нашего земляка, сибирского писателя, – и вот им уже взят новый возрастной рубеж: в 2014 году исполнилось 60! К этой дате в творчестве Николай Иванович достиг многого и, казалось, что впереди ещё немало новых интересных книг, которые выйдут из-под писательского пера на радость поклонникам этого замечательного таланта. Коняев не любит заглядывать в будущее, исповедоваться насчёт творческих планов, но закономерным стало для него освоение такого литературного жанра как роман, к которому он подготавливал себя творчеством последних лет.

Вспоминаю ту пору, когда впервые познакомился с Николаем Коняевым, – конец 1990-х годов – и всё не перестаю изумляться его мальчишеской задиристости, а также абсолютному отсутствию писательской солидности. Журналист, первый главный редактор областной газеты «Тюменские известия», заслуженный работник культуры Российской Федерации Юрий Бакулин долгое время принимал его за курьера в пору издания окружного журнала «Югра» в начале 90-х, хотя состоял тогда Николай Иванович в должности заместителя редактора. Прочитав однажды первую книжку писателя, наивно поинтересовался у «курьера»: а кто такой Коняев? – «С утра был я...»¹⁴⁹

149 «Не оглянуться невозможно...» Сборник избранных материалов о творчестве Николая Коняева. – Тюмень, 2014. – С. 99.

Когда Николай возглавил писательскую окружную организацию, отбор туда был на редкость строгим, его даже за глаза называли «Князем Самаром». Но и попасть туда была великая честь! Заместитель редактора журнала «Наш современник» Александр Казинцев называл его предводителем югорской дружины: «Убеждён, эта требовательность и позволила Николаю Ивановичу создать одну из лучших писательских организаций в стране». ¹⁵⁰

Увлечённость творчеством, неумение приспособливаться, в горячке рубить с плеча и лезть на рожон – выделяло эту творческую личность среди остальных. Кому-то писатель казался сухарём, кому-то – слишком требовательным, – он ведь ко всему прочему был ещё и главным редактором ежегодного издания альманаха «Эринтур». Но тот, кто знал Николая не шапочно, не может не оценить его доброты и порядочности и согласиться с мнением публициста Казинцева о нём как писателе и руководителе: «Я глубже узнал самого Николая Коняева – великолепного прозаика и в высшей степени достойного человека». ¹⁵¹

Он никогда не хапал званий, наград и премий, а ведь мог бы – стоило только захотеть: а если что и получал, то заслуженно и порою для самого себя неожиданно, так что в этом «рвачестве» никто не посмел бы его упрекнуть! Помню, когда вышла, так ещё недооцененная до конца, его книга «Моя нечаянная родина», – выстраданный и многолетний труд, – он публично отказался от выдвижения своей кандидатуры на соискание губернаторской премии в области литературы. Однако премию ему всё-таки вручили, и в этом не было абсолютно никакой его «вины»...

Как-то читая лекцию в университете об особенностях русской литературы, я подчеркнул мысль о том, что постичь человеческую индивидуальность нелегко, описать – ещё труднее, а заставить её жить и развиваться по законам твор-

150 Там же. – С. 91.

151 Там же.

чества, да так, чтобы никто не усомнился в правде – почти невозможно! Слушатели – студенты – одобрительно кивали головами. Ободрённый, я продолжал: настоящий художник всегда сумеет заставить читателей поверить в своего героя, и объяснил почему: писатель часто отражает в нём черты, свойственные, в том числе, и его натуре, а что-то «пропускает» и через себя. При этом в творческом процессе необходимо учитывать свойства народной среды. Так в большинстве своём создаются настоящие художественные произведения. Среди писателей Югры, следующих этим принципам, я назвал имя и Николая Коняева.

Несколько лет назад государственная библиотека Югры проводила творческий конкурс студенческих работ – откликов на рассказы и повести Николая Ивановича. Их поступило немало, большая часть – из Югорского университета, (там писатель был частым гостем), – так что членам жюри пришлось ударно потрудиться, выбирая лучших из лучших для награждения. Наша студенческая молодёжь знала Коняева не только в лицо...

О его книгах размышляют не только студенты и преподаватели вузов, настоящее творчество всегда интересно и профессионалам, поскольку в коняевской индивидуальности привлекает нечто такое, чего невозможно постичь только одним зрением. Наверное, это духовная прозорливость. Благодаря ей, персонажи непринуждённо чувствуют себя на страницах произведений, дышат полной грудью без стеснения. Автор непостижимым образом угадывает их судьбы, вызнав у каждого, только ему свойственные переживания личного характера. Так, штрих за штрихом, мазок за мазком с помощью кисти художника на полотне рождается жизнь – у кого-то на эпизод, у кого-то на больший срок.

Прозорливо оценил творчество своего ученика по Литературному институту прозаик Анатолий Приставкин¹⁵²: «Николай Коняев последователен и органичен в выборе своей главной темы. И в повестях, и в многочисленных рассказах показана обычная повседневная жизнь простых людей северной провинции, в чем-то схожая с нашей, а в чём-то и нет, но очень узнаваемая и достоверная, благо автор живёт среди своих героев и может рассказать о них то, чего мы не знаем».¹⁵³

От себя добавим: его герои ещё замечательны тем, что рождаются на свет благодаря таланту писателя-бессеребряника, не желающего потакать испорченным литературным вкусам некоторых читателей. Поэтому они такие, какие есть на самом деле, а вовсе не придуманные!

В повести «О, ля-ля!» выведен герой чем-то похожий на самого автора. Не настолько, конечно, чтобы быть его копией, но и не чуждый ему: тоже ответственный секретарь писательской организации, главный редактор литературного альманаха, лауреат нескольких скромных, но дорогих ему премий, полученных не за преданность идеям какой-то там «могучей кучки», не за выслугу лет в Союзе писателей, а за конкретные книги и произведения, за которые не стыдно.

Да, таков и сам во многом Николай Коняев!

Размышляя о его героях, подумалось в первую очередь вот о чём: все они – обыкновенные люди, сельские и городские жители. О них корреспондент местной газеты вряд ли напишет очерк. Но почему-то они же заинтересовали писателя?

152 Анатолий Игнатьевич Приставкин (1931–2008) был руководителем прозаического семинара в Литинституте у Николая Коняева. Всемирную известность Анатолию Приставкину принесла опубликованная в 1987 году его повесть «Ночевала тучка золотая», затрагивающая тему депортации чеченцев и ингушей в 1944 году. Автор попытался откровенно сказать о том, что пережил сам и что больно обожгло его душу. В 1988 году книга была отмечена Государственной премией СССР. В течение нескольких лет после выхода повесть была переведена более чем на 30 языков. В мае 1990 года на экраны вышел одноимённый фильм-драма по повести «Ночевала тучка золотая» (Киностудия им. Горького, 1989 год).

153 «Не оглянуться невозможно...» Сборник избранных материалов о творчестве Николая Коняева. – Тюмень, 2014. – С. 6.

Ни супермены, ни бандюганы, ни романтические герои-любовники... Просто обычный люд из глубинки, без каких-либо закидонов и эквивоков, но именно он и по нраву писателю, он и есть его супергерой родом из нашенского непрдуманного народа. И потому, оказывается, любой персонаж для писателя самодостаточен, он его знает, как себя, не раз общался с ним в этой, не выдуманной жизни. Потому и право имеет претендовать на существование независимо от того, к какому слою общества принадлежит...

Прославленный профессионал литературного дела Анатолий Приставкин, сам повидавший в жизни немало такого, что хватило бы написать о его судьбе ни одну книгу, обнаружил в творчестве Николая Коняева глубокие корни не только с его персонажами, а «корни, уходящие в бунинские и чеховские традиции с их пристальным вниманием к «маленькому человеку...»¹⁵⁴

Написать правдиво о том, к кому приглядываешься, гораздо труднее, чем писать о чём-то неодушевлённом, особенно поведать о герое, «подверженному всем напастям, грозящим от этого мира, но почему-то ещё существующему, ещё живому».¹⁵⁵ Надо, действительно, иметь талант, чтобы рассказать об обычном человеке так, чтобы всем было интересно узнать о его жизни как можно больше. Это дано даже не каждому мастеру, поскольку гораздо сложнее, чем описание приключений какого-нибудь небывалого героя, отличного от нас, грешных. Для Коняева идти туда, не зная куда, искать то, не знаю, что – дело непривлекательное и, проще говоря, пустое. Если внимательней присмотреться к современной художественной литературе, которую ценит взыскательный читатель, то подобные путешествия вместе с писателем для него занятие, одновременно, и неблагодарное, и неблагородное. Во-первых, почему не благодарное? От того, что непонятно на кого ещё нарвёшься в этом рискованном поиске: «сверхлюди», на которых делает

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ Там же.

ставку Голливуд и беллетристика, с вытекающими отсюда коммерческими последствиями, по улицам просто так не ходят, не стоят с нами в очередях, не обсуждают в разговорах проблемы народной жизни. Хотя есть такие сочинители, что «выжимают» необычного героя из «необычных обстоятельств» собственного воображения, но произведения подобных авторов, очевидно, можно отнести более к жанру фэнтези, (в лучшем смысле нашего понимания), поскольку они лишены какого-либо здравого реализма и имеют отношение к народной правде, в лучшем случае, опосредованное.

А, во-вторых, не благородное это занятие потому, что оно просто не нужно большинству читателей, неизбалованных западным эстетством. Ещё Александр Сергеевич Пушкин заметил по этому поводу, что климат, образ правления, вера дают каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии.

И в самом деле, прав Пушкин, утверждая: есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев, поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу.

Вот и творчество Николая Коняева – «литературная каторга», как окрестил его руководитель семинара Анатолий Приставкин, – принадлежит читателям, чьи сердца завоевал писатель, и потому он пишет о горестях и радостях именно этих людей. Жизни без прикрас в его книгах много, а человеческого счастья и вправду, маловато... Наверное, прав Приставкин и в том, что всё это происходит «от саднящего желания поделиться горестью...»¹⁵⁶

Николая Коняева нельзя отнести к писателям-эгоцентрикам, хотя те тоже рассматривают личную жизнь как материал для творчества, – и в этом нет ничего худого, если художник, отбрасывая несущественное, пытается быть объективным, в том числе, и по отношению к себе и своим персонажам. Но часто приходится быть свидетелем обратного процесса. Отчего?

156 Там же. – С. 8.

Писатель боится быть недооценённым, отсюда желание самоутверждения, бескомпромиссности суждений, максимализма, доходящего до абсолютной собственной непогрешимости в чём-либо. Это не лучший способ защищать свою ранимую душу. Так можно вытравить в себе человека, и самодовольная маска заменит лицо.

В отличие от древнерусских художников, поборников духовного слова, все мы, грешные пишущие, мечтаем остаться в истории. В XIX веке на Западе, а потом и в России в писательской среде стало модным создавать собственноручную биографию.

Когда читаешь уже современные записки от первого лица, то невольно начинаешь жалеть некоторых авторов из-за того, как уродливо развит у них комплекс неполноценности. Почему же они пишут о себе бесподобные вещи? Пушкин в частной переписке сформулировал формулу о нашей пишущей братии, сравнивая её с западными сочинителями: в России, (кроме меня), занимаются сочинительством из тщеславия. Действительно, если вспомнить историю отечественной словесности, в пушкинские времена в нашем отечестве было распространено небрежное отношение к доморощенным гениям, за некоторым, очень редким, исключением. Творчество большинства литераторов до нынешней поры остаётся недооценённым. Оно и понятно: критика только-только нарождалась, и поскольку нет пророка в своём отечестве, публика заглядывается на западные звёзды и ленты... Но теперь-то! Любой журналист может, если его хорошо попросить, выполнить читательский «социальный заказ». Однако, нет, по полной программе порою «пиарятся» сами сочинители... И бывает очень обидно за них: в погоне за читателем они пытаются заманить его с помощью хитроумных «рекламных» ходов. Даже невинная «исповедальность» сегодня выставляется на продажу. Мне искренне жаль этих людей: они могли бы самореализоваться в творчестве, доказав себе и другим, что стоят читательского внимания. У нашего поэта Дмитрия Мизгулина, порадовавшего читателя книгой

малой прозы «Ночпік», есть среди прочих, следующая запись: «Невежество – это не просто незнание. Это нежелание знать. Невежество всегда агрессивно, так как ограничено».¹⁵⁷ Сколько писательских свар мне приходилось наблюдать, а ещё больше – слышать о них – и всё из-за невежества; сколько копий ломалось об авторское самолюбие, не мирившегося с дружеской критикой...

Николай Коняев, прекрасный рассказчик в прозе, считал, что задача настоящего писателя состоит не столько в том, чтобы на минимуме пространства художественного текста дать максимум информации. Важнее заставить читателя задуматься над поставленными в произведении проблемами и сопереживать чувствам персонажей.

Павел Иванович Векшин, герой коняевского рассказа «Русский хант», казалось бы, по всем внешним признакам, представитель недавней социальной группы – «новых русских», однако себя он таковым не считает: «Ну, какой я новый? Я, скорее, старый. Старый русский хант... Ведь я вырос в Хантах. Сейчас живу в Сургуте, а когда был пацаном, таким же вот, как ты, тоже рыбачил на этой протоке».¹⁵⁸ Векшина и его нового знакомого подростка Дениса объединяет страсть к ловле щурогаев. Но это только повод, фон для серьёзных размышлений писателя о современной жизни и её превратностях, а, как мне кажется, следование российским традициям: патриотизм и любовь к людям, в основе которой христианская справедливость к каждому человеку. Перед читателями писателем ненавязчиво поставлены многие проблемы, в том числе – и о преемственности поколений.

Такой взгляд на образ «нового русского» был ещё малопривычен в нашей художественной словесности, если вспомнить время написания рассказа, когда разрушению великой державы сопутствовали вытекающие из этого последствия, главная же беда – неподготовленность к этому большинства советских

157 Мизгулин Д. А. «Ночпік». Публицистика. – СПб, 2016. – С. 69.

158 Коняев Н. И. «До поры до времени». Рассказы и повести. – Екатеринбург, 2005. – С. 15.

людей. Пусть и фоном, но автор даёт нам понять, сколь неуютно живётся юному помощнику главного героя в ловле щурогаев: ведь Дениске в свои 11-12 лет нужно не только выживать самому, но и помогать растерявшимся родителям: «Папка на похмельку просит, матушка – на хлеб. На рынке тоже надо сунуть, чтоб не прогоняли... Я там щурогайку бабкам да картошку с огорода продаю. А без бумажки прогоняют все, кому не лень...»¹⁵⁹

Образ подростка в литературе нашего региона встречается не часто, но суть от его воспроизведения не меняется. Вспоминается герой повести Сергея Козлова «Мальчик без шпаги» Тимофей, хотя мне лично по душе первоначальное название «Пуговица царевича Алексея». Тимоха – наиболее крепкая кость нарождающегося поколения россиян, которое не сломить катастрофичными «90-ми» годами. Из этого времени и Денис Николая Коняева, вынужденного завоёвывать свою родину вторично от пришлых чужеземцев. Я верю в то, что и Тимофей Сергея Козлова, и Дениска Николая Коняева пробьются к лучшей жизни и помогут создать такое будущее страны, о котором мечтали их отцы и деды. Для этого необходимо терпение и мудрость, приравненная к знанию российской жизни без какой-либо идеализации. Герои не должны быть писательскими марионетками, их судьба продиктована теми обстоятельствами жизни, что заданы писателями-реалистами, а иначе перед читателями представит идеализация или, хуже того, фарс, а, может, и пародия на современного героя.

Николаю Коняеву это не грозит: он не терпит какого-либо насилия над своими героями, ибо он простой писатель, а не фокусник. У «фокусника» – ловкость рук и, как говорится, никакого «мошенничества»: он может подсиропить любого персонажа или отмыть так, что чёрный станет белым – или наоборот. У Коняева же другое – дар вовлечения

159 Там же. – С. 16.

читателей в сопереживание, в любой нелепости и несуразности людской он помогает увидеть и положительную сторону своих героев. Читаешь и воспринимаешь всё ни как привычный фарс нашей жизни, а как личную драму живущих рядом с тобой людей. Пожалуй, верно было замечено по этому поводу преподавателем русской словесности, кандидатом филологических наук Ириной Рябий: «Каждый герой – носитель своего времени, и одновременно – эхо других эпох. Писатель не просто описывает, но он исследует, измеряя быт своих героев Бытиём. Не поиски внешнего врага, а он, разумеется, существует, но пристальное вглядывание во внутреннего человека: что в нём такое произошло, что позволяет-то этому врагу за него зацепиться, ибо грязь прилипает только к грязной плоти».¹⁶⁰ При этом наблюдательный прозаик обращает внимание читателей ни на трагедии вселенского масштаба, а на моменты обыденной жизни. Они также полны событий и потрясений, но только для тех, кто принимает в них прямое участие. Так благодаря писательскому увеличительному стеклу, мы начинаем понимать: здесь тоже кипит жизнь со своими страстями, кодексами чести, радостями и огорчениями. Когда знакомишься с произведениями Николая Коняева, начинаешь понимать – внутри нас утрачено что-то важное, может быть, такое, что родственно этим коняевским мужикам и бабам, в каком бы обличье они перед нами не предстали. Утрачивается связь с народом, с его корневой основой – и, получается, мы ни здесь, на своей земле, и ни там, где, как нам кажется, гораздо лучше – в своём мирке, обособленном от других... Писатель таким образом объясняет читателю: пока мы не определились духовно, то нас и нет нигде... Горько всё это, господа, сознавать, но писатель – не пряник, чтобы всем нравился, он подталкивает к размышлению о том, как, повинувшись неведомому замыслу, нация начинает превращаться в население, а родная земля – в территорию.

¹⁶⁰ «Не оглянуться невозможно...» Сборник избранных материалов о творчестве Николая Коняева. – Тюмень, 2014. – С. 64.

Поэт Владимир Юров (Вадим Юрьевич Дулепов) оправдывает ситуацию, в которую попали герои Коняева, наступившим «неподходящим временем»: «Ведь время, в котором они живут – «эпохальное», «переломное» – наше сегодня. А место – стык цивилизаций, городской и деревенской, традиционной и модернистской. Модернизация теснит традицию – агрессивно, тотально, безжалостно. Эта борьба забирает последнюю душу русской провинции, и, как любая другая, разрушает уклад. Основы.

Эх, ей бы, провинции, передышку, время, чтобы прийти в себя, чуть-чуть восстановиться. Но нет, время неумолимо».¹⁶¹

Но так было всегда в России: сколько испытаний ей принёс только один XX век! И революции, и войны, и смены экономических формаций... А живёт, матушка Русь, дышит и не собирается помирать, хотя живётся ей с каждым десятилетием всё тяжелее и тяжелее...

Но, однако, при всей трагичности, Николай Коняев – писатель надежды, спасение его героев в постижении, наверное, того самого главного, что хотел сказать не только он один, просто это ему удалось лучше: его герои и персонажи – часть нас, а мы – часть их... Пусть им жизнь не улыбается, не даёт покоя своей маятой и несытостью. Но ведь не хлебом же единым... Потому-то писательская печаль светла, полна веры в человека живого, а не продуманного. Сколько бы неведомых соблазнов не сваливало его в грязь, а он, как ванька-встанька, пытается быть тем, кем задумал его Создатель. Грешным и слабым, но всё же человеком, находящим в себе силы подняться с колен. Спасает русского человека, конечно же, любовь и вера – это отчётливо прочитывается у Коняева.

У Николая Ивановича кроме традиционно народного, в крепко сложенном повествовании, нет ничего наносного и придуманного. Всё нашенское, земные и греш-

¹⁶¹ Там же. – С. 54-55.

ные, будь то чудаки Малыги, сторож Гурий Фадеевич, доморощенный поэт Мишуня или деревенская аптекарша. У каждого своя изюминка, которую подметил писатель и не просто срисовал, а переосмыслил и выстрадал. И движет ими, несмотря на их слабости, вполне земное «волеизъявление к жизни». Сродни им был и сам Николай Иванович. Деятельный человек, бессменный редактор литературного ежегодника «Эринтур», на протяжении двух десятилетий. Он помогал в издании книг многим талантливым товарищам по писательскому цеху. За три непрерывных срока руководства творческой организацией Югры Николай Иванович способствовал выходам сборников поэзии и прозы молодых литераторов, не забывал и о литературном опыте тех, кто развивал словесность в регионе с 30-х годов прошлого века до его завершения, осуществив издание двухтомника литературной антологии. Николай Иванович выступал и в роли летописца и мемуариста писательской организации, у истоков создания которой находился.

Когда он принял руководство над писателями Югры, членов Союза можно было пересчитать по пальцам руки, а когда покидал её, организация насчитывала уже несколько десятков профессионалов. Сколько ежегодных детских литературных конкурсов за его плечами, встреч с читателями, книжных презентаций!

Переехав в Тюмень, писатель по-прежнему интересовался творческими делами в округе, продолжая работу над своим любимым детищем – альманахом «Эринтур». Он получил в Тюмени ещё одну заслуженную награду – премию «Книга года – 2013» в номинации «Лучшая художественная книга», а также был удостоен Серебряной литеры, Диплома лауреата и Литературной премии Тюменской областной Думы «Человек слова» за книгу прозы «Бывает!»

Число читателей Николая Коняева с каждым новым опубликованным произведением возрастало, и они с нетерпением ждали его новых работ.

В итоговом произведении «Моя нечаянная Родина», которое трудно отнести к конкретному жанру, писатель выступил в роли исследователя и публициста. Опыт оказался удачным! Главной мыслью произведения можно обозначить фразу «Без оглядки на прошлое движение к будущему просто бессмысленно...», которая характеризует весь этот творческий труд в целом. Он и здесь звал за собой читателей, не заигрывал с ними, увлекал суровыми фактами этой книги-расследования. Сам автор рассматривал свою работу, как художественно-документальное произведение историко-публицистического характера, что обязывало его быть очень точным. И, действительно, с уверенностью можно сказать, что в книге нет ни слова вымысла, только документы, только факты, только цифры, только биография, основанная на воспоминаниях. Именно такова авторская установка. Конечно, со стороны читателю может что-то и покажется заблуждением, но писатель свято верит во всё то, что он написал.

Эта книга создавалась Николаем Коняевым под давлением собственной совести и долга перед теми, кого он любит и помнит. Эта книга – объяснение в любви своим близким, а значит, и роду и родине... И любовь эта выражается не прямо и не вдруг. Прежде, чем сказать о родителях (в третьей и четвёртой частях), ему приходится познакомить читателя с историей освоения Западной Сибири, родом отца и матери, начав неторопливый разговор с объяснения собственной фамилии. Попутно автор попытался осмыслить и собственное предназначение в историческом потоке многочисленных действующих лиц. А, согласитесь, посмотреть на себя, глазами истории – задача нелёгкая... Вот почему первая часть названа очень ёмко и одновременно точно – «Извлечение корней». Да и как может быть по-другому? Ведь если все мы сегодня ещё живём, то это только благодаря нашим родителям, предкам, судьбам и деяниям народным. Этой мыслью пронизано всё коняевское повествование, эта же мысль звучит и в словах Валентина Распутина, напутствуя читателей перед отправкой в путешествие по волнам авторской

памяти. Символично и то, что путешествие это начинается с осмысления фамилии автора. На первый взгляд, фамилия «Коняев», кажется «лошадиной» – и всё тут! На самом же деле она оказывается производным от распространённого в старину имени «Конон», в переводе с греческого – трудолюбивый. Вспоминая своих однофамильцев – людей заслуженных, известных – автор даёт нам понять, что он и они не зря носят фамилию, данную им предками, гордится тем, что она упоминается в XV веке.

Первая часть «Извлечения корней» представляет собой историческое исследование о тех сибирских областях, куда занесла судьба предков автора. Есть материалы известные широкому кругу читателей, есть – менее известные. Читателям интересно будет познакомиться с отдельными фрагментами из заметок о Сибири участника секретной экспедиции А. Х. Бенкендорфа. Не менее интересен и анализ, представленный сразу в нескольких ракурсах, – в том числе, временном и социальном – различных волн переселенцев из центральной России в Западную Сибирь. Сразу оговоримся, это – нелёгкое чтение, требующее усердия и терпения, обращения к энциклопедическим словарям, историческим справочникам. Автор щедро делится добытыми им сведениями с читателями да порою так, что просто поражаешься его энтузиазму! Но при этом, сообщаемые им сведения об освоении Сибири, не оторваны от общих исторических процессов, проходивших в стране. С некоторыми трактовками событий, правда, можно и поспорить, но в целом нельзя не согласиться с его точкой зрения на заселение предками писателя того региона, что стал для него малой Родиной.

Ещё одна интересная особенность повествования: приведение фактов из личной биографии. В главе третьей первой части Коняев вспоминает о своём дебютном рассказе «Находка», написанном в Кам-Курске в далёком 1969 году. Ещё, будучи учеником девятого класса, Николай почему-то стал размышлять об истории Сибири. Действующим персонажем в рассказе становится реальный потомок ссыльного

поляка по имени Жан. В книге, таким образом, начинает обозначаться до сих пор неведомый пласт, наличие которого не даёт свести исследование просто к историко-документальному повествованию. Говоря о персонажах и главных героях своих художественных произведений, автор открывает нам секреты своей писательской кухни, главный из которых – умение мастерски передать им живое дыхание близких сердцу писателя прототипов. Именно здесь художественное смыкается с документальным! Из четвёртой главы, например, мы узнаём о том, что тётка Спиридониха из повести «До поры до времени» наделена чертами прабабушки по материнской линии Елены Федосеевны, её не только запомнил девятилетний мальчик Коля, но и полюбил. Но, конечно же, самые яркие персонажи списаны с отца и матери. Вообще, когда речь заходит о близких людях, писатель переходит на совершенно иной, сердечный лад. Оно и понятно, зная о многих предках, в том числе бабушках и дедушках, лишь понаслышке от родителей, да и то – большей частью от матери Василисы Егоровны, мастерски владея словом, писатель творчески перерабатывает воспоминания в различные формы – то монологические, то диалогические – при этом, нисколько не отходя от их основной сути. Живо написаны четвёртая, пятая, шестая, седьмая, восьмая и девятая главы, читая их, не успеваешь заметить, как приходишь к окончанию первой части книги.

Вторая её часть – «Нялинская колыбель» повествует уже о малой родине самого писателя. К её описанию он подходит также основательно, рассказывая в подробностях об освоении Самаровского (нынешнего Ханты-Мансийского) района. Исторические выкладки, конечно, читать не просто, но уже в первой главе автор подготавливает читателю небольшой сюрприз. Рассказывая об Омском Притарье, с которым связана его юность, он сетует в начале первой главы новой части: если древнему «омичу», как показали археологические раскопки, 14 тысяч лет, то древний «самаровец» таким возрастом похвастаться не может. Заканчивается же глава «post

scriptum»-ом, перечёркивающим первоначальное убеждение: в посёлке Луговском обнаружена сенсационная находка – раскопки показали, что на территории Ханты-Мансийского района 11-16 тысяч лет назад жили первобытные люди.

«Post scriptum» – особый приём-комментарий, которым иной раз завершается очередная глава, но не такой частый, впрочем, как эпитафия: без него ни одна глава не обходится, он не только предваряет суть её будущего изложения, но и направляет читателя к главной идее повествования, намекая на авторский замысел.

Вторая часть имеет очерковый характер и рассказывает нам о более «близких» событиях. С третьей главы, минуя Самаровский район, читатель приближается к посёлку Нялино, перенося читателя с конца XVIII века к 20-м годам XX столетия. «Нялино» так запало в писательскую душу, что стало творческим псевдонимом: «Н. И. Нялинский» – часто так подписывался Николай Иванович.

Спецпереселенцам посвящена четвёртая глава, пятая и шестая. В них говорится об испытаниях, выпавших на долю северян, ковавших победу на военном и трудовом фронтах Великой Отечественной. Промысел «Трудовик» – объект авторского внимания в седьмой и восьмой главах, они наполнены живыми воспоминаниями и читаются с особым интересом.

Из восьмой главы мы узнаём о «тайне» рождения автора.

Во-первых, оказывается на самом деле он родился не в посёлке Нялино, а, как он сам, пишет «в двух шагах от него», («Трудовик» перевели в Усть-Назымский промысел).

Во-вторых, Николай Иванович Коняев появился на свет вовсе не 1 января, как записано в его паспорте, а на две с половиной недели раньше – 13 декабря 1953 года.

Заканчивается вторая часть книги очерком о Нялинском детском доме № 78.

В третьей части повествования «Между двух берегов» уже явно проступает коняевская манера изложения. Если представить мысленно в руках писателя универсальную камеру,

фокусирующую в своём объективе не только пространство, но и время, то в предпоследней части книги делается сначала «пространственный» наезд на новое местожительство семьи Коняевых – село Конево, а затем и «временной» – сообщается об его истории. О быте сельчан писатель рассказывает, применяя «средние» и «крупные» планы, вспоминаются подробности жизни в Конево.

Третья глава – одна из самых трагичных – поклон исчезнувшей деревни, скорбный плач о разрушенных населённых пунктах Самаровского района. Приложением к ней в канву повествования «вмонтирован» рассказ о распиленном на дрова «хищником» – соседом Кузовниковым отчетом дома героя Анатолия Лаврухина, что привезён был из разрушенного села Перевала, находившегося «в двух часах ходу на «Вихре»... Этот рассказ чем-то автобиографичен и, наверное, он и дал импульс для создания книги памяти «Моя нечаянная Родина»...

Пятая глава интересна взглядом юного северянина на то место, откуда вышли его родители, на родину, не принявшую его большую семью обратно. Так в 1958 году обосновались до лучших времён родители Николая Коняева в Самарском районе... Воспоминания автора ведут нас на лесочасток Майку, где он обретает первые осознанные впечатления, запомнившиеся сцены общения с отцом и матерью, «битва» с карасями, выпрыгнувшими из таза и напугавшими мальчугана...

Наконец, вот она – встреча с окружным центром – первая поездка в Ханты-Мансийск, где маленький Коля потерялся и очутился в милиции – всё это разукрашивает третью часть всеми цветами радуги.

Последняя часть – «Сеульская Атлантида», повествует о новом пристанище семьи Коняевых на одном из участков лесного хозяйства Самарского района.

Может быть, первые главы и утомят привередливого читателя, зато он будет с лихвой вознаграждён в дальнейшем. Третья и четвёртая части, пожалуй, наиболее живые и чи-

таются на едином дыхании. Почему? Да, всё очень просто. Когда читаешь истинную прозу Коняева, испытываешь ощущение лёгкости слога, ведь он стилист, каких ещё поискать. И эта техника письма, несомненно, передалась ему от учителя, Анатолия Игнатьевича Приставкина, его руководителя прозаического семинара в Литинституте.

Ещё одно замечательное качество привил себе Николай Коняев: умение не только слушать, но и слышать своих литературных персонажей. Как порою этого не хватает тем, считает автор, кто пытается выдавать желаемое за действительное, не видя со стороны свою скороспелую реальность, такую незнакомую и непонятную народу. Самого главного глазами, действительно, не увидеть: реальность должна быть выношена писательским сердцем, выстрадана его духом.

Когда вышла в свет «История государства российского» Николая Михайловича Карамзина Пушкин назвал это явление подвигом честного человека. Вряд ли бы историк и писатель совершил этот подвиг, если бы не верил в русский народ. Повествование Николая Коняева иного масштаба, в его основе – история семьи, личные впечатления детства и отрочества писателя, а также запомнившиеся ему яркие рассказы взрослых о себе и о своих близких. Они по-своему интересны и ценны тем, что вносят свою, пусть и малую лепту, в грандиозную картину разворачивавшихся исторических событий в Западной Сибири.

Проделан огромный авторский труд – опрошены десятки людей, пересмотрена масса источников о разных периодах российской жизни. Будет ли он с лихвой вознаграждён? Почему-то очень хочется верить в то, что ответ будет положительным, пусть и не сразу. Надоело быть Иванами с чугунными лбами и от того не помнящими своего родства! Прав писатель: без оглядки на прошлое наше движение к будущему просто бессмысленно...

В Год литературы уже в Тюмени под редакцией Николая Коняева вышел уникальный труд «Хрестоматия тюменской литературы». Это двухтомное издание стало, по сути, памят-

ником тем, кто за триста лет существования тюменской литературы внёс значительный вклад в литературное наследие края.

На протяжении нескольких лет Николай Коняев был членом редакционного совета литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири».

И последняя крупная работа, к сожалению, не завершённая, это роман Николая Коняева о Льве Троцком, точнее об эпизоде его революционной деятельности во время ссылки в Западную Сибирь. В основе повествования – побег на большую землю. Работа началась ещё в Ханты-Мансийске, более десятка лет назад. Первоначально планировалось рассказать только об этом эпизоде из жизни Троцкого в 1907 году. Однако, возможно, со временем тема эта получила бы новое развитие, но случилось то, что случилось...

Николая Ивановича не стало в 2017 году.

Писатель Сергей Козлов, перебравшийся из Ханты-Мансийского округа на место жительства в Тюмень, поведал читателям, что исторический роман Коняева в целом был закончен, хотя сам автор и подразумевал ещё два-три тома. Книга была «спасена» из компьютера его вдовой Натальей Васильевной. Она просила передать слова благодарности всем, кто помогал последнему роману Николая Ивановича выйти в свет. Её стараниями и благодаря поддержке депутатов Тюменской областной думы Владимира Столярова, Евгения Макаренко, Тамары Казанцевой, Николая Токарчука, Инны Лосевой, Александра Крупина, Владимира Майера, Сергея Дубровина, Алексея Аносова, а также президента литературного фонда «Дорога жизни» поэта Дмитрия Мизгулина роман «Берег белый – берег красный» попал всё-таки к читателям.

Николай Коняев дал этой своей последней работе необычное определение – роман-реконструкция, поскольку действие повествования разворачивалось в Тобольской губернии начала XX столетия. В книге рассказывается также о судьбе человека, помогавшего бежать из ссылки в Об-

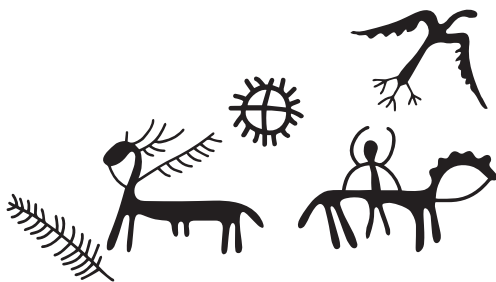

дорске (ныне Салехард) революционеру Льву Троцкому. В произведении использовался тот же литературный приём, что и в книге «Моя нечаянная Родина»: чередование художественного текста и реальных исторических документов из архивов, что, конечно же, положительно сказалось на качестве литературного содержания, многомерности романа. Помню, выступление Николая в телевизионной документальной программе телерадиокомпании «Югра», посвящённой очередной годовщине побега Троцкого из ссылки в сибирское Берёзово, а далее на оленях через леса и Уральские горы. Активное участие в организации побега принимал человек по прозвищу Коровьи Ножки, при советской власти также за это оказавшимся в опале.

Николая Ивановича не стало в 63 года, задумок у него было много...

Близкий товарищ его Александр Кердан написал о скоропостижной кончине друга 28 сентября 2017 года:

Ушёл от нас наш Николай Коняев –
Остался недописанным роман...
И брешь в ряду товарищей зияет.
Отряд редееет и бредёт в туман...

МАЛАЯ ПРОЗА О БОЛЬШИХ ПРОБЛЕМАХ

Термин «малая проза», по мнению, современных исследователей включает в себя многообразные жанры: рассказ, новеллу, миниатюры, афоризмы, дневниковые записи, письма, забавные рассказы, курьёзы, короткие истории, незавершённые фрагменты, наброски и записи разговоров.¹⁶² В. В. Кожин, относя повесть к переходному жанру от рассказа к роману (от малой прозы к большой), допускает мысль о том, «что и простое разделение новеллы, повести и романа на основе их объёма нередко оказывается проблематичным. Так, пушкинские «Повести Белкина» по объёму и охвату событий следовало бы скорее назвать новеллами...»¹⁶³ Новелла – всегда представляет собой художественное целое с определённой направленностью – очерковой, сказовой или сюжетной. В последнем случае акцент действия переносится на завершение повествования. От повести, как правило, её отличает небольшой объём, поэтому она соотносится с жанрами малой прозы.

По мнению исследователя, повесть, «подобно рассказу, нередко принимает форму как бы устного рассказывания»,¹⁶⁴ и это тоже сближает её с рассказом. В современном издании – «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) дважды подчёркивается, что повесть, как жанр «малой», «средней» или «большой» прозы, «в мировой ли-

¹⁶² Составители «Словаря литературоведческих терминов» Л. И. Тимофеев и С. В. Тураев (Москва: «Просвещение», 1974) определяют рассказ, как «малую форму эпической прозаической литературы» (В. В. Кожин, с. 309); новеллу, как «малую повествовательную форму» прозы (В. В. Кожин, с. 239).

¹⁶³ Там же. – С. 271.

¹⁶⁴ Там же. – С. 272.

тературе чаще всего чётко не вычленяется».¹⁶⁵ И в этом нет ничего удивительного, потому что границы повести, как, впрочем, жанров, склонных к малой прозе, довольно подвижны, и поэтому подвергаются постоянному пересмотру исследователей. По этой причине, нам думается, что повесть, являясь промежуточным жанром между «малой» и «большой» прозой, тяготеет к рассказу в том случае, когда в одном сюжетном обстоятельстве сфокусировано множество смыслов и разных нюансов, достигнута глубина и многослойность события, ставшего поводом для раскрытия сущности идейного содержания произведения.

Малая проза Югры начала своё развитие, примерно, с 1930-х годов. По сути, они стали отправной точкой. И если до 1990-х прозаики, накапливая опыт, некоторые произведения писали «в стол», то три последних десятилетия оказались продуктивными. В малой прозе наметились перемены не только в тематике, но изменилось само мироощущение героев, заметнее на этом фоне стала обнаруживаться исчерпанность старых художественных форм. Былой идеологии и методологии социалистического реализма пришли на смену другие идеи и способы воспроизведения действительности, поставившие под сомнение «абсолют» советского понимания «прекрасного» и «положительного» в искусстве.

Приведём пример «художественного рационализма» конца 1930-х – начала 1940-х годов, который дал литературе социалистического реализма обнародовать новый тип человека – волевого, движимого идеей переустройства жизни.

¹⁶⁵ С. И. Кормилов, автор статьи «Повесть» в «Литературной энциклопедии терминов и понятий» под редакцией А. Н. Николюкина, (Москва: НПК «Интелва», 2001), стб. 752-753.

Наглядный образец того времени – документальный рассказ «Конюх» Григория Лазарева.¹⁶⁶ Вот выдержки из этого очерка, наглядного образца малой прозы того времени. Опубликован он был на третьей странице 95 номера газеты «Остяко-Вогульская правда» от 24 апреля 1940 года. Речь идёт о молодом конюхе Николае Толстогузове, пришедшем в колхоз имени Климента Ворошилова в 17 лет. Художественные достоинства рассказа на уровне газетно-журнальной публицистики того времени, в которой присутствуют явные элементы комсомольско-партийной характеристики, но дело даже не в этом, важнее то, что герой лишён каких-либо эмоций, собственных размышлений – перед читателями предстаёт даже не портрет – силуэт образцового трудоголика.

«Работая на конном дворе, Николай присматривался ко всему. Его всё интересовало, и он стремился всё узнать. Редко можно было видеть Николая Толстогузова где-нибудь в другом месте, кроме конного двора.

В короткий срок Николай стал хорошим конюхом и самостоятельно повёл дело.

В 1937 году колхоз командирует т. Толстогузова на месячные курсы конюхов в с. Берёзово. После курсов Николай работает бригадиром на животноводческой ферме колхоза. На его ответственности более 60 голов лошадей. Строго следит он за уходом, за порядком на ферме.

Рабочий день у Николая начинался с 4 часов утра. Вставая, он шёл осматривать лошадей. С вечера знал, куда и какие лошади потребуются на следующий день утром. Кони всегда были готовы до того, как придут за ними рабочие.

Делов у Николая было много. Наведя порядок на конном дворе, он шёл в правление колхоза, здесь учитывал дневную работу, начислял трудодни, заносил их в табель. Поздно вечером т. Толстогузов начинал свой отдых.

¹⁶⁶ Лазарев Г. «Конюх» / Г. Лазарев «Остяко-Вогульская правда» 1940 года, № 95 (24 апреля). – С. 3.

Тов. Толстогузов с любовью ухаживает за лошадьми. Его работа в колхозе – это борьба за рост общественного стада. За 3 года Николай вырастил 40 жеребят, перевыполнив трёхгодичное задание по росту общественного животноводства.

Николай Толстогузов является образцом честного и добросовестного колхозника. Для него стахановский труд честь и слава. В 1939 году он выработал 630 трудодней. За три года работы бригадиром конного двора Николай 8 раз получал от колхоза премии. Сейчас Николай Толстогузов является кандидатом на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку 1940 года.

...Леушинский колхоз имени Ворошилова, Микояновского района, послал Н. Толстогузова на годовичные курсы животноводов. Он учится сейчас в окружной колхозной школе».

Даже замечательный по своим художественным свойствам первый мансийский рассказ «Два охотника» Пантелеймона Чейметова (Еврина), вышедший в Ленинграде отдельным изданием за год до начала Великой Отечественной войны, не лишён идеологической подкладки того времени. Финал – примирение одного из героев рассказа Трофима с социалистической действительностью: когда тот, под влиянием своего нового русского друга Василя, решается на вступление в колхоз.¹⁶⁷

С конца 1980-х в прозе Еремея Айпина всё заметнее столкновение двух тенденций: освоение Севера, с его индустриализацией, и разрушение естественной жизни северных народов. Персонажи Айпина едины в своих представлениях о мире и себе, их вселенная антропологична, и личность всегда выступает в единстве со своим народом. В основе кар-

167 Литература Югры. 1930–2000. Проза. Антология. Часть 2. Редактор-составитель Н. И. Коняев. – ИФ «Унисерв», 2002. – С. 16-33.

тины мира языческое мироощущение героев. Не случайно будущий писатель начинал с того, что записывал предания и сказки, рассказанные родственниками, слушал и запоминал истории охотников и рыбаков.

Позже, в романе «Богородица в кровавых снегах», посвящённом восстанию казымских ханты, утвердится мысль: в истории обских угров, власть часто была отчуждена от народа. Прозаик и депутат окружной Думы Югры Еремей Айпин – за сохранение мест коренных народов в ареале их естественного проживания, за сбережение основ духовного существования ханты и манси. При прокладке дорог, трубопроводов, обустройстве скважин нефтяниками важно сохранить семейные, родовые уголья и святилища, некоторые из них, кстати, уже сейчас имеют статус памятников регионального значения.

Если говорить о новеллистике Айпина, то она традиционно включает в себя острый, парадоксальный сюжет, композиционную отточенность, нейтральный стиль изложения, неожиданную развязку. Не потому ли для писателя развязка порою гораздо важнее завязки, окончанию своих рассказов и новелл он уделяет особое внимание, подводя итог и одновременно сохраняя недосказанность.

Новелла требует от писателя предельного мастерства, ибо автор обязан думать о целенаправленном сюжете, действии прямо или косвенно должно соответствовать разработанной схеме.

Новелла Айпина охватывает единичное действие, где раскрывается характер героя. Повествование имеет свои особенности, поскольку сродни лирическому повествованию, у него своя музыка и ритмика. Центральная тема – «одиночество души», поиски женского идеала, погружённость в мир природы, языческое поклонение женщине, как берегине и одновременно недостижимой мечте. В новеллах у прозаика часто встречается сверхъестественная любовь.

В таких образцах лирической прозы, как «Осень в твоём городе», «Моя княжна» (произведения имеют подзаголовки «Осенняя грусть»); эссе «Где же ты, осень» складывается ощу-

щение того, что автор очень близок своему лирическому герою, его переживаниям.

Совершенно справедливо заметил в предисловии к книге Река-в-январе» Анн-Виктуар Шаррен, вводя нас в мир лирической прозы Еремея Айпина: «Это рассказы о неслучившемся». ¹⁶⁸ Почему о неслучившемся? Да, наверное, потому что мир, созданный в воображении художника не всегда адекватен обыденному сознанию. Получается, для нас, живущих в одном мире с айпиновскими героями, пересечения по прямым просто невозможно из-за их параллельности.

Взять, к примеру, рассказ «Осень в твоём городе». Стилистика этого произведения необычайно лирична. По форме – это диалог не с героиней повествования, а героя с самим собой – тем, что когда-то был счастлив в Городе «её любви». Подзаголовок к лирическому повествованию не случаен – «осенняя грусть». Это новелла о том, что в один поток нельзя вступить дважды. Жизнь героя делится на то, что могло быть, и, в конце концов, на то, что произошло из-за обстоятельств, которые всегда выше нас...

В первой части читателя встречает не просто осень, традиционно трактуемая в литературе, как пора увядания и грусти, а человеческое несовершенство в достижении счастья, несмотря, на чистоту помыслов. Влюблённость героя ассоциируется со снегопадом, который в стилистике новеллы воспринимается как «божий дар». Выстраивается логическая цепочка развития личных отношений, которые привязаны к определённым стихиям. За снегом – река. Далее взгляд повествователя обращён на творения рук человеческих – корабли, отливающие свинцом, с грозными стволами пушек. Однако этот символ – лишь потенциальная угроза чувствам влюблённых, ведь корабли не в боевой готовности, а «на якорях». Но почему-то именно с этого момента начинает казаться, что герой будет обречён на одиночество.

168 Айпин Еремей. «Река-в-Январе». Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Мирал», 2007. – С. 6.

Интуитивно понимая это, он пытается сберечь своё счастье, но поздно: серость будничного, несмотря на официально провозглашённый праздник, помешали дальнейшему развитию чувств. Счастье в этом мире нельзя объявить или назначить, оно всегда недолговечное и ускользающее... А кроме того, для него необходимо потрудиться. Лирическому герою остаётся лишь молиться образу своей возлюбленной. К этому сборнику рассказов Еремея Айпина «Река-в-Январе», можно адресовать иной подзаголовок – рассказы сердца – живого и могучего, находящегося под спудом...

Финал рассказа не просто лиричен – это высокий пафос любви.

После такого художественного произведения невольно настраиваешься на самый высокий лирический лад – и не разочаровываешься, но осенняя грусть о «Моей княжне» уже иного свойства. Здесь другая осень и другая страна, другая героиня и другой герой, однако есть и объединяющее начало – героиня тоже ускользает – герой снова остаётся в одиночестве.

В малой прозе 2000-х писатель поднимает проблемы философского характера: о месте человека в мире, во вселенной, о духовном единстве людей, живущих на земле. В новом веке проза Еремея Айпина становится приглушеннее, меняя свою публицистичность на интимность. Автор следует традициям русской лиричности, основанной на хорошем литературном языке. Писатель умеет работать с паузами.

В его творчестве появляется новая тема, которой Еремей Данилович просто не мог миновать, поскольку он из того поколения писателей, которое выросло в послевоенные годы – из тех, кто «краешком» застал войну, или, родившись после, испытал горькие последствия этой мировой катастрофы на себе и близких. Это поколение отличается от нынешнего так же, как когда-то мальчишки-подростки от фронтовиков своей похожестью в готовности защищать родную землю и непохожестью, поскольку это тяжкое испытание их миновало...

На долю поколения Айпина пришлось другая трагедия, случившаяся в середине 1950-х годов прошлого столетия. Оно стало свидетелем, как люди, выросшие на родной земле, стали вдруг ощущать разрыв с ней: народ из сельского, лесного, тундрового стал превращаться в городской, поменяв крестьянское сословие на мещанское. Какая-то часть с родной земли ушла, но к городу так и не прибилась... Как при таком раскладе судьбы сохранить свою национальную ментальность? Еремее Айпину удалось напомнить об этой катастрофе книгой «У гаснущего очага». С той поры писатель занят обретения корней своего народа.

Один из способов – обращение к военной теме. Она в рассказе «В окопах, или явление Екатерины Великой» не была случайностью. Вскользь касается этой темы писатель и в рассказе «Продавец Кондаков». В основе его повествования лежит реальный случай, рассказанный народным сказителем Иваном Сопочиным, старожилом Сургутского района, много повидавшим в своей жизни за свои почти сто лет.

В рассказе «В окопах, или явление Екатерины Великой» повествование ведётся от имени фронтовика Алексея Разбойникова, с которым Еремей познакомился ещё в юности, учась в Ханты-Мансийске. Этим художественным приёмом от первого лица автор пытается выделить своих земляков, поднять их статус, указать на документальную основу повествования. Для него они не только одни из лучших людей, населяющих югорскую землю, но и великие граждане великого государства. Образы эти гораздо привлекательнее персонажей-индивидуалистов, что сегодня олицетворяют собой мощь научно-технического прогресса в ущерб природе и малой родине писателя: они для него – оторванные от жизни максималисты.

Почему такой лирик, как Айпин, не мог пройти мимо темы любви на войне? На наш взгляд, объяснений несколько. Во-первых, он, родившийся через три года после окончания Великой Отечественной, с лихвой познал все тягости послевоенного детства, а это – дорогого стоит и остаётся в памяти

навсегда, как чеховское ружьё, что обязательно выстрелит, раз уж появилось на сцене.

Во-вторых, впечатлительному мальчишке, слушавшему рассказы старших родственников-фронтовиков, наверняка хотелось в своих мечтах «довоевать» вместе с ними.

В-третьих, как это важно ощутить «нерв» своих литературных героев, когда они на волоске от гибели. Поэтому в монолог рассказчика-фронтовика он вкладывает искренние слова о своём понимании любви: «Когда стоишь на расстоянии одного шага от смерти, то есть тебя одно мгновение отделяет от жизни и смерти, всё вокруг тебя обретаёт иные, новые очертания. Совсем по-иному начинаешь оценивать то, что имеешь... Быть может, завтра тебя убьют, и ты умрёшь, так и не узнав, что такое любовь. А ты чувствуешь, что она ходит где-то здесь, совсем рядом, совсем близко. Только надо найти её, прикоснуться к ней. А тебе отпущено времени, быть может, совсем немного. Поэтому, спешу, не упускай своего. Упустишь, потом пожалеешь. Возможно, если останешься в живых, будешь жалеть об этом всю оставшуюся жизнь. Такова жизнь на войне. Такова жизнь в окопах».¹⁶⁹

Существует мнение о том, что писатели влюбляются в своих героев, когда создают их образы. Если это так, то можно представить себе, как болит писательская совесть за того, кто обречен на гибель молодым, за невозможность помочь им остаться в живых....

Для Айпина его герои ещё дороги и тем, что их образы несут в себе широкое обобщение.

Многозначителен персонаж рассказа комбат Красильников: «родился в Ялуторовске, а учительствовал на Севере», если приглядеться, можно увидеть черты «национальной биографии» народа. Это помогает читательскому пониманию природы художественных образов, возникающих

169 Айпин Еремей. «Река-в-Январе». Сборник рассказов. – СПб.: ООО «Мирал», 2007. – С. 170.

под пером Айпина: в героях его повествования сосредоточена созидательная сила народа. Художественное произведение Еремея Айпина «В окопах, или явление Екатерины Великой» имеет подзаголовок «Рассказ фронтовика». Автор посвятил его своему другу, земляку, освободителю Европы, Алексею Разбойникову. О нём прозаик всегда вспоминает с теплотой, как о человеке добросердечном и открытом. Встречи с ним запомнились юному учащемуся Ханты-Мансийского педагогического училища, где фронтовик и ветеран труда, Разбойников, исполнял должность хранителя спортивного инвентаря и в свободное время сообщал любознательным ребятам много такого интересного о войне, о чём тогда не писали в официальных источниках. Айпин в своей романтической истории пытается указать на документальность всего происшедшего с её героем.

В большинстве айпиновских произведений малой прозы есть такая особенность: поступки и действия персонажей характеризуются главным образом через их мысли. Многие эпизоды в них строятся как развёрнутый внутренний монолог или исповедь героя. Характерно это в первую очередь для рассказов «Река-в-январе». Здесь на первом плане отношение главных действующих лиц к событиям и явлениям, запечатлённых памятью, ибо они стали переломными в духовной жизни – и почти полное равнодушие к текущему и обыденному. Отсюда у Айпина, может быть, некоторая фрагментарность композиционных построений, смысловая многозначность и уплотнённая символика. Иногда эта символика выносится в название произведений, как, например, в рассказе «В окопах, или явление Екатерины Великой». Собственно, «окопы» для писателя и есть наша, не всегда приглядная жизнь: «обрыдлость» такой окопной жизни – не только в холоде и голоде, в грязи и дерьме. Окоп может стать не только защитой, но и могилой для человека. Поэтому многие, находившиеся в окопах, жили одним днём, одним мгновением, как старшина Лёва Левенко, он «никогда не задумывался и не заглядывал в завтрашний день, в будущее.

И этим был счастлив...»¹⁷⁰ Автор постоянно подчёркивает мысль о том, что окоп пахнет войной, а война – величайшее зло в мире. Свою героиню именно по этой причине Айпин противопоставляет «окопам». Важную функцию выполняет сравнение запахов, исходящих от окопов – сырая земля, порох, тротил, и от волос героини: «Удивительное дело: они пахли не войной, а мирным лесом, мирной водой, мирным небом. Словом, пахли миром и жизнью. И я задохнулся этим запахом. Задохнулся запахом её губ и её тела. И это было самое бесконечно длинное мгновение в моей жизни. Это была самая длинная часть моего земного бытия, моей земной жизни. В этом была вся моя разумная жизнь».¹⁷¹ Героиня – «Екатерина Великая» потому и носит такой титул, поскольку представляет на войне совершенно иной мир, к которому никогда не пристанет хула и зависть. Рассказчик особо подчёркивает последнюю встречу с девушкой-землячкой: «Вышел из палатки, как будто из другого, нежного и прекрасного мира».¹⁷² Место, где погибла героиня, тоже не случайно названо «воронка-окоп».

Символичны последние слова исповеди-монолога рассказчика: «Вот так и живём в разных мирах, мучаемся. Впрочем, все мы в окопах живём...»¹⁷³ Последняя фраза может показаться странной, если не обращать внимания на символику повествования. Описывая смерть рассказчика фронтовика, писатель подчёркивает, что умер он на покато́м склоне «сухой ямы-промоины, похожей на воронку-окоп военных времён».¹⁷⁴

Так предметно-конкретный образ вырастает до символически-обобщённого, а повествование о прошлом героя-рассказчика становится темой осмысления нашей совре-

170 Там же. – С. 169.

171 Там же. – С. 174.

172 Там же. – С. 175.

173 Там же. – С. 178.

174 Там же. – С. 178.

менной жизни, «окопов», из которых мы никак не можем выбраться...

В рассказе «Парижанка» также иные – осень, страна, героиня («В ней тёплое и завораживающее было сильнее, чем непонятное и непостижимое»¹⁷⁵) подразумевается другой герой – ушедший в себя писатель.

Думается, в последней фразе – ключ к тайне творчества Айпина, осознающего себя всё больше и больше гражданином мира... У каждого талантливого художника есть нечто такое, что отличает его творчество от произведений других писателей. Назовём это явление – мирозерцанием, но и это определение не будет полным, ибо какие бы мы не предпринимали логические построения, какие бы не выводили формулы творчества, собственный взгляд проявляется и в образах, и в логике построения фразы, и в чувственности, и в манере проникать в действительность – и во многом другом, что, по сути, является тайной писательского мастерства...

У Еремея Айпина с детства заложено очарование миром, в котором он рос: любовь к родному краю, понимание народной психологии, знание быта и жизни коренных народов Севера. Поэтому было бы удивительным для нас, если бы он не разделял интересы своего хантыйского народа и не способствовал улучшению его жизни. Эту сторону общественно-политической жизни надо тоже учитывать, рассуждая о его литературной деятельности. Вполне возможно, что увлечённость фольклором ханты, рассказы из жизни его ближайшего окружения, услышанные ещё в юные годы, привели его к увлечению прозой. Литературный язык Еремея Даниловича вбирает не только классическое наследие, но и меткие хантыйские выражения – загадки, сравнения и другие образные народные выражения. Такое осознание кровной связи умножает силы и вдохнов-

175 Там же. – С. 187.

ляет писателя на покорение новых творческих вершин. Очень важно, когда перед тобой предстают ни какие-то бледные призраки, а живые образы: читатели увлечены их радостями, страданиями, рассуждениями, страстями и спорами, принимают участие в их судьбах, – словом, поддерживают, таким образом, духовную связь с творцом-писателем. Для них, собственно, Еремей Айпин обдумывает каждую новую краску, каждый штришок, каждую новую интересную деталь...

В новом столетии в художественных произведениях писателей Югры обозначились эсхатологические настроения, связанные с политическими переменами в нашем отечестве. В рассказе «Голубая лагуна»¹⁷⁶ Александра Игумнова повествуется о трагической судьбе отставного боевого офицера, ставшего изгоем. Правда, автор находит в себе силы завершить своё произведение оптимистическими нотами. Он понимает важность поставленной проблемы и при этом не скатывается на мелочные обиды, но и не хочет лгать. Показательна судьба деда героя рассказа, майора спецназа Владимира Макаренко. Эпизод, ответвившийся от основного ствола повествования, также сработал на главную идею повествования: ветеран дед Петро «не смог простить развала Великой Державы и обнищания народа... не простил и самому себе – бывшему фронтовику-офицеру, допустившему очередных безбожников к власти». Гордый старик покончил с собой, оставив прощальную записку: «Не хочу жить в пакостной стране. Боже! За что мы страдали и воевали?»

У Александра Игумнова тема войны в Афганистане продолжена в рассказе «Рядовой Джон». Задача прозаика про-

176 «Эринтур». Альманах писателей Югры. Выпуск № 11. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 196-215.

ста: на примере служебной собаки по имени Джон показать судьбы воинов-интернационалистов: «Пёс стал бравым воякой... сколько солдатских жизней спас, не подсчитает никакая статистика».¹⁷⁷

Первый её хозяин Шурик погиб, а его товарищ Владик пожалел раненного кобеля, сохранив ему жизнь. Наступила пора вывода войск из некогда дружественной страны, но боевой пёс продолжает свою войну с душманами: «до последнего он надёжно нёс службу».¹⁷⁸ Так он мстит за гибель своего прежнего хозяина: одного из врагов загрыз, второго, заросшего бородой головореза постигла та же участь, прикончил кобель и третьего, но и сам был убит. Рассказ только на первый взгляд кажется простым: после прочтения приходят в голову разные мысли – об идеологии, что укоренялась в головах не только людей; о служебном долге, о переосмыслении жизни и смерти. Судьба животного здесь стала лакмусовой бумажкой. Именно через этот образ автор пытается показать бессмысленность и ужасы той войны, что ныне у нас признана «ошибкой»...

Сегодня мы столкнулись с непривычной для нас, граждан родом из СССР, ситуацией, где ценности стали совершенно другими. В советской жизни жертва во имя родины для большинства казалось неоспоримым приоритетом. Этим оправдывалось строительство небывалого справедливого социалистического общества. Ради такой цели стоило жить и умирать! Но сейчас всё по-другому. Прочитав рассказ Игумнова, задумываешься: а что же сегодня осталось нам от того, что составляло любовь к своей стране? Кого должны защищать ребята, которые идут в армию. Олигархов? Бюрократов? Народившуюся буржуазию, не всегда чистую на руку? Всех, кто цинично заявит им, вернувшимся из горячих точек: «Мы вас туда не посылали»?

177 «Эринтур» (Поющее озеро): Окружной литературно-художественный альманах. 2019–2020. – Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск, 2020. – С. 12.

178 Там же. – С. 15.

Этой же теме – униженных и оскорблённых в нашей стране – посвящён рассказ «Банкет» из цикла «Фронтовые были» Бориса Карташова, опубликованный в пятнадцатом выпуске «Эринтура» (2010). Образ старика-ветерана, ставшего бомжом, не может у читателей не вызывать сочувствия. Сегодня, когда пресса сообщает нам из разных уголков страны о том, что остались ещё защитники родины, не получившие причитающегося им государством жилья, не устаёшь удивляться нынешнему неблагодарному времени к заслуженным и немало выстрадавшим на своём веку людям...

Эту же тему продолжает и другое произведение прозаика «Первая награда» – короткий рассказ, подзаголовку которого бы в большей степени соответствовало название «житейская история». Его герой из тех людей, каких немало было на поле боя, пережил ужас смерти на войне, чтобы умереть от разрыва сердца в перестроечное время на опознании тела внучки, изнасилованной и убитой наркоманами.

Писатели не только Югры, но и всей России сегодня столкнулись с такой ситуацией, когда привычные духовные ценности вдруг стали подвергаться сомнению. Это в том числе касается и нашего патриотического воспитания, любви к Родине. Раньше нравственные категории были неоспоримы в жизни каждого члена общества, и в царской России, и во времена, когда шло строительство социалистического строя, по мнению большинства, самого справедливого в мире. Ради такого государства стоило жить. Вся эта самобытность и масштабность теперь отсутствует. Кто-то может возразить: не всё, что было создано в советскую эпоху прошло проверку временем и укоренилось в обществе. К сегодняшнему дню ощущается острое противоречие между ростом бытовой культуры и упадком духовности. Не начинается ли наша цивилизация обменивать совесть, духовность, культуру, любовь к родине – на деньги? Когда Россия раскололась после гражданской войны, побеждённые эмигрировали

за границу, но и тогда люди сохраняли свою любовь к родине, оставаясь патриотами. А сейчас много ли мы найдём таковых в нынешней стране?

В советское время провозглашалось главной ценностью духовной личности её служение народу, Родине, готовность к самопожертвованию, героизму. Послевоенное поколение воспитывалось под звуки легендарных песен: «С чего начинается Родина...»; «Жила бы страна родная – и нету других забот»; «Перед Родиной вечно в долгу». Был некий идеал, определявший жизнь и облик огромных масс людей. Сейчас он не задан обществу ни как норма, ни даже как исключение из правил. Патриотизм был связан с социальными представлениями, с идеалами справедливости. Русская идея отечественными мыслителями и писателями формировалась, как всеединство, какая-то вселенская правда, русский человек понимался, как всечеловек. Укоренялось убеждение, что мы не только за себя – за весь мир в ответе. В обществе осознавалась изначальная ценность самого национального бытия. А теперь, если не исчезли нормы нравственности, то изменилось отношение к ним. Уже агрессивный индивидуализм всячески клеймит коллективизм. Что, главным образом, воспевалось и прославлялось в литературе – самоотверженность и подвиг во всём: труде, науке, дружбе, семье, любви к Родине, ненависти к врагам, то есть духовные ценности, придуманные не сейчас, – всё это оказалось на периферии нравственного сознания поколения, выбравшего «пэпси».

Наступил тот период, когда старые ценности порушены, а новые не сформированы – и как результат, эскапизм, самоубийства, преступность среди молодёжи.

Вернуться в прежние времена не дано. Нынешние экономические отношения сами по себе не являются разрушителями нравственности и совести, но заставляют иначе выстраивать отношения между личностью и властью. Ни власть, ни общество ещё не доросли до настоящего демократического правового государства, где человек,

его права и свободы являются высшей ценностью. Далеко от этого и государство, не желающее признавать, соблюдать и защищать их. Молодое поколение смотрит на отношение государства к ветеранам. Они славу Родины приумножили, а за что же Родина так обошлась с ними? Деньги, материальная обеспеченность, достойная персональная пенсия – лучшая награда для участников Великой Отечественной войны и трудового фронта. Наши старики прожили жизнь со словами: «раньше думай о Родине, а потом о себе», а родина в ответ щедро поила их «берёзовым соком»... Фронтовиков в стране осталось несколько десятков тысяч, им бы пенсии поднять хотя бы в 2-3 раза, чтобы ни в чём не нуждались. Тогда молодые люди посмотрят на них и других пенсионеров уважительно, посочувствуют старикам как самой незащищённой части населения, – и, может быть, изменят своё скептическое отношение к государству?

Трагическая тема, таким образом, объединяет творчество, таких, казалось бы, столь разных прозаиков, как Айпин, Игумнов и Карташов.

Круша старые идеалы страны Советов, нынешние деятели у власти хотя бы обращали внимание на славные дореволюционные традиции, на которых всегда стояла русская земля: патриотизм, жертвенность, приоритет общего над частным. Пока же диагноз неутешительный, как свидетельствуют писатели Югры... Но есть надежда! В лучшие времена русская литература всегда являлась для читателей храмом именно философии надежды.

Первые десятилетия XXI столетия и тысячелетия наглядно показывают, как изменилось писательское сознание за последние годы, в том числе и в нашем регионе. К сегодняшнему дню былая коммунистическая идеология вытесняется и замещается христианскими мирообразами. С особой наглядностью это проявляется в малой прозе Сергея Козло-

ва. Его гражданская позиция определяется мировоззрением православного художника.

В последние годы, начиная с рассказов, которые имеют символические названия вроде «Крест перекрёстка» и таких повестей, как «Мальчик без шпаги» («Пуговица царевича Алексея»), «Бекар», «Зона Брока», «Движда (Магдалина)», можно говорить о духовной самореализации автора. Кто-то попытается возразить: о Боге лучше помолчать, вопросы веры каждого человека – дело интимное, не лишённое таинства. Однако писатель мыслит иначе, не случайно эпиграфом к одной из своих повестей он взял слова из Иеремии: «И скажи им: так говорит Господь: разве, упав, не встанут и, совратившись с дороги, не возвращаются?» Эти строки актуальны для той части современной литературы Югры, и нашей страны, что стремится к воскрешению православной культуры. Для рассказов и повестей Сергея Козлова характерна цепь сменяющихся ситуаций. Его юные герои, бегущие от зла и безысходности действительного мира, находят убежище в своих духовных идеалах, которые кому-то могут показаться искусственными, навязанными модой и конъюнктурой. У писателя на этот счёт иное мнение. Часто в беседах с автором этих строк Сергей Козлов подчёркивал: его перо – идеологическое оружие, которым он, находясь в окопе, на переднем крае обороны, сражается с врагами России. Сражается, как может – пером и словом. Писателя часто упрекают в приверженности к Православию. Сергей Козлов этого не скрывает, ибо для него не может быть альтернативы в этом вопросе – дух, христианское сознание всегда первично!

В повести «Мальчик без шпаги» мать Тимохи показана не просто как жертва обстоятельств, а как трагическая личность, на которой лежит ответственность за собственные поступки и даже поступки членов семьи. Мальчик переживает – самый дорогой на свете человек – мама – пьёт, и это нельзя ничем оправдать. На примере этого образа, Сергей пытается показать читателям, как посредством женщины

происходит погружение в мир зла, если героиня не попытается ему противостоять. Воплощая в себе этот порок, «маленький» человек, помещённый в социальный вакуум, не в силах противостоять своей горькой судьбе. Истощение жизненной силы в предложенных государством условиях существования, унижения, стыд приводят к социально-психологической дезадаптации личности, к утрате человеком привычной ролевой функции в обществе. Такая ситуация для русской литературы не нова – она и составляет коллизию произведения. Звериное существо, дремлющее в каждом из нас, проявляется в первую очередь тогда, когда человек опускается. Героиня Козлова опустила до того, что вынуждена существовать инстинктивными порывами, которые настолько овладели ею и разрушили личность, насколько её существование начинает терять смысл жизни. Картина Сергеем не выдумана, а списана с натуры. Я и сам наблюдал подобное в 1990-е, убеждаясь в безысходности, аморальности и бессмысленности существования некоторых людей после вмешательства в их судьбы «перестройки» и её негативных последствий.

Одна из важных тем писателя Сергея Козлова – формирование духовного облика подростка и юноши. Она близка ему как гражданину, педагогу и публицисту. Проблема трудного подростка становится главной в повести для юношества Сергея Козлова «Мальчик без шпаги». Читая остальные произведения, приходишь к пониманию того, что неоднократно высказывалось вслух нашими литературными классиками и отечественными мыслителями: любое государство перестаёт существовать, когда народ превращается в население, преследуя только свои личные интересы. Если люди не хотят замечать чужую беду, то завтра она придёт к ним и лишит их сочувствия окружающих.

В повестях и рассказах многие герои Сергея далеки от идеала, но в большинстве своём они не лишены человеческого соучастия в чужой судьбе, поэтому и сохраняют за собой право называться русскими и представлять

собой титульную нацию, хотя в «Зоне Брока» автор и это подвергает сомнению, знакомя нам с «новым русским» по имени Гамлет. Да и сам подросток Тимофей – из первой наиболее удачной повести писателя! – окончательно обретает истинную русскость не сразу. Его жизнь, поначалу ограниченная мыслью о материальной самостоятельности ради заботы о близких, выходит на совершенно иной духовно-нравственный уровень, приводя героя в православный храм. Чудо это или закономерность? На первый взгляд – случайность, что пуговица царевича Алексея попадает в руки Тимохи. Однако, с другой стороны, каждая случайность – проявление определённых закономерностей: возжелал Тимофей больше узнать об этой необыкновенной пуговице, обеё первым обладателе – и всё тут же исполнилось! Не иначе как по Высшей Воле у героя происходит знаменательная встреча со священником, который открывает подростку глаза на необычный предмет, к которому поначалу так легкомысленно отнёсся подросток. Так старинная, начала двадцатого столетия пуговица, становится амулетом, оберегом своего нового хозяина. Некоторым читателям эпизод с пуговицей может показаться натяжкой – «богом из машины», как выражались древние. Однако, у Сергея свои аргументы: а что ещё может ожидать читатель от художественного произведения, в основе которого, прежде всего, вымысел, интрига, а не документ? Тем интереснее повесть: типичное переплетается с необычным и воображаемым. Не станем забывать и о том, что произведение рассчитано в первую очередь на юного читателя-романтика и поэтому некоторый писательский вымысел – не помеха для серьёзного разговора с ним. Жаль вот только, что в этой пуговице, выступающей важным символом в повести, сконцентрировалось одновременно духовное и материальное, в результате чего возникает некоторое недоумение. Священник, объясняя Тимофею значение пуговицы, на вопрос о том, сколько она может стоить, как и положено духовной особе, отвечает вопросом на вопрос: «А сколько стоит частица

неба?» Это, возможно, первый важный нравственный урок в жизни героя, когда ему объясняют простую истину – не всё в жизни покупается и продаётся, особенно, если на предмет купли-продажи снизошла Божья благодать, ибо он – часть святого. И вот на поверку оказывается, что пуговица – с «двойным дном»: в ней скрывается крупный бриллиант, и он достаётся в награду семье Тимофея. «Бриллиант» с лёгкой руки писателя, наверное, дань нынешней эпохе экономических кризисов, а вместе с ней и прагматизму, свойственному новому поколению россиян. А, может быть, это знак «свыше», как в сказке, итог за все страдания, что претерпела семья Тимохи за это время. Получается, финал повести акцентирован уже на самой пуговице, а не на том, что снисходит на людей благодаря ей? Но по большому счёту, побеждает всё-таки духовное, и в эпилоге пуговица осмысливается героем как реликвия, ему не принадлежащая. Следовательно, верх берёт не стяжательство, а то, что, действительно, не покупается за деньги. Не случайно, художественный фильм, снятый по мотивам повести, получил название «Наследники». Очень ёмко и символично! Разве можно ожидать ещё лучшего признания для художественного произведения?

Все писатели – наиболее серьёзные читатели, искушённые змеиной мудростью до такой степени, что в попытке самовыражения берут пример с Фёдора Михайловича Достоевского, сделавшего достоянием читателей свой писательский дневник. Может для кого-то дневниковые записи, как и личные письма – слишком интимны, а может быть, и нет – всего лишь продолжение мыслей и чувств. Для Сергея Козлова предпочтительнее второе. Его «Облака» – тоже образчик малой прозы – поражают нас тонкой наблюдательностью, интимностью и глубиной мысли человека не только думающего, но и немало выстрадавшего. Он пытается пробиться к читателю и вступить с ним в диалог, что, безусловно, способствует развитию интереса к чтению.

Уже упоминалось о том, что в книгах Сергея часто речь заходит о детях-подростках и молодых людях. Они – главные персонажи. Их личности, характеры ещё не до конца сформированы. Их мир открыт будущему, поэтому интересен вдвойне. Ведь неопределённость имеет необъятные горизонты, значительнее, чем мир традиционной любовной истории у взрослых.

Вряд ли кто поверит, если сказать о том, что проза Сергея Козлова связана со сказочным началом в его творчестве. Может быть, на самом деле, жизнь трагичнее, чем судьбы его героев. Но, оторвав свой взгляд от книги, мы видим уже наяву похожих людей: так авторская сказка становится реальностью.

Большая часть художников, представляющих современную малую прозу Югры, всегда выступала и выступает единым фронтом с русской классикой против попыток современной беллетристики насаждать в читательских умах чувство «стадного человека», внедрять в массовое сознание жестокость, призывы к первичным инстинктам. Словесность Югры отличается не только нравственная зрелость, но и борьба с такими художественными текстами, особенно распространёнными в молодёжной среде, где главными мотивами становятся проповедь анархического индивидуализма, нигилизма, призыв к свободе от социальных обязанностей во имя эгоистического пользования жизнью, культ эротических наслаждений. Некоторые «новаторы»-беллетристы почему-то забывают, что отечественная словесность, в том числе и малая проза, обладает глубинной многовековой христианской памятью.

Раньше читателя было труднее провести за нос: он чуял за версту графоманов, сейчас сложнее – публика потеряла нюх на истинную литературу. Отечественное просвещение нынче возрастает на органических удобрениях беллетристики, но наши деятели культуры в этом не видят ничего трагического для общества.

А между тем, наша духовная несостоятельность сегодня порождает малограмотного читателя. Дело в том, что в нашей

региональной словесности у некоторых писателей проявляется склонность к паразитическому использованию уже готовых схем, на удивление легко они переходят от одних идей, вдохновивших их рассказ, к другим, которые благодаря своей ангажированности вызывают к жизни новые художественные произведения, ну, да речь не об этом... Говоря о художественных произведениях, ориентированных на молодёжь, нельзя не отметить новомодный стиль, принятый в среде молодых людей. Но одно дело использование его для характеристики героев и совсем другое – активное внедрение в язык художественной литературы. Это всё равно, что, учитывая увеличение темпа жизни и скорость передачи информации, перейти в словесности на скороговорку и незавершённость речевых форм. Погоня за свехоригинальностью, желание выделиться приводят к сознательному искажению слов и намеренным ошибкам. Это неизбежно откладывается в сознании молодого читателя, чьё языковое чутьё ещё только формируется.¹⁷⁹ Ещё можно понять молодых авторов и предположить, что для них это своеобразная форма протеста против прессинга официального и регламентированного, а также давления литературных авторитетов, обладающих оригинальными художественными манерами, собственным стилем, богатством языка. Но когда языковое экспериментаторство, свойственное молодым, видишь у писателей, возмнивших себя мэтрами литературы, а в результате – пшик и низкий профессиональный уровень, – то начинаешь всерьёз задумываться о целостности нашей всеобщей культуры и речевой, в частности.

179 В повести Антона Кузнецова (Салтанова) «Lords of the boards», опубликованной в сборнике молодых прозаиков Югры (Утренний ветер. – Тюмень, ОАО «Тюменский дом печати», 2006. – С. 179-275), практически на каждой странице представлены выражения типа «жирная жопа», «говно-вопрос», «пошёл на болт». Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно...

Литературу Югры отличает не только нравственная зрелость, но и борьба с новоявленными «новаторами». Эти беллетристы почему-то забывают: отечественная словесность, в том числе и малая проза, обладает глубинной многовековой этической и эстетической памятью. Именно потому в Югре состоялись многие талантливые прозаики. Им есть с кого брать пример!

Писатель Сергей Луцкий, как, впрочем, большинство талантливых художников Югры, наводит читателей на мысль о том, что где-то в уголке души у каждого есть заповедное место, где хранятся, как в библиотеке на полках книги, страдания и фантазии, мысли и свершившиеся поступки – греховные и добродетельные – не только собственные, но и наших родителей, дедов и прадедов – и, собственно, всем этим определяется наша родовая память. И если даст она о себе знать после прочтения очередной талантливой книги, значит, дошла до нас магия творчества.

Двадцать лет назад представляя повесть Луцкого «Затмение» в пятом выпуске «Эринтура», Еремей Айпин подчеркнул: «За прошедшие два десятилетия С. Луцкий выпустил всего один сборник прозы. Но настоящая, серьёзная литература требует кропотливой работы над словом и образом. Это особенно ценно в наши дни, когда значительно снизился художественный уровень издаваемых произведений...

Он, без сомнения, внесёт свой вклад в укрепление духовной основы жизни Югорского края». ¹⁸⁰ Так и случилось!

Помнится, участвуя в обсуждении повести «Затмение» в Доме писателей (Ханты-Мансийск), появилось ощущение того, что малая проза Югры взяла ещё одну творческую высоту: поразил уровень художественного мастерства. День

180 «Эринтур». Альманах писателей Югры. – Выпуск № 5. – Ханты-Мансийск, 2000. – С. 120.

из жизни кандидата наук Кирюхина был не плодом писательского воображения, а жестокой реальностью, которую приходилось тогда наблюдать в Москве и провинции в начале 1990-х. Не каждый тогда из обманутых, обобранных и брошенных на произвол судьбы граждан, сумел найти силы подняться с колен. Многие сломались нравственно и приспособились к обстоятельствам тогдашней жизни, но значительная часть людей, попав в экстремальную ситуацию, стала жить инстинктами, эмоциями, без оглядки на завтрашний день. Герой «Затмения» находит в себе силы устоять на ногах, но какой ценой! Это время запомнится навсегда: ощущение было такое, будто бы только-только завершилась война – на улицах нищие, беспризорные, отчаявшиеся... Россия перестроечного периода была безжалостна к большинству своих граждан, сознание которых менялось в условиях, ещё более драматизирующих ситуацию. Переход к новым формам экономических отношений усиливает процесс маргинализации, захватывающий всё большее количество людей. Российская интеллигенция оказалась беспомощной наедине с наступившими переменами в стране. Недовольны властью тогда были все, но выразить свой протест столь ярко, доказательно, доходчиво, – одним словом, впечатляюще, удавалось не каждому российскому художнику. Творческий замысел Сергея Луцкого вполне удался: на примере этого художественного произведения читатели в полной мере оценили неуважение власти к простому человеку. В следующем выпуске «Эринтура» появилась повесть «Снохач Бусыгин» – размышление автора об одиночестве, которое возникает с годами и продолжается до самого конца жизни. Одинок не только герой повести, но и все окружающие его персонажи. Через проблему одиночества автор подводит читателей к важному философскому вопросу: для чего живёт человек?

Сергей из тех писателей, что считают: серьёзное произведение требует работы мысли, стремления понять, ради чего оно написано. В округе есть и другой тип художников слова.

По мнению этих писателей, литература должна увлекать читателя, поучать развлекая. Но развлекательность – не является характерной чертой настоящей словесности. В развлекательном чтиве, как показывает исследовательский опыт, можно и не обнаружить серьёзной авторской идеи. Для таких писателей, как Луцкий, идея, выраженная в нескольких фразах прямым текстом, и идея, возникающая в сознании человека после прочтения произведения, – не одно и то же. Вынесенная из произведения внимательным чтением, она эмоционально более глубока, объёмна и действенна.

Повесть «Варианты Надежды Вилоровны» – одно из любимых детищ писателя. В нём он сумел живо и реалистично передать опьянение интеллигенции началом перестройки и горькое похмелье от её результатов. Плодами революции, как всегда воспользовались проходимцы, а народ, как всегда, остался с носом. Однако перестроечные годы лишь фон, на котором разворачиваются события личной жизни самой героини. Надежда Вилоровна – тянется к необычному, яркому, броскому, выходящему за пределы повседневности, которая ей кажется серой. Отсюда её интерес не только к латиноамериканской культуре, но и к тем обычаям, традициям, нравам, с которыми она прежде не была знакома. В этом контексте понятны её увлечения мужчинами необычными, скорее, по своему «внутреннему» содержанию, чем по внешности. Автор знакомит нас с «последним вариантом» героини. Надежда Вилоровна про себя окрестила его «Мерзавцем». Зависимость от Мерзавца не случайна: в какой-то мере она связана с отчеством героини. Её дед по отцу, бывший картузник, свято верил в коммунистические идеалы переустройства мира во благо России, в которой не должно быть ни бедных, ни богатых. От былых идеалов осталось лишь имя отца – Вилор. Так назвал сына Степан Мефодьевич в честь Ленина (Вилор – аббревиатура слов: Владимир Ильич Ленин – организатор революции). Отец героини, представитель поколения, посвятившего себя строительству социализма, жёстко и даже цинично, развенчивает романтическое прекрасное деда Надежды Вило-

ровны, выворачивая наизнанку то, что было скрыто от глаз героини. Мерзавец – умный и проницательный – своим цинизмом также избавляет её от гипноза перестроечных идеалов. Было в Мерзавце и нечто демоническое – воплощение искушающего людей времени. Надежда постоянно его с кем-то путает, она видит его почти в каждом прохожем – настолько Мерзавец типичен и многолик. Недаром герой не имеет собственного имени. К концу повести Надежда что-то начинает понимать. Она видит, что мелькание масок может завести её в тупик, как и дедушку Степана Мефодиевича. Маскарадность – не новый приём в литературе, но именно он помог писателю Луцкому показать, кто есть кто. После прочтения повести невольно ловишь себя на мысли – насколько крепок ещё нравственный стержень русского человека. Благодаря ему мы – нация, народ, а не население, проживающее на территории. Однако в отличие от героини экзамен на отсутствие «стадности» предстоит выдержать не каждому. Испытывает минуты отчаяния и сама «негероическая» героиня: поначалу вовлечённая в процесс всеобщего опьянения демократией, она скоро понимает, что обогнать время можно лишь одним способом – пытаться жить для вечности, только тогда при всех своих слабостях можно оставаться человеком. Наступившему идейному и экономическому кризису можно противопоставить только духовную личность. Надежде Вилоровне таковой ещё только предстоит стать. На героине сходится большинство сюжетных мотивов повести, которые характерны для русской литературной классики – это безуспешные поиски личного счастья, заблуждения поколений в попытке отыскать свой смысл жизни и, наконец, мотив жертвенности.

Читая прозу Сергея Артёмовича, приходишь к мысли: живое ощущение действительности и способность выразить её правдиво – вот что делает творческого человека истинным художником. В отличие от прожитого только пережитое может служить предметом творчества.

Писатель Сергей Луцкий – один из немногих, кому удаётся до конца оставаться искренним. Его рассказы и повести

нельзя упрекнуть в «деланности». В них нет вычурных мыслей и слов, напряжённой манеры письма. Нет «сверхгероев» и «сверхгероинь». Как художник слова, Луцкий не стремится к проповеди, скорее, тяготеет к исповедальности действующих лиц. Рассказывая о непридуманных вещах, он вводит нас в круг старых, как мир, проблем. Он художник мягких тонов, душевных движений, а не выдающихся трагедийных событий, где личность всегда на изломе.

Повесть Николая Коняева «О, ля-ля!» впервые была опубликована в 2004 году в альманахе югорских писателей «Эринтур» и тогда же обратила на себя внимание внешней лёгкостью и простотой. Автор решил подойти к разгадке личности писателя с невидимой для большинства читателей стороны – бытовой. Таким образом, к проблемам писательского творчества в Югре ещё никто не подходил. Повествование начинается с важнейшего события в жизни героя. К своему пятидесятилетию бессребреник-писатель Александр Михайлович Григорьев, наконец-то, получил двухкомнатную благоустроенную квартиру. Подобный «материальный» повод помогает читателю раскрыть образ главного героя изнутри, и подтвердить устоявшееся у нас в стране мнение о том, что писатель в России больше, чем писатель. Знакомство с «внутренним миром» прозаика Григорьева происходит на фоне марающей бумагу братии, которую именуют беллетристами или литераторами. Совесть нации, добросовестный русский прозаик, герой Николая Коняева, им не чета. Не заискивающий и не прогибающийся перед властями, Александр Михайлович был «придавлен хоть и ожидаемым, но свалившимся как снег на голову счастьем». Для этого состояния Коняев нашёл очень ёмкое обозначение, вынесенное в заглавие повести – «О, ля-ля!» Автор не стремится познакомить нас со всеми подробностями жизни своих персонажей, да в этом и нет необхо-

димости – достаточно обыденных ситуаций, в которые те попадают на страницах повести. Они помогают читателям достаточно узнать об их характере, мировоззрении и внутреннем мире.

У автора повести обнаруживается глубокая взаимосвязь между деталью и целостностью изображения. Это особенно заметно в описании портретов персонажей Николая Коняева. Они создаются автором, с одной стороны, несколькими штрихами, благодаря чему перед читателями возникают узнаваемые контуры определённого психологического типа. Но, с другой стороны, неповторимую индивидуальность и даже некоторый шарм художественному образу придаёт всё-таки деталь.

Вот портрет писателя Александра Михайловича Григорьева. Может показаться, что у самого автора много общих черт с написанным портретом героя, но это не совсем так. Хотя есть определённая схожесть: герой повести, писатель Григорьев руководит творческим коллективом, то есть он является также ответственным секретарём писательской организации, также – главным редактором литературного альманаха. Не обошли его и литературной премией. «Он становился человеком публичным, известным в городе и области. Осталась в прошлом молодость, в которой терпеливо, изо дня в день, работал на имя, теперь же имя иногда срывается ответно».¹⁸¹

Однако на этом сходство кончается, поскольку создатель героя неплохо разбирался в жизни и людях. Читателям не следует забывать, Николай Коняев никогда не придумывает сюжеты для рассказов и повестей, взгляд настоящего художника обращает внимание на то, мимо чего обычно проходят не задумываясь. В портрете, представляющим собирательный образ увлечённого профессионально литературным творчеством человека, важную

181 Коняев Н. И. «До поры до времени». Рассказы и повести. – Екатеринбург, 2005. – С. 23-24.

функцию выполняют детали. Говоря о наградах своего героя, автор подчёркивает: он был «лауреатом нескольких скромных, но дорогих ему премий». За этой строкою читается многое. Например, становится ясно, что Александр Григорьев не лишён таланта, а премиями отмечен за конкретный вклад в литературу – о том и специальная оговорка – не за принадлежность к идеям какой-то там «могучей кучки», не «за выслугу», не «за общий вклад», «а за конкретные книги и произведения, за которые не стыдно».

Он не модный писатель, которого раскручивают издательства ради получения дополнительной прибыли, но при этом добротный прозаик. Как человек, дорожащий своей творческой репутацией, герой Коняева старается избегать различных литературных кланов и группировок, не выпрашивает награды и премии. Он лучше, чем кто-либо знает закулисную жизнь своих провинциальных собратьев по перу, но в то же время подкупает своей простотой и неприспособленностью в жизни, и у читателя может сложиться впечатление: а чему, собственно, может научить такой писатель? Эта добрая ирония по адресу своего героя отличает его создателя, ведь сам автор, конечно же, не такой простак, как его Григорьев. Действительно, чтобы создать запоминающийся художественный образ, нужны не только наблюдательность, опыт, но и житейская мудрость, помноженная на талант. Художник тем и отличается от «геометра-беллетриста», что не довольствуется обозначением всего лишь нескольких «болевых точек» в образе своего героя, пытаясь по ним изобразить фигуру художественного образа. У Коняева всё намного сложнее – его персонажи создаются не при помощи «прямых», а скорее – «кривых» линий. Но эти кривые точно рассчитаны.

Вот любовь героя к Наталье, которой уже далеко за сорок – вроде бы «прямая» линия, но она делает немислимый поворот, когда герой говорит о наболевшем близкому товарищу: «Поставить в паспорте печать – это ли пробле-

ма? Но – ради третьей комнаты? О чём ты говоришь? Глупо и нехорошо. Были в моей жизни и штапки, и жёны... Где они теперь? Я их не виню. Вина – во мне, Владленч. Им мужик был нужен в доме – хозяин и защитник. Надежда и опора. А что я мог им дать?»¹⁸²

Мастерство писателя малых жанров прозы, на наш взгляд, заключается ещё и в умении раскрыть личность не в её наивысшем, крайнем напряжении, а в состоянии «покоя». В повествовании, где человеческая судьба даётся в разрезе, в крайней точке проявления личности, конечно же, легче обнаружить черты характера героя, чем в единичном, мелком событии. Однако настоящий художник тем и отличается от ремесленника, что умеет донести до читателя типичное явление даже в таком произведении, где представлена всего одна сюжетная линия. Такое произведение, может быть, теряет в широте изображения, но выигрывает в глубине. Во многом этому способствуют говорящие детали, например, перечень мебели и техники в новую квартиру для комфортного проживания с матерью: «Трезво оценив свои возможности, он решил приобрести только самое необходимое: кухонный гарнитур, мягкий уголок, стенку в свою комнату, просторный, удобный письменный стол, стиральную машину-автомат и кое-что по мелочи на «сдачу». Елизавета Григорьевна вздохнула и по новому, более вместительному холодильнику: старая «Свяга-404» выработала ресурс едва ли не с двукратным превышением, к тому ж, имела вредную привычку разряжаться выбросами вибрирующих звуков, от которых, сидя за компьютером, Александр Михайлович иногда и вздрагивал. Но с новым холодильником пришлось повременить...»¹⁸³ Вывод напрашивается сам собой: всё зависело от содержимого карманов, а какое содержимое может

182 Там же. – С. 47-48.

183 Там же. – С. 25.

быть у скромного писателя в эпоху крутых перемен?¹⁸⁴ Напомним, что речь идёт не о простом рядовом писателе, а руководителе окружной творческой организации...

Интеллигентному и деликатному герою в какой-то мере соответствуют другие персонажи. Их объединяет не столько «суперменство» – целенаправленная сила воли, «упакованность» в жизни и крутизна, а, сколько потакание некоторым своим слабостям. Отсюда вытекает ещё одна интересная особенность: на десяток таких персонажей приходится один отрицательный. Таким образом, среда, окружающая героя, дополняет его характеристику.

Вот яркий представитель нынешнего литературного бытия, персонаж с говорящей фамилией Иван Мефодьевич Слепак. Николай Коняев подаёт читателям этот образ с нескольких точек зрения. Первая, внешняя оценка, портрет глазами героя: «Слепак – седовласый, кряжистый, жилистый мужик за шестьдесят, с острыми, близко посаженными глазками с хулиганским прищуром, слыл если и не чудачком, то человеком не без странностей, весельчаком и балагуром. Клоун по натуре, он с началом перестройки заразился политической чесоткой, причём стал ярым антикоммунистом...»¹⁸⁵

Вторая оценка, интеллектуальная, глазами автора повести. Как здесь не удержаться от смеха, следя за полётом мысли его персонажа-чудака: «Человек жив, пока живёт, а как помер, так его и не стало»; «Ветер мыслей не заносит – ветер выдувает»; «Гениев видно сразу, но замечают после смерти». (Справедливости ради заметим, что не все мысли Ивана Мефодьевича графоманские, есть и своеобразные перлы, например, «Слава – дело надувное»). Это даёт повод читателям задуматься: а всегда ли уместно творческому человеку выдавать на-гора мысли из своего творческого дневника, выставляя на показ то, что считается писательской кухней? Этим

¹⁸⁴ Там же.

¹⁸⁵ Там же. – С. 28.

не грешили ни Пушкин, ни Толстой, ни Чехов, ни Тургенев. Достоевский издавал «Дневник писателя», но это был общественно-политический журнал... Какую надо иметь смелость, чтобы до такой степени обнажиться перед читателем, если, конечно, не хочешь просто покрасоваться и быть неискренним... Но и в том, и в другом случае никто из пишущих не застрахован от участи Слепака.

Третья оценка – «официальная», она принадлежит самому Слепаку. Его слово о самом себе на обложке «книги № 3» собственного сочинения весомо и величественно:

«...Слепак Иван Мефодьевич родился в 1939 году на Украине. В доме, где я жил, до шестого класса не было света... Отец работал грузчиком, а мать в колхозе. Одежду приходилось зимой носить с родителей...»

Служба на Дальнем Востоке в армии дала ему большой кругозор о познании жизни в разных местах Советского Союза. После службы я работал механиком в колхозе, инженером в «Сельхозтехнике», обучался в Политехническом институте...

За свободное печатание, раскрытие своих мыслей в поэзии, в прозе можно было угодить за решётку, или вообще не принимали печатать. Надо было преодолевать большой барьер цензуры, угодить нравам социалистической системы, в ущерб своим мыслям.

Только с первыми проблесками демократии человек смог вздохнуть всерьёз и высказать свои мысли на бумаге и вслух. Однако, газеты и журналы не так быстро перестраиваются, и берут печатать только по их выбору и по требованию...»¹⁸⁶

Четвёртая, после всего вышеперечисленного, совмещает в себе оценку героя, автора и, хотелось бы думать, читателей: «– Ай да сукин сын – мыслитель! – Повидавший на сво-

186 Там же. – С. 31.

ём веку всяких графоманов – буйных и уравновешенных, рассудительных и глупых, познавший все без исключения стадии и формы графомании, с такой дремучей и запущенной Александр Михайлович сталкивался впервые. – Ай да сукин сын Слепак!»¹⁸⁷

Герой Николая Коняева скромный русский писатель Александр Григорьев, конечно же, прав. Есть в писательской среде тщеславная болезнь подать себя в лучшем виде. Вот и пишутся про самих себя всевозможно закрученные художественные автобиографии, а те, кто побогаче, нанимают литературных негров, положительно оценивающих писательские труды и возвеличивающих заслуги новоиспечённых мэтров. Долго ещё избавляться от хлестаковщины русскому человеку...

Иван Мефодьевич Слепак в быту оказывается вполне нормальным человеком. Просто есть болезненная слабость у человека. «Бывает», как любит повторять сам Николай Коняев.

Огорчения герою приносили совсем не такие люди: «И как он ни старался, как ни лез из кожи, а раза два в году в какой-нибудь газете появлялись до обидного несправедливые упрёки, реплики, уколы, а то и откровенные брань и клевета. К этому он должен был привыкнуть, быть всегда готов, – должен, но не мог...»¹⁸⁸

Повесть Коняева поднимает множество проблем, развенчивание романтического ореола писательской профессии – лишь видимая часть айсберга... Может, во многих своих злоключениях виноват и сам Александр Михайлович Григорьев, о котором справедливо сказал его сосед: «Умный человек, а голова садовая».

Это прозрение скоро приходит и к самому герою: «Эти хлопотные дни на многое открыли Александру Михайловичу глаза. Он будто вышел вдруг из продолжительного летаргического сна

187 Там же.

188 Там же. – С. 28.

и очутился в иновременном, незнакомом мире. И ясно осознал, что с уходом в литературу, с погружением в писательскую и околописательскую суету сует давно и безвозвратно выпал из реальной жизни, к «иновременной» был не готов, а опыт старой деревенской да и барачной тоже – нынешней не востребован.

Чем не о, ля-ля?!»¹⁸⁹

Своего рода контрастом к описанию современного подрастающего поколения является рассказ Маргариты Анисимковой о детях военных лет – грозových 1940-х. Им досталась нелёгкая доля, но они выстояли.

В описании портретов персонажей «Лейтенантовой жены» применяется интересный приём – совмещение двух точек зрения. Брошенный из исторического «далека» взгляд девчонки-школьницы, отделяет нас от современности почти на шесть десятилетий. И это даже не взгляд – первозданное детское впечатление, в русле которого движется повествование.

С другой стороны, за этой девочкой стоит умудрённая жизнью писательница Маргарита Кузьминична Анисимкова, сохранившая благодаря этой девочке воспоминания о том суровом времени и написавшая этот рассказ. Десятки лет оказались не преградой для появления столь живого художественного произведения! Вот портрет классной руководительницы – Надежды Петровны по прозвищу «Курочка»: «Эта старая дева, добрая и суетливая, кудахтала над нами, как настоящая клушка. И вид у неё всегда был озабоченный, а маленький остренький носик походил на куриный клювик».¹⁹⁰ «Курочка» – это оттуда, из детства, а «старая дева», думается, позднейшее «напластование». Конечно, такие, первые впечатления детства, пропущены через житейский опыт

¹⁸⁹ Там же. – С. 39.

¹⁹⁰ Современная проза Югры. Антология. Часть 2. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 50.

писательницы, обогащают повествование. А случается, наивная детская очаровательность эпатируют. Например: «Новый директор Андрей Петрович Кремлёв, сразу же получивший прозвище Рупь Пять, потому что был на протезе...»;¹⁹¹ «Алёха Спасенников привскакивал, из сопливого носа сразу выпрыгивали пузыри и тут же лопались»;¹⁹² «Лёнька Субботин, от которого всегда пахло мочой. С утра мы морщились, отворачивались от него, назло ему демонстративно затыкали носы».¹⁹³

Благодаря этим сочным литературным мазкам перед читательским взором предстаёт картина из военного детства. Изображается она совсем не романтически, зато ярко живописует проблему обретения героиней гармонии с окружающим миром. При этом читателей не должна оставлять мысль о том, что, воспроизводя образы своих школьных товарищей, (а заодно педагогов и остального окружения), рассказчица не позволяет себе ни малейшего намёка на идеалистическое восприятие жизни. Хотя в повествовании и заходит речь главным образом о мире детей, только-только перешагнувших за черту младшего школьного возраста, почему-то складывается ощущение – перед нами проходит череда совсем взрослых персонажей. Этот приём позволяет Маргарите Анисимковой показать, как война влияет на сознание детей, делая их до времени взрослыми людьми с переиначенной, вывернутой системой ценностей.

У Анисимковой в описании интерьеров также присутствует определённая смысловая, идеологическая нагрузка. В подробном описании школы есть особая необходимость: героиня испытывает особый пиетет к кабинету директора, в котором ни разу не была и от того представляла его сакральным местом в здании. Но, когда школа была отдана под госпиталь и её пришлось переоборудовать, девочка ис-

191 Там же. – С. 49.

192 Там же. – С. 54.

193 Там же. – С. 49-50.

пытала настоящее крушение иллюзий: «сжиться с мыслью, что за дверью, к которой мы всегда подходили с трепетом и благоговением, стало отхожее место, было невозможно».¹⁹⁴ В этом, несколько курьёзном факте, мы видим подтверждение того, каким злом являлась война, совсем с неожиданной для нас точки зрения. Но «детскость» восприятия жизни в ту грозную пору быстро сменяется прагматическим взглядом: героине вместе с одноклассниками пришлось преждевременно «постареть», лишившись законного права на детство. Хотел того автор или нет, но запечатлел срез того момента, когда ещё совсем ребёнок входит в мир совсем не присущих ему нормативных ценностей. Это была жертва со стороны мальчишек и девчонок вполне осознанная, она подтверждается словами: «Мне часто снился длинный школьный коридор, в котором во время перемен мы брались за руки, образуя большущий круг, и пели разные песни. С нами были дежурные учителя, пионервожатые. Но разве можно было кому-то об этом сказать. Шла война. И в школе разместили не кого-нибудь, а самых настоящих геройских защитников Родины».¹⁹⁵

Высокой патетике времен социалистического реализма Маргарита Анисимкова противопоставляет тёплую иронию, мягкий юмор, наивность и вполне уместную, не раздражающую читателей, экзальтацию. И от этого рассказ, безусловно, выигрывает. О Великой Отечественной войне у нас написано немало. Однако не каждое художественное произведение потрясает такой убедительностью. Не каждый автор возьмётся за тему военного детства – удачные произведения здесь можно пересчитать по пальцам. Отрадно, что «Лейтенантова жена» входит в их число.

¹⁹⁴ Там же. – С. 55.

¹⁹⁵ Там же. – С. 54.

Рассказ Виктора Козлова «Как тёща зятя разговорила» построен практически на монологе героини Таисии Алексеевны. Такие произведения у читателей не вызывают сомнений в их документальности и этот женский образ уж точно – ни ветром надуло! В простоте изложения этой невыдуманной житейской истории, её бесхитростности и правдивости есть своё очарование. Автор не ошибся, доверившись интуиции художника: повествование от первого лица без каких-либо художественных украшений рисует в читательском сознании вполне зримый и осязаемый образ. Перед нами немолодая женщина, каждому слову которой веришь. Представлена героиня весьма скупо – ни тебе портрета, ни каких-либо других запоминающихся особенностей кроме, пожалуй, доброй авторской иронии: «По вашу милость! – церемонно представила мне её жена. – Таисья Алексеевна, соседка с пятого этажа. Поэтесса!..

Гостья смущённо хохотнула. На её смуглом лице проступил румянец.

– Стихи складываю вот... Не знаю... Кому сказывала – нравятся, хвалят! Только вот грамотёшки у меня маловато».¹⁹⁶

В основе повествования попытка героини ответить на философски поставленный вопрос: «Хошь, Таисья Алексеевна, жисть свою заново прожить?»

Поначалу Таисия Алексеевна даёт отрицательный ответ: «Подумаю-подумаю да и откажусь. Если всё, как было, – нет! Не-ет! Разве можно ещё раз перенести всё, что я перенесла? Да ни в жисть!»¹⁹⁷

Подобный зачин, свойственный обычно интеллектуальной форме повествования, «высокому штилю» языка, входит в контраст с простонародной речью героини и стилевыми особенностями стихов её собственного сочинения. Но при этом

¹⁹⁶ Там же. – С. 112.

¹⁹⁷ Там же. – С. 113.

нарушения стилистических норм не вредят афористичности языка, через которую проглядывает народная мудрость. Нельзя удержаться от цитирования, когда Таисия Алексеевна вспоминает свою жизнь в замужестве: «Всю жисть тряло: бежать аль погодить маненько?»¹⁹⁸ Сколько общего здесь с тысячами женских судеб. И всё же героиня не озлобилась, финал её житейской истории оптимистичен: «Заболталась бабка!.. Эко! Жисть наново прожить, да ещё чтоб самую безгорестную! Эту-то, дай Бог, по-людски дожить».¹⁹⁹

Сам автор не пытается «зацикливать» читателей на горестной судьбе героини, важнее иное – поведать с помощью творческих возможностей Таисии Алексеевны выстраданную философию собственной жизни: «...говорите про любовь друг дружке: не убудет вас! Наоборот, вишь, радость в доме появится...»²⁰⁰

Небольшой рассказ у Виктора Козлова, но для меня, как читателя, оказался наполнен глубоким смыслом. Быть русским – не значит только говорить по-русски. Главное, считает автор, воспринимать Россию и весь её народ сердцем, любить за её драгоценную самобытность и неповторимое своеобразие. Героиня воспринимает всё это, как Дар Божий. Она духовно свободна и самостоятельна наперекор всем сложностям своей непростой жизни.

На примере судьбы русской женщины писатель обозначил высокие духовно-нравственные ценности, которыми живёт народ и которые открываются благодаря соблюдению православных заветов и добротолочию. Иной структуре бытия и не может быть для христианина, любящего свою Родину! В России у большинства простых граждан, в том числе, и у лучшей части отечественной интеллигенции, духовные мотивы всегда преобладали над материальными. Для самой Таисии Алексеевны важную роль в жизни играло не потрепле-

198 Там же.

199 Там же. – С. 116.

200 Там же. – С. 117.

ние, а совершенствование, преображение души. Она – одна из тех людей, кто представляет собой духовную составляющую русской цивилизации, как совокупность нравственных и материальных форм в гармоничном существовании своего народа. Становление такой цивилизации осуществлялось преимущественно духовным могуществом, а отнюдь не военной силой. Духовная мощь нашей титульной нации организовала вокруг себя другие народы, подавляя противников и соперников прежде всего с помощью добра и справедливости. Эти же принципы исповедует и героиня Виктора Козлова. Её идеал – не достижение любой ценой материального благополучия, но преображение души...

Рассказ Виктора Козлова очень живой и от того прочитывается на одном дыхании, он оригинален, если не сказать больше – неожидан для нашего прагматичного времени! – и является одновременно ненавязчивым советом и заветом не только молодым супругам, как прожить жизнь в любви, согласии и счастье. В таких житейских историях сохраняется душа России.

Помнится, после знакомства с первой серьёзной книгой Валерия Михайловского «Зимник» (2003), об авторе рассказов сложилось впечатление как о каменотёсе: так тщательно старался писатель шлифовать свои фразы. Навалившийся в пути буран Валерий сравнивал «с волком, упускающим добычу». Помню, как запала мне в сердце и очень зримая фраза, высказанная героем рассказа «Зимник» старым ханты Усть Ивановичем: «земли мало становится», запомнился вывод, сделанный рассказчиком: «это уже не земля – это месторождение».²⁰¹ Другой бы начинающий путь в литературе размахнулся бы, закручивая фразы, пытаясь поразить

201 Михайловский В. Л. «Зимник». Рассказы. Повесть. – Екатеринбург, 2003. – С. 18.

читателя спецэффектами, Валерий же держался скромно, без излишней цветистости – и это выдавало его вкус, вызывало у меня симпатию к нему, как автору. Его Усть Иванович завоевал читательские сердца своей неизменной нравственной позицией, доброжелательностью ко всем встречающимся у него на пути людям, ибо каждый для него Человек, как бы не скручивали ханта-сторожила в бараний рог обстоятельства на «месторождении».

Ценой тяжёлых потерь даётся моральная победа человеческого над бездушным, но, с другой стороны, войны без жертв не бывает: природа и цивилизация – это извечные враги. Знаменателен эпизод, когда автор описывает разговор с Усть Ивановичем и его родственником Кузьмой о том, как становится тесно им в окружении дорог и нефтяных вышек и, как бы мимоходом, роняет: «Усть Иванович в новой футболке с нарисованной тигриной пастью во всю грудь, и в меховых кисах».²⁰² Футболка с таким изображением – явный признак наступающей цивилизации, от которой никуда не скрыться. В этом же контексте автор даёт психологическую характеристику своему герою: «Всегда гордый и уверенный в себе старый воин, прошедший войну, показался мне сегодня беззащитным ребёнком».²⁰³

А вот другая, совсем не случайная подробность: «Усть Иванович умер той весной, вскоре после закрытия зимника».²⁰⁴ И уже невольно в душе закрадывается тревога – не пиррову ли победу одержал герой своей верой в людей? Не оскудеет ли доверие в Человека у следующего за ним поколения? Ведь вера в людей, она, как зимник, сегодня есть, а завтра разнесут её в клочья житейские бури – и растает, сделав непроходимыми для чужаков человеческие души северян, неприкаянными, как позже скажет о них Валерий Михайловский в своей новой повести...

202 Там же.

203 Там же. – С. 17.

204 Там же. – С. 21.

Однако акцентировать внимание только на одном трагическом неприемлемо для Валерия Михайловского как художника. Перед читателями возникает новый изобразительный план, на который писатель выводит взаимоотношения семьи Кузьмы Покачева, представляющего следующее поколение после Усть Ивановича. Взаимоотношения мужа и жены воспринимаются автором едва ли ни как романтические, благодаря созерцательности и ненавязчивости описания. Валерий Михайловский – писатель негромкий, критики не балуют его произведения своими отзывами. Однако это не мешает ему входить в группу крепких прозаиков Югры, среди которых Еремей Айпин, Сергей Луцкий, Николай Коняев, Сергей Козлов, пожалуй, самый публикуемый на сегодняшний день автор. В этой пятёрке Валерий Михайловский является интересной фигурой, поскольку жанровый кругозор его широк – от ироничных стихов и юмористических рассказов до вполне серьёзных произведений о нелёгкой судьбе коренных жителей; от публицистики, путевых заметок до научных исследований по медицине и социологии. Во всех этих произведениях есть и чувство меры, и знание материала, и своя интонация. Действие в художественных произведениях происходит, по большей части, на Севере. Герои Михайловского обычно люди сильные, нравственно закалённые, лишённые обывательских взглядов, страстей и безумств – всего того, что превращает жизнь сегодня в звериное существование. При этом они не лишены слабостей и недостатков, и, тем не менее, выгодно отличаются от некоторых представителей «цивилизации», что встречаются порою на страницах рассказов Михайловского. Созданные художником образы кому-то могут показаться эмоционально невыразительными, особенно, если описание касается коренных жителей, но это лишь внешняя обманчивость: за невозмутимостью любимых героев и персонажей зачастую скрываются кипящие, мятущиеся, не находящие покоя души... Есть среди них и сквозные действующие лица, схожесть их в том, что они списанные с натуры – ханты Кузьма, или сосед по даче писателя неунываю-

щий, но безалаберный Тимоха. Все эти персонажи, – хотя они того или нет, – частицы нашего общественного устройства. Собранные в книгах рассказов они продолжают жить уже вне контекста породившей их действительности. Михайловский не идеализирует мир, где проживают его персонажи. Это можно сказать о повести «Души неприкаянные», о рассказах «Зимник», «О чём думает Кузьма», или «Вольная жизнь невольника Тимохи», «Весной помирать неохота» – читая их, можно убедиться: мир произведений Валерия не просто сложен – жесток... Однако человеческая трагедия его героев – это, прежде всего, трагедия оптимистическая: человек никогда не загоняется автором в угол.

Особое место в повествовании писателя занимает тема веры. К вопросам религии художник подходит ненавязчиво, деликатно, без поучительства и явного проповедничества. Если взять для примера рассказ «Крестный ход», то здесь можно обнаружить позицию, свойственную только Валерии Михайловскому. Писателя никак не упрекнёшь в подражательстве кому-либо. Молитвенный зачин оправдывает главную идею этого произведения: в Православии считается, что крестные ходы – это собрание по всей стране чаши покаянных слёз, которые должны поднести Господу во имя спасения многострадального Отечества.

Правда, одним такое начало может показаться банальным, другим – кощунственным, третьим – фальшивым, четвёртым – данью времени, поскольку стало даже модным обращаться к православной тематике. Валерия Михайловского эти упрёки никак не касаются. Так явно к христианской тематике он обращается впервые и, следовательно, для этого есть важный повод, где отношение к молитве задаёт тон всему рассказу. Без подобного зачина такому малому жанру прозы, каким является рассказ, просто бы не хватило определённости и энергичности. Молитва «Отче наш» называется Господнею. Потому что её дал Сам Иисус Христос Своим ученикам, когда они просили Его научить как молиться. Это самая главная молитва из всех. В ней

обращение к Богу Отцу, первому Лику Святой Троицы, после она разделяется на семь прошений или семь просьб. Потому-то зачин рассказа одновременно лаконичен и глубок, это концентрат духовного действия. Перед читателями сразу же разворачивается картина, наполненная предельной экспрессией. Первая фраза вызывает интерес читателя, его желание узнать, в чём же дело. Такое начало, несомненно, требует от автора профессионализма, поскольку после такого зачина, чтобы не обмануть читательских ожиданий, необходимо выдержать весь рассказ на высоком духовном уровне и не скатиться до банальности или обыденной назидательности, граничащей с чванством. Слова молитвы плавно переходят в молитвенную просьбу, которая является объяснением того, по какому поводу высказано с болью в душе самое сокровенное.

Понимая, что религия – это область повышенного внимания к слову, автор приглашает своих читателей задуматься над тем, как связан отдельный человек, то есть каждый из нас, с высшей и вечной сущностью. Причём для людей неверующих она может представляться каким-нибудь «разумным» Абсолютом, для язычников божками и духами. Для православного человека Слова Завета являются главным знанием, полученным от Господа. Поэтому верующие люди надеются на божественную помощь – Святой Троицы, Богоматери, ангелов-хранителей и святых. Вот и героиня рассказа Екатерина Романовна надеется на помощь свыше, не просто как на духовную поддержку, но и как награду за свои страдания и муки неразумного её внука Григория, ибо она понимает: жизнь на земле лишь подготовка к бытию в вечности, поэтому для неё нет важнее дела, чем спасение собственной души и возвращения духовного здоровья внуку.

Таким образом, молитвенным началом рассказа с символическим названием «Крестный ход», читателям дана возможность ни в лоб, а исподволь задуматься о том, каково на самом деле писательское слово, которое отличает настоя-

щую литературу от проходной беллетристики. Не случайно, если отталкиваться от истории древнерусской словесности, многие авторы отказывались ставить собственное имя, характеризующее их как создателей сочинения, видя в своём творчестве только божественное произволение. Словесность тогда не являлась частным делом, и о Слове древнерусские писатели не думали, как о средстве обогащения. Само понятие о художественном повествовании тогда связывалось с откровением, заповедью, пророчеством, посланием, вестью, преданием, символом, проповедью и молитвой, наконец. Подобную трансляцию слова, возможно, интуитивно хочет довести для читателей Валерий Михайловский в своём рассказе, посвящённом проблеме постижения человеческого духа.

Интонационный строй первой фразы героини после молитвы, её эмоциональный аспект сочетаются с описанием интерьера и цветовой гаммой. Этот фон только усиливает содержание монолога, где в обращении к Богу не может быть никакого расхождения слов с мыслями и чувствами. Воображению читателей именно после такого зачина нетрудно зримо представить образ старушки, молящейся в тёмной комнате, поскольку «тяжёлые шторы не пропускали света с улицы»; «свет всё же полосой проникал в затемнённую комнату через приоткрытую дверь».²⁰⁵ Эта дверь соединяла помещение, где молилась героиня, с другой комнатой, из которой исходил дневной свет. Но этот дневной свет непростой, он олицетворяет собой мирскую жизнь с её пагубными страстями, губящими человеческую личность и сводящими на нет высокий божественный замысел о человеке. В этом искажающем свете другой персонаж рассказа – внук Григорий выглядит совсем безжизненно, и автор находит для подтверждения этой мысли выразительную деталь: «В дневном свете отсюда из темноты рука казалась восковой и безжиз-

205 Рябий М. М. «В пути я вновь». – Екатеринбург. 2013. – С. 200.

ненной. Только мелкие подёргивания пальцев напоминали о теплящейся жизни в этом слабом теле».²⁰⁶

Дневной свет высвечивает зло мира, запечатлённое на руке подростка, испещрённой синяками, рубцами и свежими тёмными точками от иголок шприцов с наркотическим содержанием. Паренёк пытается уйти от проблем жизни в обманный мир болезненных сновидений. В рассказе автор представил два «полюса», на которых существуют люди. На одном ещё жива патриархальная традиция России, люди верят в Бога и бессмертие души, раскаиваются, обращаются за помощью к высшим силам, преодолевая страданиями трудности своего существования на этой грешной земле. На другом полюсе нет даже такой тяжёлой жизни – вместо её радостей и огорчений – мучительное и верное с помощью наркотиков самоубийство, что является тяжелейшим грехом в христианстве. Здесь человек настолько ничтожен, что не может осознать себя даже рабом Божьим. Вместо этого – скотское состояние, вместо деятельной мысли, планообразия чувств – тяжкие видения. Характеристика такого самочувствия юноши рассказчиком дана на редкость верно в описании его лица: «Почти детское лицо его выражало не то страдание, не то испуг».²⁰⁷ Получается, что у Григория очень слабо выражены две важнейшие особенности человеческого существования – страдание (духовная жизнь) и страх (физическая жизнь).

Что же взамен? Почти духовная смерть, а за ней в скором времени и физическая. Такой вывод можно сделать после знакомства с описанием глаз героя, которые, если следовать классической литературной традиции, являются зеркалом души человека. Автор здесь обращает читательское внимание на такую деталь, заметить которую может только профессионал, если у него медицинское образование и более чем тридцатилетняя врачебная практика, как у Валерия Михайловского ко времени написания этого произведения.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

Вот что он профессионально фиксирует: «По тому, как глаза, под синеватыми полупрозрачными веками, беспорядочно бегали, можно было догадаться, что его донимали тревожные сны-видения».²⁰⁸ Кто не согласится с тем, что только специалист может почувствовать, как под веками поведут себя глаза человека и поставить диагноз этому состоянию больного – «донимали тревожные сны-видения»?

И вот уже вслед за автором читатели могут постигнуть драматургию света в произведении. В тёмной, отгороженной тяжёлыми шторами от мира, комнате, где молится бабушка Екатерина Романовна за внука Григория, хоть и проникает дневной свет «полосой», однако не играет главной роли. Гораздо важнее незримое духовное сияние от образов и символическое изображение живого огонька лампадки, который «подмигивал после очередного поклона, затем снова замирал, вытягивая тонкую копчёную ниточку вверх в темноту».²⁰⁹

Так с первых строк повествования задаётся тема борьбы света и тьмы, мира горнего, куда устремляется огонёк лампадки и молитвы Екатерины Романовны, и грешного земного, где готовится на заклятие тёмным силам тело и душа её внука. То, что Григорием овладели именно бесовские силы, автор подчёркивает словами молитвенной просьбы героини рассказа: «Дружков отвори от него, будь они прокляты... Прости, Господи, владеть собой не могу, нету сил... Не могу смотреть на них, окаянных: кружат вокруг, как вороны... Прости, Господи! Вразуми их, несчастных! Погибают... Дьяволу отдались в руки».²¹⁰

Валерий Михайловский со знанием человеческой психологии показывает в этой молитвенной просьбе преодоление человеческого эгоизма во имя святой веры. Самое трепетное отношение Екатерины Романовны

208 Там же.

209 Там же.

210 Там же.

к оставшемуся в её жизни единственному дорогому существу – Гришеньке, конечно же, бесспорно. Поэтому, поначалу, в его злоключениях она винит беспутных дружков внука, тем самым как бы оправдывая его, как заблудшую овцу. Но тут же, как истинная христианка, героиня спохватывается и раскаивается в своём проклятии, прося прощение у Господа за грешные мысли. Вторая часть просьбы к Богу уже не только о внуке, но и об остальных заблудших душах: вымаливание вразумления несчастным, попавшим на свою погибель в дьявольские сети.

Тема раскаяния, прихода к вере сегодня в отечественной литературе, пожалуй, одна из самых популярных. Эксплуатируют её и верующие писатели, и неверующие. Но вот всегда ли деликатно, а главное – талантливо? Можно написать роман, повесть – и не быть достоверным. И как здесь нельзя не согласиться с утверждением о том, что порою о Боге уж лучше промолчать, нежели пустословить. Не все писатели ещё до конца понимают истину о том, что гораздо важнее показного, незримое искреннее обращение к Господу, стоит только по этому поводу вспомнить евангельскую историю о фарисее и мытаре. Хотелось бы верить, что и у нас, наконец-то, сумеют найти творческие возможности без упоминания всуе Божьего имени рассказывать о нравственном пробуждении народа. Действительно, сегодня всё больше и больше становится людей, которые безропотно несут свой крест и пытаются идти истинным путём – крестным ходом, в прямом и переносном смысле.

Валерий Михайловский в своём рассказе пытается показывать не сусальную, а настоящую, непростую жизнь народа. Вот и при чтении «Крестного хода» невольно складывается впечатление о том, что сам автор участвовал в подобных шествиях неоднократно. Поэтому хождение к Чудотворному Кресту – особая тема, кто ходил, знает ощущения высокого одушевления и, одновременно, небесной лёгкости. Да что люди! Когда идут крестные ходы, преображается вся природа: «Всякое дыхание да хвалит Господа»...

Для Екатерины Романовны предстоящее крестное шествие – самый важный поступок в её нынешней жизни. Дойти до Чудотворного Креста становится смыслом её существования. Таким образом, автор на примере своей кающейся героини пытается нам поведать: где покаяние и слёзы, там вслед за ними мир и радость в душе. Екатерина Романовна, миряне и священники испытывают во время крестного хода прилив сил и необыкновенный духовный подъём.

Главный символ рассказа – Чудотворный Крест, что находится в сельской церкви Калиновки. Неподалёку от городского храма, на дальней поляне, в стороне от главной аллеи, в честь его поставлена копия. Именно возле этого Креста, напоминающего калиновское чудо, происходит встреча профессора Евгения Михайловича Баумана с Екатериной Романовной. Евгений Михайлович прихожанин той же церкви, что и Екатерина Романовна, преподавал в институте, где учился её сын Иван. Иван и познакомил её с ним. Из разговора читатели узнают необычную историю Чудотворного Креста. В кратком переложении она такова. С фронтов первой мировой войны возвращались солдаты. Кто брёл пешком, а кто добирался на лошадиных повозках. Один из них, бравируя своей меткой стрельбой, поспорил, что попадёт из трёхлинейки в крест, стоящий на перекрёстке впереди. Попал. Доказал свои снайперские способности. Подъехав поближе, солдаты увидели, что из отверстия, проделанного пулей, сочится кровь. Солдат, стрелявший минуту назад, тут же ослеп. Он, грешный, потом покаялся, окрестился: прозрел и всю жизнь просил прощения у Господа в монастыре. Крест же большевики потом убрали. Сначала никак не могли вытащить его: копают, копают, а конца всё нет. Наутро приходят, а земля снова на месте, словно и не трогал её никто. Снова копают, копают, а утром та же картина. Зарядили тогда взрывчатку и подорвали. На месте креста воронка образовалась и стала это воронка заполняться кровью. Сколько её ни засыпали, а кровь просачивается. Теперь на том месте церковь построили, внутри

Крест большой стоит, сквозь стеклянные стены его с улицы видать. Кровь проступать перестала.

У Валерия Михайловского каждая деталь, зачастую даже не броская, имеет своё значение, порою переходящее в символ. Например, в разговоре с профессором Евгением Михайловичем Екатерина Романовна, предваряя своё повествование об истории калиновского Чудотворного Креста, роняет фразу: «Восемьдесят лет прошло, как грех тот сотворился. Одна старушка, однако, осталась... свидетельница. Слепая совсем...»²¹¹ Кажется, что такого в том, что пожилой человек к старости ослеп? Однако при сопоставлении слепоты совершившего святотатственный поступок солдата и этой старушки, напрашивается вопрос: почему же стала незрячей восьмидесятилетняя женщина, неповинная в грехе, невольной свидетельницей которого она стала, тогда, как сам виновник после покаяния получил прощение и избавился от своего недуга? Думается, автор хотел тем самым убедить читателей – только искреннее раскаяние живительно! А без веры слепнет человек, не получая духовного развития. Слепота престарелой женщины, возможно, символизирует образ отошедшей от Бога за годы большевизма России. Ведь не случайно же автор прежде показывает нам беспокойный сон духовно незрячего молодого человека, как пример того, что может стать с великим русским народом, отошедшим от Бога. А ведь Григорий – и есть один из символов нашего будущего. Какие-то испытания из-за отступничества свалятся на его плечи? Кто защитит и наставит, если прервётся связь поколений? Вот и спешит героиня, некогда, деревенская жительница, в родные места на поклон Калиновскому чуду...

Сам автор считает: установить рай на земле невозможно, но лишь приблизиться к нему. А пока настоящее скованно злом, выход из этой скованности только один: подняться над суетным и ничтожным. Хотя для большинства из нас

211 Там же. – С. 202.

и это сложно, всё равно как хождение по водам. Да, достичь духовных высот без Христа невозможно ни одному человеку.

Особое внимание хотелось бы уделить писательским миниатюрам. Заслуживают интереса здесь произведения Сергея Луцкого из-за отточенности фразы и зримости образа. Завораживают своей лиричностью маленькие рассказы Владимира Волковца, также отдающему предпочтение этому жанру. Открытость и поэтичность – так, наверное, можно кратко охарактеризовать эти замечательные творения художников. А ещё они напоминают своей духовной сущностью чеховский образ человека с молоточком, который должен за дверью каждого довольного, счастливого постоянно напоминать о его совести особым стуком...

Всякий человек, пробующий себя не только в малой, но даже в «маленькой» прозе, должен помнить заветы классиков о простоте и краткости, ибо мудрёно пишут только о том, чего не понимают. На вскидку можно отметить: рассказы и рассказыки наших югорских прозаиков, вошедших в антологию современной прозы Югры, получились не «сиропные», в них нет «оранжерейных прилагательных» и «мятно-сливочных эпитетов», которые так любят романтические юноши и барышни. Авторы пытаются обходиться минимальным стилистическим инструментарием, правда, не всегда это у некоторых получается, ибо надо всё же пытаться следовать не только точности, но и краткости. И, конечно, был прав классик, когда требовал от писателя мыслей, поскольку без них блестящие выражения ничему не служат. Но у творцов, чьи работы вошли в антологию, и мыслей хватает, и деталей, и метафор. Все они – не сами по себе, а, напротив, как боевая единица прозаического арсенала, производит свой выстрел согласно расстановке своих художественных образов, тем, идей в пределах уровня мастерства каждого автора. В незатейливых рассказах о многих важных ве-

щах повествуется буднично просто. Здесь нет – и не может быть! – гипертрофированной чувственности или чувствительности, но и не потерял вкус к жизни. Люди знают, о чём едят. Правда художника заключается не в приукрашенности происходившего или происходящего. У настоящего бытописца люди, схваченные с натуры, живут своей особой жизнью, не являясь лакейскими исполнителями авторской воли. Художник вдохнул в свой замысел жизнь, и они обрели душу. Лучше уж такая реалистическая картина, чем ряженные персонажи. У истинных героев нет ни фраков, ни белых перчаток, ни безукоризненных манер, зато есть чувство собственного достоинства и нам, читателям, любопытно познакомиться с ними поближе. Ни автор, таким образом, а они превращаются в главное его произведение, поскольку имеют дело с настоящей жизнью.

Искусство рассказчика состоит также в умении знать, на что следует обращать внимание читателей, а на что и нет. Художник не зря пытается подмечать мелочи человеческого поведения, а для того, чтобы мы обратили внимание на них. Но не просто так, а с особенной целью – заглянули лишний раз внутрь себя, после того, как увидели что-то похожее со стороны!

Когда-то Чехов рекомендовал Горькому избегать в описаниях природы излишней антропоморфности в ущерб простоте. К тому же лишние определения тормозят энергичность действия, если они часто стоят перед существительными или глаголами.

Жанр рассказа, новеллы, лирической миниатюры – гущённый бульон слов, из которого должна состоять наваристая проза. Читаю у Сергея Луцкого строчки-наблюдения об одном из сентябрьских дней на Севере. Вроде бы речь о начале осени с одним из её тёплых деньков... Однако, отчего меня охватывает грусть? Ответ тут же, в этой, из нескольких предложений, миниатюрке: «Потому что понимаешь, ненадолго этот умиротворённый яркий день. Завтра опять сильный ветер, дожди, бесприютность...

И оттого он ещё дороже, такой день. До боли, до комка в горле».²¹²

Читателям нравится, когда писатели относятся к своим героям, по возможности, бесстрастно, не подменяя их собой, прислушиваясь к их мыслям и языку. В судьбе каждого может быть намешано всякого, ибо у всех нас с избытком хватает – мелкого, даже вовсе ничтожного со смешным – и одновременно трагического, глубокого – и порою великого!

У Николая Вторушина в подборке «Курьёзы для прозы» и смех, и слёзы – правда о нашей жизни! Бабка Катерина августовским утром отправилась на огород собрать поспевшие к сбору огурчики с грядки, но они «были уже выбраны чьей-то воровской рукой, а несколько плетей вырваны».²¹³ Катерина давай причитай, мешая проклятия с угрозами. Подошла соседка «с полными вёдрами на коромысле»²¹⁴ (тоже немаловажная деталь, снижающая трагедию до уровня трагикомедии:²¹⁵

– Это, наверное, студенты?

– Какие студенты? Следы-то человечьи!

Сюжет рассказика-курьёза, как спусковой механизм, из трагикомедии «выстреливает» житейской байкой-анекдотом...

С небес на грешную землю опускают нас житейские «курьёзы» Николая Вторушина, где беллетристика уживается с правдой жизни маленького человека, делая его образ для нас порою ещё более удивительным. Главное достижение, вот уж действительно, малой прозы Николая Вторушина – умение обозначить тип человека из народа.

212 Сергей Луцкий. «Ускользающее время»: избранная проза. – Екатеринбург, 2005. – С. 406.

213 Современная проза Югры. Анталогия. Часть 2. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 77.

214 Там же.

215 Ибо полные вёдра – доброе предзнаменование.

Главный писательский метод, используемый при этом, – наблюдение.

Лев Николаевич Толстой однажды записал в дневнике: Пушкин пишет голо, у него белизна. Однако можно поспорить с классиком: Александр Сергеевич хоть и писал лаконично, но давалось это ему кропотливыми трудами. Не раз переомысливалась каждая деталь, строчка, слово... Поэтому у него ничего не устарело: книги желанные гости на полках читателей, помогают понять мир, в котором живут люди.

Владимир Волковец своими лирическими миниатюрами помогает людям бороться с чувством одиночества. Его персонажей можно встретить в повседневной жизни на каждом шагу, они не придуманы! В искренности и простоте также проявляется репутация писателя. Она не мыслима в отдельности от народных настроений. Если, например, художник не постиг в конце 1990-х остервенения народного, то ему и похвастаться нечем, ибо его «народ» так и остался рабом капитала и не бьётся за свою нормальную жизнь, как это было в отечественных войнах. Владимир всегда пытается преодолевать «безнадегу».

Он никогда не внушает читателям: нам поможет только чудо! Если на Бога надеяться, а самому оплошать, то никакие молитвы не помогут! Как бы тебе не было тяжело, нужно любой ценой не допускать греха уныния, ибо человек тогда превращается в существо, у которого сломлен дух. Человеческий подвиг в том и заключается, чтобы не позволять себе расчеловечиться! У Владимира именно в этом проявляется смысл жизни. А если у тебя его нет, то ты одинок в этом мире и понапрасну пользуешься Божьим даром...

След в жизни может оставить только любовь к ближнему.

Впрочем, каждый ищет ответ для себя сам. Старик из рассказа Владимира «Десять лет» потерял всё в перестроечные

годы: машину, накопленные деньги, жильё. Живёт на Севере в какой-то развалюхе. Но обрёл в последний момент духовную опору в поэзии. Не своей, стихов сам не пишет, но любит и ценит литературную классику. Его завораживают строчки Николая Рубцова:

Разве в этом кто-то виноват,
Что с деревьев листья улетели?

Благодаря поэзии герой признаётся: «А мне больше ничего не надо, я счастлив. Что Бог мне вдруг открыл эту красоту...»²¹⁶

По-своему импозантны герои рассказов Анатолия Уварова. Как живописно выписаны с натуры в «Логорее» образы вахтовиков Боталы и Кузи, попавших в очередную житейскую передрыгу на пути к дому. Рассказ покоряет непредсказуемостью финала, – неудержим полёт фантазии автора. Особый взгляд на мир у прозаика Михаила Титова, молодёжная тематика ему очень близка, поскольку и сам он только в начале творческого пути.

Не менее интересно и повествование Павла Черкашина о любви и верности родному краю, здесь не игнорируется двуединая природа человека. Ведь для автора человек – сплав горного и земного. Но вот что здесь ещё важно: духовная сущность является определяющей в нашей обыденности и приземлённости. Его герои вместе с нами многое выстрадали и щедро делятся этим выстраданным – философией добра, согласия, а значит и спасения. Эта наука об отзывчивости русской души, понимающей, что у Бога все едины.

216 Современная проза Югры. Анталогия. Часть 2. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 67.

Знакомясь с прозой Юрия Вэллы, невольно ловишь себя на мысли: вот он, подлинный диалог художника с окружающим миром, в котором благодаря его умению «разговорить» Природу, открываются читателям глубины самых разнообразных смыслов.

Коренной житель северных просторов проникает в изображаемое настолько гармонично, что в результате «одушевляется» каждая приметная деталь.

Во внутренней жизни самого автора, под влиянием избранных им образов, происходит духовный переворот, — ему удаётся выявлять такие ипостаси своего «Я», о которых он, может быть, и сам не догадывался. Они дремали в его душе до определённого момента, пока не обрели жизнь на бумаге.

Замечателен образ юного героя из рассказа «Ветерок с озера». Автор не поднимает явно таких проблем, как глобальность вселенского подхода, он касается того, чем довольствуется конкретный отдельный человек, чем озабочена его душа, вмещающая в себя целый мир. Писателя интересует, что в неё вложено изначально? Это изначально помогает человеку подняться над собой и достичь гораздо большего, чем ему кажется. Очень хочется надеяться, что внук таёжного и тундрового жителя Хылу сумеет познать себя и обрести свой творческий дар, вернётся в родное стойбище помощником и продолжателем дела своих прадедов. Только в родной среде, по мнению, Вэллы, можно раскрыть свои способности и оценить их в себе, как величайшее благо. Дед Хылу, потомственный охотник, рыболлов и оленевод, был бы счастлив, если бы его внук смог себя осуществить в полной мере на родной земле. У каждого из нас есть неясные призывы и симпатии, тяга к чему-то, ещё неизведанному. Не поймёшь себя с детства, судьба украдёт твою жизнь, похитит надежды и планы! И все отведённые тебе часы и минуты будут потеряны безвозвратно.

Это та правда, которую постоянно хочет донести до своих читателей Юрий Вэлла. Помню, при нашей первой встрече я спросил его в писательском застолье, почему он воздерживается от алкоголя – и тогда он посмотрел мне пристально в глаза и сказал: «Я остался один старший в роду Айваседа. Мне надо быть трезвым, чтобы всегда прийти на помощь младшим...» Вэлла был деятельным человеком во всём, в том числе, и творчестве. Самый трудный жанр писать правду, потому что всегда хочется кого-то выгородить, оправдать, найти какие-то смягчающие мотивы... Здесь писателя всегда подстерегает масса ловушек. В них совсем может пропасть жизнь, о которой хочется поведать другим искренно и неподдельно, не так, как другие.

Юрий постоянно напоминал нам: люди, вы вошли в храм природы, снимите шапку!

Он хотел, чтобы его голос услышали все народы мира и делал это не из-за пустого тщеславия. Цельный, энергичный человек – он хотел блага не только себе и своему роду, но и всему человечеству, пытаясь рассказать о том, как прекрасен мир северной природы и его люди!

Мировоззрение Вэллы было сформировано традициями его народа и теми знаниями, что сформировали традиции его народа и те знания, опыт, что сумел он почерпнуть в жизни, а исходной точкой творчества стала малая родина. Здесь писатель получил благославление на открывшиеся ему откровения, а затем к ним впоследствии прибавилась практика, приобретённая в процессе дальнейшей жизни. Для персонажа его рассказа мальчика Хылу стойбище – священное место, своеобразный центр Земли, расположенный в тундре.

Это уже потом он присоединит к нему новые края, которые, возможно, станут его новыми местами жительства после того, когда он начнёт следовать велениям своей дальнейшей судьбы. А пока родной чум у озера, который обдувает ветерок – первичный источник постижения мира для Хылу и его нравственного сознания: «гордость и ещё

какое-то неведомое ему до сих пор ощущение – ощущение жизни. Он ещё не думал, он ещё не мог этого понять, но где-то подсознательно чувствовал, что он жив, что его жизнь, его сознание и окружающая жизнь – это одно целое, что этот мир не может существовать без него, так же, как не родился бы на свет Он, если бы не было его деда, если бы не было его тайги». ²¹⁷

Детство – время максимальной открытости миру, когда ребёнок переживает себя, как часть необозримой окружающей его среды, единой природы, жизненной энергии.

Маленький герой Вэллы воспринимает встречающиеся на своём пути образы, как часть народной поэтической мифологии, необходимой для освоения природного мира: «Озеро пылало ярким огнём заката, из-за которого даже с близкого расстояния не было видно чума. Ветер утих, и вечер был душным, насыщенным ароматом прибрежных трав и цветов». ²¹⁸

Художественный мир Вэллы – порождение его оригинальной натуры, своеобразного мышления, потому его произведения всегда отличимы, в каком бы художественном жанре он не пробовал себя. Его творческие откровения приближают ответ на вопрос: как оградить некоторые области человеческого существования – культуру, межчеловеческие отношения от разлагающего влияния рынка? Они – письма, устремлённые в будущее человечества, которые ещё предстоит расшифровать следом идущим за нами поколениям...

Первые шаги малой прозы Югры в новом времени (имеется ввиду первое десятилетие нынешнего века) показали, что среди разнообразных направлений и течений по-преж-

²¹⁷ Там же. – С. 89.

²¹⁸ Там же.

нему торжествует реализм. Художественная проза югорских писателей опирается на литературные традиции, присущие русской словесности XIX и XX столетий. Ведь именно с этих времён правдивое отображение жизни становится самым ценным в искусстве – и особенно в литературе. Нынешнюю эпоху – время, в котором мы живём, – потомки будут вспоминать по той художественной словесности, что талантливо живописала о ней. Свой вклад внесла и малая проза Югры. Без неё невозможно представить художественную литературу региона, понять внутренние закономерности литературного процесса, выявить реальную картину развития каждого отдельного значительного писателя.

ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ ЕРЕМЕЯ АЙПИНА

Еремей Айпин – русскоязычный писатель и публицист – своё внимание сконцентрировал на познании национальных взаимоотношений коренных народов Севера не только евразийского, но и американского континента.

Интерес к иному социальному и культурному опыту, стремление к пониманию и объяснению особенностей деятельности и поведения представителей других этнических групп для него имеет значение, собственно, как дальнейшее познание своего народа в сравнении с другими. Обращение к тематике национальных отношений здесь не случайно, поскольку оно необходимо для полноты творческого отражения мира, где чувства гордости и боли за культуру своего народа также неотделимы и являются частью диалога между различными национальностями и самой цивилизацией.

Пережить иную незнакомую культуру в себе самом – всё равно, что взять её в сердце и полюбить собственные открытия в ней! Сердцем обычно любит женщина, мужчина нацелен на разумное начало. Но писатель – человек иного склада! И в этом ему помогает художественная интуиция, подобная пронизывающему женскому взгляду. Поэтому не трагическая тема поругания природы Сибири и хантыйского народа в большей степени интересует прозаика Айпина, а выход из возникшей ситуации, который немислим без постижения женских образов в его лирической прозе и публицистике. Его очерки «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли», «Во льдах Нунавута» вырастают из попытки взаимного признания, симпатии и диалога между разными национальными культурами народов близких ханты, манси и ненцам,

что сумели более успешно встроиться в западную цивилизацию в отличие от их российских собратьев.

Да! Именно для Айпина, как это видно из его очерковых материалов, постичь незнакомую культуру – значит взять её в сердце. Его сердечные открытия просто удивительны на фоне того, что ему самому пришлось испытать на родине. Представитель послевоенного поколения, провинциально влачивший до 1970-х годов существование вдалеке от культурных центров, он толком не знал русского языка, который ему пришлось осваивать в московском Литературном институте, отсюда, возможно, неповторимость его художественного стиля и манеры изложения. Если добавить к этому последовавший слом советской системы, в которой, как публицист и писатель, он начал делать первые шаги, и переход к другой – коррумпировано-капиталистической, с её новыми технологиями манипулирования сознанием, то не каждая личность может выстоять и не надломиться... Айпин смог. Какой ценой – это уже другой вопрос...

Его миссия в литературе и публицистике – обращение к новому опыту либо через забытое старое, либо исходя из передового опыта человечества. И там, и здесь он утверждает идею родственности на земле, пытаясь увязать традиционный уклад в рамках цивилизации.

Еремей Данилович, как писатель и публицист, – представитель второго поколения интеллигенции народа ханты в её новой генерации. Творчество его характеризуется не только «вживанием» и «вчувствованием» в мир культуры своего и русского народов, но и постижением кодов чужих культур. Давно не является секретом то, что «чужое» в глазах другой культуры раскрывается полнее и глубже, в своём диалоге они не сливаются и не смешиваются, но сохраняя своё единство и целостность, ещё и взаимообогащаются впоследствии, утрачивая враждебность по отношению друг к другу. Поэтому опыт Айпина в этнической журналистике носит двойственный характер, с одной стороны, он обращается к тематике межэтнического взаимо-

действия, особенностям жизни и культуры других народов, а с другой, хотя и является русскоязычным писателем, многие явления в публицистике рассматривает с точки зрения представителя коренных народов Севера. Пример этому можно встретить буквально с первых страниц его очерка «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли». Путевые заметки о посещении американских индейцев предваряются примечательным эпизодом: «Я сказал, что приехал из Ханты-Мансийска. Девушки ещё больше оживились и сообщили мне, что знают город, где я живу. Что Ханты-Мансийск просто красивый и великолепный город. Сразу же встал второй вопрос: откуда они знают Ханты-Мансийск? Для меня Санта-Фе – глубинка, это очень далеко от моего округа. Только на самолёте нужно лететь в общей сложности чуть меньше двадцати часов. Точнее, около восемнадцати. Неужели слава Ханты-Мансийска дошла и до американского континента? И каждая студентка знает, где находится этот город и чем знаменит Ханты-Мансийский автономный округ? Какой вклад внесли в сокровищницу мировой культуры его коренные народы ханты и манси? Но ещё больше озадачила меня фраза Тани о том, что она хотела бы пройти стажировку в Югорском государственном университете. Что, и про ЮГУ уже знают на американском континенте?! Ведь университет только становится на ноги».²¹⁹ Так очеркист представляет свою встречу с двумя молодыми американками Ланой и Таней. Интрига, закрученная в начале повествования, раскручивается в его конце и позволяет благодаря этому держать читателя в напряжении ожидания развязки. Однако для меня важно ни одно это свойство Айпина-публициста: умение создать атмосферу напряжения для читателя, жаждущего развязки, конечно, заслуживает внимания!

219 Материалы по вопросам защиты прав и интересов коренных малочисленных народов: «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли»: Сборник № 1 / Е. Д. Айпин; Ред.-сост. Т. В. Нагибина. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. – С. 6.

Но и познание иных, чем у нас в России, возможностей тоже не стоит сбрасывать со счетов! Северная Америка – чужой и одновременно в чём-то близкий нашим коренным северянам свет культуры. Он чем-то напоминает северное сияние, но уже под иными небесами... Поэтому благодаря двум этим свойствам – ожиданию развязки и познанию иных возможностей – нам, читателям айпиновской публицистики, важно понять ответ на поставленный автором вопрос: что для него, как представителя народа ханты, значат духовные технологии коренных жителей Северной Америки?

Вот и первое открытие: «Мы выяснили, что у апачей, как и у ханты и манси, также остро стоит вопрос сохранения и развития родного языка. Так вот: здесь родной и английский языки в начальных классах изучаются в равных количествах часов. 50 на 50 процентов. Урок длится 30 минут. В этой связи я с горечью вспомнил, что у нас в округе в национальных школах родному языку отведён один или два урока в неделю. Или вообще предлагается изучать родной язык факультативно. На это сетуют многие учителя родных языков в сёлах и деревнях автономного округа. При этом Департамент образования и науки всегда разводит руками: мол, общеобразовательный федеральный стандарт нам не позволяет... Хотя этот пресловутый стандарт позволяет всё это делать национальным республикам в составе России. А ведь по Конституции мы являемся равноправными субъектами Федерации. Тут всё завязано на личностном, человеческом факторе. Если нет кровной заинтересованности в сохранении родного языка – чиновник ничего не сделает и не будет делать. Марию Кузьминичну Волдину-Вагатову как поэтессу и в прошлом учителя заинтересовала литература в школе: что читают дети апачей, чьи произведения изучают».²²⁰

²²⁰ Там же. – С. 9-10.

С этим нельзя не согласиться! Ещё тридцать лет назад такое отношение к образовательным нуждам малых народов СССР посчитали бы катастрофичным... Но что можно сделать полезного в этом направлении сейчас, когда образование самой титульной нации находится на неприемлемом уровне, недопустимом ещё в 1960–1970-е годы, когда наша наука делала потрясающие успехи в мире и предоставляла равные возможности для всех народов и народностей Советского Союза?! И почему мы утрачиваем национальную идентичность малых народов в автономных национальных регионах?

Второе, как и первое, сравнение оказались также не в пользу России: «Полдня мы провели в Нью-Мексиканском историческом музее, где нам подготовили целую программу по истории и современности штата. Много внимания здесь уделяется развитию народных промыслов, народного творчества и искусства. В отличие от нашей страны здесь всё, что связано с народным творчеством, классифицируется как искусство. А искусство есть искусство. Это вершина в творчестве художника, недостижимая для простых смертных высота. Музей проводит ежегодные Международные выставки-ярмарки изделий из серебра, полудрагоценных камней, дерева, кожи и так далее. Потом нас провели по Порталу, где авторы продают свои художественные работы. Руководители музея проявили большой интерес к нашим международным конференциям, фестивалям, конкурсам, соревнованиям по биатлону, куда они изъявили желание приехать со своей выставкой самобытного творчества индейцев юга США. Мы только рады будем новой встрече. Художник здесь на большой высоте».²²¹

В главке очерка «Муза Дженнифер Форстер» публицист Айпин возвращается к своей излюбленной теме – женскому образу, который им по-своему «героизируется». Но всё по порядку. В библиотеке института американского индейского искусства

221 Там же. – С. 31.

в городке Санта-Фе он встретился с индианкой. «Тут к нам подошла черноволосая стройная девушка и сказала, что хочет познакомиться с писателями, которые приехали в составе группы гостей в их институт. О них она узнала из программы встречи. Ольга Балалаева ей представила нас с Марией Вагатовой. Так мы встретились с первой поэтессой во время нашей поездки. Выяснилось, что Дженнифер относится к известному 70-тысячному индейскому народу кри, который живёт в Канаде в провинциях Онтарио, Манитоба, Саскачеван и Альберта. Училась она в США, в штате Пенсильвания. Потом пришлось много поехать по разным странам, поскольку отец у неё дипломат. После школы заинтересовалась своими индейскими корнями, их древней культурой и фольклором. Поступила в этот институт, закончила факультет литературы и поэзии и осталась здесь преподавателем. Но она совсем не была похожа на типичную индианку. Скорее, в ней угадывались все характерные черты средиземноморских южанок, ведущих свою родословную от выходцев из Италии или Испании. Длинные, ниспадающие на плечи чёрные прямые волосы, чуть удлинённое лицо с мягкими овальными линиями, прямой нос, сбоку напоминающий классический римский профиль, но более мягкий, более женственный. Чёрные удлинённые брови и огромные глаза, наполненные непроницаемой тьмой южной ночи. Глаза томные, таинственные. Но никогда не знаешь, что в них таится. Нежность или необузданная страсть, любовь или ненависть? Телом стройные и гибкие, как русалки. Пожалуй, образ типичной южанки создала Элизабет Тейлор в роли египетской царицы Клеопатры в одноименном американском фильме. Видно, и у предков Дженнифер по одной из родительских линий были в прошлом родственные связи со Средиземноморьем. Возможно, с Италией».²²²

В главе о приёме, оказанном делегации из Ханты-Мансийска, центральное место занимает старый знакомый Айпина

²²² Там же. – С. 36.

Скотт Момадей, индейский писатель: «Со Скоттом Момадеем мы впервые встретились в июне 1998 года в Ханты-Мансийске. А заочно познакомились, конечно, намного раньше. Сначала по книгам. Его прежде всего поразило сходство наших народов, их мироощущение и миропонимание, их менталитет. В моём романе «Ханты, или Звезда Утренней Зари» он нашёл эпизод, где герой-ханты на войне вступает в единоборство с вражеским танком с единственной мыслью, что, победив, спасёт не только своих ближних, свой народ, но и всё человечество. И это придаёт ему силы. Точно такая же картина есть и в романе Момадея «Дом, из рассвета сотворённый» (вышел на русском языке в 1978 году). Его герой-индеец с такими же мыслями и стремлением к победе пошёл на танк, что и мой сородич. Значит, у наших народов очень много общего. И поэтому, постигая культуру одного народа, мы постигаем культуру и другого народа. Значит, хотя нас и разделяет бескрайний океан, хотя мы и живём на разных континентах, но по духу и образу жизни очень близки».²²³

Этот небольшой фрагмент, где речь заходит о сходстве писательских мироощущений и менталитетов в спасении своих ближних, своего народа и человечества, нельзя рассматривать отдельно от образа Дженнифер Форстер: «Я вполглаза поглядывал на Дженнифер, которая что-то писала в блокнотике. Глядя на неё, я вспомнил один из самых пронзительных и драматичных рассказов Джека Лондона под названием «Мужество женщины». Аляска. Река Маккензи. Жестокий мороз. Глубокие снега. Мучительный голод. И могучая любовь индейской девушки Пассук... Я смотрел на Дженнифер и думал про героиню Джека Лондона».²²⁴ Прочитав эти строчки из очерка писателя, вспомнилась встреча в Югорском государственном университете Ханты-Мансийска. Мы, его преподаватели, организовали встречу Еремея Даниловича со студентами гуманитарного факультета. Помню, как едва

²²³ Там же. – С. 49.

²²⁴ Там же. – С. 37.

ли не со слезами на глазах, он рассказывал нам об этом эпизоде из произведения Джека Лондона: сила любви девушки Пассук, её героическая жертва, убеждённость в своём поступке потрясли героя. Какая сила характера!

Как видим, Айпин романтизирует образ своих героинь не только с помощью описания портретов, но и также использует для этого всю мощь американской классики! Я знаю, что одним из любимых писателей Еремея Даниловича является Джек Лондон, в своих выступлениях перед читательской аудиторией он часто ссылается на произведения этого романтика американского Севера. Вот и образ его новой героини порождает литературные ассоциации: индейская девушка Пассук Джека Лондона, о которой не раз с восхищением рассказывалось не только на встречах с молодёжью аукается в образе индианки Дженнифер, а тот в свою очередь – в образах «великих» женских героинь лирических рассказов писателя – и в конечном итоге в образе «княжны», моей «княжны», как определяет его сам автор. Но если в главном женском образе путевых заметок – Дженнифер Форстер – круг замкнулся, то в других обычных женских персонажах читателю дан простор для воображения. Например, когда речь заходит о знакомой ещё по Ханты-Мансийску индианке из племени пуэбло Тиффани Ловато. Автор на первый план выводит мягкую чувственность героини: «Она типичная черноволосая и черноглазая индианка с мягкими округлыми формами. И очень жизнерадостная. На неё приятно смотреть. Хотя она немногословна, как все индейцы, но впечатление такое, что она всё время говорит, о чём-то рассказывает. Настолько у неё живые глаза, подвижная мимика лица, выразительные движения рук, головы и всей фигуры. Внешне она напоминает мопассановскую Пышку, но только в юном возрасте».²²⁵ Меня всегда потрясло писательское воображение! И когда я познакомился с этим эпизодом очерка,

225 Там же. – С. 41.

то задал себе вопрос: а, какой, собственно, была Пышка в девичестве? И не нашёл для себя ответа... Зато живо себе представил Тиффани Ловато... Такова сила искусства и обаяние женских образов представленных в нём!

В финале очерка вновь появляются женские персонажи, с которыми читатель встречался ещё в начале повествования: «Итак, мы сидим втроем с Таней и Ланой. Я все гадаю: откуда они всё знают про мой округ, про мою землю. И вдруг вижу: к нашему столу направляется Сьюзен Скарберри-Гарсиа, литературовед, доктор искусствоведения, биограф Скотта Момадея. Я прекрасно её знаю. Она неоднократно бывала в России, в нашем округе и с Момадеем, и без него. Она, улыбаясь, подходит к нам и говорит мне: – Знакомьтесь: это мои дочери Таня и Лана...

<...> Сьюзен, откуда Таня и Лана так хорошо знают наш Ханты-Мансийск? – поинтересовался я. Она лукаво усмехнулась, потом сказала девушкам: – Покажите. Девушки развернули комплект фотографий размером с карточную колоду. Мы с интересом стали рассматривать эти снимки. Там почти весь наш округ, всё путешествие Сьюзен в наш край. С кем встречалась, где побывала, что произвело на неё наибольшее впечатление. Теперь мне стало понятно, откуда Таня и Лана почти всё знают о моей земле. Они мамиными глазами смотрят на мир. Они маминым сердцем познают жизнь. Конечно, это весьма похвально».²²⁶ Здесь публицистом запечатлён процесс «обратной связи» в освоении культур, поскольку благое начинание всегда в ответ рождает не менее благодатный отклик.

Как художник Айпин силён не только своим мастерством, но и умением складывать свои художественные образы в единое целое. Они не поддаются влиянию политического ангажирования, не укладываются в традиционные схемы. Автор находится в постоянном «лирическом» поиске. Высо-

226 Там же. – С. 50-51.

кий уровень, который, несомненно, задаётся им и в публицистике, помогает созданию нового откровения в познании чужой культуры и благодаря этому обогащению своей. Тем и ценен опыт публициста Айпина, сумевшего ответить на один из важнейших вопросов современности, как соотносятся понятия «свой» и «чужой» в этнологической культуре. В ответе Айпина не только этическая составляющая, но чёткая гражданская позиция, основанная на устойчивой системе ценностей, главная из которых – художественная правда: «И, покидая эту древнюю и ставшую близкой мне землю, я снова задал себе вопрос: какая же она, моя Америка? И ответ пришёл сам собой: прекрасная Америка. Я, как Христофор Колумб, открыл свою Америку. Это моя безумно прекрасная Америка. С верными друзьями, с Солнечной Землёй, с Танцующими Духами...»²²⁷

Публицистика Еремея Айпина интересна тем же, чем и его проза, которую невозможно уложить в рациональную схему: настолько присуща ей глубина, не поддающаяся прямолинейной расшифровке. Айпин – коренной житель Севера, его хантыйского сообщества, человек, принадлежащий роду Бобра, а потому невольно стремящийся понятием «родственности» охватить положительных героев и персонажей своих литературных и публицистических произведений. Люди эти – не вымышленные, а встреченные им на жизненном пути. Писатель не скрывает этого – на некоторых из них ссылается, как на рассказчиков, например, Алексея Разбойникова или Ивана Сопочина; других подразумевает, не называя имён. Зато зло, представленное в его творчестве различными образами, обычно не имеет конкретного адреса, поскольку представлено, как противоборство человеческой «родственности». В произведениях оно обычно заявлено не сразу, а неким предчувствием, необъяснимой тревогой и одновременно роковой неизбежностью. И всегда его про-

227 Там же. – С. 53.

за – художественная или документальная – сопряжена с женским началом, которое связывает его родной мир с иным, примиряет и удивляет. Сама проза его иррациональна, неожиданна, романтична, как любая героиня его рассказов или статей.

Один из любимых женских образов Е. Д. Айпина – образ княжны. Рассказ, написанный осенью 1993 года в Норвегии, не случайно получил символическое название – «Моя княжна» и подзаголовок – «Осенняя грусть». О героине писатель сообщает её «имя», подразумевая прежде всего благородную родословную, и женственность в умении грациозно держаться, вести разговор, очаровывать мужчин... Если внимательно присмотреться к рассказам и статьям этого художника слова, то образ «княжны» проглядывает практически во всех его героинях. В одном из первых лирических рассказов о «неслучившемся» «Осень в твоём городе» рассказчик наслаждается изумительным голосом своей избранницы: «Я слушал как сказку, как песню, как симфонию. Я улавливал в очаровывающей музыке Твоих слов и вздохи ласкового моря, и шелест осенних листьев в прибрежном лесу, и серебряный звон таёжного родника».²²⁸ Одна из главных функций его героинь в лирических повествованиях и публицистике – перенос рассказчика в иное пространство. Что подразумевается под словом «иное»? В новелле «Осень в твоём городе» – это «совершенно другой мир», «другое измерение», «неземное пространство»;²²⁹ в «Моей княжне» – «центр Вселенной», «душа» рассказчика – «слово», «слух», «глаза»;²³⁰ в «Окопах, или явление Екатерины Великой» – это «мирный лес, мирная вода, мирное небо», «это было самое бесконечно длинное мгновение моей жизни», «в этом была вся моя разумная жизнь...»²³¹

228 Айпин Е. Д. «Река-в-январе». – СПб., 2007. – С. 12.

229 Там же. – С. 12.

230 Там же. – С. 27-28.

231 Там же. – С. 174.

Герой рассказа «Парижанка» после прощания с героиней также фиксирует: «со мной что-то происходит». ²³² Что же, действительно, происходит? Просыпается родовая память, которую пытается подавить современная, враждебная человеку эпоха. Вместе с памятью просыпается личность, готовая соблюдать законы чести, мужества, доброты, искренности. Душа рассказчика и героя не хочет подчиниться лживому и несправедливому обществу. Герои и героини Айпина – одни против всего мира, их любовь или влюблённость – прохладный, родниковый оазис посреди жаркой пустыни. Но и любовь – лишь временное спасение в трагическом мире. Человек остаётся один. Мир живой природы у Айпина существует не в гармонии, а в противоборстве с обществом, построившим цивилизацию на ложных идеалах. По этой причине мир городской цивилизации – враждебен герою, хотя тот и порождён ею.

Единство с природой при разобщённости с обществом – характерная черта в рассказе «Лебединая песня». Об изменениях в сознании Марины – городской девушки, впервые увидевшей на воле лебедей, писатель поведал читателю с помощью символа – лебединой песни: «Песня безжалостно пробивалась к ней, звала далеко-далеко, в неведомую страну. Избушка вдруг поплыла, накренилась, будто корабль в сильный шторм. Девушка обхватила голову руками и зажмурилась до боли в глазах». ²³³

Однако не только лирическая проза Еремея Айпина демонстрирует пустоту и автоматизм существования человека в цивилизованном мире. В публикации «К величю великой княжны» (газета «Литературная Россия», 17 мая, 2002) Айпин-публицист центр повествования подчиняет документальному образу старшей дочери последнего российского самодержца Николая II. Великая княжна Ольга олицетворяет в айпиновской публицистике так же, как и в прозе, бессмерт-

232 Там же. – С. 198.

233 Там же. – С. 148.

ный женский образ всепрощения, жертвенности и вечной женственности. Автор прежде даёт слово самой Марине: её стихотворению «Молитва», написанному накануне расстрела царской семьи – «Пошли нам, Господи, терпенья...», а затем пытается передать её психологическое состояние под дулами орудий цареубийства: «Она подняла взор на палача. И увидела ту незримую и неприступную линию, которая отделяла её от безжалостных разрушителей Российской Империи, разрушителей жизни, преступным путём захвативших власть. Эта была полоса, разделившая мир на две неравные части. Она всем своим существом ощущала эту линию. И знала, что в самую критическую минуту, шагнув к этой линии, она сможет спасти своих близких, себя, Россию».²³⁴ Женское, жертвенное начало героини, по мысли публициста, существует не само по себе в замкнутом круге: Айпин верит, что в мире ничего не бывает просто так: «Боль о безвинно убиенных будет жить в россиянах до того дня, пока Россия не вернётся на тот круг, на ту орбиту, с которой сошла за год до кровавого Цареубийства. Ибо тяжело жить в стране, имеющей клеймо страны-детоубийцы, страны-цареубийцы.

Это всеобщая наша боль. Это моя боль. Это твоя боль».²³⁵

²³⁴ Газета «Литературная Россия», от 17 мая 2002. – С. 11.

²³⁵ Там же.

«ПИСАТЬ НАДО СЕРДЦЕМ!» ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ МАРГАРИТЫ АНИСИМКОВОЙ

Однажды, задумавшись о судьбе России и собственной жизни, Сергей Есенин написал пророческие строки: *«Лицом к лицу / Лица не увидать. / Большое видится на расстоянье...»*

Поэт никогда не отделял себя от Родины и вне её не представлял свою судьбу... Эта черта – жить интересами своего Отечества, болеть его болью, страдать его страданиями, радоваться его радостям и удачам, а в трудную минуту бросаться грудью на его защиту – свойственна настоящему гражданину, независимо от того, где и когда он родился. Большая часть жителей нашей страны – равнодушна к судьбе своего государства, иначе бы Россия давно развалилась, поделившись на «удельные княжества», погрязшие в междоусобицах. И то, что этого не случилось после распада СССР, заслуга российских граждан. Миссия патриотического воспитания, осмысление великого исторического пути народов всегда возлагалась в нашем обществе на личности неординарные и мыслящие не по указке «сверху». К ним можно отнести людей, посвятившим себя настоящему, а не «заказному творчеству», они, подобно пушкинскому Пимену из трагедии «Борис Годунов», воссоздают державное летописание по зову сердца. Ещё три десятилетия назад, в эпоху полноправно царившего социалистического реализма, прозаики-историки (за редким исключением) любили поразмышлять на тему «раньше» и «теперь». На страницах большинства исторических ро-

манов внимание уделялось обычно великим потрясениям – восстаниям, революциям, войнам и катастрофам, нежели выдающимся свершениям Российской империи или Древней Руси. Деятельности царственных особ порою давалась совсем необъективная оценка. Проблемные исторические ситуации в ряде случаев рассматривались с точки зрения общепринятой в СССР идеологии социалистической модели бытия, поскольку иная точка зрения была бы просто враждебна обществу из-за своей «беспартийности». Это уже потом – в перестроечные и постперестроечные 1980-е и 1990-е – начнётся отрезвление: постепенное постижение того, что наша цивилизация движется куда-то «не туда», по рельсам бездуховности и рационализма. Отсюда – немелкое хозяйствование власти «на территориях», проблемы экологии, «разруха» в общественном сознании. Читатели испытывали настоящий книжный голод ко всему «неофициальному» в книжном мире: другими словами, «литературному» инобытию, не рекомендованному сверху. На самом же деле это «небытие» заключалось не в подтасовке исторических фактов, а жизненной правде, поскольку в ней, благодаря критическому подходу к действительности, «всё» было не так, как писали в газетах и вещали с телеэкранов. Честных книг о советской действительности через цензурные шлюзы в 1960-е и 1970-е пробивалось мало. Зато об отсталости царской России и самодержавном неустройстве писать не возбранялось, поэтому в 1980-е многие романисты обращались к исторической тематике, пытаясь из российского прошлого достучаться до нас, современников. Не их вина, что двери порою были наглухо «заколочены» с помощью тогдашней идеологии. Среди писателей находились и те, кто, вопреки революционным призывам не провозглашал анафему российской империи, а гордился её деяниями. Для настоящего честного художника Россия, как мать, всегда была любимой, а не проклятой, отсталой и слабой духом. Перечень славных имён таких писателей невелик, но выглядит достойно. В него по праву можно включить ав-

тора исторических произведений в прозе об Урале и Западной Сибири Маргариту Анисимкову.

Когда поменялась власть и у руля встали демократы западной ориентации, всё советское подверглось изгнанию из общественного сознания, как ошибочное и непреемлемое для наступившего времени. Тогда-то Маргарита Кузьминична в беседе с журналисткой Натальей Степановой с болью в душе поведала о том, что её тревожило, как писательницу и как зрелого, много повидавшего на своём веку человека: «Я обескуражена тем, что из нас всеми силами пытаются вытравить нашу русскую душу. Но мы всё равно останемся сами собой. Пусть кто-то сдастся, но «любовь к отеческим гробам» – вот что в нас главное, как зов крови. Сколько бы ты ни кукарекал на новый лад, тебя всё равно выдаст русский жест, ты сын своего рода и народа. От нового времени я устала, потому что вижу вокруг бездуховность. Мы сейчас плохо отзываемся о советской власти, говорим, что те же верность и служение Родине были нам навязаны. Ничего подобного! Иван Сусанин – патриот, как и герои 1812 года: на подвиг их посылали не партия...

Мы все дети своего времени, но есть устои и законы. Я не современная, я – «издалека...» Женщина должна соответствовать своему времени, но и не забывать своих корней. Она – олицетворение своей Родины. Я говорю не о сарафане, а о взглядах и представлениях на мир. Не стоит слепо следовать чужому». ²³⁶

Маргарита Кузьминична ещё подростком ощутила силу любви к родине окружавших её людей. Все их лучшие качества и, особенно, чувство патриотизма с новой силой пробудились в дни Великой Отечественной войны. Подъём народного духа проявлялся в каждом, кто ощутил угрозу порабощения. Общая беда сразу же объединила всех жителей страны на фронте, в тылу и на чужбине: наше дело правое,

236 Анисимкова М. К. «Я преклоняюсь перед всеми женщинами...» / Беседу вела Н. Степанова // Родина. – 2001. – № 10. – С. 13-17.

мы победим. От космополитического лозунга: «пролетарии всех стран – соединяйтесь!» призыв «Всё для фронта, всё для победы!» отличался конкретностью и чёткостью выражения мысли. Он без какой-либо «расплывчатости» позволял каждому осознать своё место в обществе, помочь найти выход из тяжелейшей ситуации – и, в конце концов, одержать долгожданную великую Победу. Глубинное постижение потерь и разрушений, тяжёлое возрождение страны – наполнило новым смыслом достижения советских людей, соединяя их мечты с исторической миссией страны, гражданами которой они являлись.

Вспоминая свою юность, опалённую войной, Маргарита Кузьминична невольно сравнивала современную молодёжь со своим поколением, на которое свалилось такое жестокое испытание. Как мудрый человек она понимала: дело не в самих людях, а в тех условиях, что влияют на них. Сегодня российское общество разобщено и дезориентировано во многом из-за того, что остро ощущается отсутствие национальной идеи, без которой нельзя представить духовного единения всех слоёв нашего общества. Мало кто из современных молодых людей в подробностях знает героическое прошлое своей страны. Даже поднаторевшие в истории старшеклассники из телепрограммы центрального телевидения «Умники и умницы», не всегда уверены в своих ответах на задаваемые вопросы специалистов.... Что тогда говорить об основной массе молодёжи? А если возрастные рамки повысить до двадцати-сорока лет? Нет уверенности сегодня в том, что большинство из нас, дожив до седины, знают историю своего Отечества...

Получается, нет знания о прошлом, следовательно, нет уверенности и в будущем – от того и не может большинство сограждан осознать своё место в настоящем. Понимая это, Маргарита Анисимкова видела свою писательскую миссию в раскрытии исторических тайн Уральско-Сибирского региона, извлечение богатств из кладовой народной памяти. Отныне эта сторона деятельности яви-

лась её творческой лептой в формирование национального самосознания. Исторические романы писательницы несли России объединяющие идеи, причастные в большей степени ни к светской идеологии, а в большей степени теологии, в том значении, конечно, как она сама понимала. Православие неизмеримо глубже любой политической идеологии. Русская Церковь и её духовное учение нельзя представить без воспитания у верующих патриотизма, которого в современных условиях нам так не хватает. Это благодатное духовное чувство, его нельзя представить отдельно от понятий добра и зла, бессмертия души. Гордость за свою Родину Маргарита Кузьминична пронесла через всю жизнь, и какие бы горькие потери страна не понесла после распада Советского Союза, чувство это оставалось неизменным. Её художественные произведения, ставшие для нынешнего поколения молодых людей откровениями в постижении освоения Сибири и Урала русскими первопроходцами, одновременно восстанавливали правду о событиях русской истории и воспитывали читателя в любви к родному краю и его наипрочнейшему «сплаву» – северянам: от коренных жителей до пришлых людей разных поколений и национальностей.

Перечитывая произведения Маргариты Кузьминичны, невольно ловишь себя на мысли: история нашего народа настолько удивительная, настолько небывалая («умом Россию не понять, аршином общим не измерить»), что только одним учёным во всех красках не воссоздать полотна минувших столетий. Поэтому создавать картину народно-исторического бытия помогают писатели. Благодаря их стараниям из узкого круга любителей отечественной истории вырастает огромная читательская аудитория осознавшая духовный рост нашей империи. Многотрудными усилиями художественной словесности российская история приобретает глубокий смысл: в представлениях большинства читателей это особый мир, возвышающийся над обыденностью современной жизни.

Несколько десятилетий назад из отечественной словесности ушёл метод социалистического реализма. Его приверженцы настойчиво утверждали: только бытие определяет сознание. Но, с другой стороны, литература и действительность взаимосвязаны, как философская формула-триада: тезис – антитезис – синтез. И мало кто возьмётся сегодня утверждать «одностороннее» обратное, поскольку не только бытие определяет сознание, но и сознание формирует бытие общества, его модель поведения в различных исторических условиях. Благодаря художественной книге событие русской истории, приведённое в ней в качестве факта, становится зримее, образнее, объёмнее. Но, главное, – оно продолжает участвовать уже в истории наших дней, поскольку литературное творчество может возникнуть и существовать только при условии, что оно связано с жизнью народа, его нравственными устремлениями, религией, исканиями правды.

Понимание всего этого к Маргарите Кузьминичне пришло в зрелые годы. Пересматривая газетно-журнальные интервью и беседы с ней, вспоминая собственный очень небогатый опыт общения с нею, в одном из опубликованных материалов мне удалось отыскать ключ к постижению её литературного творчества, где почётное место отведено историческим фактам. Уверенно отвечая на вопрос журналиста: «Какова в ваших романах доля правды и вымысла?» – она подчёркивает: «Правда – это сам факт. В архивах я беру подлинники, а не копии, которые уже прошли через руки. Там я нахожу факт и лелею его, всё остальное – вымысел, конечно, но мне помогает знание того времени, его пути-дороги и корабли...»

– Когда вы держите в руках исторический документ, душа, наверное, трепещет?

– Не только трепещет! Я дрожу от волнения: мне нужно прочитать его, всё выписать. Я ещё не знаю, как употреблю этот золотник, но думаю: какая я счастливая! Потом – забота: не потерять, придумать к нему героев... А может, это факт

только для информации или очерка: как его обыграть, чтобы было понятно людям?»²³⁷

Спустя почти десять лет в другом интервью она продолжит размышления о роли исторического факта в своём творчестве: «С историческими фактами я работаю очень осторожно, перепроверяю их по несколько раз, ищу им документальное подтверждение: в архивах просиживаю. Непроверенные факты никогда в книжку не вставляю. И писать начинаю только тогда, когда в голове всё произведение полностью сложилось».²³⁸

Вслед за героиней нашего повествования доверимся и мы фактам – свидетельствам тех, кто близко знал писательницу Маргариту Анисимкову; газетно-журнальным вырезкам о её творчестве, литературно-критическими дискуссиями, что разгорались при обсуждении её художественных произведений; воспоминаниям очевидцев.

Но, главное, обратимся к её собственным высказываниям о себе и творчестве.

Вряд ли задумывалась над этим маленькая девочка Рита Бекина (такую фамилию носила до первого замужества будущая писательница), когда судьбой ей представилась возможность встретиться с Павлом Бажовым, автором уральских сказов. Сказы – совсем иной литературный жанр, отличный от сказок. Если в сказках лишь намёк на действительность, то в сказах и сказаниях обнаруживается весьма тесная связь с несказочной прозой – легендами и преданиями, которых на Урале бытует множество. Наверное, тогда и зародилась у школьницы Риты мечта изучить все сокровенные тайны, что «спрятаны» в фольклоре народов, издавна населяющих Урал и Западную Сибирь. Задача оказалась непростой: для её решения понадобилась целая жизнь. Настоящая литература тем и отличается от народного творчества, что не является упрощённым

²³⁷ Там же.

²³⁸ «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух. ру». – 16.08.2011.

отражением истории, примитивным её истолкованием. Здесь всё гораздо сложнее.

Судьбе было угодно, чтобы первые литературные опыты Маргариты Кузьминичны пришлось на трудную для нашей страны и народа пору. Вот как она сама рассказывала об этом: «Когда мне исполнилось тринадцать лет, началась война. И без того тяжёлое время наполнилось трагическими событиями: похороны с фронта, голод, болезни... Конечно, хотелось взяв ношу по силам, вместе со всем народом приближать день победы. Когда мне исполнилось четырнадцать, после того, как я стала членом ВЛКСМ, меня избрали секретарём комсомольской организации. Участь в школе, я не только активно участвовала в общественной работе, но и стала помещать свои стихи в стенгазете. Они, кстати, пользовались популярностью: читались моими товарищами на собраниях художественной самодеятельности, их публиковали потом в городской газете, но, что важнее всего, их переписывали и посылали в письмах землякам на фронт».²³⁹ Тогда же Маргарита Кузьминична поведала мне и о своём первом учителе, благословившем её на литературное поприще, который, очевидно, не догадывался о том, какого высокого уровня в исторической художественной словесности достигнет его ученица: «Среди учителей особенно запомнился Иван Евлапьевич Уваров. Был он сыном священника, и, естественно, воцерковлённым человеком. Любил петь псалмы, хотя в то время церковное пение не жаловали. Мы очень ценили нашего учителя. Когда разрушали церковь, где он пел в хоре, удалось сохранить фисгармонию. Ею Иван Евлапьевич владел безусловно, мы заслушивались его игрой, а также исполнением русских народных песен. Кроме того, он был замечательным краеведом: собирал сказки, легенды, предания, другие фольклорные материалы – и своим личным примером привил любовь не только к устному народному творчеству

239 Анисимкова М.К. «Север в истории нашего Отечества всегда имел свою заповедную притягательность» / Беседу вел М. Рябий // «Аргументы и Факты». – Югра, 2008, № 17. – С. 3.

и этнографии, но также к истории земли сибирской, ведь своими находками он делился, прежде всего, с нами, школьниками. Многие из нас хотели так же, как он, заниматься просветительской, «первооткрывательской» деятельностью. Поэтому после окончания Свердловского государственного педагогического института я вернулась в родную школу, потом заведовала отделом культуры в горисполкоме. Помогая в сборе этнографических материалов для школьного музея, увлеклась мансийским фольклором и здесь же, в Ивделе, написала свою первую книгу «Мансийские сказы».²⁴⁰

Добавим от себя: книга эта вышла тиражом в семь тысяч экземпляров! Казалось, с её выходом в 1960 году, пришёл и первый успех: Свердловским Средне-Уральским издательством «Сказы» были представлены на выставке в Лондоне, как «Лучшая книга года». Маргарита Анисимкова заслуженно была удостоена диплома, но вспоминая об этом, она категорически заявляла: «О том, что я писательница, стали говорить, когда вышла моя первая книжка. Я же всегда считала себя учителем и никогда об этом не думала. Всё само сложилось».²⁴¹ Даже когда со времени первой крупной публикации – повести «Октябрьские зори» – в журнале «Северная звезда» (Ивдель) пройдёт 53 года и её писательская слава «перешагнёт» за пределы северного региона, в собственной оценке творчества она останется неизменна: «Я считаю: принимать себя надо такой, какая ты есть. Не надо воображать, что ты эпоха. Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени».²⁴²

Такое требовательное отношение к себе и своему творчеству подразумевает и трезвый подход к художественным произведениям своих собратьев по писательскому цеху в Югре. Жёсткую оценку она никогда и ни от кого не скрывала, говоря вслух о том, что было на сердце: «Что касает-

240 Там же.

241 «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух. ру». – 16. 08. 2011.

242 Там же.

ся литераторов, то их сейчас много развелось. Пишут все, кому не лень, но слабенько, неинтересно, даже примитивно. Я не могу порадоваться. Среди югорских писателей по-настоящему талантливы только человек 5-6, остальным не хватает дара. Беда у них общая: мало читают, не умеют владеть словом; забывают, что писать надо сердцем». ²⁴³ Примерно, лет за десять до этого интервью, в беседе с Альбиной Кузьминой она резко отделила себя от тех, кто, по её мнению, является не писателем, а приспособленцем от литературы: «Есть у других написанные романы. Ну и что? Они не читабельны. В них нет языка, в них нет сердца, написаны для того, чтобы было написано... Нет, я такие книги писать не хочу». ²⁴⁴ Она и к собственному творчеству порою была весьма жестока.

Учить, не поучая, и учиться самой – эта черта, пожалуй, стала определяющей в её характере. Непросто воспитать в себе тягу к постоянному совершенствованию наперекор суете и страстям, что постоянно подстерегают человека, живущего в обществе, а не в затворе или пустыни, как святые отцы. Воля и целеустремлённость, а также желание приносить людям реальную пользу двигали маленькую Риту вперёд к знаниям жизни. Об этих качествах характера нашей героини необходимо поведать подробнее, ибо без них, как нам кажется, Маргарита Кузьминична не состоялась бы, прежде всего, как личность. Тяга к учёбе в ней проснулась с малых лет. В первой и пока единственной, как признавалась сама Анисимкова, ²⁴⁵ монографии Евгения Каргополова, автором подчёркивается: маленькая Рита всё делала для того, чтобы пойти учиться как можно раньше: «В тридцатые годы дети

243 Там же.

244 «Романтика Самотлора» / Беседу вела А. Кузьмина // «Мир Севера». – 2000, № 5. – С. 10-13.

245 В одном из своих последних интервью на вопрос «Давайте пофантазируем: допустим, кто-то написал о вас книгу, как бы вы хотели, чтобы она называлась?» Писательница дала следующий ответ: «Ну, ещё чего не хватало. Ни к чему это. А хотя обо мне ведь уже есть книга. Её написал директор Ханты-Мансийского педагогического колледжа Евгений Каргополов. Книга вышла в 2006 году и называется «Гори, гори, мой свет души» (Елена Состова. – Автограф, № 4 (35) январь-март 2013).

начинали посещать школу с восьми лет. В 1935 году Рите было уже семь лет, не хватало несколько месяцев. Соседские подружки, уличные мальчишки пошли в школу. Но отец, уповая на закон, запретил... Дом, где жила Рита, был на дороге, по которой ходили в школу. У неё было огромное желание пойти учиться, несмотря на запрет отца. Видя такое упорное стремление своей дочери учиться, Татьяна Сергеевна (мама М. К. Анисимковой – М. Р.) тайком от мужа стала помогать дочери».²⁴⁶ Фёдор Богенчук, в 1990-е годы ведущий корреспондент «Местного времени», ветеран нижевартовской журналистики, близко, из первых уст знавший многие подробности жизни писательницы, рассказывал читателям накануне её семидесятилетия: «Подготовку Рита начала загодя и основательно, пыталась исполнить любое приказание мамы. Девочка с большой старательностью и добросовестностью бралась за любую работу по дому. Терпеливо сносила разные мелкие пакости братишки, смиренно выслушивала поучения за свои оплошности и так умаслила свою строгую мамочку, что та спокойно выслушала её и согласилась».²⁴⁷ Но Рита недолго оставалась первоклассницей. Училась с большой старательностью и желанием. Первая её учительница Юлия Петровна, узнав, что Рите нет ещё восьми лет, не препятствовала обучению: настолько прилежно и успешно осваивались школьные предметы. Однако через два месяца тайна была раскрыта отцом Риты – Кузьмой Дмитриевичем, который, не вняв горячим просьбам дочери и матери, запретил ходить в школу. Девочка очень болезненно пережила эту первую в своей жизни трагедию. Учение пришлось отложить на несколько месяцев – и тем долгожданнее было 1 сентября нового учебного года. Рите повезло с первыми учительницами: «Обе – дочери бывших местных земских деятелей, из славных уральских родов. Они получили гимнази-

246 Каргаполов Е. П. «Гори, гори, мой свет души...» О жизни и творчестве М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 9.

247 Богенчук Ф. Творец, подаривший историю манси // «Местное время». – 1998, 18 апреля. – С. 4.

ческое образование, были широко образованными, светски воспитанными, приветливыми педагогами, как говорится, от Бога. На их уроках даже «камчатка» сидела смиренно и внимала рассказу учителей. Они будили ребячье воображение, заставляли логически мыслить. Знакомили с прозой Мамина-Сибиряка, Бажова, Пришвина – коренных уральцев. Были и уроки мини-спектакли, когда дети, старательно выучив свои роли и тексты, разыгрывали простейшие сценки из пушкинских сказок и бажовских сказаний. Может быть, тогда Рита и решила, что непременно будет писать сама».²⁴⁸

Однако прежде надо было набраться опыта, приобрести уверенность в себе, чтобы выстрадать право обратиться к людям со своими произведениями, как творческая личность, которой есть о чём поведать своим читателям. Для этого необходима была тщательная и долгая подготовка, заключающаяся, прежде всего, в «разыскательной» этнографической деятельности. Её она не отделяла от «фольклорной»: поскольку поначалу ей казалось, что она станет, в какой-то степени, «продолгательницей» дела сказителей. Так уж хотелось поделиться добытыми знаниями с читателями, расширить, благодаря собственным краеведческим открытиям, их научный кругозор!

Здесь помогли накопленные знания о реальной жизни лозвинских манси. Спустя десятилетия, писательница вспоминала: «Моя юность пришлась на годы Великой Отечественной войны, беззаботной её не назовёшь. И в то же время мой отец был председателем оленеводческого совхоза. Мы постоянно общались с вогулами, так я познакомилась с их народным творчеством. Я не раз отправлялась в их поселения собирать сказки. Манси меня спрашивали: «Зачем приехала? Кто к нам приезжает, обычно говорят «продай», «меняй», а ты зачем?» Я отвечала, что мне нужны их сказки. Однажды мы шли по лесу и увидели пробегающего зайца. Но вогулы

248 Там же.

не стали в него стрелять. Мне объяснили, что заяц – трусливый зверь, а им такая добыча не нужна. Иначе охотник тоже станет всего бояться. Так я написала сказку «Трусливое сердце». А своеобразный юмор коренных народов! Его ведь никто не изучал». ²⁴⁹ Один из важнейших воспитательных методов в педагогике – личный пример и авторитет старшего. Собирая дополнительные материалы о писательнице, я обнаружил подтверждение этой мысли в одной из её бесед: «У нас школа была мансийская. Наш Иван Евлампиевич Уваров был первым учителем на Урале, знал мансийский язык. Я не сказки пишу – сказы, а это большая разница. Я Бажова видела ещё школьницей, мне хотелось писать, как он. В сказках есть факт. Я пишу о том, как люди живут, чем они занимаются, какая охотничья пора...» ²⁵⁰

Полтора десятилетия назад, когда добрая половина её творческого наследия уже увидела свет, Тамара Пыркова в статье «Остановись, прекрасное мгновенье» в канун 70-летнего юбилея Маргариты Кузьминичны выражая мнение большинства читателей её произведений, с восхищением отмечала: «<...> её книги написаны самобытным, исконно сибирским языком. Но критики своё слово на этот счёт уже молвили. О том, что она первой в литературно-художественном жанре оповестила всю Россию о многих неизвестных доселе фактах в истории нашего края. Но всякий читающий уже оценил эту её заслугу. Так же как и то, каких невероятных трудов стоило ей изыскать и осмыслить фактические материалы». ²⁵¹ Как на подобные заявления журналистов и критиков реагировала Маргарита Кузьминична? Она никогда не меняла своего мнения: «Меня хвалят, но я недовольна собой: считаю, что можно написать и лучше. Я всегда в сомне-

249 Елена Составова. – «Автограф» № 4 (35) январь-март 2013.

250 Анисимкова М. К. «Я преклоняюсь перед всеми женщинами...» / Беседу вела Н. Степанова // «Родина». – 2001, № 10. – С. 13-17.

251 Пыркова Т. «Остановись, прекрасное мгновенье» // «Новости Югры». – 1998, 18 апреля. – С. 4.

нии. Мне кажется, я мало сделала». ²⁵² Слова эти были произнесены в 2011 году. Но и тогда, и за десятилетие до этого, мнение о собственном творчестве оставалось неизменным: «Я верю, прежде всего, в себя, знаю свои силы, возможности, я не смогу прыгнуть выше своей головы, но то, что мне дано Богом и предначертано судьбой, сделаю. И тут я не ублажаю себя ни шестикрылыми Серафимами, ни другими сверхъестественными созданиями, потому что в основе всего лежит труд.

Культура, поэтическое слово всегда жило и будет жить. И в трудное время человеческое слово является поддержкой и вселяет уверенность в завтрашний день». ²⁵³

В ту пору, когда была обнаружена эта самооценка, Маргаритой Кузьминичной было написано и опубликовано немало замечательных художественных произведений: среди её книг, после «Мансийских сказов» (1960), вышли в Москве сказы «Оленья долина» (1965), затем чуть позднее – сказы народов Обского Севера «Еганьское огнище» (1988), обработка мансийского эпоса «Янгал-Маа» (1990); в Свердловске «Танья-богатырь» (1973), в Ленинграде «Земное тепло» (1979), в Тюмени – сказка «Жили-были лесные братья» (1994), а в Кошице на чешском языке – сказки народов Севера «Огонь-камень» (1986).

Как писатель-фольклорист и краевед Маргарита Кузьминична могла почивать на лаврах, но её истинная творческая жизнь только-только начиналась. Один за другим выходят исторические романы: многострадальный и любимый писательницей «Ваули» (его она переписывала семь раз!) – в Москве (1984), в Омске (1994); в Екатеринбурге – «Порущенная невеста» (1994), «Плач гагары» (1997). К этому времени она стала членом Союза журналистов СССР (1971), членом Союза писателей СССР (1985), ей присвоены звания «Заслужен-

252 «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух. ру». – 16. 08. 2011.

253 Майорова О. А. «Человек, женщина, писательница...» – С. 53-57. – Город Нижневартовск основали мы. Сборник очерков. Нижневартовск: Изд-во Нижнеарт. пед. ин-та, 1997.

ный работник культуры Российской Федерации» и «Почётный гражданин города Нижневартовска».

Правда, поначалу критика не баловала Анисимкову: первая повесть «Октябрьские зори» осталась незамеченной. Зато уже в первой книжке «Мансийские сказы», где количество их сводилось к «несчастливому» числу «13», удачей для автора стало то, что послесловие было написано известной уральской фольклористкой В. П. Кругляшовой (1923–2001). Вера Петровна отмечала, что сказы знакомят читателей «с современными мансийскими преданиями и легендами о прошлой жизни, и этим они интересны и значительны».²⁵⁴

Она заметила по поводу содержания книги: оно интересно тем, что облагораживает, украшает душу и природу. «Человек в сказках – разумный хозяин тайги, лесов, животного мира...»²⁵⁵

В. П. Кругляшова, профессор и в то время заведующая кафедрой фольклора и древней литературы Уральского государственного университета, была в числе первых фольклористов, обративших внимание на уральские народные предания, легенды, былички, бывальщины, мемораты.²⁵⁶ Исследованием этих фольклорных жанров она занималась с 1940-х годов. Поначалу её аспирантские исследования (1949–1951) были связаны с полевой фольклористикой. В 1975 году в МГУ она защитила докторскую диссертацию «Историческое развитие жанра народных преданий на горнозаводском Урале». В ней исследовалось жанровое своеобразие, морфология, эстетическая функция преданий, их способность хранить историческую информацию в народной интерпретации. Фундаментальный характер носит её книга «Предания и легенды Урала» (1991), представляющая

254 Кругляшова В. «О мансийских сказках» М. Анисимковой-Бекиной // М. Анисимкова-Бекина «Мансийские сказки» – Свердловск: Свердловское книжное издательство, 1960. – С. 86.

255 Там же. – С. 88–89.

256 Меморат (от латинское *memoria*) память, воспоминание. Опубликованный документ, целью которого является сохранение устных воспоминаний человека о конкретных фактах и событиях, очевидцем которых он являлся.

жанровую специфику народной сказочной прозы и её тематическое многообразие.

На момент написания комментариев к книге «Мансийские сказки» Вера Петровна Кругляшова организовала и провела фольклорную экспедицию по реке Чусовой, игравшей важную роль в промышленном освоении Урала. Одним из идейных вдохновителей экспедиции, несомненно, явился П. П. Бажов (1879–1950), с которым В. П. Кругляшова, как и М. К. Анисимкова, была лично знакома. Павел Петрович, ещё будучи учителем, ездил по чусовским деревням в летние каникулы, записывал местные «побаски» и всевозможные «речения».

«В своей работе по собиранию уральских преданий университетская экспедиция сознательно пошла путём, указанным П. П. Бажовым», – пишет В. П. Кругляшова во вступительной статье к сборнику «Предания реки Чусовой».²⁵⁷ О реке Чусовой писал Д. Н. Мамин-Сибиряк (1852–1912), если вспомнить очерки и рассказы Дмитрия Наркисовича «Русалки» (1876), «На реке Чусовой» (1881), «В камнях» (1883), «Бойцы» (1883), где постоянно встречаются пересказы и фрагменты чусовских преданий.

В 1967 году в Свердловске выходит сборник «Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском посёлке Висим)», где составителем, автором статьи и примечаний является В. П. Кругляшова.²⁵⁸

Столь подробный рассказ о научной деятельности первого комментатора творчества М. К. Анисимковой – Веры Петровны Кругляшовой не случаен. Если бы Мария Кузьминич-

257 «Предания реки Чусовой». Составитель и автор статей В. П. Кругляшова. Свердловск, 1961. – С. 5.

258 Он явился итогом фольклорного обследования типичного горнозаводского посёлка Висим, родины Д. Н. Мамина-Сибиряка, которое проходило пять лет – с 1960 по 1964 годы. Изучению подвергся фольклор, органически восходящий к тому, что был распространён во времена детства и отрочества писателя, в том числе, и жанры сказочной прозы. («Фольклор на родине Д. Н. Мамина-Сибиряка (в уральском горнозаводском посёлке Висим)». Составитель, автор статьи и примечаний В. П. Кругляшова. – Свердловск, 1967).

на, избрав путь пропаганды фольклора манси, переложения народных сказок и преданий на литературный русский язык, то и тогда бы имела несомненный успех даже у именитых читателей: писатель Виктор Астафьев, познакомившись с её первой книжкой, воскликнул: «А сказы Ваши чудесные! Прочитал я, прочитают и внуки, как подрастут».²⁵⁹ И хотя в «сказовом» творчестве Марии Кузьминичны стали появляться новые темы и образы, сбор только фольклорного материала уже не удовлетворяет писательницу: в своём творчестве она закономерно приходит к освоению жанра исторического романа. Повествование подобного рода было выстрадано писательницей по мере того, как она знакомилась с национальными обычаями, преданиями и мифами, в которые народ вкладывал свои представления о мире. Через них выражалось не только отношение к добру и злу, свету и тьме, но и к общественным идеалам и порокам, а в конечном итоге – к историческому прошлому.

В эпоху созидания социализма в стране происходили положительные изменения в жизни не только титульной нации, но и других народов СССР. Не обошли они и коренные народы Севера. Обратимся к фактам. В первом номере за 1930 год «Бюллетеня общества изучения края при Музее Тобольского Севера» в статье В. Телешева с красноречивым заголовком «Туземная женщина в борьбе за своё раскрепощение» рассказывается об унижительном положении женщин, живущих в национальных поселениях: «Низкий культурный уровень туземцев Тобольского Севера, их глубокая преданность обычаям патриархально-родовой старины налагают свой отпечаток на все стороны туземной жизни. С наибольшей силой, особенно резко, пережитки старого быта сказываются на положении женщины-туземки. По убеждению туземца, женщина – существо низшего порядка. Туземная традиция самым решительным образом устраняет туземку от участия

в государственном аппарате, женщина не допускается на общественную работу и даже в домашнем быту она подвергается ряду ограничений, унижительных для её человеческого достоинства. Разделяя с мужчиной все тяготы промыслового труда, выполняя всю домашнюю работу, женщина занимает в туземной среде самое последнее место.

С точки зрения туземца, между женщиной и вещью нет существенной разницы. После смерти мужа женщина, как и другое имущество, переходит «по наследству» к одному из родственников умершего, покупка жён с уплатой за них калыма – обыденное явление в туземном быту». ²⁶⁰

Далее приводятся случаи, ставшие разбирательством советских судов: «Весною 28 года братья Солиндеры, Хатьева и Хабичи, продали свою сестру в жены Худи Мидику и взяли за неё калыма 87 оленей. Жених, выделивший в уплату за невесту из своего хозяйства целое стадо оленей, видимо, был не из бедных, перспектива получить богатый калым соблазнила Солиндеров, согласия сестры на брак они не спросили и отдали её замуж против её воли. Сестра Солиндеров не желала жить с насильно навязанным ей мужем и несколько раз убегала домой. Обычай требовал возвращения калыма обманутому мужу, что, конечно, в расчёты братьев Солиндер не входило, и они всякий раз силой водворяли сестру в дом мужа. Худи Мидику держал жену на привязи и для остротки жестоко бил. В сентябре 29 г. Прокопий Окутю купил себе в жены у Василия Пальдина его сестру Марию. <...> С Прокопием Окутю Василий Пальдин сошёлся на 12 оленях, одной ягущке и одной лисице, да и то уплату калыма пришлось отсрочить до зимы, «когда придут оленеводы, и у них можно будет купить оленей». Как водится, дело обошлось без согласия невесты, зато, когда Окутю предъявил на неё свои права, она с ребёнком убежала к Мошкину. Окутю и Пальдин силою

260 Здесь и далее следующая ссылка: Телешев В. «Туземная женщина в борьбе за своё раскрепощение». – С. 14-16. Бюллетень общества изучения края при Музее Тобольского Севера. Тобольск. № 1, 1930.

отняли Марию у Мошкина и увезли её к Окутю. На время своих отлучек Окутю, опасаясь побега, запирает жену в своей избушке на замок...»

В этом же материале рассказывается о продаже родителями своих дочерей: «Николай и Мария Вызыгари продали свою одиннадцатилетнюю дочь Нангли за 30 оленей. Проживши с мужем 6 лет, Нангли ушла от него и летом 28 года, без согласия родителей, сошлась с Прокопием Теткиным. Чтобы сохранить за собой право на полученный от первого мужа Нангли калым, родители её, в отсутствие Теткина, похитили Нангли, связали, бросили в лодку и повезли к первому мужу».

Если всерьёз задуматься над приведёнными строчками, то, бесспорно, они не только свидетельства отсталости, но и дикости коренных народов Севера. Однако ход времени неумолимо разрушает старые и жестокие традиции. Социализм и его завоевания, несомненно, являлись благом для самых униженных и оскорблённых, хотя нельзя не согласиться с автором приведённой статьи – впереди у «туземных» женщин было ещё немало проблем: «Было бы преждевременно говорить о значительных сдвигах в сознании туземных женщин. Наоборот, не подлежит никакому сомнению, что новые веяния чужды еще большинству туземок, что в лице этого большинства основы старого быта находят не только послушных исполнителей, но и ревностных защитников.

Однако, несмотря на это, с уверенностью можно сказать, что работа советской власти по защите туземной женщины оставила на нашем севере глубокий след. Если туземки, рвущие со старым бытом, бросающие вызов старому миру, и являются пока редкими исключениями, то самый факт такой активности со стороны наиболее косной, наиболее отсталой части туземного населения говорит о серьёзном прорыве в идеологии туземной женщины.

Медленно, робко занимает туземка Тобольского Севера своё настоящее место в советском обществе. Наша задача – помочь ей выйти на широкую дорогу социализма».

Столь подробная выписка из документа, возраст которого превысил 90 лет – ещё одно свидетельство того, как менялась история туземного быта в СССР. Всё это происходило на глазах школьницы Риты, будущей писательницы Маргариты Анисимковой. Девочка ещё не могла осознать хода исторического процесса, что происходил в стране, но невольно пыталась в своей памяти запечатлеть «уходящую натуру»: запоминала необычные «сказки» – сказы особых, как ей тогда казалось, людей-вогулов (манси). Эти устные рассказы стали своеобразным импульсом к её дальнейшему историческому творчеству. Представители коренной национальности Обь-Иртышья манси сами казались легендарными личностями, выходцами из того таинственного языческого прошлого, о котором они по секрету поведали маленькой хозяйке гостеприимного дома. Довоенная память маленькой девочки сохранила много подробностей в описании облика необычных гостей. К этим загадочным колоритным личностям из народа манси она ещё не раз будет обращаться в разговорах с журналистами, чтобы объяснить через них своим читателям: мансийскую тему она намерена постоянно продолжать: «Сказы... Я хочу написать о лозьвинских манси – нашла в документах запись о юрте Анисимковых. Народ этот всегда вызывал любопытство, и все русские, кто побывал там, интересовались его жизнью»; «Я в этих людях нашла сердечность»; «Этих людей я всегда воспринимала как сказочных героев, и мне очень хотелось о них побольше узнать»; «В детстве я видела их в нашем доме: такие нарядные малицы, красивые платки...»; «Я всегда восхищалась их красотой, самобытностью. А какие нарядные одежды носили! Такие только в музеях остались. Их жены-искусницы если уж сошьют кисы, то это будет произведение искусства и обязательно с меховыми чулками. Я с ними и на охоту ходила, и за оленями на пастбище, и рыбачила»; «Женщина идёт, так в косах у неё столько щелкунчиков и монет разных... Я бегу за ней – какая она красивая! А когда выросла – где эти люди? Почему их нет?

Мне казалось, что они приходили из сказки»; «Я частенько ездила на стойбище, в чуме с ними жила. Там и увидела, как они зверя выслеживали, как охотились, рыбачили; как токовали. Это моё увлечение никому не нравилось, но я всё равно продолжала с ними общаться. Им и самим невдомёк было, зачем я приезжаю. Обычно к ним ездили за мехами, а я просто из любопытства»; «...один знакомый свердловский редактор, зная об этом увлечении, предложил мне о них написать. Тогда мои знания и пригодились. Так появилась моя первая книга «Мансийские сказы». Но сама я этому никакого значения не придавала. Я и сейчас считаю, что никаких особенных достижений у меня нет».²⁶¹

Забегая вперёд, отметим – одна из последних работ писательницы также была посвящена мансийской тематике, обещание своё она сдержала и более десяти лет назад книга «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова» (2010) обрела своего читателя. Таким образом, круг замкнулся: начало творчества, посвящённое фольклорному, героизированному образу, сохранившемуся в устных легендах и преданиях, продолжилось созданием нового народного типа неунывающего героя-манси, пусть и с лёгкой авторской иронией, но, по-прежнему, любимого. Здесь уместно вспомнить слова писательницы: «человечеству, любой национальности, присуще умение гордиться своим народом. Почему живут сказки, легенды века? Почему восхищаются Ильёй Муромцем, Алёшей Поповичем, Добрыней Никитичем и другими? Потому, что великие русские богатыри. И былины, легенды

261 Цитаты приведены из разных источников. Среди них: Богенчук Ф. «Творец, подаривший историю манси» // «Местное время». – 1998, 18 апреля. – С. 4; Анисимкова М. К. «Я преклоняюсь перед всеми женщинами...» / Беседу вела Н. Степанова // «Родина». – 2001, № 10. – С. 13-17; Каргаполов Е. П. «Гори, гори, мой свет души...» О жизни и творчестве М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2006; Анисимкова М. К. «Север в истории нашего Отечества всегда имел свою заповедную притягательность» / Беседу вёл М. Рябий // «Аргументы и Факты». – Югра. – 2008, № 17. – С. 3; «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух. ру». – 16. 08. 2011; Козлова Т. «На "пятъсот весёлом" в военную юность». (Газета «Новости Югры» № 22 от 29 ноября 2012 г.). Елена Составова. – «Автограф» № 4 (35) январь-март 2013 и др.

о них из уст в уста передавали, это то, в чём мощь нашего государства».²⁶²

Мифология и фольклор – плоды народной культуры, но и сами «плоды» бывают не похожими на жизненные корни. Однако, и литература, и народное творчество – хотим мы этого или нет! – связаны с исторической действительностью так, как младенец в утробе матери пуповиной. После появления на свет человека, путь его может быть совсем не схожим с родительским, но это вовсе не означает того, что он – не дитя своих родителей! Так и литературные произведения являются порождением истории, творениями культуры и сами уже влияют на сознание последующих поколений читателей в осмыслении исторических фактов.

Закономерно, что после «Мансийских сказов» Маргарита Анисимкова вплотную подошла к созданию исторического романа, время от времени возвращаясь к сказам. Путь к исторической прозе был невероятно сложным, и как она сама признавалась, её первый народный легендарный герой Ваули отнял у неё достаточно сил и нервов: «Десять лет забрал у меня Ваули Пиеттомин».²⁶³

Трудно сказать, когда впервые пришла мысль написать о народном заступнике. Но точно известно – и через 100 с лишним лет после его появления в тундре народная молва о Ваули не стихала на Севере Урала и Сибири. О легендарном герое Ваули Пиеттомин (Ваули Ненянг, годы рождения и смерти его точно неизвестны) – руководителе восстания ненецкой и хантыйской бедноты в 1820-е–1840-е годы – можно было узнать из устных преданий коренных народов. Отец Риты Кузьма Дмитриевич Бекин возглавил оленеводческий совхоз «Северный маяк», Маргарита Анисимкова по этому поводу вспоминала: «Мой отец был председателем первого оленеводческого совхоза на Полярном Урале, поэтому в на-

262 «Романтика Самогтора» / Беседа вела А. Кузьмина // «Мир Севера». – 2000, № 5. – С. 10-13.

263 Каргаполов Е. П. «Гори, гори, мой свет души...» О жизни и творчестве М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2006 – С. 48.

шем доме всегда останавливались пастухи, нередко ночевали. Помню, как застилали шкурами пол, как укладывались на них. <...> Пастухи любили со мной разговаривать, потому что мне всё было интересно...»²⁶⁴

Не от них ли впервые услышала будущая писательница легендарное имя «Ваули»? А может от своих сверстниц, прибывших на учёбу из стойбищ? С ними она всегда быстро находила общий язык. Журналистка Эльвира Таран, привела интересный случай из жизни отца Анисимковой во время войны: он «старался опекать детей, оставшихся в Бурмантовском доме-интернате, а одну из заболевших девочек-манси Зою Бахтиярову даже взял в дом. Зоя быстро стала подружкой Риты...»²⁶⁵ Девочки подружились, после возвращения с фронта отца Зои, она приезжала в гости к подружке и там, в одном из чумов, могла узнать о прославленном герое Ваули. В школе на уроках истории учителя также могли повесть о народном заступнике бедняков-северян.

О Ваули можно было узнать из книг. Наверняка школьницей Рита Бекина познакомилась со сборником детских рассказов «Мы из Игарки», что подготовил к печати в московском «Детгизе» в 1938 году писатель-северянин Анатолий Климов, он со своими друзьями ранее написал книгу «Сердце тундры», вышедшую в Омске в 1935 году. Наконец, после его смерти, в 1950-м, в Челябинске под авторством Анатолия Матвеевича вышли «Северные рассказы», в первом разделе этого сборника «Из жизни народов Севера» молодая учительница Анисимкова могла познакомиться с главами из неоконченной повести «Ваули Пиеттомин», что были написаны в 1932–1937 годах. Вот что удалось узнать из примечаний автора и других источников: например, из брошюры с названием «Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений

264 Козлова Т. «На “пятьсот весёлом” в военную юность». (Газета «Новости Югры» № 22 от 29 ноября 2012 г.).

265 Эльвира Таран «Жемчужина» (Материал с сайта региональной общественно-политической газеты «Местное время» от 22 апреля 2008 г.).

хантэ и ненцев в XIX веке». Вышла она в Омске в 1940 году и вполне могла оказаться в школьной библиотеке, но подробнее о ней чуть ниже...

Из книг о народном заступнике Ваули Маргарита могла узнать, что он вслед за декабристами восстал не только против колонизации, но и против экономической кабалы местных богатеев, верхушки родовой знати – князей, шаманов. При поддержке тундровой бедноты он разорял не столько представителей царской власти, сколько богатеев, которых она породила. Все они являлись выходцами из коренных народностей Севера и обирали его беднейшие слои. В отместку народный заступник отбирал у них стада оленей и раздавал семьям из бедняцких чумов.

Спустя четырнадцать лет он был предан богатыми соплеменниками и сослан в самую отдалённую, глухую часть Сургутского посада. Тобольский губернаторский суд, куда дело было направлено для доследования, признал, что Ваули Пиеттомин отнимал у богачей лишь часть и только для того, чтобы «бедным самоедам не лишиться жизни». Тобольский суд вынес решение – отправить возмутителя спокойствия в тундре в ссылку для работы у купца, предварив это наказание 20 ударами плетью. Через два месяца Пиеттомин бежал в родные края, на просторы реки Таз. В январе 1841 года он собрал около себя 400 чумов ненецкой и хантыйской бедноты и двинулся походом на Обдору. Ваули решил сместить князя Тайшина и назначил себя главным старшиной Обдорского края. Местный князь и богатеи Тайшин выехал к вожаку восставших, тот хотел бить его оленьим рогом, но, по просьбе березовского мещанина Николая Нечаевского, бывшего в то время с Ваули, не избил князя, но заявил ему о его смещении. Лицемерный Тайшин клялся Ваули в дружбе, целовал у него руку, обещал выполнить все требования и зывал к себе в гости в Обдорск. Ваули ему простодушно поверил и был предательски схвачен. «На месте стычки возле юрты князя был отслужен благодарственный молебен, устроен парад и, как писали тобольские власти, «иностранцы

в благоговейном восторге сделали угоднику божьему Николаю на 300 рублей разных приношений»²⁶⁶.

Понятно, что эти приношения сделаны были не рядовыми ненцами-бедняками, у которых и на выплату ясака не хватало пушнины, а именно князем и богачами-оленеводами.²⁶⁷

В ходе следствия Ваули не выдал никого из своих соратников, не назвал места их кочевий в тундре. Во многом, благодаря этому его последователи продержались пятнадцать лет и лишь в 1856 году были схвачены и отправлены под суд. Главного защитника ненецкой бедноты военный суд приговорил к пожизненным каторжными работам. С тех пор, как поётся в ненецких былинах, Ваули «сгинул, как пущенная стрела» где-то в Восточной Сибири. До сих пор о нём – народном национальном герое – слагаются песни-сказки: настолько образ Ваули врезался в память широких масс Севера. Ненецкая и хантыйская беднота не верила, что Ваули погиб, ждала его возвращения. В фольклоре ненцев он запечатлён могучим богатырём, обладающим чудодейственной силой и способностями.

«В 1883 году – через сорок с лишним лет после движения Ваули ...начали шириться слухи, что на Обдорск идёт Ваули или его потомок. Слухи эти вызвали настоящую панику среди обдорских торговцев».²⁶⁸

266 Ваули Пиеттомин. Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке. – Омск, 1940. – С. 9. В рапорте сибирского губернатора, что приводится на страницах брошюры, в частности, говорится: «В Обдорске было отправлено торжественное молебствие, причём казаки в полной аммуниции парадировали и произвели стрельбу из пистолетов. Следствие сказалось тотчас: идолопоклонники принесли в дар Обдорской церкви, для св. Николая чудотворца, звериными шкурами, до 500 руб.; очарование умов, произведённое обольщениями Ваули, исчезло совершенно, и самоеды не только сложили тотчас весь ясак за минувший год, но часть внесли уже за нынешний» (Там же. – С. 15-16).

267 Там же. – 15-16.

268 Там же. – С. 9-10.

Не забыт был герой ненецкого народа у себя на родине и в советские годы. В пьесе ненецкого драматурга Ивана Фёдоровича Ного «Ваули Ненянг» он выступает как «ненецкий Пугачёв». Произведение о народном любимце было переведено на русский язык Г. Д. Вербовым. По одним источникам пьеса была запрещена, по другим – опубликована в 1947 году. Авторская рукопись, написанная от руки, хранится в Окружном краеведческом музее Салехарда. Пьесу о Ваули можно прочитать в учебной книге Е. Г. Сусой «Ненецкая литература» для 8-го класса ненецкой школы.²⁶⁹ К сто десятой годовщине драматурга в 2001 году в Салехарде состоялась премьера спектакля «Вавле Ненянг» по одноимённой пьесе ненецкого писателя. А первая постановка состоялась в окружном центре Ямала ещё при жизни автора в 1941 году, в театре под руководством Николая Бронникова.

Возвращаясь к вопросу о брошюре, изданной в Омске при посредстве областного архивного отдела УНКВД в 1940 году, сообщим, что вышла она тиражом в 5 тысяч экземпляров. Наверняка стала известна Маргарите Анисимковой, если не раньше, то чуть позже, поскольку в её романе о предводителе ненецкой бедноты используются архивные документы.

В предисловие к довоенному изданию брошюры говорится: «Подходя к оценке публикуемых материалов, нужно помнить, что это официальные материалы царских чиновников, что события освещаются ими в общем и даже в деталях односторонне и с точки зрения сибирской администрации николаевских времён».²⁷⁰ Всё это свидетельствует о том, что Ваули – вор и разбойник с точки зрения властей и зажиточных оленеводов, из числа коренных жителей Севера. В 1990-е годы была предпринята попытка у части творческой «перестроечной интеллигенции» навесить эти «ярлыки» всерьёз

269 Газета «Нарьяна Вындер» от 19 февраля 2009 г.

270 Ваули Пиеттомин. «Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке». – Омск, 1940. – С. 4.

на национального героя и заступника бедноты. По этому поводу даже завязалась полемика, коснувшаяся и центральной писательской газеты «Литературная Россия».²⁷¹ Если следовать дальнейшей логике, то подобные выпады не имеют под собой почвы. Судите сами: если Ваули – разбойник, то чем отличаются от него «бунтовщики» 1930-х – коренные жители, принимавшие участие в Казымском восстании? И там, и здесь протест против злоупотреблений власти и её пособников... Но самый большой грех Ваули и казымских повстанцев в том, что они хотели отделиться от государства и жить по своим национальным обычаям, исходя из устоявшихся веками традиций. Страшнее грабежей богатеев была смута. Захар Барш, заставший ещё живых свидетелей восстания под предводительством Ваули и тех, кто знал его лично, утверждал: «Вауль проповедывал везде и всем необходимость отделиться от русских, не платить им ясак и отобрать у них все занятые ими земли...»²⁷²

Тем, кто сегодня навешивает на Ваули клеймо бандита с большой дороги не оригинальны, достаточно лишь вспомнить о том, что писалось о заступнике бедных в дореволюционных источниках. Н. Абрамов в «Тобольских губернских ведомостях» (1858) в «Описании Березовского края» назы-

271 Вячеслав Огрызко – главный редактор «Литературной России» на страницах печати высказался по этому поводу: «Я знаю, какое мужество проявила ненка Валентина Вануито, которая наперекор устоявшемуся мнению предложила совершенно новую трактовку образа Ваули Пиеттомина из рода Ненянг. Если русская писательница М. К. Анисимова, исходя из вульгарных социологических схем профессора М. Будорина, в начале 80-х годов изобразила Ваули в своём одноимённом романе как предводителя ненецкой и хантыйской бедноты против царского самодержавия (этой точки зрения одно время придерживался также ведущий ненецкий поэт Леонид Лапцуй), то опираясь на малоизученные документы сибирских архивов и кочующие по глубинам Ямальской тундры предания, пришла к прямо противоположному выводу. Она рисует Ваули как бандита с большой дороги, обобравшего в 1830–1840 гг. всех ненецких оленеводов» (Огрызко В. «Что имеем – не храним» (об итогах международной конференции «Слово в духовном возрождении народов» // «Эринтур» – 1997, № 2. – С. 279-280).

272 Барш З. А. «Обдорский возмутитель» // Журнал «Русская старина». – 1881, октябрь. – Том XXXL. – С. 383. В заключение своего исторического очерка автор пишет: «Каким путём явились в голове его идеи, не сообразные с унылой, чисто животной жизнью самоедов, с их первобытными понятиями о правах человека и о его нравственных потребностях?.. Ответа дать не можем!..» (Там же. – С. 386).

вает Ваули «возмутителем народного спокойствия самоед» и расценивает выступление Ваули, как разбойничье. В № 9 «Тобольских губернских ведомостей» (1858) в заметке «Самоедский праздник в Обдорске по случаю раздачи высочайших наград» «сам Ваули, его сподвижники 40-х годов и последователи 1856 года рисуются просто грабителями, а успехи и популярность Ваули объясняются страхом перед силой его шаманства».²⁷³

В очерке Захара Барша «Обдорский возмутитель», помещённой в октябрьском номере журнала «Русская старина» (1881), со слов очевидцев даётся следующая характеристика предводителю восставших: «Кто же был этот страшный человек – Вауль? Это была, действительно, весьма замечательная, между дикарями, личность, уже давно знакомая всему краю и властям. В начале 1840-х годов, в березовской тюрьме, находившейся при полиции и неогороженной даже тыном, можно было видеть арестанта-самоеда, лет под 40, среднего роста, крепко сложенного, с красивым и энергичным лицом и весьма умными глазами.

...Живя на отдалённых тундрах, этот человек набрал себе шайку послушных земляков и с ней разъезжал по соседям, отнимая у богатых оленей и раздавая их неимущим... К убийствам он никогда не прибегал...»²⁷⁴

Жирную точку в споре о Ваули, думается, поставил Евгений Каргополов в своей первой и пока единственной монографии о творчестве Маргариты Анисимковой: «Хозяйничанье местных князьков – старшин привело к вымиранию и исчезновению целых народов. И в романе Маргариты Анисимковой говорится о борьбе народа за своё существование, за выживание в тяжёлых условиях Севера. В. Огрызко тем самым становится в один ряд так называемых социологиза-

273 Ваули Пиеттомин. «Из истории социальных движений хантэ и ненцев в XIX веке». – Омск, 1940. – С. 3.

274 Барш З. А. «Обдорский возмутитель» // Журнал «Русская старина». – 1881, октябрь. – Том XXXL. – С. 377-386.

торов, для которых народ виновен во всём, в своём голоде и нищете, в том, что он вымирает, что он не может вести правильно хозяйство и, в конце концов, не умеет жить. Такой народ заслуживает уничтожения. Такой подход соответствует взглядам экономико-центристов, эгоистичных индивидуалистов.

Здесь русским реализмом вообще не пахнет. Роман «Ваули» о суровой жизни малочисленных народов Севера – ханты, ненцев; о дружбе русских и ненцев; о большой любви и большой роли русского купечества в развитии экономики края; о роли русской церкви в распространении культуры. Этот роман также и о зле, которое приносили царские чиновники и местные князьки, старшины. Вообще, это роман о человеке, его мыслях, стремлениях, желаниях, борьбе за счастье и достойную жизнь (как они её понимают), о борьбе с природными стихиями...

Роман «Ваули» принадлежит к направлению русского реализма, который в 80–90-е гг. нашего столетия стал быстро возрождаться. Русский реализм, освобождённый от идеологии, изображает жизнь такой, как она есть, не приукрашивая, не скатываясь к натурализму. Это вечная борьба добра со злом; освещение светом тьмы; душевного человеческого тепла с холодом рациональной мысли, ума; общины (коллектива) с индивидуализмом... В этой борьбе выковывается русский характер, воля, сила духа... Через эту борьбу человек обретает себя, успокаивает душу, устремляется к Богу. К таким сильным характерам относятся образы рыбопромышленника Андрея Прокопьевича Есаулкова, беглого Николая Вихорева, русской женщины Клавдии Петровны и других. В романе достаточно правдиво показаны сильные характеры ненцев Ваули, Тогомпадо. Добрых, сильных, независимо от национальных или сословных перегородок, тянет друг к другу. Русские и ненцы на Севере становятся друзьями, они помогают друг другу (насколько это можно).

В романе очень много самостоятельных тем: души и духа, Человека и «маленького человечика», Бога и религии, жен-

щины и мужчины, жизни и смерти, Церкви и священника, нации и народа, преступления и наказания...»²⁷⁵

Отрадно, что, задуманный, очевидно, ещё на Урале, роман получил воплощение у нас в Югре: «В округе узнала, как живут аборигены. По роду своей работы... часто бывала среди этого народа. Так Ваули оказался для меня спасительной надеждой, чтобы продолжить писать на национальную тему».²⁷⁶ В Ханты-Мансийске был получен окончательный толчок к освоению исторической тематики: «В окружном музее истории и этнографии она обратила внимание на небольшую скульптуру, автор которой неизвестен до сих пор. Стоит инородец со связанными за спиной руками, гордо подняв свою голову с раскосыми глазами.

– Кто это? – спросила она у заведующей музеем.

– Это мансийский герой – бунтарь Ваули».²⁷⁷

От себя остаётся только добавить: книга Анисимковой «Ваули», первоначально задуманная как повесть «Хозяин бунтарской стрелы», выдержала три издания! Актуальна она и сегодня настолько, что вполне бы могла иметь и кинематографический успех, если по написанному автором сценарию поставить многосерийный телевизионный фильм, как это практиковалось ещё несколько лет назад на телевидении Югры. В одном из последних интервью писательница выразила надежду на то, что её желание сбудется: «Надеюсь, что фильм о Ваули ещё состоится, а уж герои там, будьте уверены, настоящие».²⁷⁸

После успеха книги о Ваули, Анисимкова обратилась к современной истории, но не смогла в ней найти своего героя. Её попытка написать «производственную повесть» об освое-

275 Каргаполов Е. П. «Гори, гори, мой свет души...» О жизни и творчестве М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 50-51.

276 Анисимкова М. «Романтика Самоглора» // «Мир Севера». – 2000, № 5. – С. 10-13.

277 Богенчук Ф. «Творец, подаривший историю манси» // «Местное время». – 1998, 18 апреля. – С. 4.

278 Козлова Т. «На "пятьсот весёлом" в военную юность». (Газета «Новости Югры» № 22 от 29 ноября 2012 г.).

нии Западной Сибири в 1970-е нефтяниками – не увенчалась успехом, и от задуманного пришлось отказаться.

В монографии Евгения Каргополова, где рассматривается творческая биография Маргариты Анисимковой, автор объясняет её творческую неудачу: «Когда освоение Саяногорска вступила в активную фазу, появилась возможность М. К. Анисимковой непосредственно на нефтяных вышках, на строительных площадках, на нефтепроводах наблюдать за происходящими событиями. Здесь создавалась история нефтяного освоения Сибири...

Анисимкова переезжает в г. Нижневартовск и в августе 1974 года начинает работать в парткоме Нижневартовского вышкомонтажного управления...

Она приехала в новый город «с большим намерением написать добротный роман о новом человеке, рабочем классе, ...о героизме людей, покоряющих Север».²⁷⁹

К тому времени бывший рабочий посёлок только два года назад был преобразован в город; пятый год на Саяногорском месторождении шла промышленная добыча нефти; только год назад отменено строительство деревянных времянков; в районном центре начиналась плановая застройка жилых капитальных микрорайонов, а численность населения с каждым последующим годом увеличивается не менее, чем на 10 тысяч; через год только на улице Пионерской появятся первые девятиэтажки («дворянское гнездо»); ещё не завершено сооружение железной дороги; а памятник покорителям Саяногорска (в народе его станут величать по-домашнему «Алёша») возведут только через четыре года... Но в сравнении с тихим Ханты-Мансийском, деревянным окружным центром нефтедобывающего региона, набирающий силы Нижневартовск был перспективным во всех отношениях. И как когда-то, в 36 лет вместе с сыном и дочерью, она решительно распорядилась с родным Ивделем, так и теперь, спустя одиннадцать

279 Каргополов Е. П. «Гори, гори, мой свет души...» О жизни и творчестве М. К. Анисимковой. – Ханты-Мансийск, 2006. – С. 40-41.

лет, она покидала приютившую её столицу северного региона с новыми оптимистическими планами на будущее... К этому времени Маргарита Анисимкова стала профессионалом не только в педагогике. С 1971 года она член Союза журналистов СССР – за её плечами работа в окружной газете, на студии телевидения Комитета по радиовещанию округа. Несколько лет отдано преподавательской деятельности в окружном педучилище. Попробовала себя она и в роли руководителя отдела культуры, но теперь уже не городского, как на Урале, а окружного масштаба... Неужели с таким опытом и желанием открыть нового современного героя среди покорителей Самоглора ей не найти настоящего романтика и энтузиаста – своего «Алёшу», героический образ которого нижевартовцы изваяют в камне и установят на въезде в город?

«Она задумывает серию статей о вышкомонтажниках, нефтяниках, мужественных людях Приобья. В течение чуть ли не полутора лет идет интенсивная работа. Собираются новые, обрабатываются уже отлежавшиеся материалы. Анисимкова работала с теми, кто монтировал буровые вышки.

<...>В те годы в Нижневартовской городской газете «Ленинское знамя» часто печатаются ее материалы о тружениках Самоглора, о героях-первопроходцах, о рабочих династиях, о скоростных методах в бурении и новой технологии в строительстве нефтяных вышек.

За 8 лет работы в вышкомонтажном управлении № 1 М. Анисимкова побывала на всех объектах организации. «Чтобы хорошо писать, надо много знать», – говорила она. «Павку Корчагина я искала, но не было того героя, того человека, который был бы идейно готов, как Павка бороться за новую жизнь».²⁸⁰

Почему же не получилось добротной книжки об «Алёше», современном герое, покорителе сибирских недр?

280 Там же. – С. 42.

Заслуженный учитель Российской Федерации, историк Ольга Майорова в очерке о писательнице, помещённом в книге «Город Нижневартовск основали мы» (1997), даёт своё объяснение случившемуся: «Она покинула маленький деревянный Ханты-Мансийск и приехала в город большой нефти – Нижневартовск, чтобы найти героя своего времени – нефтяного Павку Корчагина. Стремясь встретить высокую мечту в жизни, пошла работать в вышкомонтажное управление. Но промышленного романа не получилось. Павла Корчагина, в полном смысле, по Николаю Островскому, не нашла. Слог писателя, лирически-художественный, никак не соприкасался с железом, его лязгом и скрежетом».²⁸¹ Что ж, с этим, пожалуй, можно согласиться, но только отчасти. Наверное, наступила другая эпоха, где революционная романтика с её боевым кличем «Даёшь!», уступила место научно-технической революции с иными подходами в решении насущных задач. Изменились и сами люди, конечно, и обстоятельства, и условия труда, и жизнь рабочего человека потекла в ином русле...

Сама Маргарита Кузьминична так объясняла неудачу с выбором героя: «Павка-то чем берёт? Он берёт своей целеустремлённостью, своей идеологией, не только лопатой и киркой, берёт и отдаёт, не считаясь с жизнью, он идеологически борется. За то, чтобы люди, которые рядом с ним, были единомышленниками. А не потому, чтобы построить буровую, за неё получить деньги. А здесь деньги роль играли. И если Павка Корчагин патриот, убеждённый, бескорыстный, поверивший в правоту классовой борьбы и движимый этим, не жалел ни живота, ни времени, просто одержимый, – то проработав здесь, на Самотлорской земле, почти тридцать лет, я не вижу людей такой одержимости. Есть влюблённые в своё дело, но не вижу патриотов. Наверное, поэтому у меня

281 Майорова О. А. «Человек, женщина, писательница...» Город Нижневартовск основали мы. Сборник очерков. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – С. 53-57.

не получился Павка Корчагин». ²⁸² Это не беспощадный приговор современному рабочему классу, а нечто иное – люди потребовали к себе за годы построения социализма уважительного отношения со стороны властей, чтобы к ним стали бережнее относиться и ценить...

Да, «Павка» не получился – не то время было на дворе, эпоха ваяла новых героев, у них были другими не только имена. Но не означает ли это того, что памятник «Алёше» в Нижневартовске поставлен зря? Конечно, нет! Один из героев книги Ольги Майоровой Василий Данилович Родионов, начальник УБР-2, почётный нефтяник Тюменской области, вспоминая первые годы покорения Самотлора, признался тогда Ольге Александровне: «Сегодня люди неадекватно оценивают наши деяния. Всё-таки не все люди сюда приехали за рублём, да и не романтики ради – приехали созидать. Может, и громко сказано, но я так ощущаю то время». ²⁸³ И многие ветераны Самолора думают так, а не иначе! Один из них, знатный нефтяник Григорий Кузьмич Петров, удостоенный высших трудовых наград за свои подвиги в Сибири, касаясь этой темы, писал в книге «Каждый становится героем»: «С годами я убедился, что можно в жизни многого добиться в смысле материальной обеспеченности, наград, житейских благ и радостей, всё это необходимо, важно, возвышает в собственных глазах, но ощущение полноты и радости жизни, душевной ясности даёт только удовлетворённость своим трудом, то дело, которому ты посвятил себя, нескончаемый ряд больших и малых побед, которые одерживаешь, словом, ясное осознание движения жизни и себя самого в этом животворном потоке. Мне кажется, что мы все тогда ощущали и почти зрительно представляли всю безмерность Сибири для подобного движения, размах дела, которого хватит на це-

282 «Романтика Самотлора» / Беседу вела А. Кузьмина // «Мир Севера». – 2000, № 5. – С. 10-13.

283 Майорова О. А. «Нараспашку прожитые годы...» Город Нижневартовск основали мы. Сборник очерков. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – С. 46-52.

лую жизнь и даже больше».²⁸⁴ Справедливые слова! Действительно, лучше не скажешь, поскольку это признание заслуженного трудового человека можно отнести к большинству тружеников покорителей Западной Сибири – и уж точно, к героине нашего повествования – Маргарите Кузьминичне Анисимковой. Она, как и многие приехавшие и ставшие сибиряками, имела право повторить вслед за Родионовым ответ ветерана Самотлора на упрёк следом идущего поколения перестроечных 1990-х: «Застойные, тупиковые годы». Никак не приемлю этот термин: тупиковым можно назвать путь... Мы действительно шли в тупик, но люди – это другое, мы работали с душой, отдавали себя делу полностью, мы были молодые и горели, как факелы на Самотлоре...»²⁸⁵

Маргарита Анисимкова, человек поколения, закалённого не только войной, сумела критически взглянуть на неудавшиеся, по её мнению, второстепенные повести, и вынести им свой суровый приговор: «Лицом к ветрам» и «Багульник – дурманный куст» – это всего лишь «рабочий материал»...

В одном из последних интервью она скажет: «Должно пройти время, чтобы люди смогли осмыслить те или иные исторические события, понять их. Для этого нужны десятки, а иногда и сотни лет. Так что создание книг о нашем времени я завещаю писателям будущего...»²⁸⁶

Кому-то это высказывание писательницы о своих произведениях может показаться излишне резким, но вряд ли несправедливым. Вспомним ту «застойную», как сейчас принято говорить, пору: повести и романы зачастую «подгадывались» к очередной исторической дате, как повышенные производственные социалистические обязательства, – успел, оказался на виду у кого нужно, следовательно, заслужил какую-никакую награду. Важнее всего было отправить в плавание свой

284 Петров Г. К. «Каждый становится героем». – Свердловск, 1979. – С. 32.

285 Майорова О. А. «Нараспашку прожитые годы...» Город Нижневартовск основали мы. Сборник очерков. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 1997. – С. 46-52.

286 Елена Состава. – «Автограф» № 4 (35) январь-март, 2013.

«бумажный кораблик» в выверенном идеологическом русле. Талантливый писатель выглядел белой вороной на сером фоне многочисленных «датских» литераторов: особенно преуспевали поэты, что в ударные сроки ваяли «нетленку» к красным датам календаря и очередным партсъездам...

В отечественной словесности постперестроечного периода писатели пытаются вывести тип литературного героя, который бы соответствовал народным чаяниям, такого, как на рубеже 1990–2000-х образ Данилы Багрова из кинофильмов Алексея Балабанова «Брат» и «Брат – 2». Этот герой должен быть решительным и энергичным, знать ответы на вопросы, касающиеся «злобы дня», и в свою очередь уверенным – «сила не в деньгах, а правде!» – нести себя в народ, быть его духовным лидером. Нужен не просто запоминающийся своей убедительностью образ, а яркий пример для подражания, духовный лидер, и при этом живой человек, как все мы, с такими же недостатками, от которых пытается избавляться, учась на собственных ошибках. Такой герой сам по себе уже является большим достижением в художественном произведении. Александр Данилович Меншиков – как раз та личность, что живёт собственной, неповторимой жизнью, эволюционируя к добру. Пусть не смущает читателей «осмнадцатое столетие»: этот исторический деятель и сейчас в наших сердцах живет всех живых! У Анисимковой, такой исторический персонаж избежал ходульности и схематизма и поэтому он выигрывает на фоне современных развязанных мачо; ищеек, пытающихся быть оригинальными в расследовательских методах; героев-любовников, поступками которых, по Фрейду, руководят низменные движения подсознания. А где страдание и сострадание – высокие чувства и глубина: человеческие качества, отличающие нас от животных? Маргарита Анисимкова родом из советской эпохи, в конце семидесятых годов прошлого века она почувствовала лукавство многих своих коллег, пытавшихся изображать советские героические будни с идеологических позиций партийной литературы. Перед ней встал выбор –

быть, как все, или пойти в литературе своей тропинкой вместо обкатанной широкой дороги? Как «все» быть не смогла: не заладилось у писательницы дело с воспеванием «героических будней». По сердцу была историческая тема, в которую она и окунается с головой с конца 1970-х: «Я никогда не позволяла себе шутить с исторической достоверностью. Но чтобы разглядеть в своих героях прелесть человеческого характера, без фантазии не обойтись. Автору просто необходимо окружать их вымышленными персонажами. Это позволяет сделать характер героев более выраженным, ярким. И тогда разум писателя порождает образы, которым отводится определённое место в романе. Это могут быть самые разные люди: купцы, ворожеи, знахари. Даже если на самом деле их не существовало в реальности».²⁸⁷

Конец 1970-х – начало 1980-х предвещали раскол в художественной словесности, поскольку единая идеология начинала трещать по швам. Вспоминаю, как в конце ноября 1980-го брал интервью у Булата Окуджавы. Жил он тогда в одной из московских многоэтажек Безбожного переулка. На вопрос «Почему пишете историческую, а не современную прозу?» писатель ответил: из-за того, что в ней больше творческой свободы для автора – и пояснил: назову, например, персонаж девятнадцатого века польской национальности «дураком» – никакой реакции «сверху», а в современной прозе сразу же возникнут проблемы – что вы имеете против социалистической Польши?

После того разговора с мастером прошло более сорока лет – и что же мы видим теперь, когда мы уже ни одно десятилетие живём без цензуры? Больших высокохудожественных, искренних произведений так и не появилось... Зато графоманов и продажных критиков – не счесть! – и это только часть современных литературных приспособленцев! Даже если писатель по праву удостоился положитель-

287 Там же.

ного критического отзыва, он не должен на него уповать и купаться в лучах славы. Божественный дар дан человеку не для того... Маргарита Кузьминична никогда не забывала об этом и не уставала повторять молодым, только начинавшим свой путь в литературном творчестве: «Всё надо пережить. Писать надо сердцем».²⁸⁸ При этом она не переставала подчёркивать: быть писателем большая ответственность. Накануне своего 85-летия в интервью Елене Составовой она вспоминает насколько серьёзно подходили в Советском Союзе к приёму писателей в профессиональное сообщество: «Я член Союза писателей СССР, а не России, и до сих пор горжусь этим. Тогда всё было не так просто, как сейчас. В Союз писателей принимали в Москве. Тебя как автора оценивали представители всех республик! Чтобы стать признанным литератором, нужно было много трудиться».²⁸⁹

В принципе, после создания романа «Ваули», судьба Марии Анисимковой, как автора исторических романов, была предрешена. Она – писатель романов о далёком прошлом. Это теперь о нашем регионе написано немало, а в те годы, когда Маргарита Кузьминична обдумывала свои творческие замыслы для будущих исторических произведений, добротные литературные работы о нашем крае можно было по пальцам одной руки пересчитать...

В одном из интервью писательница признаётся, что ею двигало, когда она создавала свою плеяду исторических романов: «Скажем, меня давно интересует история края. У нас в Сибири много непознанного. К примеру, я испытывала жгучий интерес к средневековому городу Мангазея: там жили наши поморы, там пополнялась царская казна. Просуществовал древний город недолго, порядка 70 лет, а потом внезапно исчез. Разве это неинтересно? Это же наша история. Почему о ней никто не пишет?»²⁹⁰

288 «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух.ру», 16.08.2011.

289 Елена Составова. – «Автограф» № 4 (35), январь-март, 2013.

290 «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух.ру», 16.08.2011.

Вспоминается разговор с писательницей о последнем её романе – «Мангазее». Маргарита Кузьминична призналась в своей любви к российскому Северу: «Север в истории нашего Отечества всегда имел свою заповедную притягательность. Людей манила полярная безбрежность, бесконечные леса, – всё это давало возможность скрыться от крепостного гнёта и цепей закона, и пребывать на вольных хлебах. Путешественников притягивали неведомые земли, а легенды аборигенов лишь подогревали их интерес. Монахам и отшельникам по душе были чистота и безмолвие льдов, непроходимость лесов и нелюдимость островов».²⁹¹

Затем мы разговорились о её последнем романе. Название «Мангазея», к моему стыду, мне тогда ни о чём не говорило. Знал только, что о ней снимался в Екатеринбурге художественный телевизионный 12-серийный фильм, носивший рабочее название «Путь на Мангазею». Часть съёмок проходила в Югре.

О Мангазее Маргарита Кузьминична поведала мне следующее: «Лукоморьем древние новгородцы называли Мангазейские земли. Мангазея была самым северным острогом Российской империи – таможенной крепостью, быстро превратившейся в торговый город. Основателями называют князя Мирона Шиховского и Данилу Хрипунова. Это событие произошло в 1600–1602 годах в 200 верстах от устья реки Таз. Мангазея становится форпостом северной Сибири.

Это был пушной Клондайк, здесь шла торговля великолепными сибирскими мехами. Но на этом «краю света» жителям приходилось нелегко: рожь и пшеница не выращивались, даже овощи, не говоря уж о фруктах – всё было привозным, поэтому продовольствия не хватало. Купеческие иностранные корабли не были приспособлены к суровым условиям Арктики. Лишь архангельские поморы на крепких судёнышках-кочах пробивались по северным морям и бросали здесь якоря.

291 Анисимкова М. К. «Север в истории нашего Отечества всегда имел свою заповедную притягательность» / Беседа вел М. Рябий // «Аргументы и Факты». – Югра. – 2008, № 17. – С. 3.

И хотя городу было отпущено всего 72 года жизни, это было интересное время. Не забудем, что здесь были обретенны мощи первого сибирского святого – Василия Мангазейского. На его, девятнадцатилетнего юношу, власти только начавшегося строиться городка, возвели ложное обвинение в краже товаров из лавки, где он служил приказчиком. На воеводской пытке власти замучили его насмерть. А когда поняли, что совершили убийство невинного, испугались: сколотили наскоро гроб и бросили тело Василия в болотистое место на пустыре.

А Мангазея тем временем богатела. Расчёты историков показывают, что только за первую треть XVII века в город было доставлено с промыслов не менее миллиона соболиных шкур! Алчность погубила купечество и власти. Всего за 3-4 десятилетия после своего рождения город стал хиреть...

Ведь не случайно же после всех этих злоключений свершилось обретение мощей блаженного Василия в 1649 году, почти через полстолетия после кончины этого праведного юноши. «Замучен-то Василий был по навету купца Нежилы Карповича Соянова. Последний привёз его в Мангазею ...не для торговых дел. А с тайной мыслью растлить и принудить жить с ним во грехе. Женщин в городище явно не хватало, и таковой грех, среди приезжавших на временную охрану крепости стрельцов, был не в диковинку. Но Василий – человек благочестивый – отверг грязные домогательства – и заплатился жизнью! ...Купец повесился...»²⁹²

В романе Василий показан набожным человеком, с ангельским ликом, для него, сироты, Церковь стала родным домом. Он помогает ненцам, отказывается от пушных даров – и вот из-за прихоти купца обвинён в воровстве и убит ударом в висок связкой ключей. Прошло несколько десятков лет и гроб с мощами невинно убиенного предстал

292 Там же.

на обозрение мангазейцев, в городе стали твориться чудеса: «<...> недалеко от церкви из земли поднялся гроб.

Эта весть сразу облетела всю Мангазею. Люди стали припоминать, что ходили по городу слухи о когда-то убитом приказчике Василии, жившем у купца Соянова».²⁹³

Помню, с каким особым упоением Маргарита Кузьминична рассказывала мне по телефону о первом святом, обретённом в сибирской земле: «<...> имя Василия Мангазейского в Сибири XVII–XVIII веков пользовалось широкой известностью, его почитали как защитника бедных и обездоленных. Но самой Мангазее уже ничего не могло помочь, всё меньше и меньше здесь становилось жителей. Наконец, в 1672 году, через два года после перенесения мощей святого Василия в Троицкий Туруханский монастырь, Мангазею покинули последние горожане, и она прекратила своё существование.

В моём романе достаточно много действующих лиц – это воеводы, купцы, поморы. Живые люди, о которых я хочу сказать то, что ещё никем не сказано за 400 лет!»²⁹⁴

Затем наш разговор зашёл о Великой Отечественной войне. Писательница трудилась над сборником рассказов о своей военной юности (он вышел в 2012 году под названием «Вагон пятьсот-весёлый»): «Работы как всегда много. Поделюсь ближними планами. Пишу сейчас о войне. Тема для меня не новая. В основу нового рассказа «Колькины слёзы» взят случай из жизни, что произошёл с моим братом. Он в то суровое время потерял продуктовые карточки – и расплакался, ведь на голод была обречена вся наша многодетная семья! Но мы не остались наедине с бедою. Наши школьные друзья не просто утешили брата, но и оказали конкретную помощь: всем классом помогали для городской пекарни колоть дрова, а её работники за это не дали нам умереть с голода. Вроде

293 Анисимкова М. «Мангазея, или Златом кипящая царская вотчина». Исторический роман. – Екатеринбург, 2008. – С. 407.

294 Анисимкова М.К. «Север в истории нашего Отечества всегда имел свою заповедную притягательность» / Беседу вел М. Рябий // «Аргументы и Факты». – Югра. – 2008, № 17. – С. 3.

бы – обычный эпизод из той суровой жизни, но в нём отражается тот нравственный потенциал нашего народа, благодаря которому мы преодолели страшные испытания. С детства запали в душу слова: «Наше дело правое – мы победим!» В это верили все – и стар, и млад – здесь не было исключений из правил...»²⁹⁵

Война, рассказывала писательница, пришла в каждую семью, двое её дядей ушли на фронт, она, секретарь комсомольской организации школы, организовывала тимуровские команды, помогала семьям фронтовиков по хозяйству не от случая к случаю, а постоянно. Пришлось узнать и голод, и труд до изнурения, и ожидание близких людей с фронта. Испытав тяжести войны в тылу, она не могла об этом не написать. Её рассказ «Лейтенантова жена» насквозь автобиографичен. В этом рассказе Маргарита Кузьминична вспоминает о своем военном детстве, о том, как война у детей диаметрально изменила представление о мире, о том, как нелегко было учиться в те времена, с какими недетскими проблемами им пришлось столкнуться. Возвращаясь в прошлое через семь с половиной десятилетий, писательница совмещает временные точки зрения: той маленькой Риты и взрослой, умудренной жизнью женщины, автора исторических романов. Это позволяет ей создать более объемные характеры ее сверстниц и взрослых.

Одной из главных проблем произведения является проблема обретения героиней гармонии с окружающим миром. При этом читателей не должна оставлять мысль о том, что, воспроизводя образы своих школьных товарищей, (а заодно педагогов и остальных представителей своего окружения), рассказчица не позволяет себе ни малейшего намёка на романтическое восприятие жизни, хотя речь идёт главным образом о мире детей, только-только перешагнувших за черту младшего школьного возраста. Ощущение склады-

295 Там же.

вается такое, что перед нами проходит череда совсем взрослых персонажей, лишённых детскости. Этот приём позволяет Маргарите Анисимковой показать, как война влияет на сознание детей, делая их до времени взрослыми людьми с переиначеной, вывернутой системой ценностей.

У Маргариты Анисимковой в описании интерьеров также присутствует определённая смысловая, идеологическая нагрузка. В подробном описании школы есть особая необходимость. Дело в том, что героиня испытывает особый пиетет к кабинету директора, в котором ни разу не была и от того представляла его самым особенным местом в здании. Но, когда школа была отдана под госпиталь, и его пришлось переоборудовать под отхожее место, героиня испытала настоящее крушение иллюзий. Но даже в этом, несколько курьёзном факте можно увидеть, каким злом являлась война для всех без исключения советских людей, и как преждевременно пришлось испытать разочарование в своих чистых наивных идеалах тем, кто имел законное право на детство. Хотел того автор или нет, но он показал психологический болезненный срез того, как ребёнок входит в мир взрослых ценностей, присущих обществу военной поры. Это была жертва со стороны мальчишек и девчонок вполне осознанная, она подтверждается словами самой героини о том, как ей часто снились друзья в длинном школьном коридоре, их милые лица, голоса и песни, которые они любили петь...

О школе спустя десятилетия Маргарита Анисимкова вспоминает ни как об учебном заведении, а о том месте, где в войну разместили не кого-нибудь, а самых настоящих воинов, которые защищали нашу Родину.

Высокой патетике времён социалистического реализма Маргарита Анисимкова противопоставляет тёплую иронию, мягкий юмор, наивность и вполне уместную, не раздражающую читателей, экзальтацию. И от этого рассказ, безусловно, выигрывает. О Великой Отечественной войне у нас написано немало. Однако не каждое художественное произведение потрясает такой убедительностью. Не каж-

дый автор возьмётся за раскрытие темы военного детства... «Лейтенантова жена» входит в число тех замечательных произведений, где автору удалось запечатлеть правду жизни тех суровых лет.

Писательница призналась журналистке Тамаре Козловой, когда та спросила её: «В дочке Кузьмы и Татьяны, отчаянной Шурке, так и читается будущая писательница Маргарита Анисимкова. – Угадали. Хорошо помню, как писала солдаткам письма на фронт, как ставили концерты в госпитале. «Лейтенантова жена» – это рассказ про нашу школу, про наших ребят. А тот госпиталь, где мы пели частушки, мне до сих пор снится. <...> Герои рассказов и их истории не придуманы, а взяты из реальной жизни, потому и писалось с особым чувством сопереживания».²⁹⁶

В новый сборник «Вагон 500-весёлый» вошли такие рассказы, как «Первый поцелуй», «Лейтенантова жена» и многие другие. Название книги «Вагон 500-весёлый» не случайно: Маргарита Анисимкова объясняла его с учётом того времени, которому было посвящено авторское повествование. Путешествие столь глубоко запало в душу, что писательница решила поделиться пережитым спустя многие десятилетия с читателями.

Во-первых, она рассказала об особенностях устройства того «весёлого» вагона, в котором ей пришлось ехать: «Так назывались товарные вагоны для перевозки скота, но в них путешествовали и люди, потому что больше было не на чем».²⁹⁷

Во-вторых, поведала куда и с кем добиралась до места назначения: «Мы с отцом ехали в таком вагоне до Горького семь дней!»²⁹⁸

И, конечно же, в центре повествования оказались незабываемые впечатления, которые испытала её героиня – будущая

296 Козлова Т. «На "пятьсот весёлом" в военную юность». (Газета «Новости Югры» № 22 от 29 ноября 2012 г.).

297 Елена Составова. – «Автограф» № 4 (35) январь-март 2013.

298 Там же.

писательница Маргарита Анисимкова: «Вместе с нами ехал самый разный народ: колхозники, бывшие заключённые, молодой солдат Митрофан, который возвращался домой с войны. Он был весь в медалях, и урки относились к нему с почтением. В дороге одна женщина родила ребёнка. Там играли на губной гармошке – немецком трофее, на аккордеоне, в общем, стоял такой шум, что главная героиня книги Шурка (это я в молодости) закрывала ладонями уши. Во время стоянок мы выходили на перрон или поляну, в зависимости от того, где проходил поезд, и плясали. Наверное, поэтому такие вагоны назывались весёлыми. Несмотря на ужасные бытовые условия, люди в них радовались жизни, победе в Великой Отечественной войне. И для меня сейчас воспоминания о том непросто путешествии кажутся сказочными».²⁹⁹

Одна из последних книг «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова», как сказано в предисловии журналистки Екатерины Таёжной, «поэма простодушному счастью народа – радоваться и жить, несмотря на все её невзгоды».³⁰⁰ Маргарита Анисимкова и здесь оказалась верна себе. В одном из интервью она признавалась: «Скажем так, случайно у меня ничего нет. К примеру, с национальной темы я своё творчество начинала и до сих пор с ней расстаться не могу. Почему? Потому что мне это с детства знакомо. <...> Я об этом пишу, потому что я это знаю. Если писать о том, чего в глаза не видел, то ничего и не получится».³⁰¹

Писательница, по сути, выступает в новом жанре. Знаеток мансийского фольклора, она решила познакомить читателей с искромётным юмором манси: «В устном народном творчестве народов Западной Сибири – вогулов (манси), ханты (остяков), кроме сказок и легенд существовало много всевозможных баек и притч о нелепых похождениях болтли-

299 Там же.

300 Анисимкова М. «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова». Рассказы. – Екатеринбург, 2010. – С. 7.

301 «Никакая я не эпоха. Я просто человек своего времени». – ИА «Вслух. ру», 16. 08. 2011.

вых хвастунов и вралей, в которых высмеивались чудеса, вымышленные подвиги, якобы случившиеся с ними на охоте, рыбалке, в личной жизни и на войне».³⁰²

Каюсь, байки Ерофея Анямова после монументальных исторических полотен писательницы показались мне несерьёзными, а герой совершенно нового жизнеописания коренных народов Севера «мелкоплавающим». Слава Богу, ошибся я, а не писательница. Она по достоинству оценила своеобразный юмор коренных народов. О своём новом герое она отзывалась с теплотой и любовью: «Это сборник небылиц про мансийского Мюнхгаузена. Ерофей большой выдумщик, герой народного фольклора. В рассказах о нём перемешались реальные исторические события и вымысел. Издание делится на две части: о происшествиях в родном поселении вогула и о событиях, случившихся с ним на фронте во время Великой Отечественной войны. В этой книге коренные жители Севера, наверное, впервые представлены не как персонажи героических эпосов, а как жизнерадостные «большие дети». Главный герой Ерофей Анямов никогда не унывает... Такой книги ещё никто не издавал».³⁰³

«Невероятные приключения...» стали новой ступенью в её творчестве, гимн уходящему поколению наших ветеранов, людей сильных духом, преодолевающих невзгоды с гордо поднятой головой... Мы – другие, не лучше, может, не хуже, но другие. Новый взгляд Маргариты Анисимковой помог осознать это.

Наш рассказ о творчестве Маргариты Анисимковой был бы не полным, если бы мы не упомянули об её общественной деятельности. Предоставим слово руководителю нижевартовского литературного объединения «Замысел» Альбине Семёновне Кузьминой: «Своим профессиональным писатель-

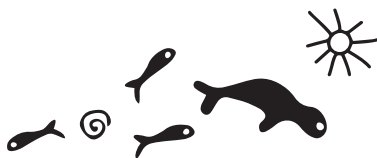
302 Анисимкова М. «Невероятные приключения вогула Ерофея Анямова». Рассказы. – Екатеринбург, 2010. – С. 8.

303 Елена Составова. – «Автограф» № 4 (35) январь-март 2013.

ским чутьём М. К. Анисимкова направила на путь истинный многие творческие силы. Мастер своего дела, она подарила целому союзу творческих личностей ещё одну свою задуманную идею, о которой многие и не догадывались. Умение вовремя увидеть то, к чему молодые стремятся иногда годами, не замечают перед собой дальнейшей дороги, – ещё одна немаловажная черта её характера, благодаря чему теперь создаются новые формы тематики, различные творческие планы». ³⁰⁴

«Замыслу» сегодня за четверть века. Однако сколько бы лет не исполнилось бы этому городскому объединению Нижневартовска всегда там будут поминать добрым словом, находившуюся у его истоков Маргариту Кузьминичну. Хорошо, что ещё при жизни она удостоилась многих тёплых слов и осталась – «нашей Маргаритой Кузьминичной», которая «не только настоящий писатель, наставник литераторов, доброжелательный критик авторов «Замысла», но и наш верный помощник» ³⁰⁵, так успела выразить свои чувства от имени всех членов объединения Альбина Кузьмина ещё при жизни замечательной романистки и покровительницы талантов Маргарите Анисимковой. Имя писательницы должно жить не только в её литературных трудах, но и в «Анисимковских чтениях» и литературной премии имени Маргариты Кузьминичны. Это станет достойным признанием её заслуг перед современниками.

304 Кузьмина А. «Нижневартовск литературный» // «Югра», 1998, № 1. – С. 10.

305 Городское литературное объединение «Замысел»: 15 лет Юбилейный буклет / Редактор-составитель А. С. Кузьмина. – Нижневартовск, 2009. – С. 18.

КОМИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ В ПРОЗЕ ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВСКОГО

Веселить читателя – великое искусство, которое мало кому по плечу. Ибо юмор – тонкая субстанция, не поддающаяся кавалерийскому наскоку и редакторскому заказу: ведь заставить человека расплакаться гораздо легче, чем принудить его рассмеяться.

В юмористике у Валерия Михайловского – своя дорога. Он – то романтический скептик, то неуёмный хохмач, то сатирик, издевающийся над своими персонажами, то милый балагур, однако, всегда и во всём – неназойливый и уместный, с какой-то особенной интонацией. Во всех этих случаях автор ориентируется на «натуру» – язык народа, просторечный юмор...

В его рассказе «Беда одна не ходит» мы ещё раз убеждаемся: народный язык представляет собой не какую-то застывшую монокультуру, не механическое смешение инонациональных влияний книжного языка и средств массовой информации, а многоуровневое нерасчленимое единство, определяющее национальную специфику. Кудесное шитьё радужной русской речи, её разговорные интонации, которые ни с какими другими не спутаешь – всё это, конечно же, украшает рассказ, придаёт ему мощную энергетику и ритм, привносит красочность и юмор.

Прямая речь отдельных персонажей способствует яркому живописанию их индивидуальности, намекает на род занятий, образование, среду, из которой они вышли, и ко-

торая в свою очередь характеризует их мировоззрение. Просторечие, используемое в передаче разговорной речи, как один из элементов художественного текста, также является важным аргументом в раскрытии характеров героев и персонажей. Вот одна из красочных иллюстраций, принадлежащая старушенице, – ночной дежурной хибарки-вокзальчика, куда судьба забросила героя: «Хуражку ещё натянул. Будешь шарабошиться тута – живо милицию позову. Ишь, документ суёт. Знаем мы эти документы!»³⁰⁶ В слове «документ» используется простонародное ударение на втором слоге: казалось бы, мелочь... Однако в настоящей литературе мелочей не бывает, каждая деталь – выражение или словечко – обладает смысловой нагрузкой, а та – тянет за собой какую-либо «историю». А здесь – целых четыре предложения, и вот – характер персонажа как на ладони, и к гадалке не надо ходить, чтобы определить: трудовую деятельность законница-старушеница начинала ещё в сталинские времена и, не растеряв бдительности, до сих пор в каждом чужом видит, по меньшей мере, врага народа. Так, мимоходом, всего на мгновение, автор окунает читателей в атмосферу культа всеобщего подчинения властям, когда каждый, находившийся при исполнении, имел право подвергнуть задержанию и заключению любого подозрительного... Вполне возможно, что ночная дежурная по вокзалу принадлежит к такому типу людей, которые, получив должность, где есть возможность показать собственную власть, тут же возвеличиваются от собственной значимости и превосходства над другими. Агрессивность и невежественность здесь только усугубляют подобные недостатки воспитания. С другой стороны, можно предположить, что бабушка-ветеран железнодорожной службы сохранила о ней самые яркие и благие воспоминания, которые до сих пор греют её душу. Она себе просто представить

306 Современная проза Югры. Анталогия. Часть 2. – Ханты-Мансийск, 2010. – С. 321.

не может, что какой-то похмельный забулдыга в фуражке железнодорожника, одетый не по форме, может действительно быть представителем одной с ней профессии. Возможно, с молодых лет у человека воспитана гордость за свою ударную деятельность, и сознание уже не может просто так примириться с тем, что кто-то мыслит или ведёт себя по-другому, без должного уважения к почётному и особо важному, ответственному труду работника железной магистрали. Если это на самом деле так, то не стоит удивляться словам, произнесённым в адрес находящегося «не в форме» Бориса Степановича: «Железнодорожники такие не бывают, бандюган».³⁰⁷ Этот последний вариант, соединяющий в себе и первый и второй, также может быть приемлем. Четыре фразы персонажа, а сколько славных воспоминаний о былых временах на фоне нынешней железнодорожной расхлябанности! Справедливости ради следует отметить, что и наш герой родом из того времени, на старушонку-пенсионерку он не обижается, поскольку о своей внешности в данный момент тоже не лучшего мнения: «Ну и рожа! Чисто Будулай!»³⁰⁸ Неоднократно в его портрете подчёркиваются следующие характерные черты: чуждость, небритость лица, измождённость, «страшные глаза, впадины под скулами».³⁰⁹

Таким образом, в рассказе Валерия Михайловского разговорная речь так же, как и художественная, реализует авторский замысел, раскрывая содержание произведения.

В рассказах Михайловского немало смешного и трагического одновременно. Знакомясь с персонажами, мы становимся свидетелями добровольного, упорного самоунижения человеческого в человеке. Кто-то скажет: такова жизнь – и это, действительно, верно. Но жизнь очень сложна. Мир Михайловского, его вселенная состоит из множества су-

307 Там же.

308 Там же. – С. 320.

309 Там же. – С. 316.

веренных миров, взаимодействие и взаимовлияние которых не сводимо к единой формуле. Миры героев писателя формируются не только вокруг его личности – персонажи вполне самостоятельны, каждый живёт своей жизнью, и насколько в ней счастлив – его личное дело... Так, думается, понимает идею жизни в своём творчестве писатель. Валерий не довлеет над читателем, как некоторые другие авторы: в отличие от них, у него нет привычки к теоретизированию и нравочениям.

Поднимать этот пласт жизни ветеранов, честно отработавших на производстве несколько десятков лет, – задача неблагодарная, но благородная, поскольку с каждым годом всё острее и острее в стране ставится проблема пенсионеров, которую ещё в большей степени усугубили нынешние пенсионные реформы. Среди писателей Югры вдумчиво этой темой занимаются немногие, и, пожалуй, только Николаю Коняеву удалось с наибольшей остротой отразить трагедию пенсионеров-ветеранов... И вот вслед за ним Валерий Михайловский находит свой ракурс видения этой проблемы.

В рассказе «Беда одна не ходит» упрёком государству стал образ жизни, вышедшего на пенсию Анатолия Евсеевича, соседа и товарища главного героя рассказа: он «вынужден был уйти, как говорят, на заслуженный отдых. Эх, не подвели бы глаза... Начальник согласен был оставить, но медики зарубили. Он со злостью пнул ненавистные очки указательным пальцем к переносице, громко поставил бутылку на стол.

– А ты не психуй, не психуй! Помнишь: «Выйду на пенсию – жить буду на Журавлихе», – передразнивая друга, бубнил Борис Степанович. – А где живёшь? В хлеву! Всё, смотрю, на себя взял. Раньше одна корова была, а теперь? Стадо!»³¹⁰ За незатейливыми словами соседа скрыта со-

310 Там же. – С. 315.

циальная катастрофа, постигшая, вышедшего на пенсию Анатолия Евсеевича: теперь он вынужден считать каждый грош, увеличивать доходы с помощью натурального хозяйства, чтобы не протянуть ноги, живя только на пенсию... Об отдыхе и свободном времени некогда и подумать порою.

Теперь вот и вдовцу Борису Степановичу придётся смириться с новой жизнью: «Приеду домой, зайду к Зое, пусть переходит ко мне. Встречаемся уже пять лет и не решим, где жить, под чьей крышей. Перед людьми стыдно: не молодые уже по свиданиям бегать. Её домик продадим. Мой и просторнее, и огород больше, стайку недавно починил. С работой всё... Выгонят. Да я и сам уйду. Купим корову, поросёнка...»³¹¹

Финал рассказа, наперекор всем козням судьбы, звучит оптимистически: оба пенсионера-ветерана по-соседски решили свободное время посвящать рыбалке, любимому увлечению жизни: «Я теперь тоже пенсионер... Поехали завтра на рыбалку?

– Для матросов нет вопросов, червячки накопаны... Я уже на зиму готовлюсь, – перехватил удивлённый взгляд друга Анатолий.

– А я мотоцикл заправлю...»³¹²

Подобный финал в произведениях писателя – случай не единичный. Можно ли его отнести к жанру «оптимистической трагедии»? И да, и нет, поскольку здесь последнее решение остаётся за читателем. Однако стоит заметить: несчастливых окончаний рассказов у Валерия Михайловского практически не бывает, но и счастливыми в полной мере назвать их я бы не решился. Такова уж творческая манера.

В рассказе «Выстрадавшая победа» автор знакомит нас с представителем той части общества, что появилась в «мутные 90-е». Правда, «новым русским» Эдуарда Семё-

311 Там же. – С. 320.

312 Там же. – С. 324.

новича Щипцова язык отказывается называть, поскольку среди тех, кто сделал себе карьеру и разбогател, было немало дельных и талантливых людей. Вероятнее всего, это накипь перестроечной волны, помесь новой «породы» в наихудшем её варианте – некий современный «торжествующий хам».

Этот тип людей, рвущихся к власти любой ценой, в последнее время у нас получил широкое распространение. Карьеристы и честолюбцы были всегда, но возможностей у них в годы советской власти было явно меньше: всего-то одна правящая партия и никакой оппозиции. Теперь же – простор! И чего только не пообещают вам представители разнообразных партий перед выборами... Причём, количество обещаний пропорционально возрастает с появлением всё новых и новых проблем. Порою складывается впечатление, что у нас в стране их скопилось столько, что остаётся лишь одно – называть проблемы новыми именами, объединяя их в огромные блоки, а старые названия – навсегда позабыть! Глядишь, после этой нехитрой операции проблем, по крайней мере, станет меньше и появится видимость их решения. Почему-то кажется, что рвущийся в депутаты Э. С. Щипцов – именно из таких реформаторов, поэтому политическая карьера его обязательно пойдёт в гору. Этот персонаж настолько повлиял на воображение, что захотелось вдруг составить досье на него.

Итак, конкретно по пунктам.

Основное имя – Эдуард. Имя германского происхождения, в буквальном переводе означает «заботящийся о собственности».

Фамилия – Щипцов. В литературно-художественном тексте важно кроме имени и отчества иметь ещё и говорящую фамилию. Автор не случайно присвоил персонажу такую фамилию: рабочий инструмент – щипцы имеет функции извлечения (выдирания) и раскалывания. Очевидно, читателям хотят тем самым намекнуть на основную идею деятельности персонажа. Фамилия характеризует его в единстве

остальных обобщающих признаков, выявляющих сущность образа.

А теперь о вариантах «непоимённого» обозначения. С лёгкой руки повествователя – доктора Алексея Максимовича (к нему Щипцов по протекции приватно обратился для излечения «залётной» болезни «своего ружья»), пациент получает прозвище – «ржавое ружьё». И это со стороны героя не единственная характеристика, есть и такие: «А вы – интриган, господин Щипцов! Вы, пожалуй, выиграете выборы»; «Ну, чисто Иуда». Подобная вариативность прозвищ и обращений к своему герою – не просто проявление прихоти автора – перед нами демонстрация намёков на определённые функции Эдуарда Семёновича Щипцова в повествовании. Они способствуют постижению его значения, как конкретного художественного образа на фоне остальных персонажей.

Портрет. Автор не менее тщательно выписывает портрет обладателя «ржавого ружьишка», который имеет свои характерные особенности.

Первая. Внешний облик Щипцова дан глазами лица, от имени которого ведётся рассказ, – врача Алексея Максимовича.

Вторая заключается в том, что портрет разделён как бы на две части: сначала характеризуется дорогая, по моде, одежда персонажа, а уж затем его дикая, «животная» наружность, подчёркнутая несколько раз такой деталью, как небритый подбородок.

Третья особенность проявляется в том, что сам «портрет» из уверенного «мужчины средних лет» в сопровождении безликого («бритоголового», «с могучей спиной») охранника вдруг неожиданно для себя претерпевает метаморфозы. От бывшего наглого поведения и самоуверенности не остаётся и следа, зарвавшийся «герой нашего времени» с хамского «ты» переходит на почтительное «вы». Поводом становится резкая характеристика доктора по телефону в адрес своего потенциального клиента: «Ало! Иван? Кого

ты мне прислал? Ну, лысый такой..., толстый..., наглый, как паровоз, с «ржавым ружьём»...»³¹³ Картина преображения впечатляет ещё больше во время вторичного посещения доктора: «Опухшие глаза, подёрнутые слезой, казались усталыми, щетина на обвислых щеках с редкой сединой, завершала убогий портрет. Щипцов вскочил, сгорбившись прошёлся к двери, обратно».³¹⁴

Четвёртое. Живые впечатления от нелицеприятного знакомства с персонажем контрастируют с официальным его обликом – предвыборной фотографией: «портреты, расклеенные на всех столбах, несли людям его добрую и честную улыбку».³¹⁵ В финале Алексей Максимович, приглядевшись внимательней к газетному портрету, обнаружил: его бывший пациент (уже депутат местной думы, одаривавший читателей елейно-приторной улыбкой), глазами – зеркалом души – не выражает ничего. К фотографии прилагалось интервью с новоиспечённым избранником народа под заголовком «Выстрадавшая победа». Апогеем авторской иронии становится фрагмент из него: «...Работа, работа, работа... С утра до ночи, и так каждый день... Организм начал давать сбои. Пришлось обращаться к врачам... Жена не выдержала, ушла... Но я не падаю духом, и постараюсь оправдать доверие...»³¹⁶

И, наконец, пятое. Ни герой, ни повествователь не могут отказать себе в удовольствии выставить Щипцова в комическо-нелепой позе. Действительно, трудно удержаться от смеха при виде такой «картинки»: «Щипцов стоял под оленьими рогами со спущенными брюками. Ветвистые рога, подаренные поликлинике на юбилей другом-охотником, словно росли из его лысеющей головы. Дорогой галстук дотягивался до курчавых зарослей, откуда

313 Рябий М. М. «В пути я вновь». – Екатеринбург, 2013. – С. 231.

314 Там же. – С. 234.

315 Там же. – С. 233.

316 Там же. – С. 237-238.

сиротливо выглядывал предмет беспокойства Эдуарда Семёновича».³¹⁷

От особенностей портрета переходим к характеристике разговорной речи. Писатель не усыпляет читателей занудным длиннющим вступлением. Сразу берёт быка за рога: приковывает читательское внимание фразой-автохарактеристикой: персонаж только-только вошёл в кабинет врача, мы ещё не рассмотрели его внешность, но уже слышим его нахально-самоуверенное обращение к врачу: «Слушай, Склиф-а-а-совский, я от Ванька...», – и далее Щипцов продолжает в той же наглой манере: «Я хотел с тобой тет на тет побазарить...»³¹⁸

Простить подобное словесное неуважительное отношение к себе может лишь духовно неполноценный или корыстолюбец, что, впрочем, одно и то же, ибо последний также рабски зависит от денег. Нормальный человек даст зарвавшемуся хаму беспощадный отпор – «какой привет, такой ответ...» (самохарактеристика ответного отношения к пациенту доктора Алексея Максимовича). После этого речь Щипцова «входит в берега»: «доктору теперь он говорил «вы». Автор не случайно подчёркивает лексическую специфику речи кандидата в депутаты: «Щипцов сбивчиво, смущаясь, употребляя блатную лексику, коротко рассказал доктору о своей проблеме... История не отличалась оригинальностью: «братки», «пойло», «хата», «шалавы», и в конечном итоге: «закапало».³¹⁹

Как только опасность миновала, герой вновь обретает хамский и высокомерный тон в обращении к своему избавителю: «Привет, Склиф-а-совский! Благодарю, что вернул здоровье: стране нужны здоровые депутаты».³²⁰

317 Там же. – С. 232.

318 Там же. – С. 230.

319 Там же. – С. 232.

320 Там же. – С. 238.

В осмыслении образа героя не следует забывать о значении детали, становящейся порою символом. Вот говорящая о собственном превосходстве над другими, примечательная по своей яркости фраза: «Фразы он бросал, как мелочь в шапку нищего». ³²¹ Характерны и жесты персонажа: «в упор расстреливал медсестру, ещё молодую женщину с округлыми формами. Шагая по кабинету из угла в угол, как у себя дома, он, то и дело, обшаривал её с ног до головы». ³²²

Повторяющаяся дважды такая деталь лица, как «пухлые влажные губы», свидетельствует не только о сладострастии: «Влажные пухлые губы выражали подобие улыбки, обнажая жёлтые зубы.

Доктору показалось, что это лицо он уже где-то видел. «Ну, чисто Иуда», – подумал он, вспомнив картину знаменитого художника». ³²³ «Подобие улыбки», глаза Эдуарда Семёновича, загорающиеся «нехорошим блеском», расплывающийся рот – пускай это ещё не приговор официальному лицу, представляющему нынешнюю власть, но предостережение читателям. Есть и другие детали, проясняющие суть этого персонажа.

Однако смех смехом, а писатель озадачивает читателя серьёзной проблемой: этот нечистоплотный во всех смыслах человек – народный избранник, депутат, вершитель судеб людей... Несмотря на ироническое отношение к этому персонажу, автор пытается изобразить его реалистически: перед читателями предстаёт хоть и ничтожное, мутное, порою гадкое, порою жалкое, но всё-таки живое человеческое лицо. Оно принадлежит существу, посягающему на власть, и ради неё оно будет водить за нос, дурачить и устанавливать те законы, что выгодны тем, кто эту власть представляет, а не народу, что привёл «щипцовых» всевозможных мастей к этой власти.

³²¹ Там же. – С. 230-231.

³²² Там же. – С. 231.

³²³ Там же. – С. 234.

В маленьком, по сути, рассказике предстают два мира. Один – совестливый, интеллигентный – в образе Алексея Максимовича. Другой – совершенная противоположность первому. Это лживый, вывороченный наизнанку, кощунственный мир. И через это кощунство в стране пытаются утверждать нормы и законы, прикрываясь фразами о благе людей. Конечно, писатель-сатирик Михайловский на стороне первых. Как гражданин, он возмущён тем, что дикари, подобные его персонажу, начинают заниматься законотворчеством. Как художник, имеющий дар предвидения, он пытается донести своё возмущение до читателей с помощью смеха, которым пытается лечить наши общественные пороки. Однако это очень горький смех, и проницательный читатель сразу же поймёт, что за ним скрываются слёзы, ибо речь идёт о жизни или смерти нации – настолько далеко зашла болезнь. Спасение для человека верующего подразумевает душеспасение. И здесь до «выстраданной» победы ещё очень далеко.

Возможно, кто-то из теоретиков прозы упрекнёт автора повествования в неразвёрнутости, «пунктирности» характера главного героя и остальных персонажей. Но ведь это и не обязательно для небольших по объёму произведений, тяготеющих к развёрнутой миниатюре, профессиональной байке, житейской истории – да мало ли чего ещё в своей жанровой палитре имеет художник? Никогда бы не подумал, что толчком к появлению такого рода рассказов может быть безобидная деталь, на которую случайно обратили внимание. Но, хотите – верьте, хотите – нет, а случилось именно так, как случилось. Говорю об этом вполне авторитетно, потому как сам причастен к замыслу этой творческой «выстраданной победы» Валерия Михайловского. А дело было так.

Как-то в начале 2000-х состоялась наша очередная встреча в столице Югры. В Доме писателей намечалось какое-то важное литературное мероприятие, собравшее творческие силы округа. Было весело и шумно. Мы за-

шли в гостевую комнату, главным украшением которой являлись ветвистые рога дикого крупного парнокопытного животного, заменявшие вешалку для одежды. И здесь мы невольно залюбовались громадными размерами охотничьего трофея, подаренного ветераном журналистики, писателем-краеведом, опытным и добычливым охотником Новомиром Борисовичем Патрикеевым. И тут какой-то чёртик дёрнул меня обратиться к Валерию: «А не слабо тебе написать рассказ, где почётное место отводилось бы именно этой детали?» Валерий задумался лишь на минуту, и ответил вопросом на вопрос: «А почему бы и нет?» Через некоторое время у меня дома раздался телефонный звонок, Валерий Михайловский сообщил о том, что закончил работу над рассказом, где «имеют место быть» роскошные ветвистые рога в качестве художественной детали. Вот такая творческая история! – деталь – олени рога – стала толчком к изображению очередной разновидности «новых русских»: персонажу, которому нельзя подавать руку, из-за боязни запачкать её. Образ Эдуарда Семёновича Щипцова, как наболевший нарыв, прорвался наружу, когда художник нашёл в своей картине достойную раму. При этом Валерия Михайловского нельзя упрекнуть в неэтичности, в смаковании неприличной ситуации, в которую попал «доморощенный депутат». Нельзя писателя назвать и ловцом всего смешного, литературным сыщиком, копающим в бытовом мусоре, искателем нечистот, общежитским сплетником. Автору ближе другой герой – скромный врач Алесей Михайлович, умеющий, если надо, дать отпор зарвавшемуся дикарю. Нет никакого секрета в том, что часто прозаики используют автобиографический материал, поскольку можно выдумать всё, вплоть до деталей, но нельзя выдумать психологию поведения героя.

Валерий Михайловский, в отличие от своего героя – врача Алексея Максимовича, может употребить в художественном повествовании непривычные для этого персонажа литературные образы и сравнения. Например: «время тя-

нулось медленно, как густой мёд из бутылки»³²⁴ или «крупные снежинки в бешеной круговерти плясали свой снежный танец, запутывая мысли»³²⁵ (не танцевали, а именно «плясали»!).

Герой, по законам, сформулированным эстетикой восприятия, отличается от самого автора даже в мемуарных сочинениях, где повествование ведётся от его имени и сам он – главное действующее лицо, поскольку между периодом существования автобиографического героя в воспоминаниях и прошедшим временем к моменту его авторского воплощения существует определённый разрыв. Конкретный случай присутствия человека в мире нельзя воспроизвести во всей полноте и целостности, хотя бы уже потому, что прежде необходимо его творчески осмыслить. По этому поводу в своё время высказался ещё Аристотель, утверждая: задача художника говорить не столько о случившемся, сколько о том, что могло бы случиться, следовательно, говорить нужно о возможном. Но при этом ясно одно: каждый раз художнику необходима «пережитость» событий – своеобразное плодоносное зерно, из которого явится на свет художественное произведение. Поэтому преодоление внешнего автобиографизма в той или иной степени просто необходимо писателю. Важна не сама автобиография, а возвышение над нею: писатель должен быть не внутри материала, а воспарить над ним.

Но при этом можно допускать определённое сходство автора со своим героем. Насколько я знаю Валерия, он, как и его Алексей Максимович, из тех, кто твёрдо считает: добро должно быть с кулаками. Смеею предположить, что оба – из семьи, где справедливость и нравственность, являлись духовными определяющими в отношениях между людьми: именно здесь прививается любовь к полезной работе. В этом нас убеждает характеристика его персона-

324 Там же. – С. 233.

325 Там же. – С. 235.

жа – и одновременно резонёра автора во взгляде на многие вещи и явления. Например, «Алексей Максимович не любил оттепелей. Они обычно сопровождаются «повышением уровня простудных заболеваний».³²⁶ Доктор знает и любит свою работу, иначе бы получил прозвище «коновала», а не «воскресителя» «Склифософского», пусть и панибратски звучащего. Но есть и различия с его героем. Тот – человек со своей историей: Алексею Максимовичу не нравится деликатность в общении с людьми, он пытается выглядеть гораздо грубее, чем на самом деле. Интересная деталь: «Доктор смотрел... через почти невидимые очки без оправы. Он стеснялся их носить. Ему казалось, что очки его портят, придавая его и так нежному лицу излишнюю интеллигентность и мягкость».³²⁷

При этом он достаточно волевой человек по отношению к себе и преданный в дружбе, заботливый, местами мягкосердечный, но при этом одинокий, коротающий жизнь наедине с котом. Почему так случилось – остаётся только догадываться, автор предлагает читателям самостоятельно домыслить прошлое этого одинокого человека, ограничиваясь лишь подсказкой имени героя (Алексей с греческого – защитник, оберегающий), да такой деталью, как «интерьер» квартиры хозяина: «Двухкомнатная квартира доктора встретила гостей холостяцким уютом, граничащим с аскетичностью: порядок на книжных полках, строго расставлена скромная мебель, дежурный букет из сухих колосьев разных злаков и полевых цветков и откормленный ленивый кот, скатившийся с любимого кресла».³²⁸

Показателен следующий момент: ради дружбы Алексей способен пожертвовать временем и нравственным комфортом, вполне сознавая, что «был втянут в грязную

326 Там же.

327 Там же. – С. 231.

328 Там же. – С. 237.

игру»³²⁹, из-за которой пришлось нарушить служебную инструкцию.

Всякому нормальному человеку не хочется попадать в неприятную ситуацию, сознавая свою непричастность к ней. Но Алексей Максимович идёт на это ради дружбы. Он так напрямую и объясняет это своему пациенту, которого вопреки правилам не поставил на учёт из-за его «специфической» болезни: «Насчёт огласки не беспокойтесь. Я ничего не фиксирую, и уж поверьте: ваши избиратели ничего не узнают, а платы никакой я не возьму. Я вами занимаюсь потому, что Иван попросил... Иван! Понятно, господин Щипцов».³³⁰

Ещё обнаруживается, что Алексей Максимович при всём «бесстыдстве» своей профессии, посвящающей её обладателя в тайны пациентов, является хранителем такого редкого душевного качества, как совесть. Для друга, обратившегося за помощью, он готов на многие жертвы, но при этом считает себя недостаточно чутким: «Почему-то вспомнил Ивана, укоряя себя, что не удосужился заехать к нему, поговорить о делах насущных».³³¹ Алексей Максимович извиняется перед Татьяной Сергеевной за причинённые неудобства, хотя неприятные медицинские процедуры – вынужденная мера в постановке диагноза для дальнейшего лечения. Образ Татьяны Сергеевны у писателя ассоциируется со снегом – символом прощения её запутанной жизни с мужем, девушки, когда-то поверившей по молодости лет обещаниям (она моложе Щипцова на двенадцать лет): отсюда, возможно, берёт начало образ «пляшущих» снежинок, «запутывающих мысли», с одной стороны, а, с другой – обеляющий прошедшее в жизни героини. Точно такой же приём можно встретить в финале чеховского рассказа «Припадок», которым очень гордился

329 Там же. – С. 235.

330 Там же. – С. 233-234.

331 Там же. – С. 236.

Антон Павлович и который постигли немногие из его читателей-современников...

Развёрнутая в рассказе сцена нравов современной жизни, предполагает наличие всего четырёх действующих лиц, (безмолвствующие медсестра и охранник – не в счёт). Имена и отчества только у троих, а фамилия и вовсе одна – только у Щипцова. О друге Алексея Максимовича сказано скупо: мы узнаём только имя – Иван, и можем лишь догадываться о его любви к Татьяне Сергеевне, ушедшей к нему от Щипцова: «Ивану грозили большие неприятности за срыв какой-то сделки – подпись под договором оказалась его, конечно же, с подачи Щипцова. С Таней знакомы ещё со школы. Только из-за неё и пошёл работать к Щипцову...

– Теперь уже не жалею, – Иван посмотрел на Татьяну». ³³²

«Тема» двух влюблённых Ивана и Татьяны Сергеевны, только-только намеченная, так же и завершена одним мазком кисти: «Иван обняв её плечи, укрывал от ветра. Она чем-то напоминала девочку-студентку, ожидающую своей участи перед экзаменом. Он же большой и нескладный походил на стену-крепость». ³³³ Истинная правда здесь всё – преданность предмету своей любви ещё со школьной скамьи, и раскаяние Татьяны в совершённой ошибке: как же она сразу не разглядела большое и светлое чувство...

В конечном итоге, не это важно. Задачей Михайловского, как писателя, является противопоставление двух типов людей – совестливого и бесстыдного, высшего и низшего, продолжающего на новом творческом уровне дискуссию «оптимистического» и «пессимистического» в нашей жизни. В первом случае феномен человека всегда выплескивается за края того сосуда, в котором он теснится. Во втором – остаётся лишь довольствоваться стандартизацией, массофикацией, нормированием...

³³² Там же. – С. 236.

³³³ Там же.

Подобное противоборство запечатлено на многих художественных «полотнах», однако Валерий Михайловский попытался внести свою лепту – и насколько удачно: судить читателю. Он бывает порою ироничен до едкости к своим несимпатичным персонажам – не оттого, что видит только один негатив в образе жизни «щипцовых». По его мнению, Господь дал разум и сердце человеку для того, чтобы он жил, а не существовал, в гармонии с ними, жил нравственно и разумно одновременно... Поэтому важно, чтобы читатели понимали не столько несправедливость устройства мира, сколько наши заблуждения на сей счёт: как мы сами неразумно живём и не стыдимся этого. Однако мысль эта писателем подаётся не в лоб с нудными сентенциями, что зачастую встречаешь у некоторых, претендующих на истину в последней инстанции, «сочинителей-педагогов». Валерий Михайловский заставляет общество задуматься, оглянувшись на себя в приставленное литературное зеркало: и пусть тогда люди сами решают, что криво на самом деле.

Подобные рассказы, которых, кстати, немало у Михайловского, тяготеют к жанру зарисовки с натуры и органично входят в тщательно выверенную писателем систему художественных произведений. И то, что порою на видное место вместо священного сосуда приходится в лечебных целях ставить плевательницу или ночной горшок – красноречивый символ наших дней, поскольку путешествие в этом временном пространстве оставляет неизгладимые впечатления, далёкие от «простодушно-сентименталистских».

Кто-то может сделать упрёк в ничтожности содержания юмористических рассказов: мол, скатились мы под гору от высоких устремлений литературной классики: но что делать, коль мельчает человек и общество его окружающее? К власти рвутся проходимцы всех мастей не потому, что равнодушен народ – он безмолвствует в знак протеста к тем, кто сел ему на шею... Порою «начальство» представляют

не личности, а моральные рабы – люди с «футлярами» вместо души, готовые всё продать за наркотик власти...

У Валерия Михайловского обычно в центре рассказа не характер и не идея, а ситуация — необычный случай, курьёз. Однако, взятый для описания, он высвечивает определённые закономерности жизни, сущность характеров персонажей.

В рассказе «Алло! Вас разыскивает Интерпол...» разыгрывается ситуация в большей степени фантастическая нежели реалистическая, по крайней мере, для русского человека. Герой повествования Емеля Заморкин приезжает в США для получения наследства своего дядюшки – Джона Заморка. Но оказывается, что эта, разыгрываемая для читателей ситуация, всего лишь повод для другой умопомрачительной комбинации, в основе которой анекдот, фарс.

Темой рассказа Валерия Михайловского является взаимодействие человека и среды. Емеля Заморкин – человек из другого мира. Попав в мир иных норм жизни, герой преобразуется и достигает таких ошеломляющих успехов, о которых не смели мечтать его новые приятели, покинувшие в поисках лучшей доли свою родину.

Сюжетообразующим мотивом рассказа становится смерть Заморкина-старшего и получение наследства его племянником из России. Автор сразу же задаёт две идеологических позиции – нашу, национальную, и западную, рациональную:

«– А твоя мама говорила, что дядя Джон бедный.

– Да, говорили он питался в дешёвых столовых для безработных. Не женился... Копил... – Для кого? – Емеля характерно пожал плечами.

– Дурень! Для тебя. Благодарить должен дяденьку, – Маня потянула рукавом под носом, что означало: вопрос исчерпан.

– Спасибо тебе, дядя Джон. Век не забуду! – Емеля, перекрестившись, переступил порог уже своего дома.³³⁴

Смешное и трагическое в рассказе усиливает эффект от его прочтения. Печальный сюжет контрастирует с ироническим тоном произведения. Смешной рассказ начинается со слова «смерть», правда, заканчивается другим компромиссным словом – «сон».

Русский человек перед Западом испытывает определённый пиетет. Наивысшей точки преклонения наша страна, наверное, достигла, в так называемый, «период застоя»: проявилось это особенно наглядно в «вещизме», когда дурным тоном было появляться в обществе советскому человеку упакованному в «фирму». Перестройка сломала железный занавес, и у народа стала понемногу спадать пелена с глаз, когда он направлял взгляд в сторону процветающего западного мира. Избавление от идеализации пришло тогда, когда за приветливой улыбкой обнаружился оскал капитализма. Но лишь при более тесном знакомстве с Западом становится понятным, что там предостаточно позёрства и омертвевших форм жизни.

Герой попал в мир призраков, бессмысленных слов и поступков с точки зрения русского человека. Но эта мёртвая среда не захватила его, не изуродовала, а вдохнула новую жизнь, пробудила предпринимательскую жилку. Уж этот-то новый герой не повторит путь своего покойного дядюшки, имевшего миллионы и питавшегося в дешёвых столовых для безработных. Вот уж воистину – люди гибнут за металл!

Характерная особенность прозаика Валерия Михайловского – доверять заветные мысли самым разным своим героям. Для писателя совсем необязательно, на чьей стороне будут объективные симпатии читателя. Вот и в этом рассказе автор в лице Емельяна Заморкина и его пассии Маню-

334 Михайловский В. Л. «Зимник». Рассказы. Повесть. – Екатеринбург, 2003. – С. 300.

ни отнёсся к отщепенцам, покинувшим родину в поисках лучшей доли, не только снисходительно, но и милосердно, с пониманием того, что в погоне за «баксами» бывшие соплеменники утратили настоящие радости жизни. Но Манюня, как всякая русская женщина, преодолевает презрение к людям помешанным на богатстве и славе – и вот уже она согласна без денег, из простой жалости, стать живительным донором для американцев, никогда не отступающих от своих рациональных принципов. Как ещё может относиться русский человек к этим людям в футлярах: «Раз это не разрешено циркулярами, то и нельзя».

Так, одна тема – «человек и среда» – порождает, в свою очередь, другую: «человек и идея».

Американцы, восхищающиеся прелестями Манюни, настолько поработаны идеей собственной выгоды, что свели своё существование до бесцветного, безжизненного состояния. Они лишены первобытных природных восторгов, удовлетворяясь суррогатами цивилизации. Жертвой подобного «цивилизационного» развития стал дядя Емельяна Джон Заморк. Страсть к накопительству сожрала в нём всё человеческое, лишив простых радостей жизни. Уже за одно это его можно назвать бедным человеком, лишённым духовной свободы. Его племянник с законной супругой Манюней, напротив, радостями жизни не обделены и готовы их экспортировать в пределах той нравственной свободы, что могут себе позволить благодаря своему «идейному» видению мира. А позволить себе, оказывается, они могут многое. Однако по-настоящему, оценивать свободу дано не каждому, а только нормальным людям, – не рабам, подчиняющиеся идее всеислия денег. Так незаметно автор подводит нас к нравственному выбору – пониманию двух крайностей жизни, к двум формам человеческого существования, к двум полюсам, обозначить которые знаками «плюс» или «минус» предстоит самим читателям.

У героя и его единомышленницы Манюни нет обогащения, как у американизировавшихся бывших соотечествен-

ников, зато не растрочен ещё азарт жизни. Именно этим «азартом жизни» Россия, как бы её ни ругали на Западе, «живее всех живых». И вот уже денежные реки начинают менять свои русла, а точнее – поворачивают вспять: нашей стране возвращается всё награбленное и мошеннически отнятое: виват, Россия, ты, действительно, заслужила лучшей участи!

Поэтому и сон героя, как говорится, «в руку»: «Емеля сидел на кровати в семейных трусах, уставившись взором в пол. Телефонный звонок, с трудом пробиваясь сквозь тёплые «наушники», вернул его к действительности. Он взял трубку...

Алло! Вас разыскивает Интерпол... – услышал он ломаную русскую речь. – Ваш дядя Джон Заморк умер...»³³⁵

Так, проигранная в сознании героя ситуация оказывается не сонным бредом, а явью, которая, возможно, благодаря преобразовательской деятельности, изменит мир в лучшую сторону. Примечательно, что Валерий в этом рассказе предсказал участь беглого олигарха – Бориса Березовского, написав, что того вынули из петли. Прошло несколько лет – и это случилось на самом деле! Однако подробности гибели так до конца и не прояснены...

Валерий Михайловский всегда испытывает желание хотя бы на время оставить Север, путешествовать по своей стране, но не в качестве туриста, а с научной целью, в составе экспедиции, для того, чтобы и пользу принести и масштабнее познать действительность: ведь это так необходимо и для писательского опыта! Хотя, как художник, он мог бы вполне обойтись уютным кабинетом в своей квартире по примеру французского писателя приключен-

335 Там же. – С. 314.

ческих романов Жюль Верна. Однако ему как врождённому путешественнику необходима такая кипучая деятельность, которая непременно была бы связана с приключениями и путешествиями. Точка назначения для экспедиций выбиралась такая, куда добраться обычным транспортом не представлялось возможным. Вертолёт, катер, снегоход! Однажды Валерий с экспедицией стартовал из Нижневартовска и по побережью Северного Ледовитого океана прибыл в Санкт-Петербург. По пути, в забытых Богом населённых пунктах, он увидел столько удивительного и поучительного из народной жизни, что материала хватит ни на одну книгу. Успевай только глядеть по сторонам и мотать на ус... Если обычному писателю достаточно одного таланта, то путешественнику важно постоянное общение со средой, которую он должен воспроизводить в своих путевых заметках и очерках. Для этого ещё надо быть всесторонне образованным, знающим человеком. Валерий Михайловский как раз из таких. Поэтому за ним по праву закрепилось слава писателя-путешественника.

Ещё далёкий от намерения отдать себя литературе, студент второго курса медицинского института в Виннице, Михайловский получил удостоверение инструктора по спорту, преодолев нелёгкий маршрут по закарпатской реке Чёрный Черемош. Этот зачётный сплав на плоту ему запомнится на всю жизнь, благодаря ему Валерий четыре года возглавлял туристические маршруты по карпатским рекам.

Наверное, это в генах у наших российских творцов художественного слова! Они, действительно, были страстными путешественниками. Пушкин побывал на юге – посетил Кавказ, Крым. Был на Украине, в Псковской и Нижегородской губерниях, в Оренбургском крае.

Драматург Островский находил свои сюжеты в Верхневолжском крае, куда совершил поездку в 1850-е годы. Результатом путешествия стала драма «Гроза» и пьесы на волжские темы.

Короленко вдохновляли суровые пейзажи Сибири. Он, как и Чехов, побывавший на Сахалине, проявил заинтересованность в судьбах каторжан, ссыльнопоселенцев.

Гоголь, по его собственному признанию, почти все сюжеты обдумывал в дороге. Грибоедову во время пути пришла в голову новая развязка комедии «Горе от ума».

А что же Валерий Михайловский?

Конечно, и ему не чуждо вдохновение, внушаемое красотами природы. Впечатления от путешествий положительно сказались на его художественном творчестве. Однако, после того как он перебрался на Север, путешествия стали приобретать иную направленность. Теперь Валерий Михайловский руководствовался научным интересом, и его походы становились отнюдь не туристическими! Он на протяжении последних десятилетий осуществляет экспедиции, у которых серьёзные исследовательские намерения.

Вспоминаю, как в одну из наших встреч несколько лет назад, Валерий перечислял цели своих научных изысканий, загибая пальцы на руке:

– Социально-демографические процессы в среде коренных жителей и среди старожильческого населения в северных широтах, – это, раз!

Происхождение отдельных этносов и субэтносов, в частности – ваховских ханты, – это, два!

Три, – проблемы коренного населения России – тех же русских, башкир, поморов, староверов, ведущих традиционный образ жизни...

Но, чтобы понять их непростую жизнь, их чаяния нужно видеть всё своими глазами. Информация, пропущенная через сердце, душу, изложенная не сухим казённым языком, а доступно, с приведением живых примеров, уже не отчёт в инстанцию, а живой родник интересных сведений, занимательных историй, самых увлекательных и значимых событий, а без этого писателю никак не обойтись, – и Валерий загибает последний палец на ладони.

Мне, в нашей тогдашней, завязавшейся беседе, оставалось только перейти от вступительной части к основной:

– Будем считать, что пролог к нашему разговору о твоих книгах путешествий состоялся.

Теперь перейдём к основной теме.

Как рождалась твоя первая книга, посвящённая путешествию в верховья Ваха?

Прежде, чем Валерий ответит на этот мой вопрос, хочу напомнить читателям, что однажды заметил по поводу путешествий замечательный писатель Роберт Луис Стивенсон, автор знаменитого «Острова сокровищ»: человек, занимающийся всерьёз литературой, должен знать свою округу – будь она настоящей или вымышленной, – как свои пять пальцев; расстояния, деления компаса, сторону, где восходит солнце, поведение луны – всё должно быть безупречно.

Валерий старается следовать этому принципу не только в художественных произведениях. В научно-популярной документалистике он дважды приводил дневниковые записи – что ещё может быть достовернее почти ежедневных наблюдений за жизнью представителей коренных народов Севера? Первый раз в книге «Вах таинственный, или Путешествие к центру России», вышедшей в Екатеринбурге в 2008 году. В ней рассказывается о научной экспедиции, осуществлённой в августе – сентябре 2006 года. Вместе с её начальником Валерием Михайловским участники исследовали территорию восточной части Нижневартовского района; побывали в верховьях реки Вах: сделали заборы чистой речной воды (более сорока проб), передав в научно-исследовательский институт нефти; открыли стоянку древнего человека; побывали в центре Российской империи, что рассчитал и определил Д. И. Менделеев, великий русский ученый, установив в честь него памятный знак. Между прочим, стела с именами участников экспедиции была также установлена в центре уже бывшей страны – Союза Советских Социалистических Республик.

И это лишь неполный перечень результатов научной экспедиции Валерия Михайловского. В книге с особенным интересом читается дневник ханта Ильи Даниловича Прасина за 2005 год. К нему приложили руку по велению отца дети и жена Валентина Николаевна. Валерий Михайловский публикует дневник без купюр и тщательной редактуры. Дневник даёт возможность почувствовать неповторимую атмосферу северного края, даёт представление о жизни коренного населения.

Остается только добавить: за книгу «Вах таинственный, или Путешествие к центру России» (2008) Валерий получил Всероссийскую литературную премию имени Д. Н. Мамин-Сибиряка в 2010 году.

А дальше, говоря словами Михайловского – пошло-поехало! – продолжились исследования на реке Кулын-Игол – северного притока реки Вах; в 2008–2009 годах сложнейшая и опаснейшая экспедиция на снегоходах с самым продолжительным маршрутом от западных границ России – Санкт-Петербурга до центра СССР. Общая протяжённость экспедиции составила более 6 тысяч километров. По ходу маршрута «Великий северный путь», (а именно так называлась та экспедиция), производился забор крови для генетических исследований. Данные произведенных анализов помогли разгадать тайну происхождения такой субэтнической группы, как ваховские ханты.

В 2009 году завершилась работа над новой книгой путешествий – «Великий Северный путь», в которую вошли материалы научно-исследовательской экспедиции 2008 года. Книга вышла осенью 2010 года в Томске.

2009 год. Экспедиция «Байкал – Саяны», посвящённая 100 летию Нижневартовска (17 мая – 11 июня 2009 г.). Цель: изучение истории Обь-Енисейского канала, состояния канала, изучение границ расселения хантов (остяков), привлечение внимания к Обь-Енисейскому каналу, как к интереснейшему и значимому объекту туризма, истории.

В 2015 году в Томске вышла новая книга «Через всю Сибирь». В неё вошли: путевой дневник Валерия, его впечатления от встреч с енисейскими староверами, история освоения короткого пути от Оби к Енисею и дальше в связи со строительством Обь-Енисейского канала, который ныне находится в плачевном состоянии.

Руководителем, организатором и идеологом снова являлся Валерий Леонидович Михайловский.

В декабре 2011 года Валерий вернулся из Канады, где побывал в резервациях индейцев, из первых уст узнал об их жизни.

Пожалуй, никто из писателей Югры не может похвастаться такими путевыми очерками, что принадлежат перу Валерия Михайловского, поскольку они в большей степени освещают не научные открытия экспедиций, а рассказывают о людях, что встречались на пути исследователей. Всех поразило, насколько доброжелательны и гостеприимны люди, живущие на Севере. Совершенно незнакомые членам экспедиции, они старались всегда помочь, разместить на ночлег. Также поразило, как хорошо поморы, ненцы, манси, зыряне знают свою историю, обычаи, фольклор, и насколько русские его забыли.

Валерий считает: нужно построить такое сообщество, чтобы в нём было удобно и комфортно жить и представителям малочисленных северных народов, и остальным, живущим с ними рядом, – русским, башкирам, татарам – в деревне и в городе. А для этого нужно знать проблемы, с которыми сталкивается каждый. И научной, и писательской деятельностью Валерий Леонидович всегда стремится помогать людям. Два года назад у писателя вышел первый роман, в котором он описывает путешествие тундрового человека Тэранго от берегов Северного Ледовитого океана к священному озеру Самогтор, где близ Нижневартовска добывается нефть. Это очень интересная работа, чем-то напоминающая литературный жанр «хождения». Роман – несомненный творческий рост Валерия как художника. О нём ещё предстоит поговорить серьёзно и подробно!

Не забудем ещё об одном виде общественной деятельности писателя. Три года под его руководством издаётся ежегодник писателей «Эринтур». Начал редакторство он с 22-го выпуска – и вполне успешно! В нынешнем году им подготовлен замечательный юбилейный 25 выпуск альманаха. В прошлых выпусках – 23-24, – помещённых в одной книжке, главный редактор постарался на славу! К 75-летию Великой Победы отвёл часть печатной площади воспоминаниям писателей Югры – детям и внукам ветеранов войны и тыла. Книжка имела и до сих пор имеет читательский успех!

На исходе 2019 года Валерий Михайловский порадовал читателей новой книгой – сборником рассказов, новелл и повестей «Всё не так». У него много творческих планов, которые он надеется претворить в жизнь в самое ближайшее время!

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПУБЛИЦИСТИКОЙ И ПРОЗОЙ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА

Трудно быть слепым, но намного
труднее претворяться немым.

Сергей Колов «Облака»

Ну, как не согласиться с писателем Сергеем Козловым, когда он пишет в книге «Облака» о том, что раньше литература была заповедником и он, будучи юным и неискушённым в словесных делах, смотрел на неё, словно из-за забора, и дивился, как прогуливаются по саду самолюбующиеся и великомудрые мэтры. Очевидно, сожалея об ушедшей поре, он продолжает: «Меня туда не пускали, но теперь всё изменилось: литература – это базар. Пёстрый и разноголосый, разноязыкий базар, где все, кому не лень, суетятся, ваяют на потребу. Теперь – все писатели. Теперь нет читателей. И заключает его размышления фраза, которая мне особенно понравилась: я – читатель».³³⁶ Не каждый может собрать свою самолюбие в охапку и утверждать подобное! Лично мне кажется, что Сергей Сергеевич Козлов по-своему прав. Чтение сегодня, пожалуй, доступно только профессионалам, да и то, если таковые не увлечены сногшибательным чтивом и не делят его с интернетом и телевидением напополам...

Нынешний читатель, безусловно, отличается от того, который ещё пытался мыслить лет тридцать назад, не говоря уже о временах более далёких, когда не было духовной аль-

336 Козлов С. С. «Облака»: Повести. Тюмень: Издатель Пашкин, 2007. – С. 4.

тернативы книге. Увы, дух пал в схватке с достижениями цивилизации последних лет. Да и писатели стали другие. Надеюсь, никто не станет спорить по этому поводу: мы столько можем, сколько знаем. В «заповеднике» было меньше пустозвонства, а романы являлись на книжные полки читателей, как и подобает солидным произведениям, – пухлыми и детальными, а главное – дельными! Сегодня предпочтительнее короткие, поскольку их можно быстрее прочесть... да и написать. Всегда удивлялся тому, что после многого наработанного гениями нашей словесности, опыт которых вошёл в мировую сокровищницу литературы, мы в чтении скатываемся до убогости восприятия текста...

А как же быть с нашим духовным наследием?

Сегодня стали почему-то забывать: настоящая книга – это больше, чем просто проведение времени, это – целая Вселенная для человечества, дарованная нам вечностью. Хорошая книга должна передаваться из поколения в поколение. Поэтому чтение стоит над временем и является связующим звеном эволюции истинной, а не псевдокультурной.

У Сергея в дневниковых записях как-то нашёл ещё одно высказывание о художественной словесности и книге. Он считает, эту отрасль искусства по его силе никогда не заменят ни телевизор, ни интернет, ни любая другая суперсовременная информационная система, потому что в книге есть душа, есть разум, наделённый чувствами. Голая и сжатая информация навязывается не только для ускорения, но и для упрощения. А по сути – для оглупления.

С этими мыслями я бы согласился отчасти. Сжатая информация родилась не сама по себе, а из-за необходимости. Вспоминаю свои студенческие конспекты лекций преподавателей. Несколько страничек в тетради воспроизводили в памяти два аудиторных часа учебного занятия. Помню, одного из наших литературных учителей с большой буквы, который заставлял конспектировать произведения великих русских писателей, ставшими программными для развития

нашей словесности. Эту «причуду» я по достоинству оценил через десятки лет. Благодаря ей, стал не только филологом, и, конечно, согласен с мнением Сергея, что голая информация должна быть лишь вспомогательным, а не основным материалом для развития сознания.

Теперь о чиновничьем разуме и прагматизме. Трудно их примирить с нашей художественной словесностью. То ли дело раньше! Государство помогало писателям, считало их инженерами человеческих душ. А теперь что-то не слышно о встречах «в верхах» с этими «инженерами»...

И всё-таки не благодаря власти чиновников, а, скорее, вопреки – в России литература продолжает оставаться универсальной ценностью. Если художественная история человеческой жизни замечательно написана и созвучна сердцам людей, то неважно, когда она была сочинена – при египетских фараонах, древних греках и римлянах, при отсветах костров инквизиции, в эпохи Возрождения и Просвещения, в девятнадцатом, двадцатом веке или сегодня... Читаешь – и чувствуешь себя неким привидением, переселившимся в иные незнакомые миры героев на протяжении столетий. Изучение со стороны жизни, придуманной писателем, процесс очень глубокий, таинственный, и порою даже – интимный до щекотливости. Возможно, это самый главный акт, который до сих пор живёт в литературе. Мы тянемся к иным мирам не просто так, из-за недовольства своим мирком. Но почему? Ответ на этот вопрос нашёл у Сергея: «С упорством и рвением по крупице создаём свой мир, стараемся так, что из него хочется уйти, убежать. Перестать быть в нём, настолько с годами он становится невыносим. И не спасают ни тепло, ни уют, ни внешняя благообразность...

И всё потому, что в нём мало любви».³³⁷

«Облака» Сергея Козлова, надеюсь, прольют живительную влагу на почву, станут основой читательских размыш-

337 Козлов С. С. «Облака». – Тюмень, 2007. – С. 169-170.

лений, как это случилось со мной. Со многим я согласен, кое с чем бы – поспорил... Но равнодушными меня эти «Записки» не оставили...

Но по нраву мне не только подобная публицистика, но и проза. Сергей – автор десятков рассказов, нескольких повестей и романов, поэтому хорошо понимает все наши литературные проблемы. А ещё он сам внимательный читатель и опытный психолог: для него нет лучшей практики, чем чтение: больше читаешь, значит, больше изучаешь мир, состоящий не только из материи, но также из того, что было её началом, если следовать Писанию и под Словом понимать Божий дух. Когда этот мир захватывает тебя и начинает волновать, ты, в конце концов, ухватываешься за литературу не только как читатель...

Многих из нас подкупает искренность в художественных произведениях. Читаю Фёдора Михайловича Достоевского: нет у него никакой игры с читателем в своём творческом самовыражении! Он и дневник писателя сделал достоянием общественности... Для кого-то в те времена дневниковые записи были слишком интимны, но у Достоевского не зря прозвучал призыв в «пушкинской речи: смирись, гордый человек!

Для Сергея тоже важнее себя выложить до конца. Его «Облака» поражают нас тонкой наблюдательностью, интимностью и глубиной мысли человека не только думающего, но и немало выстрадавшего. Не от того ли он пытается пробиться к читателю и вступить с ним в диалог?

И что, скажите, здесь плохого, если люди читают и обмениваются мнениями? Наоборот, это способствует развитию интереса друг к другу. Сергей Козлов не похож на старовеера, предпочитающего в писательском деле только ручку и лист бумаги. Как всякий современный человек, он продвинутый пользователь интернета, который так по нраву нашей молодёжи. Он справедливо считает: скоро в мировой сети ещё большее развитие получат писательские блоги. Может быть, пока они и не заменят книги, но уж, точно,

вызовут желание познакомиться с авторскими произведениями в печати. Сам он в интернетовском городе-филграде занимает довольно-таки широкую улицу и приглашает в гости тех, кто, по его мнению, заслуживает прописки в этой виртуальной реальности.

В книгах Сергея Козлова речь порою заходит о детях-подростках и молодых людях. Они – главные персонажи. Их личность, характер ещё не до конца сформированы. Их мир открыт будущему, поэтому интересен вдвойне. Ведь неопределённость имеет необъятные горизонты, значительнее, чем мир традиционной любовной истории у взрослых. Вряд ли кто поверит, если сказать: проза Сергея связана со сказочным началом в творчестве. Но в том-то и дело! – его разные герои – излишне жёсткие, категоричные или рефлектирующие, интеллектуально-вычурные, или уж совсем примитивные – все до одного – люди... Они страдают и ожидают чудесного окончания своим страданиям – какого-то счастливого сказочного конца. Может быть, на самом деле, жизнь трагичнее, чем судьбы героев Сергея Козлова? И всё потому, что мало любви? Однако, по-читательски привыкнув к этому выдуманному миру, и даже по-своему полюбив его, мы вынуждены уже прощаться и отрывать взгляд от книги... Грусть по сказке обязательно пройдёт, когда мы увидим наяву похожих людей – и авторская выдумка станет реальностью. Но реальность для нас не всегда бывает желанной: ведь рядом нет Сергея Козлова – чудесника и педагога-помощника нашему юному поколению. К сожалению или к счастью, авторы своей жизни – мы сами, со своим набором мыслей, желаний и сюжетных ходов. И вот мы, просыпаясь от гипноза писательских идей, продолжаем брести в прежнем направлении, отрешиваясь от праведных мыслей. Кто-то даже, возможно, ругнётся в писательскую сторону: «Ишь, ты, тоже мне учитель жизни нашёлся! Мечтатель, напридумавший, понимаешь, всяческих фантазий, а ты расхлёбывай здесь всё за него... Сами с усами – жизнь прожить – не поле перейти, книга никогда не станет судьбоносной...»

И как объяснишь такому читателю, что и не принуждал его ни к чему писатель Сергей Козлов, а лишь наводил на мысль о том, что где-то в уголке души у каждого из нас есть заповедное место, где хранятся, как в библиотеке на полках книги, страдания и фантазии, мысли и свершившиеся поступки – греховные и добродетельные – наших родителей, дедов и прадедов – всех предков, что определяют родовую память. И если всколыхнётся она в нас после прочтения книги, значит, накрыла магическая волна творчества художника – и уж инженер он наших душ или нет, на то и суда нет кроме Высшего, разумеется...

Отечественное просвещение всегда взрастало на органических удобрениях беллетристики и массовой культуры. Но теперь случилась беда иная: мы, как читатели, в большинстве своём лишились литературного вкуса! А это значит, своим читательским бойкотированием не воспитываем графоманов или, напротив, не почитаем вниманием замечательных художников, которые знают, где нужно поставить точку вместо навязчивой запятой...

Но почему же мы, считающие себя нормальными, самостоятельными людьми постоянно поглощаем очередную порцию шизофрении слов? У кого мы должны учиться Слову, кроме как не у Бога? Наверное, ещё и у Его пророков, поскольку они переводят нам с высокого языка на более привычный. Истинный, следовательно, талантливый писатель – не святой, но один из таких переводчиков. Он резонёр многих духовных откровений. Для этого у него нет необходимости заигрывать с чернью, нравится читателям, особенно молодёжи – не та миссия возложена на него, чтобы удивлять нас бессмысленностью речи: расстройством ассоциаций, скачками мысли, разрушением связанности текста, хаотичностью синтаксических построений, словесной крошкой. За настоящим писателем стоят судьбы людей и не простая история нашей сегодняшней страны, поэтому чаще всего его собственное «я» отходит в сторону: само древо нашей государственности и нации просто для него первостепенней.

Надо ли объяснять такому художнику – он лишь часть этого древа? Важно, чтобы истинный страдалец за народ не подделывался под Православие, никогда не унижался до шаблона, не плёл интриги в своём окружении. Если это не так, если ты не прилежный ученик у Господа, дающий самому себе постоянные передышки почивать на лаврах, то какой ты русский писатель? Затрапезный и бездуховный сочинитель XIV класса по пушкинскому табелю о рангах...

Сергей Козлов – не Игорь Северянин, провозгласивший себя гением – и уж он точно не станет оплёвывать своих товарищей по литературному цеху, помня: достаточно одного запаха мускуса, исходящего или напрочь отсутствующего в зависимости от того, как ты дружен с талантом на деле!

У Сергея в прозе появляются интересные герои – это неоднократно отмечалось литературной критикой. Образ одного из них при близком знакомстве мне запал в душу, думается, не случайно. Речь идёт о подростке-школьнике Тимофее из повести «Мальчик без шпаги» (первоначальное название «Пуговица царевича Алексея», которое лично мне больше по душе).

Буквально с первых слов автор вводит довольно большое количество противопоставлений: «Мир вокруг ещё спал, когда Тимофей вышел на улицу»³³⁸ – здесь главный герой повествования, оказывается один на один со всем тем, что его окружает, однако фигура мальчика не теряется в этом «разгорающимся утре». Авторское отношение к герою сразу же прочитывается в этой сцене: повествователь характеризует Тимофея, как деятельного, самостоятельного, независимого человека, начинающего свою непростую жизнь. И этот юный капитан своей судьбы, не по годам серьёзный, не случайно захвачен очарованием природы, картиной морозного начала дня.

Снег, окружающий подростка, может оттенять чистоту помыслов героя о своём будущем и, одновременно, символи-

338 Козлов С. «Мальчик без шпаги». «Бекар». Повести. – М.: «Лепта Книга», 2006. – С. 7.

зирать наступившие новые холодные отношения, взамен прежних, некогда тёплых и добросердечных. Увы, в те «лихие 90-е» безысходность и неуверенность поселилась не только в семье Тимофея. Неуверенность в завтрашнем дне превратила в безликое существование не только жизни северян. Просто люди Севера – сильные люди – и тем пронзительнее боль за них у писателя Сергея Козлова и его героя-подростка Тимофея...

Когда-то этот населённый пункт основали геологи. Автор не случайно характеризует его словом «анклав», обозначающим часть одного государства, находящегося на территории другого. За этим угадывается не только оторванность от «большой земли», но и нежелание государства обратить внимание на нужды своих граждан. Кажется, брошенные на произвол судьбы, люди должны были оставить надежду на лучшее, отказаться от своих мечтаний. Однако главный герой повествования не хочет сдаваться, он энергичен, устремлён в будущее. То лучшее, что вложили в него близкие, помогает ему не опускать руки и сопротивляться внешним обстоятельствам 90-х. Тимофей пытается быть своеобразным посредником между людьми и природой, он ещё не испорчен цивилизацией настолько, чтобы быть простым потребителем. Поэтому, в отличие от большинства, он может радоваться миру природы, впитывать её красоты, очаровываться ими. Геологоразведчики, нефтяники не ждут милости от природы, а отнимают их грубо, невежественно и, прежде всего, во вред людям.

Жаль, что природа и человек до сих пор у нас не ставятся на одну ступень, не находятся в сотрудничестве. Сергей исподволь, как тонкий психолог, демонстрирует эту чуждость общества по отношению к природе. Но для него важнее показать духовное превосходство того необъятного мира, который ещё существует явственно и зримо. Дядя Вася, водитель КраЗа, подвозивший Тимоху, – называет тайгу огромным морем, в котором посёлок – всего лишь остров. И слова молодого священника о том, как абсурдна мысль продать кусочек

неба, лишь подтверждают истину: природа – создание творца, а человек её часть, которая должна была увенчать задуманное. С другой стороны, природа вовсе не выглядит враждебной – волны реки «облизывали» берег, но не грызли его, не бушевали. Так же и ветер: не воет, не мчит – он дремлет «на ходу», цепляясь за кедровые лапы. Красота природы притягивает взгляд, зачаровывает, пробуждает сердце, каждый раз открывая человеку что-то новое.

Во внешнем облике Тимофея – тоже противоречие: серые, задумчивые серые глаза – и видавшая виды одежда и обувь. В судьбе этого мальчика было когда-то немало хорошего. Он охотно учился в младших классах, но проблемы в семье, где не доставало внимания и любви спивающихся родителей, толкали его в холодную пустоту. И если бы не бережное отношение со стороны учителей, неизвестно, что стало бы с мальчиком. Его все больше привлекал нереальный, идеализируемый и потому несуществующий мир справедливости. Он только начал жить, а уже о многом думает в прошедшем времени. Еще немного – и Тимофей может оказаться среди малолетних преступников... Так было в ту пору со многими ребятами, не дожившими до наших дней...

Самая большая драгоценность для главного героя, Тимохи – момент его общения с Михаилом. Михаил – не просто криминальный персонаж, вышедший из-под писательского пера. Это человек, как сказали бы раньше, «нелёгкой судьбы»: сидел, много думал и читал, общался со священником, затем вышел на свободу. Почему он не занимается честным трудом, а пытается сбывать краденое, что достаётся от уголовных элементов или наркоманов, готовых за дозу на всё? Казалось, персонаж отрицательный, к тому же втягивающий Тимофея в нехорошее дело. Талант подростка убеждать, знание психологии взрослых, умение найти общий язык с людьми, желающими по дешёвке приобрести ценные вещи – всё это для героя не столько нажива, – хотя деньги считать он умеет, – сколько азартная игра и даже своеобразная дань за дружеское общение со своим «работодателем». Тимофей

доверяет Михаилу и хочет быть похожим на него. Михаил человек «по-своему» верующий, но не настолько, чтобы следовать заповеди «не укради». Однако он своим умом дошёл до мысли, вычитанной в книжке и примеривший её на «себя»: зло – есть порождение неправильно истолкованной свободой. Тимофей для него не подельник, а напарник, поскольку, по мнению Михаила, сейчас воруют все и прикрывают свою деятельность при этом мудрёными фразами. «Воруй, Россия!» – разносятся слова песни очередного уркагана по всей стране. В кабине КраЗа к ним прислушивается Тимоха, отправляющийся на свидание со своим старшим другом, где его ожидает очередное «дело». Но при этом у них настоящая крепкая мужская дружба: уважение, откровенность, серьёзное отношение к словам, мыслям и чувствам, готовность идти на край света, чтобы помочь. Согласитесь, что подросток неспроста находит для себя именно такого товарища. Михаил по-своему благороден, широк, в трудную минуту пришёл на помощь Тимофею, отбил от местных пацанов-рэкетиров. Да и делится не банальными, а выстраданными суждениями. Перед нами человек, действительно, непростой и отрицательным персонажем назвать его язык не поворачивается, хотя, конечно, сам он далеко не ангел. Трагическая судьба его, к сожалению, предрешена: в школьные годы, начиная с подросткового возраста – шпана, в юности, за драку уголовное дело – «с отягчающими последствиями». И вот учебным заведением, таким образом, становится колония, где «сильный давит слабого и при этом делает вид, что так положено». В тюрьме этому парню был дан шанс – встреча со священником и мудрые, востребованные для души книги... Но случилось, что случилось: не смог Михаил переломить себя. Может быть, не было рядом настоящего друга, опытнее, старше, мудрее? А, может, время было иное, когда православной вере наших предков не находилось достойного места в сознании большинства советских граждан. Так уж сложились обстоятельства, жертвою которых их стали многие люди, не только Михаил.

Но он не плачется в жилетку и себя не оправдывает, понимает, что собственных грехов и так хватает... Есть что-то в этом парне авторитетное для Тимофея, не фальшивое, а настоящее, потому он и тянется к Михаилу. Когда-то такие доверительные отношения были у Тимофея с отцом. Тима мечтает о том, чтобы всё было так, как прежде: хочет ходить вместе с близким человеком на рыбалку, помогать ему или просто смотреть, как он работает. И всё это заменяет Тимохе один человек, с которым можно просто говорить обо всём, не боясь, что он не поймёт, не дослушает или перебьёт. В характере Тимофея очень много противоречий: он одновременно и замкнутый, стеснительный с большинством взрослых, и открытый, яркий, оригинально мыслящий человек в разговоре с теми, кто ему по-настоящему близок. По сути, главный герой повести Сергея Козлова, когда с ним встречается читатель, человек лишённый детства. «Новая» капиталистическая «цивилизация», пришедшая на смену укладу бытия «старых русских», не оставляет им шанса на выживание в этом мире. Возникает глобальное противоречие между цивилизацией и природной жизнью, ибо первое существует вопреки второму и противоестественно строю человеческой жизни.

Ещё Аристотель заметил: прекрасно то, что доставляет бескорыстное и созерцательное удовольствие, будучи морально высоким.

Вступая в своеобразные «товаро-денежные» отношения с людьми Тимофей, не продал душу, сумел вовремя понять, на краю какой пропасти оказался. И здесь, казалось бы, нет ничего нового по сравнению с художественными произведениями для юношества ещё тридцатилетней давности: подросток оступился, общественность помогла. Однако это не совсем так. Новаторство писателя в том, что его герой обращается через незнакомого человека в рясе священника к трагическим моментам русской истории, а, следовательно, к тому, что было разрушено большевистской идеологией – Самодержавию и Православию. Последний в династии Рома-

новых наследник престола, царевич Алексей, незримо влияет на мысли, чувства и поступки героя. Ему, святому отроку, искренне молится Тимоха о здравии тяжело заболевшей матери... Нравственное очищение героя происходит благодаря тому, что восстанавливается связь героя с духовным наследием прошлого. Значит, и возрождение России возможно, не зря же Тимофей в муках обретает было утраченную россиянами веру. Это не только спасает, но и помогает герою обрести свой путь и остаться верным мечте. В эпилоге мы узнаём: Тимофей добился своего – из глубинки попал в столичный престижный вуз и, очевидно, станет путешественником, выполняя завет друга Михаила, ибо путешественники – это свободные люди.

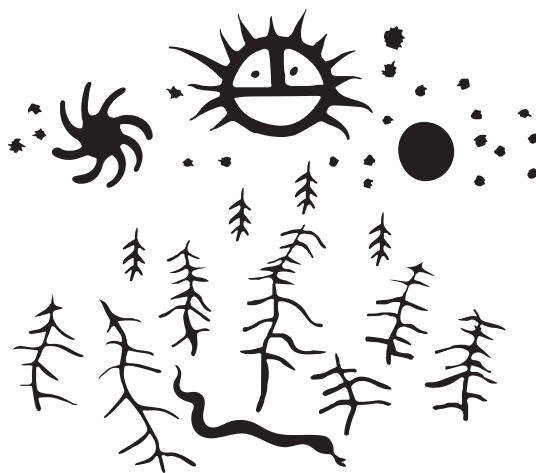
Тимофей с Михаилом вылеплены не из сусального золота. Да и диалог с читателем писатель строит не на сюсюканье вперемежку с аханьем и оханьем. Писатель должен помнить о своих корнях, если хотите, о наследственных глубинах той духовной почвы, что породили его творчество.

Если смотреть на писательский труд ни сверху вниз, то есть как на ремесло, с помощью которого просто зарабатываются деньги, а снизу вверх, то это даже не труд, а служение Отечеству, подобное пушкинскому. Тот, кто служит по России, не станет настойчиво внушать своим согражданам комплекс вины – за Ленина, за Сталина, за большевиков... Требование всенародного покаяния в грехах, раскаяния в нашей истории повлечёт за собой ещё один смертный грех – отступничество. Пониманием и любовью можно спасти, но не обвинениями своего народа в страшных преступлениях минувших эпох. К сожалению, не перевелись ещё умельцы от пера, внушающие нам, читателям, мысли о том, что мы не смиренны, не покаянны, и нам не об участии в собственной судьбе нужно думать, а об осознании своей греховности. Но слишком много за нас думали другие. Только, где они – и где мы! Русский писатель потому и русский, что не поучает свой народ, а разделяет его страдания и вместе с ним отыскивает единственно правильный путь.

Это – совсем иной, гораздо более высокий уровень понимания происходящего.

Если государство не хочет собственного развала, оно должно покровительствовать талантливым творческим силам. На Руси издавна повелось – настоящий художник – это не ремесло, а призвание. Мастера – избранные, потому что не только получают знания, но и умеют мыслить с помощью этих знаний. Их избранничество – нельзя представить отдельно от национального сознания, без чувства Родины, где прошлое, настоящее и будущее – едины, а вера твоего народа, ставшая твоей верой, не будет предана.

СЛОВО ЗА СЕБЯ И ДЛЯ ВСЕХ. О ПУБЛИЦИСТИКЕ ОБСКО-УГОРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Очень часто, анализируя литературу Югры, мы забываем о таком важном её аспекте, как публицистика. Публицистические произведения наших писателей являются идеологической основой их творчества, по ним можно проследить процесс эволюции мысли, что ляжет в основу будущих поэтических и прозаических работ.

Но, главное, писательская публицистика – не придаток к художественным жанрам, как считают отдельные критики – и, следовательно, полноценное явление в многоцветной палитре художников слова. Поэтому публицистические высказывания, призванные защищать интересы жителей нашего округа – содружества северян, заслуживают особого внимания. В этом лишний раз убеждаешься, знакомясь с выступлениями в печати тех, кто находился у истоков национальной литературы Югры ещё в эпоху СССР. По прошествии многих лет здесь можно обнаружить немало интересного и полезного для современности. Писатели Югры и сейчас, в наиболее сложный период нашей жизни, выполняют «объединительную» творческую миссию, когда с наибольшей остротой встал вопрос о приведении к единому целому идеологических ценностей страны и региона. Поэтому о талантливых писателях-публицистах – представителях коренного населения Севера – хотелось бы сказать полнее, поскольку их публицистическое творчество помогает укреплению многоязычного Союза литературы Югры на благо и процветание России.

В послевоенные годы писатели при активной поддержке государства пытались безуспешно создавать гармоничную

модель духовного единения советского народа, и время показало: эти усилия заслуживают положительной оценки, их следует учитывать для продолжения успешного процесса выживания разных национальностей в регионе. Взятый на вооружение опыт прошлых лет, может помочь создать наше совместное будущее таким, о котором мечтали многие поколения северян – счастливым и самодостаточным насколько это только возможно в нынешних условиях рыночной экономики. Однако надежда всегда умирает последней, тем более что анализ национальной публицистики прошлых десятилетий свидетельствует: в Югре сформировалось сообщество людей особого северного склада. Следует признать: заслугой их являются многие нынешние достижения, на которые тружеников региона вдохновила также литература. Настоящее искусство всегда помогает отыскивать кратчайший путь к сердцам людей – будь это коренные жители или те, кто приехал сюда «на год, остался навсегда».

Последнее полтора-два десятилетия оказались до жёсткости требовательными к писательскому труду, поскольку важнейшей составляющей его явилось не столько отражение самой действительности, сколько её объективный критический анализ. Сегодня, нет идеологических (по крайней мере, официальных) указателей, правда, это никогда не мешало мыслящим людям, но большинству приходится брести едва ли не в потёмках. И, тем не менее, в регионе есть потенциал! У нас в Югре сформировался особый тип ментальности, он также проявляется в творчестве писателя, его образе и стиле мышления. Вдумчивому читателю, конечно же, дороги картины с натуры его любимой малой Родины, запечатлённые в художественных произведениях, но ещё важнее призывы хранить заветы народов её населяющих, главный из которых заключается в бережном отношении к миру Природы. Этому учит нас многообразие устного поэтического творчества коренных народов, повествующее о традициях и обычаях, о глубокой преданности к своему отчужденному краю, о мудром и трепетном отношении к своим природным богат-

ствам. Освоение Севера привнесло в наш регион новое понимание света и тепла его недр. К сегодняшнему дню наши писатели выстрадали новую философию выживания – науку добра, согласия, а, значит, и спасения. Настоящего творческого человека характеризует отзывчивость души: для него все люди едины, народное согласие, по его мнению, достигается ни тем, чтобы делить людей по национальным или конфессиональным признакам, а по вкладу каждого гражданина в общественное благосостояние страны с учётом его индивидуальных возможностей.

У Еремея Айпина есть рассказ «Продавец Кондаков». Он замечателен тем, что при внешнем «невмешательстве» в повествование рассказчика-ханты, старожила Сургутского района Ивана Степановича Сопочина. Автор сумел разговорным языком своего персонажа разоблачить было назревавший национальный конфликт. Всегда находятся духовные ценности, которые гораздо выше и значимее некоторых возникающих по разным причинам раздоров. Еремей Данилович показал, как его герой и рассказчик, сумел силою своего искусства преодолеть искушения неприятия «вредного» продавца Кондакова и «заработать» на этом свой первый гонорар. Рассказ заканчивается на философской волне: память уравнивает всех – «вредных» и невредных – «многих людей, ушедших в предвоенные и послевоенные годы нашей тяжкой жизни».³³⁹

О любви к родному краю можно прочесть в стихотворениях поэтов-манси Ювана Шесталова и Андрея Тарханова, ненца Юрия Вэллы, представляющих поэтическую классику, которой восхищаются все читатели мира независимо от их национальности. А с какой щедростью рассыпана доброта в мудрых поэтических строчках поэзии Марии Вагатовой! В связи с этим вспоминается публицистический материал более чем тридцатилетней давности, где автором, тогда ещё

339 Айпин Еремей. «Река-в-январе». Сборник рассказов. – СПб, 2007. – С. 206.

начинающим писателем, даётся оценка первым шагам национальной литературы Югры. 29 апреля 1982 года в окружной газете, тогда называвшейся «Ленинская правда», появился очерк Еремея Айпина «Песни возрождённого народа». Посвящён он был 60-летию СССР, и в этом контексте возникновение литературы коренных народов Севера автором рассматривалось, как величайшая заслуга многонационального социалистического государства. Приверженность публициста к лиричности в повествовании сказалась на попытке размышлять для того времени во многом не традиционно, без помощи логических схем-выкладок и цифровой отчётности. Перед нами бесхитростные, чистосердечные откровения, перемежающиеся с лирическими отступлениями, цель которых, казалось, на первый взгляд проста: выяснение того, что способствовало появлению «песни» его народа. Под этим жанром «песни» подразумевается всё лучшее, чего достигли в литературе национальные писатели Югры. Автор начинает с истоков: рождение письменности благоприятствовало началу развития хантыйской и мансийской словесности: «И только в тридцать седьмом году на страницах окружной газеты «Остяко-Вогульская правда» стали появляться стихи зачинателя хантыйской литературы Григория Лазарева и молодых поэтов ханты Кирилла Посохова, Леонида Вайветкина...»³⁴⁰

Размышляя о периоде зарождения национальной литературы, Айпин умалчивает о её качестве: это и понятно – младенец только вышел из пелёнок. Если, например, взять, идеологически «правильный» (для того времени) очерк «Конюх», начинающего публициста, Григория Лазарева, ставшего впоследствии основоположником хантыйской публицистики, то бросается в глаза «нормативность» модели поведения героя. Этот документальный рассказ был опубликован в окружной газете «Сталинская трибуна» в 1940 году. И всё же отдадим справедливость

340 Здесь и далее: Айпин Еремей. «Песни возрождённого народа». Очерк. – «Ленинская правда», 29 апреля, 1982 г.

словам Айпина о тех, кто находился у истоков: «В литературе ханты и манси немного имён. Но дело, конечно, же, не в количестве. Имён не много, но они все – разные. У каждого поэта свой почерк и свой голос».

Публицистические произведения Айпина предперестроечной эпохи отличаются специфичностью, они всегда касаются главной темы его выступлений – судьбы коренных народов Севера.

С помощью риторических вопросов автор здесь вступает в диалог с читателем. «Как родилось крылатое слово песни? Что было началом всех начал?.. Может быть, огненно-белый след падающей звезды?!.» Еремей Айпин сначала обозначает проблемную ситуацию, а потом высказывает соображения по поводу её разрешения, подкрепляя их логической аргументацией и художественно изобразительными средствами. Примечательно, что писатель обращается к жанру очерка чрезвычайно редкому в тогдашней журнально-газетной периодике Югры.

Очерковая литература обычно сочетает особенности художественной литературы и публицистики. Не случайно в этой публикации Еремея Айпина присутствуют слова с яркой экспрессивной окраской. Цитируя поэта Андрея Тарханова, он подчёркивает мысль о том, что «его стихи напоминают акварели: это зелень северных лесов, краски осенней тайги, травки и цветочки наступающей весны. Ровным пламенем горит его поэтический костёр». То же самое можно сказать о публицистике и прозе самого Еремея Даниловича, где в отличие от большинства региональных публицистов, часто использует такие жанры как очерк и эссе, являющиеся для автора своеобразным полигоном для применения его специфических художественных приёмов. Отсюда документальность, фактичность, объективность и философичность писательской публицистики.

Но при этом Айпин не забывает о главных её свойствах – простоте и доступности, продиктованными массовостью адресата. Именно этими требованиями объясняются

такие особенности газетного текста, как небольшой словарный объём предложений, чёткое и логичное их построение, с определённой долей эмоциональности и образности.

Благодаря этим особенностям публицистика Айпина оказывает активное воздействие на читателя, поэтому в диалоге автора с читателем часто «стирается» привычная дистанция: задушевный тон повествования, лирика и приёмы риторики вовлекают нас в авторское поле, заставляют вместе с журналистом быть сопереживателями его чувств и мыслей.

Кто-то может упрекнуть автора очерка в завуалированном национализме: его «изба-читальня» совсем не похожа на «красный чум»: нет портретов вождей, благостных упоминаний о «старшем брате». Но упрекать писателя и публициста в попытке раскола народов – неблагоприятная тема! Достаточно вспомнить его материал в «Литературной России», выпуске еженедельника 17 мая 2002 года. Публикация имеет символическое название «К величию великой княжны»: «...тяжко жить в стране, имеющей клеймо страны-детоубийцы, страны цареубийцы. Это всеобщая наша боль. Это моя боль. Это твоя боль».³⁴¹ Да, суровый приговор! Но его надо пережить, перетерпеть, чтобы впредь не повторять в истории нашего Отечества подобных катастроф...

У Еремея Даниловича был замечательный предшественник: газетчик и писатель, фронтовик, ветеран журналистского цеха, первые публикации которого появились в окружной печати в конце 1930-х годов. С 1 августа 1939 года этот ещё молодой человек, выпускник туземного педтехникума, занимал должность редактора национальной хантыйской странички в окружной газете «Остяко-вогульская правда». Речь идёт всё о том же Григории Дмитриевиче Лазареве. Если вспомнить его публицистику, то поражаешься тактичности, с какой внедрялась им национальная тематика на страницах окружной прессы. Пример: публикация «Люблю свою

341 Айпин Еремей. «К величию великой княжны». – «Литературная Россия», 17 мая, 2002 г. – С. 11.

Родину» (22 января 1971 года в газете «Ленинская правда»). Перед нами своеобразный очерк-описание жизни человека до мельчайших деталей, с использованием элементов жанра интервью. Автор в начале статьи рисует привлекательный образ героини: «Эту невысокую молодую девушку, чуть-чуть застенчивую, я встретил недавно...»³⁴² Сразу чувствуется душевная расположенность к своей героини: «Хорошо запомнил её приветливый взгляд, открытые тёмные глаза...»

Этот материал своей идейной направленностью отражает любовь автора к народу ханты. Главным действующим лицом в публикации выступает Мария Кузьминична Волдина, коренная хантыйка. В интервью она «с гордостью говорит о родном крае, о том, как преобразила их жизнь Советская власть». Свой рассказ Мария Кузьминична начинает с самого детства: «Моё детство... было похоже на то, как поётся в песне «Нынче здесь, а завтра там». Мария Волдина скромно рассказывает о себе, своей работе и увлечениях. Григорий Дмитриевич между цитатами героини добавляет к портрету героини штрихи, помогающие ярче раскрыть её образ. Приведём один из примеров: «Раннее утро. Мария Кузьминична уже на автобусной остановке, спешит на работу. Её можно встретить на остановке то поздно вечером, то близко к полуночи. И это повторяется изо дня в день». Для большей достоверности журналист использует глаголы в настоящем времени: «Встречаю её вновь»; «Мария Кузьминична берёт её на руки, прижимает к себе и целует»; «Нахожусь в кругу семьи Волдиных. Хозяйка возвращается с работы. Сегодня она работала в первую смену».

Описывая действия героини, её окружение, Лазарев даёт читателю точное представление об атмосфере тех лет. С благодарностью о своём наставнике в журналистике Григории Лазареве вспоминает через несколько десятилетий сама Ма-

342 Лазарев Григорий. «Люблю свою Родину». – «Ленинская правда», 22 января, 1971 г. Далее цитаты из этой публикации.

рия Вагатова (Волдина)³⁴³: «Впервые с ним познакомилась в 1957 году, в год основания газеты на хантыйском языке. Тогда он приезжал в Казым с М. К. Анисимковой. Маргарита Кузьминична занималась вопросами Казымской культбазы, а Григорий Дмитриевич приехал собрать материал для газеты и попутно агитировать меня для работы в редакцию газеты.

<...> Спустя время я с семьёй переехала в Ханты-Мансийск, вышла замуж за Володю Волдина, преподавала педагогику в педагогическом училище и работала воспитателем в общежитии. А Григорий Дмитриевич Лазарев обратился в окружном КПСС, откуда пришло письмо: освободить от занимаемой должности учительницу М. К. Волдину для работы в редакции окружной газеты. Я была партийным человеком, поэтому по направлению перешла работать в редакцию. Таким образом, по настоянию Г. Д. Лазарева я стала осваивать новую, интересную и совершенно новую для себя профессию, профессию журналиста.

<...> Редакция газеты «Ленин пан хуват» входила в общую редакцию газеты «Ленинская правда». В коллективе он ко всем относился одинаково приветливо и доброжелательно. Каждый из нас уважал друг друга. Если кому-то плохо, то за этим человеком кого-то закрепляли. Они не говорили: «Иди и помоги». Эта помощь оказывалась опосредованно, непринуждённо. Интересовались проблемами этого человека, помогали. Чтобы человеку не было одиноко, приглашали к себе домой на праздники и просто на чай. Такая традиция существовала у нас в редакции. Доброжелательное отношение друг к другу – это тоже своеобразный подчёрк людей того поколения.

<...> В редакции была очень хорошая традиция – обсуждать опубликованный материал на летучках. Сообща

343 Мария Вагатова в 1971–1974 гг. – переводчик, заместитель редактора окружной газеты «Ленин пант хуват»; сменила на посту Григория Лазарева, основателя и первого редактора окружной газеты «Ленин пант хуват»: с 1974 года – редактор окружной газеты «Ленин пант хуват»; с 1991 по 2002 годы – главный редактор объединённой редакции окружных хантыйских и мансийских газет «Ханты Ясанг» и «Луима Сэрипос».

разбирали уже выпущенные номера газет за определённый период, например, неделю, месяц, квартал, год. Высказывали мнения о лучших публикациях. Отмечали удачные выражения, сравнения. И обязательно рассматривали не очень удачные материалы. Объясняли, над чем необходимо поработать и что важно учесть при написании дальнейших материалов.

<...> Григорий Дмитриевич очень много работал. Он много общался с людьми, встречался с молодёжью. В редакции в почёте были внештатные корреспонденты. Для каждого из корреспондентов Григорий Дмитриевич готовил особенные слова для поздравлений к праздникам, выделял лучшие работы, хвалил за активную деятельность, отмечал у каждого сотрудника находки в журналистском труде. Всегда внимательно относился к коллегам, вышедшим на пенсию.

<...> Григорий Дмитриевич создал газету на хантыйском языке и сумел вывести её на должный уровень.

Совместно мы обсуждали различные вопросы, связанные с работой. Григорий Дмитриевич был учителем для всех, кто стремился писать на родном языке». ³⁴⁴

Воспоминания о Марии Кузьминичны Вагатовой взяты нами из книги «Григорий Лазарев. Страницы жизни и творчества». Составителями выступили С. П. Берендеева и С. Н. Нестерова (руководитель проекта). Они провели беседу с М. К. Вагатовой, из которой становится понятно: Григорий Лазарев был не только замечательным человеком и писателем, журналистом, но и основателем хантыйской школы публицистики, а, следовательно, одним из организаторов-практиков этножурналистики в регионе. В связи с этим нельзя удержаться от соблазна процитировать ещё один фрагмент беседы с Марией Вагатовой, когда автор задаёт вопросы своей героине, из ответов на которые мы узна-

344 Глава «Разговор об интересном человеке» из книги «Григорий Лазарев. Страницы жизни и творчества»: сборник / сост. С. Н. Нестерова, С. П. Берендеева; отв. ред. проф. Е. С. Роговер. – Екатеринбург, 2013. – С. 209-224.

ём много интересного о личности патриарха этножурналистики Григория Лазарева.

«С. П. (Светлана Петровна Берендеева – М.Р.): Скажите, можно ли утверждать, что Григорий Лазарев способствовал появлению первых журналистов из числа ханты. Заложил основы национальной журналистики. В качестве примера, можно привести Владимира Волдина, Алексея Сенгепова, раскрыл Вас как журналиста, именно Г. Д. Лазарев. Дал всем вам путевку в журналистику, заложил основы «национальной журналистики».

М. К. (Мария Кузьминична Вагатова – М.Р.): Да. Вы истинную правду говорите. Именно Григорий Дмитриевич ввёл нас в новую профессию. В те годы в газете небольшой период времени работала и Евдокия Андреевна Немысова...

<...> У Григория Дмитриевича были тёплые дружеские отношения с Владимиром Семёновичем Волдиным и Алексеем Михайловичем Сенгеповым. Они очень часто встречались, обсуждали текущие дела. А самое главное – всегда совместно строили планы для дальнейшей работы. Встречи друзей превращались в своеобразные летучки. Они были полны идей. Черпали вдохновение с таких встреч и осуществляли их на страницах газеты и в эфире радиопередач». ³⁴⁵

Воспоминания Вагатовой о первых шагах зародившейся в округе этножурналистики дополняют мемуары старейшей журналистки Ханты-Мансийска Альбины Глухих:

«Тогда в объединённой редакции двух окружных газет – русской и национальной – работало несколько коренных жителей: два Лазаревых – «большой» (Григорий Дмитриевич) и «маленький» (его двоюродный брат Петр Спиридонович), Мария Ользина, Андрей Тарханов...

345 Там же. – С. 219-220.

<...> Не раз и не два мне потом доставалось от Григория Дмитриевича, особенно когда вопрос касался аборигенной тематики. Мы побаивались его не только на «летучках», но и в нашем журналистском быту.

<...> Несмотря на свою образованность, Григорий Дмитриевич никогда не кичился ею. Будучи воспитанным в хантыйских традициях, он стал настоящим ханты. Кстати, это слово и переводится как «настоящий человек».

<...> Григорий Дмитриевич не меньше нас, молодых и ретивых, ездил по округу, много писал. Будучи уже немолодым, придирчиво искал себе замену на редакторском посту. И нашёл: учительницу из Казыма Марию Тарлину, которую все знают сегодня как писателя, журналиста Марию Кузьминичну Волдину.

Со спокойной совестью уехал Лазарев из округа, оставив своё детище в надёжных руках. В Ханты-Мансийск он больше не приезжал. Умер в Омске. Давно уже нет его с нами, но стоит перелистать «Новости Югры» («Ленинскую правду») за шестидесятые-семидесятые годы, перечитать зарисовки русского ханты Григория Дмитриевича, чтобы полностью окунуться в атмосферу столь дорогой ему жизни родного края». ³⁴⁶

Григорий Дмитриевич трепетно относился к своему народу и знакомил с его духовными ценностями читателей на страницах своих материалов. Расцвет публицистического творчества хантыйского журналиста и писателя начинается в 1970-е годы: именно тогда Лазарев стал наиболее ярко демонстрировать элементы хантыйского фольклора в своих газетных произведениях.

20 октября 1979 года Григорий Дмитриевича Лазарев ушёл из жизни. Незадолго до смерти он подготовил сборник произведений на русском языке, часть которого вошла

346 Глухих А. С. «Ханты оказался русским», глава из книги «Григорий Лазарев. Страницы жизни и творчества»: сборник / сост. С. Н. Нестерова, С. П. Берендеева; отв. ред. проф. Е. С. Роговер. – Екатеринбург, 2013. – С. 225-227.

во второй выпуск альманаха писателей Югры «Эринтур». А сотрудники газеты продолжали размещать на страницах газеты «Ленин пант хуват» его произведения и публиковать статьи о жизни замечательного человека, редактора и писателя.

Григорий Дмитриевич много писал и для детей: стихи, рассказы и сказки на русском и хантыйском языках, «искал корни» у местных географических названий, обрабатывал героические былины и легенды и большое внимание уделял произведениям хантыйского фольклора. Однако это только часть его многогранного творчества. К сожалению, публицистика Григория Дмитриевича так хорошо не изучена, как его поэзия и проза. Нет ни одной исследовательской статьи, где бы подробно разбирались его журналистские находки. А, тем не менее, вклад в региональную публицистику журналист и писатель Лазарев внёс немалый, его творческий опыт нуждается в серьёзном изучении. Об этом свидетельствует не только анализ журналистских материалов, но и интерес к его творчеству современных литераторов. Еремей Айпин, пришедший в публицистику и литературу в 1970-е, подхватил эстафету Григория Дмитриевича, продолжив его дело. От многого в публицистике своего предшественника писатель отталкивался в своих материалах в тематике и проблематике, но во многом был и первооткрывателем. Еремею Айпину, хоть и довелось испытать на себе идеологический прессинг власти (ранние публицистические материалы, драма «Красная юрта»), однако не в такой степени, как Григорию Лазареву. С другой стороны, публицист Лазарев представлял собой старшее поколение – коммунистов, защитников и фронтовиков, на нём и ему подобным, тогда держалась советская власть в стране. Айпинская публицистика вряд ли подошла для пропагандистских и агитационных статей-передовиц советских периодических изданий, но, вот, пожалуй, любовь к своему народу и малой Родине являлась для обоих публицистов объединяющим началом, впрочем, как и боль, огорчение при виде недостатков. В пуб-

лицистике Айпина тема Севера подаётся по-иному, в отличие от публикаций Лазарева и публициста-манси Шесталова, начиная с 1960-х до первой половины 1970-х годов. Кроме экзотики – национальных особенностей, мифологичности, синкретичности сознания – у Айпина на первом месте экология души, невесёлые размышления о своём народе. Этой трагической нотки недовольства центральной и местной властью не обнаружишь в публицистике «до айпинского» периода: творчество Еремея Даниловича символизирует другую эпоху, пересмотр шкалы былых духовных ценностей, смену идеологических вех. Медленно, но верно отвоёвывала своё право на существование «свободная» публицистика у прежней – «партийной». Это, конечно, было не просто: можно было впасть в оголтелый национализм или осанну западной демократии, отрицая напрочь достижения журналистики прошлых лет... Но понемногу дело налаживалось. Региональная этножурналистика переживает новый качественный скачок и немалая заслуга в этом публициста и писателя Еремея Айпина, творчество которого характеризует второй период развития этножурналистики в регионе, после Григория Лазарева и ранних публицистических работ писателей Ювана Шесталова, Андрея Тарханова и Марии Вагатовой. В стране меняется управление социальным организмом, на смену развитому социализму приходит дикий, ничем не сдерживаемый, капитализм с новыми идеологическими установками и негативными последствиями. Во второй половине 1980-х и начале 1990-х вопрос встанет ребром: быть такой стране, как Россия, или не быть? Эта озабоченность прослеживается в публицистике Айпина того периода. Под влиянием Запада наступает смена эстетических способов общения с читателями и телезрителями, меняются сами социальные нормы. В ряде публикаций прессы Югры того времени озвучивается мысль об организации отдельного автономного государства – именно так понимается некоторыми национальными кадрами предложение Президента Бориса Ельцина

о том, чтобы взять «суверенитета» столько, сколько можно унести! В этот период публицистика наиболее «заостряется», как особый тип социального общения, как инструмент политического манипулирования массами. В стране и регионе она является социальным информатором, способом политического воздействия на обыденное сознание. В эпоху перестройки публицистика Еремея Айпина, в отличие от публицистики его предшественника Григория Лазарева, лишена социального оптимизма, в ней отсутствует положительный социально-преобразовательный эффект. Случилось всё это по ряду причин.

Айпин, вступивший в литературу в конце 1960-х – начале 1970-х годов, в последующие годы утрачивает наивночистосердечный и оптимистический тон. Он начинает понимать: совершился исторический переворот, и содержание его писательских и журналистских выступлений указывают на катастрофу. Иного и не могло быть в России 1990-х годов, разрушенной и практически уничтоженной стране. Новая формация трансформируется в мир абсурда. В публицистике того времени рассматривается самый широкий спектр общественных проблем: духовно-нравственные, психологические, социально-экономические, демографические и многие другие – они вопиют со страниц газет и журналов, врываются в дома с экранов телевизоров. На фоне кризиса национальной самоидентификации, когда западные голоса пытаются убеждать россиян в «национальном безразличии и вялости», «безнациональности народа», Айпин задумывается о поиске выбора «новой» судьбы своего народа не без помощи «областничества», а, может быть, и благодаря смене государственного статуса. Подобные настроения большинства представителей интеллигенции коренного населения Севера не заслуживают сегодняшних упреков, ибо настроения эти явились результатом катастрофичной расплаты советского народа, своими же руками уничтожавшего духовные опоры, накопленные за тысячелетия.

Поэтому публицистику Айпина можно назвать «публицистикой преодоления противоречий», она устояла под натиском социальных потрясений и не сбилась с намеченного курса. Изучение её позволит вспомнить уроки нашего недавнего прошлого и укрепить веру в тружеников-преобразователей Севера, у которых в 1990-е годы была незавидная участь.

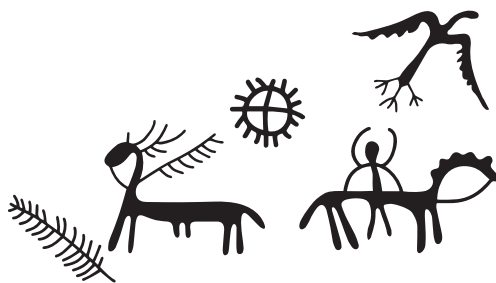
О публицистике Ювана Шесталова, твёрдого государственника и патриота вопреки иным мнениям, скажем отдельно.

Ещё несколько десятилетий назад формирование этножурналистики в нашем регионе идеологически согласовывалось со стратегией развития СССР. После распада Союза её развитие претерпело ряд изменений, выразившихся в отходе от многих советских традиций, в том числе и практиковавшейся прежде ориентации общественного мнения на героические трудовые свершения.

Национальная публицистика в перестроечный период становится слишком политизированной и, если раньше приоритет в ней отдавался общественному, коллективному, гражданскому долгу, то теперь курс был взят на изображение противоречий в общественном развитии. В последнее десятилетие этножурналистика акцентирует внимание на внутреннем мире человека, духовном облике, не ограничиваясь лишь его делами и поступками. Дальнейшее её развитие возможно при условии изучения публицистических текстов представителей коренных народов Севера, как этнокультурных единств, интегрированных в общероссийскую журналистскую практику с учётом её региональных особенностей. Эта духовная взаимообусловленность особенно наглядно проявляется, когда интеграционные процессы позволяют шире и глубже изучать с новых позиций настоящее, прогнозировать будущее. Такое взаимодействие национальной публицистики с общероссийской позволит целенаправленно вести диалог, цель которого интерес этнокультурной и инокультурной среды друг к другу. Следует помнить,

что эволюционные процессы, без знания которых невозможно изучение современной этножурналистики в регионе, позволят не только выявить основные этапы её развития, но и дадут возможность сопоставлений традиций и новаторства, свойственных развитию национальной публицистики. Югра, как особая, в том числе, и геополитическая среда, отличается своеобразной спецификой синтеза взаимовлияния и взаимопроникновения культур народов, проживающих на её территории. В связи с этим творческие силы округа, журналисты и писатели, отражающие в своих работах сложные процессы этноинтеграции, заслуживают от власти особого внимания, материальной и духовной поддержки.

ЖИВЫЕ СЛЕДЫ. О ПУБЛИЦИСТИКЕ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА

*«Человек идёт, оставляя
на снегу живые следы, следы
своей человеческой истории»*

Иван (Юван) Николаевич Шесталов – один из отцов-основателей мансийской словесности. В творческой биографии Ювана публицистика была закономерным этапом, ведь ему, рано получившему известность, необходимо было привлечь внимание общества к своему маленькому народу, проживающему на севере страны.

В советское время редкий писатель не занимался публицистикой. Юван Шесталов – не исключение из общего правила. В эпоху СССР мансийский автор в очерках, зарисовках и путевых заметках делал акцент на положительной оценке тех изменений, что произошли в его родном крае за годы советской власти. Его материалы никогда не походили на исследование научно-популярного плана. Это были яркие произведения с определёнными специфическими чертами публицистики.

В них почти всегда – элементы лирико-философского повествования. Юван Шесталов – необычный летописец своей Родины. У него немало историй о прошлом и современности Сибири и прежде всего – о Ханты-Мансийском автономном округе. Именно здесь берёт истоки его проза и поэзия, в которой фольклор причудливо смешивается с самобытными волнами его творчества. Ровесник мансийской письменности, Юван Шесталов, подобно представителям других народностей Советского Севера, в пределах жизни одного поколения достиг творческой вершины, благодаря своему художествен-

ному творчеству. Он не раз говорил: «Мансийская литература – это я!» Здесь не было похвалы. Он вознёс словесность своего народа на небывалую высоту и получил признание, как художник, не только в СССР. Его государственная премия по литературе имени Горького РСФСР – ещё одно подтверждение этому.

Однако его следование открывшемуся литературному призванию поначалу не вызвало восторга в среде близких людей. Его сестра Альбина Мехнина рассказывала: «Вспоминаю, как во время жизни в Ванзетуре к нашей семье пришёл в гости пожилой манси. В разговоре с отцом он спросил, чем занимается его сын Юван. Тот не знал, как объяснить понятнее, и сказал: «Сын пишет для мансийского народа мансийские песни, но он их не поёт, а читает, и их печатают в книгах». Отец поначалу не понимал слова «поэт», говорил, что это несерьёзно, что лучше бы Юван был рыбаком или охотником, а ещё лучше возглавил бы колхоз и обеспечил свою семью. Но когда в 1958 году вышла первая книга «Макем ат» («Запах родины»), ему очень нравилось слушать её зимними вечерами».

Сам Шесталов, учась в Ленинграде, в разлуке с родными местами, стал глубже понимать и чувствовать красоту, возможности языка своего маленького народа. Как он сам утверждал, вероятно, этого не произошло бы, если бы не было животворного воздействия русского языка, о котором он всегда высказывался с благодарностью. Помню, мансийской поэтессе – теперь она член Союза писателей России, автор поэтических книг и научных монографий – он при мне высказал пожелание не публиковать свой сборник на русском языке: пусть его сначала оценят читатели-манси на своём родном. Мы вместе работали тогда в университете, и я заинтересовался: почему? Юван объяснил: если отзывы будут положительные, тогда можно будет взвалить на себя эту огромную ответственность – писать стихи на русском... Шесталов был человек советской школы Литературы и идейной закалки эпохи Советского Союза в лучшем смысле этого

слова! Он любил свой Север, как уникальную драгоценность в кладовой СССР. И не просто любил, а делился своими чувствами с читателями!

В публицистических материалах Шесталова звучал горячий призыв оценить красоты северного региона и проникнуться симпатией к коренным жителям этого сурового края. В этом призыве можно было отыскать элементы жанров пропагандистской словесности – обращения, публицистической статьи и даже лозунга, – словом, всевозможных эмоциональных свидетельств любви автора к своей малой Родине. Шесталов в ряде подобных публикаций не только демонстрировал своё отношение к родной земле, но и наглядно показывал читателям очарование суровой природы и энергию тружеников Западной Сибири в освоении её скрытых недр.

К оперативным жанрам публицистики 1960-х можно отнести его публикации «Медвежий праздник» (об искусстве манси), «Моё Берёзово», «Оленеводы», «В селе моего детства», «Северные новинки», «Чудо на Югре», «Сказка и жизнь».

Очерки, статьи, зарисовки – это лишь малый перечень того жанрового своеобразия, которым одаривал своих читателей Юван Шесталов. С его публикациями можно было познакомиться в ведущих изданиях СССР: газетах «Правде», «Комсомольской правде», «Советской культуре», «Советской России», «Литературной России». Его печатали в журналах: «Огонёк», «Наш современник», «Звезда», «Сибирские просторы», «Сибирские огни», «Дружба народов», «Нева», «Аврора», «Знамя»... В региональной прессе выходят его очерки «Рыбачка» (газета «Ленинская правда», 25 декабря, 1963), «Сказ о Ленинграде» (журнал «Сибирские просторы», № 1, 1963).

Юван Николаевич являлся национальным лицом Югры и был одним из основателей этнической журналистики в крае. При этом он гармонично сочетал в себе гражданина единой страны и сына своего народа.

В 1970-е годы ещё ярче проявляются публицистические способности автора: «Дума старого манси»³⁴⁷, социально-экономический очерк о Ханты-Мансийском национальном округе в журнале «Сибирские огни» (№ 3, 1971). Появляются произведения: «Дивное чудо: Книга о Ханты-Мансийском национальном округе», «Шаг через тысячелетия», «В краю Сорни-най: Северные монологи», очерки «Сибирское ускорение», «С высоты родного очага» и другие, ставшие «срезом эпохи».

В 1980-е также не прекращается публицистическая деятельность Шесталова: «Медвежий праздник» (журнал «Урал», № 12, 1986) знакомит читателей с особенностями жизни манси на Севере, их верованиями, обрядами и традициями.

Меняется общественная жизнь – меняются запросы публицистики. Она теперь из мощного оружия коммунистического воспитания масс и пропаганды коммунистических идей превращается в орудие борьбы за улучшение жизни людей и наполняется новым идейным содержанием. Освоение Севера привнесло в наш регион новое понимание света и тепла его недр. К сегодняшнему дню наши художники слова с большой буквы выстрадали новую философию выживания – науку добра, согласия, а, значит, и спасения.

Размышляя о времени и пространстве Шесталов, пытается проникнуть в космические тайны вселенского бытия. Используя устное народное творчество своего народа, поэт теперь пытается заявить о роли манси в цивилизационных процессах. Для него это становится темой особого разговора о мансийском фольклоре, укладе жизни манси и его мифо-

347 В рассказе «Дума старого манси» Юван Шесталов устами своего героя Солвала сравнивает, как жили манси до советской власти и при ней. Автор подчёркивает роль советских учителей в обучении и воспитании новых поколений коренных жителей Севера: не сразу к ним отнеслись с доверием, пока не признали – «Емас рума!» – Хороший друг, учитель. Апофеозом признательности звучит финальная мысль произведения: «Обо всём могли ханты и манси мечтать, а вот что кто-нибудь из их сородичей писателем станет, такого даже и в мыслях не было. Да и кто бы в такое поверить мог?» Юван Шесталов «Дума старого манси». – «Сибирские огни», № 3, 1971. – С. 114.

логическом сознании, которые, по мысли автора, являются частью общемировой культуры.

Шесталов интерпретирует вогульское верховное божество, зовущегося Торумом, с точки зрения космического планетарного сознания, которое, – он считал, – присущим, пусть неосознанно его народу: «Тору мет Олэн!» – говорят манси при прощании. «Живи в гармонии с природой, космосом, богом» – означает это.

«Олэн – хулэн» – «живи – слышь» – другое пожелание, может, не менее важное для ощущения Жизни, её радостного, творческого начала»³⁴⁸ пишет Юван в эссе «Откровение Севера, откровение Торума»: «Настало время не только откровений, но и испытаний. Не менее трудно быть учеником, человеком космического тысячелетия, вынужденным менять свои взгляды сообразно чудодостижениям техники и разума планеты».³⁴⁹ В исследовании творчества Ювана Николаевича Светланы Денисламовой не зря утверждается мысль, что в романе «Откровение Крылатого Пастэра» особую роль играет авторская интерпретация, а сам поэт становится религиозно-мифологическим персонажем.

По мнению Шесталова, северный космизм – одна из основ планетарного сознания, новая ступенька восхождения в любви к малой родине. В её основе новые озарения, откровения ниспосланные свыше.

Юван Николаевич не был ограничен узко-национальными интересами, однако он хорошо понимал, что природа Севера страдает из-за хищнического вторжения в её недра. Он пытался предупредить всех о надвигающейся экологической катастрофе. Чувство гордости за советский народ, порой оборачивалось горьким разочарованием.

Многие из его коллег на рубеже веков опустили руки, но только не Юван. Он дал толчок к осмыслению новых тем

348 «Космическое видение мира на грани тысячелетий». Книга-амулет. Автор и составитель Юван Шесталов. – Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск, 2002. – С. 40.

349 Там же. – С. 89.

в публицистике. Этот период характеризуется многочисленными публикациями о людях, живущих в Югре, зарисовками, талантливо передающими её колорит. К этому времени публицистика его насчитывает десятки материалов, начиная с 1960-х годов.

В предисловии к книге «Сибирское ускорение» Ю. Шесталов пишет: «Я не прозаик. И, наверное, не буду им никогда в общепринятом смысле этого слова... Сначала я писал стихи. Но жизнь не укладывалась в рамки стихов и поэм. Мне же хотелось быть ближе к жизни, хотелось вмешиваться в её дела... Я писал скромные газетные и журнальные статьи, зарисовки, очерки. Когда их накопилось много, я вдруг увидел в них мозаику жизни такого древнего и такого современного Севера, услышал особый таёжный ритм. Мне захотелось уловить его биение, его главные звуки и передать их людям».³⁵⁰

Благодаря публицистике писатель на новом уровне поднимает острейшие проблемы экологии и будущей судьбы коренных народов Севера, как, например, в историческом очерке «Путешествие во времени». Начинается повествование с распространённой в мире точки зрения: «Просвещённая Европа веками считала, что в ледяной земле Севера, закованной тьмой, не может быть жизни и истории».³⁵¹ Юван опрокидывает это представление об «ужасном» Севере, где царят лишь «белое безмолвие» да «мёртвая тишина». Приём тавтологии не случаен: с его помощью читатели могут зримо представить себе образ журналиста далёкого от темы Севера, и пишущего на эту тему ради денег на заказ. Этот публицистический приём позволяет Ювану Шесталову напомнить нам самые яркие ходовые «северные вариации, встречающиеся в печати: «холодный край»; «реки, промёрзшие до дна»;

350 Медведева О. Биографическая справка // Собрание сочинений / Ю. Н. Шесталов. – СПб; Ханты-Мансийск, 1999. – Т. 5. Стихотворения. Повести. Публицистика. – С. 555-556.

351 Шесталов Ю. «Путешествие во времени» // Собрание сочинений / Ю. Н. Шесталов. – СПб; Ханты-Мансийск, 1999. – Т. 5. Стихотворения. Повести. Публицистика. – С. 405.

«болота, мари с кочками, с метёлками вместо деревьев»; «хилая растительность, погружённая в сон». «Видеоряд», который напомнил читателям Шесталов, образовался благодаря нагромождению журналистских штампов о Севере. И как отличается его собственный слог в публицистике от словесных мусорных завалов на страницах журналов и газет, посвящённых нашему региону. Говоря о человеке на Севере, писатель подыскивает многозначные, образные, художественно весомые обороты речи: «Человек идёт, оставляя на снегу живые следы, следы своей человеческой истории».³⁵² Это – из генетической памяти автора, наследия охотников, читающих следы зверей, как следопыт карту. Поэтому они «живые» для мансийских охотников и только живое, а не мёртвое может творить историю, по мысли публициста. Эту мысль подтверждает сам автор: читатель может убедиться, перелистав несколько страниц очерка: «Мне кажется, что я вполне современный человек, человек XX века».³⁵³ Так писал Шесталов в конце прошлого века, будучи ещё нестарым, (хотя Ювана и старость никогда нельзя было совместить в «одном лице» и в «нулевые» годы века нынешнего). Далее он продолжает: «И всё же порой я чувствую себя древним-древним. И просыпаются во мне сказки, видения веков являются...»³⁵⁴ – и получается на поверку, что свою публицистику создаёт не сам Юван, а его родовая память, что так затейливо, по-особенному узорчато повествует, и каждая фраза его – оттуда: из глубины столетий, где царят обычаи и традиции его древнего рода. В разговорах со студентами, писателями, журналистами и преподавателями, в публичных выступлениях Шесталов постоянно касался проблем манси и был убеждён – решение их зависит от совместных усилий всех жителей Севера и, прежде всего, титульной нации.

352 Там же. – С. 407.

353 Там же. – С. 411.

354 Там же.

Юван не отрицает победу славянского начала в российском, русском суперэтническом единстве. Однако мыслитель и публицист такого масштаба, как Шесталов, вдохновлён особой образной интуицией: нельзя разрушать изначальное родство народов, нельзя националистически обеднять великое понятие «Русь». Как писатель и публицист, Шесталов предостерегает своих читателей: такая опасность сегодня существует, она губительна для каждого из многочисленных или малочисленных народов современной России.³⁵⁵ Поэтому последняя книга Ювана Шесталова должна быть по достоинству оценена, как часть цельного представления о современной Российской Федерации, то есть того мира, где человек ощущает себя частицей всего сущего. Автор книги об откровении слова «Русь», являясь носителем двух культур, не принимает в писателях-националистах гипертрофированной народности, демонстративного отказа от достижений человечества. Нет у него и эпатажности при описании национального быта манси. Для публицистики Шесталова гораздо важнее показать уважение к тысячелетнему опыту манси в нераздельной слаженности с русской культурой. Поэтому в виртуальных путешествиях автора перемешиваются не только культуры, но также исторические личности – представители династии Рюриков и современники. Приём для публицистики вполне художественный: «Пространство распахнулось дорогами, и время заговорило языком своих Вреён. Лечу, слушаю Времена».³⁵⁶ Только повстречав на своём пути Дмитрия Шамовского, автор от «виртуальных» воспоминаний переходит

355 Хорошо запомнился один из разговоров с Юваном Шесталовым о национализме «малых» народов. Отделение от России, особое отношение к себе как к суперэтносу за счёт невнимания к другим – не наш путь, говаривал он. Сколько секретных планов Запада существовало и существует теперь – от руководства Далесса и меморандума Эйзенхауэра до нынешних, чтобы раздробить, расчленить, стереть с политической карты Россию. Если будет плохо великому русскому народу, значит, будет плохо и нам – не уставал подчёркивать Юван Николаевич в беседах не только со мной.

356 Юван Шесталов. «Шаманские тайны откровения слова “Русь”». – Ханты-Мансийск: ОАО Издательский дом «Новости Югры», 2011. – С. 70.

к вполне реальным – встречаю с великим русским поэтом Николаем Рубцовым: «Николай Рубцов в замызганном костюмчике, казался тихим, будто пришибленным, обиженным кем-то. Но когда читал свои тихие стихи о своей оси, у каждого из нас просыпалась своя незримая, магическая, сакральная ось...

И это сближало нас, людей разных краёв и языков... Кое-кто пытался этим вклинить раздор, или вздорный спор «о малом и большом народе»... И хотя меня, вьюжного манси, цеплявшегося за каждый звук грозových или тихих, как белая ночь, стихов, пытались противопоставить великороссам, мы инстинктивно тянулись в одно гнездо «с названием кратким – «Русь».

...Николай Рубцов настоящий русский человек, а не славянин западного разлива... Те совсем другие... А мы – из одного гнезда Руси многоязыкой...

Это я пойму потом...»³⁵⁷

О такой черте своего творчества, как философичность, Шесталов успел намекнуть в своей последней книге: «Поэт-философ нужен обществу, особенно правителям этого общества... Для чего нужен? Эту тайну разве в двух словах раскрой. Ясно одно: не для того чтобы складно сложить слова, а потом восклицать: «Вот как я умею!» К сожалению, некоторые стихотворцы на «гладкописи» кончаются, уходя от проблем жизни, не то, что философы...»³⁵⁸ Сам Юван Николаевич был философом во всём – и, конечно же, в публицистике. Помню, не будучи знакомым лично с Юваном Шесталовым (тогда он ещё жил в Питере), я прочёл его небольшие стихотворения середины 1950-х годов и почувствовал в них схожесть с тютчевской поэзией по мысли и чувству. Удивлению моему не было предела: откуда было дано постигнуть, тогда молодому человеку – 17-19 лет, незримую философскую глу-

357 Там же. – С. 72-73.

358 Юван Шесталов. «Шаманские тайны откровения слова “Русь”». – Ханты-Мансийск: ОАО Издательский дом «Новости Югры», 2011. – С. 193.

бину поэтических творений европейски образованного Фёдора Ивановича Тютчева? Только свыше, с помощью Божьего дара – другого понимания до сих пор не приемлю... Когда Шесталов окончательно перебрался в Ханты-Мансийск, едва ли не в первую нашу встречу, сразу же после знакомства, попросил его дать разгадку необъяснимому явлению сходства философии его юношеских стихов с поэзией Тютчева. Он задумался, помолчал, а потом ответил: «А ты знаешь, что я недавно написал предисловие к стихам Тютчева? Очень люблю и ценю этого поэта». Наверное, в бесконечности есть незримые для нас, смертных, сообщающиеся между собой сосуды духовности от одной талантливой личности – к другой...

Коль уж заговорили о даровитых писателях Югры, публицистах – представителях коренного населения Севера – хотелось бы сказать о них наиболее полное, поскольку талантливое литературное и публицистическое творчество помогает укреплению многоязыкого Союза литературы Югры на благо и процветание России. Но ограничимся тем, что сказано. Надеемся, что разговор на эту тему только начат – сколько впереди интересных, а, главное, важных тем, в том числе, и о содружестве писателей и публицистов нашего округа самых разных национальностей, которыми по праву гордится северный край, как наиболее талантливыми своими сыновьями и дочерьми.

Последнее десятилетие оказалось до жесткости требовательным к писательскому труду: ведь суть его заключается не только в отражении действительности, но и в анализе её. Сегодня, как никогда трудно быть думающим интеллигентом-интеллектуалом: нет идеологических, (по крайней мере, официальных указателей), о чём думать. А думать по-настоящему трудно. Вопрос о смысле сущего характеризует творчество писателя, его тип и стиль мышления.

Творческая эволюция Ювана Шесталова подводит своеобразный итог мансийской младолитературе: за восемь десятилетий пройден огромный путь, начиная с рассказа Пантелеймона Чейметова «Два охотника». До этого была

опубликована поэма Михаила Плотникова «Янгал-Маа». В конце 1940-х и начале 1950-х было ещё несколько литературных имён, но в 1960-м начинается стремительный поэтический рост Ювана вместе с творческими личностями Анной Коньковой и Андреем Тархановым. Все они отталкивались от фольклорных традиций в своём индивидуальном творчестве.

Публицистика Ювана – часть его литературного самовыражения. Жаль, что она исследователями изучена недостаточно. Всё в ней овеяно особой любовью к родному очагу и озабоченностью судьбой не только своего народа.

Публицист Шесталов был одним из тех немногих писателей, которого не коснулся информационно-коммуникационный парадокс: много информации – мало информации, ибо он твёрдо знал, о чём пишет и что будет важным для людей нового тысячелетия. Он надеялся, что его публицистика поможет преодолевать опасность отчуждения человека от истинного Слова.

О публицистике последних лет Ювана Шесталова можно говорить сегодня, как об откровении. С одной стороны, открытость, с другой, – неповторимость... Но это лишь определения, лежащие на поверхности, как видимая часть айсберга. Глубина суждений приходит после того, когда начинаешь открывать страницу за страницей неповторимого мира его публицистических пророчеств и поражаться тому, как сумел обыкновенный внешне человек владеть таким даром предсказаний...

О КНИГЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА «НОЧНИК»

Прочитал аннотацию к четвёртому тому собраний сочинений Дмитрия Мизгулина, когда он ещё готовился к выходу в печать и задумался... И вот почему! Сколько раз перечитывал эту его малую публицистику – записи из «Ночніка» I и «Ночніка» II – и всё не мог оторваться. В чём же секрет этой его малой прозы? Наверное, мне просто близки мысли автора. И вот преобразённый «Ночнік» готовится в 2021 году увидеть свет в новом томе собрания произведений Дмитрия Александровича Мизгулина... Наконец-то!

О названии этой книги гадать не стоит, ибо автор сам всё расставил по местам, надо только внимательнее вчитаться в предисловие. Оно состоит из нескольких предложений, простых на вид, но голову поломать над их смыслом всё-таки придётся! Что ж, попытаемся начать распутывание этого мыслительного клубка:

*«...от случая к случаю записанные обрывки»; «мышление наше стало осколочным»; «...в этих заметках системности нет...»; «правда, одно их объединяет – время написания»; «...поздним вечером...ночью».*³⁵⁹

Очень жаль, что Дмитрий о «Ночніке» обмолвился, как бы мимоходом: мол, книга фрагментарная, на большее времени не хватает. Однако из этой «фрагментарности» складывается мозаичное представление о системе взглядов

359 Мизгулин Д. А. «Ночнік». – С. 3.

писателя в осмыслении самых разнообразных аспектов нашего бытия. После прочтения приходит понимание смысла названия «книжки-ночника». Оно, очевидно, должно символизировать приглушённый свет в доме, чуть ли не полумрак, который не мешает человеку задуматься о жизни. Когда, как читатель, начинаешь потягивать этот словесный душистый настой из чаши вдохновения, то не стоит забывать и о «мыслях вприкуску»... Строчки не просто ложатся на бумажный лист и обретают книжную жизнь под обложкой «Ночніка», они делают тебя собеседником в диалоге с писателем-мыслителем, заставляют либо соглашаться с ним, либо спорить, не оставаясь при этом равнодушным читателем...

Ядром высказывания становится какой-либо факт, взятый из повседневности, пусть незначительный, который в одно мгновение ока превращается в открытие. Так на глазах читателя свершается чудо: незаметное, незначительное (иногда это какая-нибудь тривиальная фраза) становится истинным и значимым. И такая метаморфоза возникает во многом благодаря парадоксальному мышлению автора. При этом он не повышает своего голоса интонационно или эмоционально: это, как бы его мысли вслух, он ничего никому не навязывает, вы можете и не соглашаться с написанным...

Жанр, свойственный произведениям книжки Дмитрия Мизгулина, можно определить ещё и как малую публицистику информационно-аналитического плана, с присущей ей лирической тональностью, особенно там, где встречаются мемуарные фрагменты. С другой стороны, мы можем говорить о «художественности» записей, обработанных умелой рукой, с чёткой формой и законченностью мысли. Но, главное, они обладают авторским «вчувствованием». Таким образом, его книга «Ночнік» – отклик гражданина и писателя на события, где объектами авторского осмысления становятся самые разные факты. Кому-то может показаться, что из-за этого многообразия части «Ночніка» пестры. Од-

нако это не так, поскольку цельность книги обнаруживается в её идеях, оценках, мировоззрении, эстетическом вкусе и самой личности автора, о чём бы он ни поведал и какие бы сферы жизни не затрагивал. Нет сомнений: для будущих читателей наблюдения Дмитрия Мизгулина станут таким же важным историческим и документальным источником, как и писательские дневники его собратьев, где комментируются события нашего непростого российского бытия с учётом трёх сократовских критериев: правды, полноценности и доброты.

Традиция ведения дневниковых записей имеет богатейшую историю, но сейчас не об этом... Человеку надо постоянно с кем-то делиться пришедшими к нему мыслями. Но если он днём горит на работе, где ни то чтобы перемолвиться словечком с кем-либо, но голову некогда поднять, то, что ему остаётся в итоге в послерабочие часы отдохновения?

Газеты и журналы люди в большинстве своём не читают – нет денег на подписку. Телевизор – или в просторечии – «зомбоящик» вряд ли привлечёт внимание мыслящей личности, только настроение испортит. Знаю, многие мои знакомые давно уже отказались от услуг телевидения: смотрят только новости да трансляции важнейших событий. Помню, в Ханты-Мансийске, лет 12-13 назад увидел у Дмитрия на экране телевизора в уголочке иконку Божьей Матери. На мой вопросительный взгляд он ответил: нынче без православного оберега просто нельзя обходиться. Так оно и есть! Сколько нечистот выливается на нас не только благодаря телевидению, но и радио, газетам и журналам – и, особенно, много всякой душевной смуты доставляется по интернету... Трудно обычному человеку сопротивляться грязному потоку и противостоять ему здравомыслием и стойкостью духа. Сам я преподаю в монастыре и моим студенткам и ученицам, несомненно, повезло, что они за «оградой!» – сотовыми пользуются редкими случаями, да и то по необходимости, а телевизор и вовсе

не смотрят. Зато чтение душеполезное и необходимое для духовного роста всегда под рукой! Ну, а использование интернета – только по делу. Кто-то усмехнётся: какая «забитость»! Однако это не так... Девушки эти в большинстве своём не монахини – учатся в колледже при монастыре, от случая к случаю издают свой молодёжный журнал, рассуждают здраво и ко многим их суждениям сверстникам стоит прислушаться. Никогда не станут курить или потреблять алкоголь, не говоря уж о наркотиках... Пение на клиросе, ежедневное участие в церковных службах определяет их сознание. При этом они имеют собственную точку зрения по многим вопросам современности – лучших учениц я себе и не желаю, ибо с ними интересно и легко общаться. Разве заставишь нынешнюю молодёжь изучать наследие древнегреческого философа Платона, читать его диалоги? Сократ для них выступает в роли юродивого дохристианской поры. На учение блаженного Августина они смотрят совсем иначе, ибо для них Средние века – одна из интереснейших эпох мировой истории! Они-то знают, что в эту христианскую пору православные монахи Византии, а затем и католические Западной Европы сохранили, переписывая, и, тем самым, спасая от забвения, философские труды языческих античных учёных. Если бы не они, то до просвещённой современности едва ли дошло наследие Платона, Аристотеля и других мыслителей Древней Греции и Древнего Рима.

К сожалению, большинство девушек, которые ведут светский образ жизни, другие...

Тут мне сразу вспомнилась одна из записей Дмитрия Мизгулина в «Ночнике».

«Две девицы загорали на пляже. Недалеко храм православный. Надоело им лежать и, как были, в купальниках, пошли в храм, посмотреть от скуки. Только подошли к лестнице, встретили батюшку. Подивился отец на прихожанок и запретил им в таком виде посетить храм Божий.»

*Вздохнули девы и пошли обратно загорать. При этом одна другой говорит: «Я ведь предупреждала – без платка не пустят»».*³⁶⁰

Откуда такое несерьёзное отношение к Церкви? Как эти дамы воспитывались и во что верят – и так понятно! От монастырского и общечеловеческого – культурного – воспитания они явно далеки... Среди молодёжи, ничего не подозревающей о страхе Божьем, таких людей немало, ибо наше общество не хочет отказываться от удовольствий, принося в жертву им духовные заветы былых поколений. О том, как изменилось мировоззрение отдельных граждан более зрелого возраста к православной культуре, свидетельствует ещё один эпизод, приведённый Дмитрием Мизгулиным в своём ночном журнале.

«Жалуются на учителя начальных классов «продвинутые» родители директору школы за то, что учитель ведёт религиозную пропаганду. Забывает святые компьютерные головы чадом, дурманом и мракобесием.

Учитель спрашивает: «А мифы Древней Греции рассказывать можно? « Конечно, можно. Это во всех книжках есть», – соглашается недоумевающая мамаша. Тем более в Грецию ездят отдыхать. Там тепло и море чистое. И по-русски говорят.

Вот ведь как. Про Зевса и Венеру можно. А про Дмитрия Донского, Александра Невского нельзя.

*Мракобесие, несовременно. Засмеют».*³⁶¹

Воистину прав незабвенный чеховский персонаж, грек-кондитер Харлампий Спиридонович Дымба: в Греции всё есть! А если говорить серьёзно, то именно так, с безобидного пустяка, начинается искоренение во возрастающей душе

³⁶⁰ Из будущей книги Д. Мизгулина // «Второй Петербург». – СПб, 2009. – № 1 (16). – С. 80-81.

³⁶¹ Там же. – С. 82.

ребёнка страха Божьего. А это значит и чувства сопричастности через Православие к нашей отечественной истории, следовательно, и патриотизму – любви к Родине...

Почему люди игнорируют страх Божий? Может, понимают его не верно? Как испуг? Ожидание зла, в конце концов?

Мои ученицы, девушки, что воспитываются и учатся при монастыре по духовным канонам, понимают это чувство иначе, нежели большинство неверующих граждан. По их разумению, Бог не должен вызывать негативные чувства, не для этого же Он создавал нас по Своему подобию. Все мы рабы Божьи, и, следовательно, Господь для нас значимее, чем родители, которых мы должны не только любить, но и почитать, бояться огорчить. Боязнь огорчить – не в этом ли сила страха Божьего? Нет, наверное, не только в этом...

Страх, как чувство, в конце концов, зачастую удерживает человека от многих безумств. Если Бог захочет наказать, то отнимет у человека разум. Человек неразумный – человек без Бога. А Бог – это любовь и страх одновременно. Не здесь ли берёт своё начало благоугодность, в основе которой служение верующих с благоговением и страхом?

Дмитрий, как человек мыслящий, имеющий собственную точку зрения, предлагает своим незримым собеседникам обсудить многие важные вопросы нашего бытия. Если хотите, «Ночник» – своеобразное приглашение к диалогу и одновременно свидетельство образа мыслей нормального современного человека, которое может стать поучительным для будущих поколений. Мировоззрение православной личности, живущей в миру, проделавшей эволюционный путь от неверия к Православию, должно впечатлить не только наших потомков. Заинтересованность в суждениях автора вызывает одновременность подхода рационального (по профессии Дмитрий экономист-профессионал, кандидат наук в этой отрасли) и творческого, где присутствует вдохновение и чувства, в силу его профессиональной увлечённости художественной словесностью...

Отсюда ирония и юмор, которые совсем не мешают анализу и синтезу умозаключений.

«Ночная» книга привлекательна подходом к тем явлениям и событиям, что попались автору на заметку. Обычно Дмитрий не церемонится, вскрывая их сущность. Не в его правилах ходить вокруг да около, не зря же легендарный Козьма Прутков напутствовал своих читателей: зри в корень!

Дмитрий, как и я, родом из СССР. Тогда в студенческой среде мы самоутверждались не столько с помощью силы и покровительства родителей, сколько благодаря знаниям и прилежной учёбе – без них нельзя представить эрудированного молодого человека... Жизненный опыт в какой-то мере заменяла начитанность. А Дмитрий в школе и вузе выделялся ещё хорошей физической подготовкой. Поэтому по его адресу никто бы не посмел употребить ироничное прозвище «ботаник».

Дмитрий впервые взялся издать эту книжку, когда ему было под пятьдесят, следовательно, вошёл в тот возраст, который критически подсказывает: ты уже не молод, не питай излишних иллюзий, ибо твоё собственное будущее – не выигрыш в лотерею, но оно твоё личное, а не всеобщее... И что тут долго философствовать? Хочешь не хочешь, а промежуточные итоги подводить надо! Наступило время ночных бдений, то есть «Ночника»!

Дмитрий Мизгулин к своему «Ночнику» пришёл не сразу: надо было многое постичь, многое мучительно отвергнуть, многое не просто обдумать – перестрадать!

В 2016 году в дополнение к первой части Ночника вышла вторая, которая заканчивалась «по-русски» – вопросом:

«Ну вот почему у нас всё так???»³⁶²

362 Мизгулин Д. А. «Ночник». Публицистика. – СПб, 2016. – С.187.

Действительно, – почему? – подумал я, захлопнув последнюю её страницу...

Но, с другой стороны, если бы всё было наоборот, то вряд ли толковый человек поделится мыслями с другими, поскольку знает, как нелегко обнажать суть предмета на письме догола – ничего не прибавить, ни убавить. Не каждый способен на такое благоволение по отношению к читателям. Не забудем, большинство поклонников творчества Дмитрия считают его в большей степени поэтом, а не публицистом и прозаиком.

Дневниковые мысли отличаются от стихов. Делясь ими с бумагой, иной творческий человек невольно начинает ощущать себя сказочным богатырём, который сражается с чудовищем. А чудовище это страшное и безжалостное – ты сам! Этот зверь не даёт раскрепостить душу и на её крыльях воспарить к небесам. Да и мы не всегда сопротивляемся чудовищу, глубоко спрятанному в себе. Оно плотоядно поглощает нашу душу. Проще спрятаться в скорлупе сытого довольства своим существованием. Мы заняты какой-то ерундой. Мы забыли о том, для чего нам даны слух и зрение? – и слышать, и видеть! Иначе как постигнуть окружающий мир в изоляции от него? Важно пробиваться на свет изнутри, чтобы хотя бы в нашей скорлупе появилась первоначальная трещина. Затем ещё немного усилий – и, наконец, ты проклянулся, гадкий утёнок, мечтающий стать величавым лебедем! Но где ангелы? Где музы? Как отличить бессознательное от подсознательного?

А чудовище твоё не испустило дух, оно не дремлет – просто притворилось, поскольку сообразительнее нас! В единорборстве с нами оно пытается организовать хаос. Мы думаем, что всё устроено согласно самоорганизации – звёзды двигаются по своим орбитам, реки текут по проложенным руслам... Но всё не так просто: гораздо сложнее и обычным разумом невозможно охватить всю эту вселенскую механику. Только кажется человеку, что у него в голове и на душе нет никакого беспорядка...

О, как мы ошибаемся! Принцип организации не встроена в творческую природу. Она не самоорганизуется именно так, как бы нам этого хотелось. Ах, это чудовище, что не оставляет нас в покое! Наперекор ему нам придётся самим созидать свою Вселенную, договариваться с Вечностью, чтобы она открыла свои ворота...

...Я вижу, как мой герой усаживается ближе к ночи за свой письменный стол – и ему почему-то не пишется! Всё надо начинать с чистого листа – и так по замкнутому кругу...

Для меня творческая личность Дмитрия невольно выделена своими ночными набросками среди множества людей, вообразивших себя писателями. Он – строчка за строчкой заполняет свою книгу судьбы. «Ночной» дневник имеет такую форму, которая позволяет максимально точно сохранять авторские смыслы в читательском восприятии. Стиль и формат наиболее адекватно передают чувства и мысли этой художественно-эстетической модели писательского произведения, где трудно отделить создателя от его «плоти».

Время для записей выбрано тоже не случайно: в тот период, когда наступает молчание суетного мира и тишина дает возможность сосредоточиться, поразмышлять. Ночное время также удобно для молитвы – умного делания. Тишина и молчание природы в наибольшей степени способствуют стоянию верующего человека перед Богом. В эту пору очень важно зарождение слова в тексте «Ночника», его соотносительность с глубокой тайной общения человека с высшим миром. Слово расковывается, обретая значение логосности, такое состояние, когда грешно писать суетные, проходные вещи. Истинное слово не всегда бывает утвердительным, но чаще всего – вопросительным и поэтому должно звучать в тишине так, чтобы найти ответы на задаваемые вопросы.

Книги, которые мы пишем, обращаются с нами, как с детьми мудрые взрослые. Держатся скромно и просто.

Очень деликатно высказывают свои соображения, когда считают нас в чём-то неправыми. Заставляют задумываться, переделывать написанное... Словом, сходятся с нами не так просто, как нам бы этого хотелось. А, бывает, и разговаривают – на повышенных тонах, когда мы не понимаем их требований излагать всё чётко и ясно, без каких-либо потусторонних фантазий. Наши художественные создания переживают за нас, авторов, заботясь о том, чтобы мы вдруг не впали в оцепенение и не измарали себя сплошной ерундой. Мы для них только дети, так и не вызнавшие до конца тайны творчества...

Кто-то может оспорить мои воображаемые доводы о творчестве: зачем приходит подобный вздор в голову? Книга же – неодоушевлённый предмет! Да! Согласен! Но почему-то тогда она заставляет чувствовать и мыслить? Считаться с собой, дёргая тебя, как автора, за рукав, настаивая на продолжении повествования...

Не знаю, почему, приступая ко второй части «Ночника», Дмитрий оправдывается:

*«Вот подумал – все люди, как люди – пишут о личных переживаниях, а я всё про политику».*³⁶³

Что означает «политика», если она часть жизни каждого из нас? А жизнь прожить – не поле перейти! Пусть это и не книжные поля, ибо на них личности творческой бывает самовыразиться ещё сложнее... На бумаге происходит своя борьба за существование – со своей тактикой построения в боевые ряды фраз из слов, которые соединяются в военные подразделения и начинают своё сражение... С кем? С нашими взглядами на мир и на собственную жизнь. Всё ли верно выстроилось у нас к сегодняшнему дню в сознании и не очерствело ли сердце в нынешних, непростых обстоятельствах?

363 Там же. – С. 129.

Правильно ли мы творим свою книгу-судьбу? Есть ли от нас польза для всех остальных? Будет ли внимание и понимание с их стороны?

Автору в писании своей книги порою бывает трудно-вато разобраться! Но... благодаря отстранённому взгляду на себя, собственный мир видится совсем по-другому. Взгляд на многие вещи делается гораздо серьезнее, будто ты завтра умрёшь... Надо всегда помнить об этом. Судьба может отомстить за неправильно прожитые жизни в книгах, как и за то, что ты не состоялся прежде просто как человек, вообразив себя творческой личностью... Что тебя победит – книга или твоё эго? Творчество – всегда единоборство с самим собой, когда отрезаешь от рукописи живые куски и выбрасываешь их в корзину для мусора. Так их жалко: особенно тогда, когда они корчатся от боли и отверженности!

Я задумываюсь: а чем является творчество для Дмитрия? Что он хочет сказать нам мозаикой своего «Ночника»? Пожалуй, книга эта – спасительный выход оставаться личностью, преодолевая соблазны и разочарования! Парус, раздуваемый ветрами философии, несущий человечество к его мысу Надежды! Поэтому я так ценю философию надежды в классической русской словесности... Заметил и у Дмитрия это пристрастие: он не спорит с вызовом не самого лучшего времени, который переживает страна и общество, но надеется – на Господа и наше здравомыслие...

У Дмитрия в поэзии и прозе образу ночи всегда уделялось немаловажное внимание. Вспоминается один из его рассказов, где в описании ночи открывается простор для воображения: цикады, звёзды и даже раскрытая ладонь – не просто перечисление конкретных предметов или явлений, а символическая картина жизни и того, что после них остаётся... Мы исчезнем, а звезды останутся, так почему же не обратить свой взгляд на них? Человек и ночь связаны, их беззвучный диалог о жизни и смерти, как всегда заканчивается конфликтом вечного с конечным, и нам не дано до конца понять душу этой звёздной бесконечности, какой

бы не была тяга к освобождению от своего суетного состояния... Для чего-то всё-таки Природа отпустила нас на этот свет?

Такие мысли обычно приходят у ночника после тяжкого дня, когда успокаиваешь себя тем, что ты не один и Господь услышит твои мольбы.

Перелистываю ещё раз страницу за страницей и убеждаюсь: да, она не позволит ему и нам, её читателям, действовать под чью-то диктовку, думать, как остальные, следовать идиотской моде во всём, отказываясь от трезвомыслия. Книга помогает нам отыскать друг друга, как фонарь Диогена, и высветить, наконец, кто ты – человек или «двуногое животное без перьев»? Автор «Ночника» разговаривает с нами на человеческом языке разума и чувств, а не щебечет, как с неразумными птицами. Как всякому нормальному человеку ему хочется только одного: чтобы никто и ничто не подменяло собой нам солнца.

При этом Дмитрий искренне предан искусству рассуждения, которое так ценил Сократ и вполне корректен к тем художникам, что создают свои шедевры за деньги без любви к искусству. Он никогда не называл их проститутками. Просто их проблемы его никогда не волновали, у него свой изгиб слова. Хотя к ним у него есть своё существенное единственное пожелание:

*«Самовыражайтесь за свой счёт».*³⁶⁴

Так бывает с теми, кто критически относится к собственному творчеству и не обращает внимания на потуги остальных в сочинительстве. У талантливых людей есть своё место во Вселенной: а что ещё надо человеку, если он принимает мир таковым, каков он есть?

³⁶⁴ Там же. – С. 130.

Дмитрий Мизгулин в одном из интервью как-то проговорился: со школы мечтал стать историком, но не случилось, а тяга к этой науке, внимательному взгляду в прошлое – осталась.

В своём интересе он не одинок, поскольку русский человек всегда тяготеет к славному прошлому Отечества, надеясь на повторение золотых деньков в ближайшем будущем. Если отбросить излишнюю мифологичность, возведённую в ранг официальной народности, а также холопство летописцев перед властями, тогда без предубеждения в нашем сознании возникнет картина, которую живописал ещё Александр Сергеевич Пушкин:

Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу.
Любовь к отеческим гробам.

Наши историки пытались отыскать сердцевину всеобщего народного прошлого – у царей и подданных, у вождей и масс. Не всегда это получалось успешно у тех же славянофилов и западников, у нигилистов-революционеров и либеральной интеллигенции, поскольку в оценку исторического прошлого всегда вмешивалось время – периоды и эпохи, заставлявшие летописное перо неоднозначно относиться к прожитым временам, менявшим не только общество и государство, но и духовный облик самих личностей, пытавшихся с помощью пера остановить очередной миг истории...

Мы не должны прошлым тяготиться – и уж точно униженно каяться за содеянное в нём нашими предками, ибо благодаря их героическим усилиям мы пока живы, как народ и нация. Из прошлого нельзя ничего отбрасывать, надсмехаться над ним или приукрашивать его – надо просто беречь в своей памяти каждый прожитый день и благоговейно относиться ко всему, что было не зря пережито нашим народом. У настоящего художника, осознающего свою творческую миссию,

имя избежит забвения потомков. Но сегодня у нас в России читатель настолько слаб, что его может увлечь любая неприятельная беллетристика или низкопробная поэзия.

Пишу эту фразу, а сам вспоминаю: не встречал ли я нечто подобное, вышедшее из-под пера Николая Васильевича Гоголя? Точно! Есть у него похожая строчка: никакого времени не было так бедно читателями хороших книг, как наступившее. Вспомнил я и о том, как долго восхищался, потирая от удовольствия руки. Виссарион Григорьевич Белинский, самый известный критик гоголевского периода в отечественной словесности, прочёл в одной из литературно-критических статей фразу основоположника славянофильского учения и отечественной православной философии Ивана Васильевича Киреевского. О чём она? О том, что и теперь уместно помнить: некоторые художественные произведения бывают просто необходимы для начинающего читателя, как удобрения на ниве просвещения для хорошего урожая...

Прошло столетие, на исходе ещё одно с того момента, как эта мысль Ивана Васильевича появилась на свет, но с чтением у нас в стране пока дела обстоят неважно... Более того, – неблагоприятно! – удобрений много, а урожая мало...

Если три десятилетия назад «самая читающая в мире страна попёрла в видеосалоны»,³⁶⁵ то, что сегодня ей ещё надобно, когда научно-технический прогресс на своих крыльях доставил этот самый «салон» в начинку наших сотовых телефонов? Да что видеосалон! Целые библиотеки теперь хранятся там – не хочешь читать книги, слушай аудиозапись художественных произведений...

...И всё же вслед за древними остаётся лишь повторять, когда заходит речь о таинстве серьёзного чтения: *procul este profani*.³⁶⁶ Как здесь не вспомнить ещё раз поэтические размышления Пушкина о черни?

365 Мизгулин Д. А. «Избранные сочинения». – М.: Худож. Лит., 2006. – С. 371.

366 Прочь, непосвящённые (*лат.*).

Молчи, бессмысленный народ,
Подёнщик, раб нужды, забот!
Несносен мне твой ропот дерзкий,
Ты червь земли, не сын небес;
Тебе бы пользы всё – на вес...

«Какая польза человеку, если он приобретёт весь мир, а душе своей повредит?» (Мф.16, 26). Не зря вспоминается Писание. Есть повод! Раньше никогда бы в государстве не получила права гражданства пошлая, если не сказать, больше, – срамная литература, далёкая от творческого, художественного созидания. И совсем не случайно на одном из центральных телевизионных каналов в рамках «культурной революции» появилась телепередача с символическим названием «Русская литература умерла». Часть литературной элиты поддалась новым веяниям, но ничего хорошего из этого не получилось.

Дмитрий Мизгулин выступает в «Ночнике» за необходимость принятия такого закона, который бы защищал информационную и духовную среду России от лингвозомбирования, дезинформации и одурачивания людей. До сих пор каждый продажный писака, чтобы быть в тренде, в своих опусах безнаказанно и как угодно обливает грязью русский мир, искажает собственными домыслами русскую историю, похабит своими словесами православные святыни. Святой афонский старец Паисий³⁶⁷ однажды заметил: люди делятся по своей сути на «мух» и «пчёл». Люди-пчёлы из всего окружающего предпочитают нектар и обращают внимание на добрые дела. Ну, а людей-мух интересует совсем иное.

По мнению Дмитрия, как автора публицистической книги, художественная словесность только тогда гуманна, когда

367 Паисий Афонский – греческий старец, который заслужил уважение далеко за пределами своей Родины. Он знаменит своими духовными наставлениями и пророчествами, многие из которых уже сбылись. На горе Афон он и провёл большую часть своей жизни. С мая 1978 года он стал обитать в келье, куда к нему приходило множество народу. Скончался неподалёку от Салоник в 1994 году. На его могилу до сих пор приходят верующие...

заботится о духовном читательском самочувствии, а не о состоянии кошелька автора. Можно было во многих грехах обвинять советскую литературную школу. Однако строгость её и следование нормам морали по сравнению с нынешней словесностью не поддаётся сомнению. Современная литература в своей нагой дозволенности представляет, образно говоря, переполненный пляж. Нагромождения обнажённых тел в общей голой массе не вызывает ничего кроме чувства отвращения у психически здорового человека.

Начнёшь читать какой-нибудь отечественный детектив, и вдруг обнаруживаешь: таинство плоти нарушено до последней степени, когда смакуются убийства наряду с пытками и садистскими истязаниями. Не детективы, а зловещий морг, где мёртвые тела вызывают молчаливый ужас и леденящий трепет вплоть до содрогания.

Появились подражательные эротические романы. Что хорошего в зрелище, где отсутствует какая-либо интимность и неповторимость? Когда разом сорваны все покровы, начинаешь невольно жалеть о прочитанном...

Любовная проза тоже не радует, когда везде царят норки нараспашку.³⁶⁸

Нет, гораздо лучше было бы, если это откровенное естество тайлось до поры до времени скрытно и давало бы при взгляде на него простор фантазии, но не разнузданному вожделению.

В чеховском рассказе «Припадок» студент факультета правоведения Васильев, переступив в первый раз порог дома терпимости, воображает, как с приятелями по тёмным коридорчикам они будут красться к женщинам, как он, воспользовавшись потёмками, чиркнет спичкой и вдруг высветит и увидит страдальческое лицо и виноватую улыбку девушки...

368 «Норки нараспашку» – фраза из романа американского писателя Курта Воннегута-младшего «Завтрак чемпионов, или Прощай, чёрный понедельник». Кто прочёл, знает, что автор имеет в виду.

Однако вместо романтического приключения героя ожидает нервный припадок. Антон Павлович к этой теме человеческих отношений подходит мудро и деликатно... Но каково было бы чеховскому читателю, если бы он взял в руки любовные книги о нашей современности? Там нет никакой женской конфузливости, ни любопытства, ни новизны. Зато всё пошло, брезгливо и страшно, ибо всё продаётся и всё покупается – и нет, и не может быть в таком мире ничего святого!

В книжный мир вместо прежних героев, которым подражала советская молодёжь, пришли моральные уроды, ставшие клеймом нашей эпохи.

В пору начала крушения советского образа жизни, в котором имелось и немало хорошего, Дмитрием Мизгулиным создавались романтические и оптимистические произведения, органично вошедшие в первый поэтический сборник 1992-го. Затем медленно, но верно наступает разочарование, ибо в долгожданном, обещанном властями мире изобилия и равных возможностей, всё было ещё гораздо хуже, чем в грязном борделе. Бывших советских граждан разочаровало преобладание в обществе ненашенских, первоначально дармовых и, следовательно, дерьмовых, только маскирующихся под братскую помощь, западных ценностей. Сами эти «ценности» только внешне, а не изнутри, напоминали западные стандарты, и были неудачной копией инородного образа жизни. Внимательный художник сразу подметил эту невостробованность для русского дома, разложил её по полочкам и спустя некоторое время после преодоления болевого порога стал изображать иронически, открывая глаза современникам, принявшим было свадьбу за очередное изнасилование Западом доверившейся ему страны – на сей раз России...

Мизгулинская ироничность в поэзии часто подразумевает следующий подтекст: «Когда тебе кажется, что кто-то думает так же, как и ты, ты сперва проверь: думает ли он вообще...» Сам-то Дмитрий Александрович всегда думал, да ещё как думал! Пусть иной раз и противоречил себе, спорил не только

с ненавистными ему ханжами, обывателями или продажными антипатриотичными шкурами, но и с самим собой. Не случайно же завёл ночной дневник, чтобы делиться в нём самым сокровенным и больным.

«Ночник» импонирует своим славянофильством, поскольку многие бывшие идеалисты 1990-х сегодня получили болезненную прививку от некогда благостного утверждения, что заграница нам поможет. Известно, чем нам помогла эта самая «заграница»! Испытали на себе...

За несколько лет до того, когда сегодняшняя идея глобализации не только подвергается сомнению, но и отвергается частью мировой общественности, как дискредитировавшая себя, Дмитрий стал задумываться над этим явлением в контексте духовной жизни человечества.

«А нужен ли в эпоху глобализации иной культурный тип?

Человек всё более и более становится составной частью машинно-информационного пространства, которое сам когда-то создал. Нынче он встроен в это пространство, но уже не на правах и не в роли руководителя. Человек окончательно становится шестерёнкой некой сложной машины, которая и есть наша жизнь. Не обстоятельства подчиняются ему, а им руководят обстоятельства.

*Упало влияние литературы. Катастрофически упали тиражи изданий. Люди перестали читать. Мы возвращаемся в эпоху не просто дохристианскую, а в эпоху язычества – шаманизма – воздействия устной речи, жеста, танца, бубна. Можно не читать (Библию, к примеру), а завтра можно будет просто бить в бубен (барабан), издавать простейшие звуки. Это будет достаточными сигналами для человеческой массы в определении тех или иных действий (работа, отдых, еда, сон)».*³⁶⁹

369 Мизгулин Д. А. «Ночник». – СПб: АПИ, 2010. – С. 65-66.

Неужели такая постановка вопроса автором не заставит читателей размышлять над собственной участью и судьбой своего Отечества? Уже одно это заслуживает внимания к «Ночнику», как книге, на создание которой автор затратил часть собственной жизни, для того, чтобы дать возможность другим тоже задуматься о будущем.

Обычно люди сознательно обменивают своё время на деньги, которые получают за работу. Когда победил рынок, и государство отказало в гонорарах писателям, они стали заботиться о собственных доходах сами. Не каждый из художников сможет проявить железную волю настолько, чтобы не соблазниться текущими интересами масс, то есть начать писать на потребу дня, как понравится большинству, в соответствии с условиями рынка. Победил рынок, но зачастую из-за этого проиграл серьёзный ценитель нашей словесности. Больно читать у Дмитрия Мизгулина строчки приговора ещё когда-то недавно талантливому и высокому, что не было в диковинку и рядовому читателю:

*«Литература (художественная) становится доступна всё более и более узкому кругу лиц, и вскоре, особенно поэзия, станет уделом только специалистов».*³⁷⁰

Допустим, это только теоретическое предположение, а где доказательства? И здесь Дмитрий Мизгулин не лезет в карман за фактами, даже если складывается парадоксальная картина современного бытия. Приводится случай, свидетелем которого он сам и был. Редактор одного журнала сказал:

*«Наш журнал может помочь думающим людям. А тем, кто не хочет думать, уже ничем не поможешь».*³⁷¹

370 Там же. – С. 89.

371 Там же. – С. 104.

Похоже, начинается расслоение общества по интеллектуальному признаку – одним подавай чтиво, другим – чтение, а большинству нет нужды ни в одном, ни в другом, ибо есть, в конце концов, телевизор с интернетом...

Да, мы все разные, но не надо нас стричь под одну коммерческую гребёнку, ибо «люди интересны друг другу потому, что они разные, поскольку одинаковые – не интересны».³⁷²

Так и с нашей словесностью.

«Почему литература должна быть массовой? Почему должны быть стадионы и огромные залы? Есть разные жанры. Например, бокал вина или рюмка коньяка у камина. Стопка водки после бани возле жарко натопленной печки.

Литература – это индивидуально, или для немногих, как баня, например. Массовая баня, как в армии, это уже не баня, помывка.

Литература (хорошая), как хорошее вино или коньяк, или другой достойный напиток, который ценитель пьёт не спеша, помалу.

Можно, конечно, купить бормотухи и врезать стакан, чтобы забрало (дало по мозгам), но со временем это проходит или усугубляется до полного разрушения сознания».³⁷³

Рассказывают, один талантливый советский поэт, служивший сразу после войны в освобождённой Румынии, когда напивался, но сохранял способность двигаться, шёл к памятнику Овидию, лез к нему на пьедестал и говорил: «Ты, старик, подвинься, я постою на твоём месте. Ты тут столько лет стоишь, – устал, небось...» – и пристраивался рядом, обнявшись с поэтом. Ну, это, положим, писательская байка... А есть случаи в бывших европейских некогда братских странах, когда власти говорят «Подвинься!» памятникам освободителям от фашистского ига...

372 Там же. – С. 110.

373 Там же. – С. 88.

Не только Дмитрий ещё со школьной скамьи помнит: завоеватели, начиная с древности, сжигали книги и разрушали памятники, чтобы лишить народ исторической памяти. Эту картину можно наблюдать почти поголовно во всех бывших государствах-участниках Варшавского договора в период мощи СССР. Однако то, что творится в бывшей Чехословакии, нельзя ничем оправдать! Мало того, что сносят монументы советским освободителям, хотят ещё возвести сооружение в честь предателей-власовцев...

Про Прибалтику и Украину – и говорить нечего...

Про Польшу – разговор особый. После того, как наша страна отметила 75-летие Великой Победы, складывается впечатление, что поляки во Второй мировой сражались прежде всего с нами: так до сих пор ненавидят там власти советских воинов-освободителей. Если властям этих государств никто в этом не препятствует, значит, и народ, поди, заодно!

Об этом же можно прочесть у Дмитрия Мизгулина:

«Не надо всё-таки забывать, что Польша воевала с Германией. Но почему-то, когда речь заходит о второй Мировой, поляки вспоминают не борьбу с фашизмом, не освобождение Польши Красной армией...

*<...> В конце концов, не расстрелянных и убиенных немцами граждан Польши вспоминают, а именно погибших в России. Как будто именно Россия воевала с Польшей в 1941–1945 годах. А так и будут думать юные поляки, читающие именно такой курс истории. Было дело в современной Польше – даже ветеранов войска польского (воевавших вместе с Красной армией) хотели лишить ветеранских льгот и объявить оккупантами».*³⁷⁴

Я думаю, такое отношение к нам идёт от нашей же толерантности (ещё то словечко!), поскольку вместо обещан-

374 Мизгулин Д.А. «Ночник». Публицистика. – СПб, 2016. – С. 134.

ного большевиками рая на земле на смену «проклятому царизму», на деле создали государство с диктатурой и культом личности, да ещё попытались ближайших соседей своих заставить разделить ту же участь. Внешних врагов победили, а внутренних? В 1990-е если бы советский народ держался двумя руками за такое государство, он бы не допустил его разрушения!

В том, что случился распад СССР, виновны и советские писатели – почему не предсказали грядущую опасность? Не разглядели врага в Кремле? Или продались предателям за высокие гонорары и награды? Помянут ли их потомки добрым словом, вспомнят ли сколько медалек было на лацканах их пиджаков?

«Так вот и проговорили, «проболтали» всю державу»³⁷⁵.

Изложение материала в «Ночніке» мозаично, но не бессистемно. Если обратиться к фрагментам, из которых состоит эта книга, вырисовывается реалистический портрет нашей действительности. Для меня там всё к одному! Но я подготовленный читатель: знаком с «Ночніком I» и «Ночніком II», прочёл не только литературные, но также иные публицистические заметки Дмитрия.

Когда автор пишет о падении роли чтения в воспитании подрастающего поколения, я мысленно солидаризируюсь с ним, ибо сам об этом постоянно думаю и говорю публично в своих лекциях.

«В России перестали читать. Особенно дети.

Для них книги ничто.

Наоборот – книга для изгоев, ботаников, как теперь говорят.

375 Там же. – С. 182.

*<...> чтение превратилось едва ли не в постыдное занятие».*³⁷⁶

Дмитрий прав ещё и потому, что книга как таковая сформировала его как личность. Он из тех людей, которым не нужно пересказывать свою автобиографию. Достаточно просто поведать о книгах, которые прочёл, – и человек, как на ладони (если, конечно, его прошлое осмыслять именно таким образом: когда за плечами весьма богатый духовный опыт, ему есть чем поделиться с читателями).

Покорили меня, человека, не равнодушного к меткому словцу, и его языковые находки, записанные, чтобы не забыть в ночном дневнике. Одна из них – *«недоделанное убожество»*³⁷⁷: меткое определение по адресу особенно тех, кто мнит себя пупом земли. Про искателей благополучия и славы, в деревне обычно говорили – из лаптей в сапоги. У народа следует учиться свежим, родниковым словам и ёмким образам выразительного языка, что передаются из рода в род, из потомства в потомство.

Дмитрий тоже здесь не исключение: любит народные изречения, ценит устное творчество.

«Дедушка у меня был из крестьян Нижегородской губернии.

...Запомнил три его любимые поговорки.

- 1. Дураков не сеют, не жнут – они сами рождаются.*
- 2. Ни с чем пирожок (о пустых людях). И, наконец, шедевр:*
- 3. Всякое говно хочет пахнуть фиалкой».*³⁷⁸

Душу народа никогда не подменить никаким графоманским подобием – здесь сразу же бросается в глаза различимая разница оригинала и подделки. Как не пытались в СССР

376 Там же. – С. 154.

377 Там же.

378 Там же. – С. 140.

создавать новый вид частушки – пропаганду совхозно-колхозных достижений – ничего хорошего из этого не вышло. Ушли в небытие «старорежимные» пословицы и поговорки, а некоторые народные истины-наблюдения вдруг почему-то «усохли». Уверен, дедушка Дмитрия Мизгулина знал многие их «продолжения»: «ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса»; «не дурак выпить – не подлец закусить»; «собаку съели, хвостом подавились»; «лиха беда начало: есть дыра, будет и прореха»; «не всяко лыко в строку, не всякий лопот в слово»...

Для Дмитрия, человека верующего, всегда на первом месте душа. Она – в отличие от плоти – величина постоянная. А всё остальное, как говаривал Шекспир, преходящее и уходящее со временем. И Дмитрий старается проходить в творчестве мимо всего наносного и пустякового. Для него главным предметом искусства является поле битвы Господа с дьяволом, как справедливо заметил ещё Фёдор Достоевский.

Но вот проблема: некогда порою побеспокоиться о сердце и душе «человеку, отдельно взятому, с его проблемами и жизнью просто нет места». ³⁷⁹ Некогда, а надо!

Хотя рассуждать об этом самому Дмитрию тоже не просто, всё равно, что чеканить монету – полновесно и без фальши! Начинать-то надо, прежде всего, с самого себя!

«Душа человека как грядка на огороде. Надо постоянно ухаживать, поливать, удобрять. А иначе всё зарастёт сорняками, а они (как всё плохое) растут самостоятельно». ³⁸⁰

Настойчивый писательский труд предполагает умение художника выбирать такие выражения речи, чтобы понятны были людям разных социальных слоёв, ибо художественное произведение – не учебный конспект, а выражение образа мысли.

³⁷⁹ Там же. – С. 136.

³⁸⁰ Там же. – С. 157.

Не каждый дневник интересен, особенно, если его язык подобен бесчувственной скорописи. Не зря же замечено: слова в предложениях надо подбирать, как снаряды для произведения выстрела. Читателям в писательских записках важен авторский стиль. Важно, каким языком художник связан с тобой – лишь бы не таким, как раньше на светских раутах придворных. Там иные русские выражения звучали мудрёнее иностранных. Вся эта приходящая и уходящая временность наносит намеренную порчу языку. Надо знать, где черпать слова пригоршнями, а где лучше воздержаться, пройти мимо! Литературное общение с читателями не должно быть оторвано от стилей разговорной речи, но и просторечие, какое бы живое оно не явилось перед нами, не должно подменять культуру художественного языка. (Никому же не придёт в голову вместо художественного произведения подсовывать читателям объявления вроде такого: *«Требуите долива пива после отстоя пены, не отходя от буфета»*).

Чем образованнее и талантливее писатель, тем глубже он знает язык своего народа и меньше всего подвержен влечению ко всему чужеродному.

Нельзя собственные мысли и чувства выражать чужими понятиями – готовыми фразами, заимствованными откуда-то...

Пока живо искусство, жива художественность, жив останется и национальный язык, поскольку он постоянно соприкасается с народом. Благодаря литературе он постоянно развивается и совершенствуется в своей чистоте, если не засорять его ненужными инородными примесями, не ошаблонивать и не омертвлять с помощью ненужных иностранных заимствований.

Дмитрий в своей книжке выступает не против культурного равнения на Запад в лучших его устремлениях, а осуждает обезьянничанье, что свойственно прозападным кругам в искусстве. Ибо оно приведёт нас к самым худшим последствиям не только в культуре, но и в политике!

«Не в славном прошлом, которое так любят поливать грязью нынешние обвинители собственной несостоятельности, а в нынешней созданной порочной и продажной системе отношений – государство – коллектив (общество) – личность – надо искать ответы на сегодняшние проблемы».³⁸¹

Для меня и, может, для людей, заинтересованных в творчестве Дмитрия, эти его мысли-осколки, возможно, помогут посмотреть иначе на прежние идеалы, открыть для себя заново какие-то вещи, которые казались неважными.

Хорошо понимаю здесь автора, а, точнее его надежду. Для меня она заключена в счастливой возможности того, что нынешняя историческая закономерность сделает крутой разворот и наша прозападная интеллигенция, повторяющая путь дореволюционной, буржуазно-либеральной накануне октябрьского переворота, сумеет образумиться и возвратиться к тем духовным системам прошлого, от которых когда-то ушли романтики-революционеры. Пора бы, не заглядываясь на Запад, отыскать собственную национальную основу для формирования своей интеллектуальной позиции. Чем был плох девиз, включавший в себя понятия «народность», «православие», «самодержавие»? О нынешней демократии когда-то справедливо сказал Михаил Задорнов, сатирик с грустными глазами: народу столько партий не прокормить... Но одна правящая – это уже недалеко от самодержавия. Зачем нам множить духовные утраты? Мы и так в последующие годы чуть было не растеряли прежние духовные достижения, изменившись не в лучшую сторону... Социалистическая традиция разрушена, а с нею исчезло и неуловимое обаяние эпохи. А новый положительный герой у нас так и не появился! В большинстве своём какие-то свиные рыла вместо лиц, как говаривал незабвенный гоголевский городничий Антон Антонович

381 Там же. – С. 171.

Сквозник-Дмухановский. Хотя и есть позитив, когда художник обращает внимание на роль Православия в становлении личности.

Полагаю, что тотальное отрицание религии, отвержение традиций было самым глубочайшим просчетом идеологов большевизма. Кроме того это отрицание выдавало их невежество. Об этом свидетельствует один случай, приключившийся с главным пролетарским писателем Алексеем Максимовичем Горьким. Он как-то заспорил с кем-то: понятна ли простому человеку фраза «Религия – опиум для народа»? К однозначному выводу спорщики так и не пришли, но кому-то из них пришла в голову мысль – обратиться к стоящему на посту красноармейцу: что же это такое, в его понимании, «опиум для народа»?

– Известное дело, – отвечал тот. – Это лекарство.

Как ни странно, но он оказался мудрее именитых спорщиков, ибо у Карла Маркса в «критике гегелевской философии права» было сказано совсем иначе, что она, религия, – вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно светлomu духу бездушных порядков. И только потом прозвучала фраза: религия есть опиум народа. Заметьте, опиум народа, а не для народа! По Марксу, получается, религия необходима так же, как искусство и философия! В бессердечном обществе без неё просто не обойтись...

Если бы мы дожили до «сердечного» общества с приходом коммунизма, то, очевидно, религия, по задумке того же Маркса, наверное, отмерла бы сама собой... В СССР знали только часть фразы из Маркса, поэтому и продолжили разрушать храмы и расправляться со священниками. Увы, и вожди страны Советов были воинствующими атеистами. Один из них попал даже впросак из-за неверного толкования этого самого «опиума». Не знаю, миф это или быль, но дело было однажды так. Никита Сергеевич Хрущёв, давая аудиенцию иерархам русской Церкви, встретил патриарха следующими словами: «Мы марксисты и потому разделяем мысль Маркса о том, что религия – это опиум для народа».

Патриарх Алексей с достоинством кивнул и продолжил вслед за вождём: «Мы не марксисты, но тоже разделяем мысль Маркса о том, что религия – это сердце нашего бессердечного мира».

– Где об этом говорит Маркс? – удивился Хрущёв.

– Да там же, где он сравнивает религию с опиумом. В предыдущем предложении.

Говорят, что Хрущёв был растерян.

А полная цитата из Маркса выглядит так: «Религия – это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому как она – дух бездушных народов. Религия есть опиум народа». ³⁸² Очевидно, Маркс думал о религии, как о панацее при бытовых неурядицах и душевных проблемах простого люда.

Сегодня многое изменилось в нашей жизни. Свобода слова и свобода исповедания... Но как мы ими пользуемся? Осмысленно, интуитивно или следуя модным увлечениям? Только выстраданное ценно в судьбах каждого из нас...

У Дмитрия Мизгулина, когда он собирался венчаться, между тем «есть Бог» и «нет Бога» простиралось громадное поле, которое ему только предстояло пройти и постигнуть с большим трудом:

«В 1993 году, когда я, невоцерковлённый ещё человек, записался в соборе на венчание и среди прочих формальностей, таких как предъявление свидетельства о браке, назначение времени таинства, оплата и прочее, меня обязали сходить на исповедь. Что это такое, я видел только в кино...»³⁸³

И вот с того момента начинается осознанный приход к Господу и постижение того, что Человек – творец собственного будущего. На этом пути Дмитрию попался не просто свя-

382 «К критике гегелевской философии права. Введение» // К. Маркс и Ф. Энгельс об атеизме, религии и церкви. – М., 1986. – С. 58.

383 Мизгулин Д. А. «Ночник». Публицистика. – СПб, 2016. – С. 118-119.

щенник, стоявший лицом к алтарю и читавший молитвы, а протоирей Виктор Грозовский. О нём, ставшим духовным поводырём, Мизгулин позже напишет и опубликует небольшой очерк в 2010 году. Назовёт его просто и символично, фразой из наказа отца Виктора своим чадам – «Живите легко». Перед такими личностями остаётся только снять шляпу и поклониться.

Заканчивается воспоминание тоже легко и просто:

*«...чувство, что батюшка рядом, что вот-вот я снова услышу знакомый голос, не оставляет меня».*³⁸⁴

Тело бренно, а душа вечна!

«Ночник» не случайно вобрал в себя этот очерк о духовной личности о. Виктора Грозовского, который многим помог отыскать верную дорогу в жизни, а главное, научил не ходить под тяжестью неизвестной будущей участи.

Задумывался ли раньше Дмитрий о человеческой сущности? Читая его стихи середины 1980-х, понимаешь: автор искал ответы и на этот вопрос. Свидетельствуют об этом многие стихотворения. В одном из них – «В больнице» есть такие строчки:

Светает рано. Тишина.
И мне, лежащему в постели,
Мир из больничного окна
Иным казался, в самом деле...

Ведь ты, доверившись врачам,
Уже в другом соизмеренье,
Тебя тревожат по ночам
Глухие шорохи и тени.

384 Там же. – С. 125.

И вот очерчены уже
Все устремленья и желанья,
И смысл загадочный в душе
Уже на грани пониманья.³⁸⁵

У Бориса Пастернака есть стихотворение с таким же названием. Написано оно было незадолго до смерти, в 1956-м. Поэт передаёт состояние тяжелобольного человека, потерявшего надежду выздороветь и вернуться в привычную жизнь:

...Он понял, что из переделки
Едва ли он выйдет живой.

Мысли и чувства двух поэтических миров во многом схожи и характеризуют степень понимания каждого из художников сущность перехода из земной жизни в жизнь вечную.

У Пастернака – это представлено наиболее зримо и конкретно, когда речь идёт о человеке, по сути, обречённом:

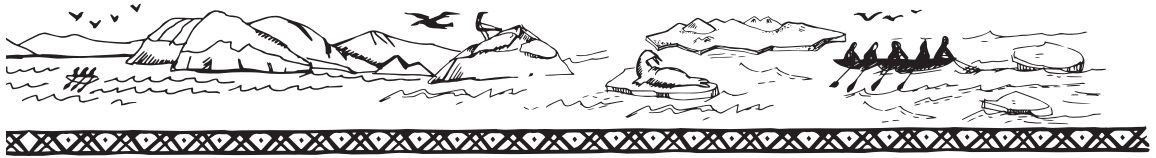
Тогда он взглянул благодарно
В окно, за которым стена
Была точно искрой пожарной
Из города озарена.

Там в зареве рдела застава,
И, в отсвете города, клён
Отвешивал веткой корявой
Больному прощальный поклон.³⁸⁶

У лирического героя Дмитрия Мизгулина ещё остаётся последняя непризрачная надежда, и он невольно задумыва-

385 Мизгулин Д. А. «Избранные сочинения». – М.: Худож. Лит., 2006. – С. 64.

386 Пастернак Б. Л. В 2 кн. «Кн.1. Стихотворения и поэмы». – М.: «Просвещение», 1991. – С.157.

ется о том, как сложится его судьба, если он останется жить. Пусть ответ на этот вопрос пока не готов, но мы, читатели, склонны почему-то верить: скоро многое изменится в мыслях и чувствах молодого человека, и он обязательно воспрянет душой, придя к Богу:

И осязаема тщета
Своим незримым постоянством,
И различимее черта
Меж бранным миром и пространством.

Когда, в беспамятстве дрожа,
Забилось сердце онемело,
Когда казалось, что душа
Уже вот-вот оставит тело...³⁸⁷

Напомним, стихотворение Дмитрием было написано в 1985 году, ему не исполнилось и четверти века, когда он задумался столь глубоко о смысле жизни и смерти...

Борис Пастернак был и опытнее и старше, когда писал свои «больничные» строчки от имени умирающего человека:

Я принял снотворного дозу
И плачу, платок теребя.
О боже, волнения слёзы
Мешают мне видеть тебя.

Мне сладко при свете неярком,
Чуть падающем на кровать,
Себя и свой жребий подарком
Бесценным твоим сознавать.³⁸⁸

387 Мизгулин Д. А. «Избранные сочинения». – М.: Худож. Лит., 2006. – С. 64-65.

388 Пастернак Б. Л. В 2 кн. «Кн.1. Стихотворения и поэмы». – М.: «Просвещение», 1991. – С.157.

За четыре года до написания этих строк, в середине осени, Борис Леонидович потерял сознание и его на «Скорой» отвезли в Боткинскую больницу. Свободных мест в палате не оказалось, и он лежал на кровати в коридоре. А до этого – пять часов в приёмном покое. За окнами – сад с чернильной мутью дождливой ночи и отблеском городского зари за верхушками деревьев. Оглядывая длинный коридор, «верстовой», как показалось тогда поэту, он смотрел на тела спящих больных по соседству, на зелёную лампу на столе дежурившей медсестры, на тени, что отбрасывали при свете ночников суетившиеся нянечки, внимал мраку, тишине и покою. Повсюду жизнь боролась со смертью, напоминая о конечности бытия... Сосредоточенность на этом была такой бездонной и показалась таким сверхчеловеческим усилием отстранённости от всего прочего!

Борису Пастернаку хотелось говорить с Богом, славословить видимое, ловить и запечатлевать его.

После перенесённого в октябре 1952-го инфаркта, он напишет уже в следующем году 17 января Нине Табидзе, как возблагодарил Господа за то, что кладёт краски густо и сделал понимание жизни поэта ещё ярче; за открывшейся художнику божественный язык, наполненный величием и музыкой; за то, что Он сделал Бориса выразителем этих необычных чувств, проникновенным и нужным людям художником; за то, что всё, унаследованное творчество русских писателей, – это Его школа; и что он, благодаря божественному произволению, тогда понял – Господь всю жизнь готовил его к этой ночи. Как тогда Борис ликовал и плакал от счастья!

К Дмитрию такая покорная отдача в руки судьбы по милости Божьей придёт позже. Но после больничных размышлений он тоже задумается о своей жизни – и не безрезультатно: поэзию начинающего автора начнут озарять библейские и евангельские открытия. В стихотворении того же, 1985 года, «Посев взойдёт на вспаханной земле...» можно обнаружить отголоски притчи о Сеятеле.

Образ души, вложенной в человека, по высшему замыслу Творца, всё чаще и чаще появляется в поэзии Дмитрия. Он приходит на смену искусственному свету ленинградских фонарей – «неоновой мгле». Уже вначале 1980-х появляется образ надежды. В стихотворении 1980 года «Ты расстроился – зима...» начинающий поэт утверждает:

Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег.
Посмотри в лицо надежде.³⁸⁹

Люди творческие, открывшие для себя Бога, должны жить и писать совсем по-другому, нежели те, для кого оно всего лишь супертренд в художественных произведениях, а не образ жизни. Грешно было бы не напомнить своим товарищам по перу, да и себе лишний раз, строки одного из любимых мною стихотворения Дмитрия Мизгулина.

Из человека жизнь уходит,
А он, сердешный, мельтеша,
Ещё по жизни колобродит,
Не чуя, как скорбит душа.
Ещё он женщин ловит взоры,
Ещё он весел, жив, здоров,
Ещё не знает приговора
Уже бессильных докторов,
Ещё он сам – сама беспечность,
Ещё не ведом смерти страх,
Но вот уже застыла вечность
В его тускнеющих глазах.
И он ещё не понимает
В своей избушке лубяной,
Что постепенно убывает,

389 Мизгулин Д. А. «Избранные сочинения». – М.: Худож. Лит., 2006. – С. 30.

Что завершает путь земной.
Друзей в застольях угощая,
Смеётся – всё пройдёт – и пусть,
Но с удивленьем ощущает
Ещё неведомую грусть.
И зрелищ требует, и хлеба,
Но путь земной с трудом верша,
Уже готовится на небо
Его мятежная душа.³⁹⁰

Каждый человек, нет-нет, а задумывается о последних минутах, о душе и о том, что ты представляешь собой в этом мире, поэтому его «Ночник» – это прежде всего разговор по душам и о душе.

Лейтмотивом через две части «Ночника» проходят мысли о Всевышнем:

«Всё созданное в мире – от Бога.
<...> Вопрос выбора.
С Богом ты – или с кем?»³⁹¹

Наступают такие времена, когда мало креститься, ходить в храм, исповедоваться и причащаться... То есть быть, как все верующие люди. От каждого из нас Господь требует чего-то гораздо большего и об этом должен задуматься сам человек. Дмитрий, возможно, категоричен в своём приговоре, но здесь тот случай, когда лучше сказать, чем промолчать – и мне кажется, он имеет на это моральное право:

*«Ищут не Бога, а Деда Мороза. Да ещё хотят, чтобы подарки он приносил ежедневно, а не только под Новый год».*³⁹²

390 Мизгулин Д. А. «Чужие сны: книга стихов». – СПб.: АПИ, 2013. – С. 32.

391 Там же. – С. 130.

392 Там же. – С. 166.

Трудно быть в России мыслящим человеком: видеть, что не так и пытаться исправить, навести порядок. Каждый, пытающийся восстановить справедливость в государстве, честный реформатор, заслуживает от потомков венца мученика.

Что тогда говорить о писателе? Раньше это была не столько профессия, сколько призвание – быть литератором. В былые времена с этим словом читатели связывали чрезвычайно много. А теперь оно поблекло: забыты напрочь и гражданский долг, и литературный вкус, и желание принести пользу людям, и мучительные размышления о себе и обществе – что делается у нас не так? Право быть писателем надо выстрадать...

В «Ночнике» он предлагает читателю поиск духовной опоры и рассказывает о том, как он обрёл эту опору.

Книга эта всегда готова к разговору с нами, поэтому её записи не имеют датировки и умещаются обычно в одном предложении или нескольких.

Что даёт уверенность Мизгулину быть искренним и независимым от корпоративных, клановых интересов и мнений? Откуда такая прямота и одновременно спокойный тон в суждениях? Откуда эта свобода? А может быть, это вообще качество нашей публицистики, по крайней мере, публицистики больших писателей?

Дмитрий признаётся читателям «Ночника»:

*«Спросят иногда, – как вы пришли к Богу? А мне удивительно наоборот. Как можно пройти мимо? Этому-то и надо, скорее всего, удивляться».*³⁹³

Душа Дмитрия стремилась к прозе, но приходилось довольствоваться только стихами из-за постоянной загруженности делами. Поэтому «Ночник» и стал «накопителем» для будущего рывка в освоении прозы.

393 Мизгулин Д. А. «Ночник». – С. 103.

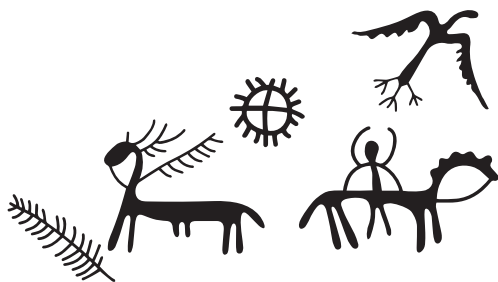
Нужны ли в наш грешный век книги подобные «Ночпіку» Дмитрия Мизгулина? Не одичала ли вконец человеческая природа настолько, что её ничем уже не проймёшь? Даже страшно глубоко задумываться над этим! Поэтому книга, что оказалась у меня в руках, долгожданная, давно ожидаемая! Этот как раз тот случай, когда художник говорит со своим читателем без обиняков, не прибегая к иносказаниям и намёкам.

Во имя чего?

Вместо ответа приведу один случай. Однажды в разговоре со мной Дмитрий Мизгулин обмолвился:

«Каждому из нас не миновать Высшего суда, когда Господь спросит: я тебе вручил талант, а как ты им распорядился, на что потратил? Если бы мы помнили об этом всегда, а не от случая к случаю, не поддаваясь кожному зуду стремления к славе...»

Собственно, вот и всё о «Ночпіке», книге, что заставляет думать, не оставаясь равнодушным к судьбе своего Отечества, ведь русский человек не мыслим без философии надежды.

К ЮБИЛЕЮ АЛЬМАНАХА «ЭРИНТУР»

Зарождения художественной словесности у любого народа – процесс закономерный, неслучайный, но для этого, во-первых, нужно народу созреть, а, во-вторых, должны сойтись звёзды так, чтобы возникли предпосылки для рождения младолитературы. Письменность явилась важнейшим фактором, позволившим зафиксировать творчество северных народов, их многовековой опыт выживания в суровом краю.

Не случайно же в 1933 году в издательстве «Академия» вышла поэма Михаила Плотникова «Янгал-Маа», о происхождении которой до сих пор не утихают споры.

Произведение это стало первой ласточкой, донёсшей весть о существовании художественной словесности на территории Югры. Оно, несомненно, является литературной обработкой мансийского героического эпоса. Михаилу Павловичу, окончившему с отличием реальное училище в 1910 году, уже тогда грезились путешествия на Север, в неизведанные места, где на сотни километров простиралась «мёрзлая земля» – тундра. У юноши открылся литературный дар, который он совершенствовал, публикуясь в газетах во время учёбы. Мечта побывать на малоизведанных землях, увлекла его настолько, что он поступил на агрономическо-зоотехнические курсы, которые успешно закончил в 1912 году и отправился на север Западной Сибири. Здесь и начинается его литературная эпопея, связанная с работой над «Янгал-Маа» («Мёрзлая земля»). Избранный профиль профессии зоотехника «северное оленеводство», не только не помешал увлечению этнографией, но, напротив, способствовал сбору фольклорного мате-

риала. Благодаря специализации Михаил Плотников попадал в самые труднодоступные и глухие места – от Урала до Диксона – и везде не забывал заниматься сбором фольклорного материала для будущей поэмы. Позже он признавался: «Я действительно исходил северо-запад Сибири, пробыл там в два приёма около двух лет». Свои путешествия двадцатилетний исследователь обозначит, как скитания. Начинались они неизменно из Самарово, тогда села Тобольской губернии. Неутомимый энтузиаст Михаил Плотников поднимался в верховья Конды, затем на Лозьву в предгорья Урала, а далее, повернув на восток, добирался до села Сосьвы, до Берёзова, а там пароходом до Обдорска, и затем было возвращение в верховья Сосьвы, Талья, Уоллья, Манья и зимовка... Через год – новый старт из Самарово – и новые творческие находки в Казыме, Войкаре, Вогулипе...

Столь подробная география даётся для того, чтобы не было недоразумений по поводу того, где брал материал для своей поэмы писатель. В ту пору был набросан первый вариант «Янгал-Маа». Народный эпос вогулов (манси), остяков (ханты), самоедов³⁹⁴ стал для поэмы основой, ибо народное творчество собиралось по крупицам из героических песен, сказок, преданий и рассказов. Тогда-то автор и задался целью создать сибирскую «Гайавату», связать разрозненные фольклорные куски эпоса в единое целое. Именно такую же работу проделывали в своё время Элиас Леннрот и Генри Лонгфелло, прославленные авторы «Калевалы» и «Песни о Гайавате»!

Кроме первого варианта «Янгал-Маа» Михаил Плотников по материалам собранного фольклора к 1918 году написал двенадцать рассказов из жизни вогулов, которые хотел объединить в книжку.

В 1919 году в одном из писем автор поведал об истории создания этого многолетнего труда: «Благодаря тому, что я хорошо изучил вогульский язык и достаточно поря-

394 Общее название нескольких северных народов – ненцев, энцев, нганасан, селькупов. Поначалу это название распространялось только на ненцев.

дочно научился остяцкому, такое собрание мне не представляло особой трудности, и мне удалось скомпилировать родственные между собой отрывки этого эпоса, из которого как восстановленная цепь выявилась поэма «Янгал-Маа». Для полноты я вставил в поэму и другие отрывки других памятников туземного эпоса».³⁹⁵

Продолжая трудиться по специальности, совершая поездки по Северу, он окончательно шлифует поэму и в 1929 году заканчивает работу над ней, послав на отзыв к Максиму Горькому. «Янгал-Маа» была оценена положительно и в 1933 году с авторским предисловием опубликована в издательстве Академии наук СССР. К новому варианту поэмы Михаил Плотников вернулся в 1946 году.

Валерий Чернецов был моложе Михаила Плотникова на тринадцать лет. Однако это не помешало ему с головой окунуться в мир народного творчества манси, стать участником экспедиций в районы Нижнего Приобья, бассейнов Северной Сосьвы и Конды. В 1930-е он издал первый мансийский букварь, в 1940–1960-х собрал большой археологический и этнографический материал, был принят в члены одного из мансийских родов. Кроме научных трудов исследователь издал сборник мансийских сказок, преданий, песен и загадок «Земляной братец» (одно из мансийских названий мышей).

Первый мансийский рассказ «Два охотника» был написан Пантелеймоном Чейметовым. Вышел отдельным изданием в Ленинграде накануне Великой Отечественной войны. Как всякое произведение того времени, он пронизан советской идеологией, но благодаря авторской самобытности и колориту не утратил своеобразия и сегодня. Главные герои – русский Василий и манси Трофим. Люди разные не только по характеру, но и по восприятию жизни. Соединение двух разных по мировоззрению людей, преодоление

395 «Встреча после похорон: Письма Михаила Плотникова» (предисловие, публикация и комментарии Юрия Мандрики) – С. 46-53. // Журнал «Мир Севера». № 2 (79), 2012. – С. 48.

ими размолвок и несогласий заканчивается примирением. Трофим под влиянием своего нового русского друга, решает на вступление в колхоз: «Наши руки теперь крепко сжаты. Ты меня не бросишь. И я никогда не отстану».³⁹⁶

Первопроходцам в мансийской словесности пришлось жить в нелёгкое для страны время. Продразвёрстки сменялись репрессиями, а те военными конфликтами: и вот Великая Отечественная война. Пантелеймон Кириллович, кавалер ордена Отечественной войны, взявший себе литературный псевдоним по названию родной реки – Еврин, вернулся домой израненным. Благодаря ему советская литература получила в дар не только предания и поверья народа манси, но и его первые художественные опыты. Позже эту деятельность успешно продолжают Юван Шесталов и Андрей Тарханов. Но именно Пантелеймон Чейметов в истории Югры останется зачинателем советско-мансийской литературы. Никто теперь не знает, как бы началась история Югорской литературы без него. Он жил и писал во благо своего народа. Пантелеймон Кириллович раскрыл читателю мир манси, природную мудрость своего народа.

Первым автором повести, переведённой с мансийского на русский язык, стала Матра (Матрёна) Вахрушева (Баландина). Произведение «На берегу Малой Юконды» пронизано любовью к отчому краю. Свои первые стихи она стала писать на мансийском языке в Остяко-Вогульском (ныне Ханты-Мансийском) педагогическом училище, куда поступила, приехав из села Карым Кондинского района. Она попала в руки увлечённых педагогов И. С. Гудкова и В. В. Сенкевич, которые организовали кружок национального творчества. Молодёжь собирала фольклорный и этнографический материал, занималась литературным творчеством. Издавался рукописный альманах «Советский Север», в котором публиковались переводы, стихи, фольклорные произведения.

396 «Литература Югры». 1930–2000. Проза. Антология. Часть 2. Редактор-составитель Н. И. Коняев. – ИФ «Унисерв», 2002. – С. 33.

Учась в такой творческой атмосфере, Матрёна начала писать стихи. Первая поэтесса-манси рассказывала о достижениях своего народа:

Водная птица стремится
Осенью поздней на юг,
Девушки манси учиться
Едут из дальних юрт.³⁹⁷

После окончания педучилища в 1938 году с отличием её и ещё троих выпускниц через некоторое время направляют в Ленинградский институт народов Севера. Матрёна с увлечением занималась наукой, а когда началась Великая Отечественная война, девушка не покинула город, разделила судьбу блокадников-ленинградцев: ночью во время обстрелов вместе с другими гасила на крышах зажигательные бомбы, днём копала окопы, дежурила в эвакогоспитале сандружинницей. За вклад в победу Матрёна Панкратьевна была награждена медалями «За оборону Ленинграда» и «За доблестный труд в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», она – «Почётный гражданин Ленинграда».

Конец войны Матрёна Панкратьевна встречает в Ханты-Мансийске. В 1947 году её направляют для продолжения образования на северный факультет Ленинградского университета. Дипломная работа выпускницы была посвящена грамматике мансийского языка, и это было началом её научной деятельности. В 1949 году она становится преподавателем мансийского языка в педагогическом институте имени А. И. Герцена.

В 1952 году Матрёна Панкратьевна защищает диссертацию, став первой из женщин-манси кандидатом наук. Под влиянием преподавателя-североведа А. Н. Баландина была написана повесть «На берегу Малой Юконды». Это автобиографическое

397 «Литература Югры». 1930–2000. Поэзия. Антология. Часть 1. Редактор-составитель Н. И. Коняев. – ИФ «Унисерв», 2001. – С. 29.

произведение первоначально создавалось как учебный материал: был недостаток текстов на мансийском языке для учебного процесса. После того, как повесть перевёл на русский язык Геннадий Гор, она стала явлением национальной литературы.

Национальные филологи стояли не только у истоков младописьменных литератур Югры. Неоспорим их вклад в мансийскую лингвистику. Вахрушева воспитала плеяду национальной интеллигенции, что подтверждают имена её известных учеников: Ю. Н. Шесталов, А. И. Сайнахова, В. Н. Соловар, Е. Н. Вожакова, А. С. Тарханов, Е. И. Немысова, Н. А. Лыскова, Д. В. Герасимова и многие другие.

Хочется отметить вклад в хантыйскую словесность Григория Лазарева, который начал публиковать свои стихи с середины 1930-х годов, а первый очерк «Конюх» напечатал в «Остяко-Вогульской правде» 24 апреля 1940 года.

Григорий Дмитриевич родился в деревне Большой Атлым Октябрьского района (бывшего Березовского уезда) в семье рыбака и охотника-ханты. Своё первое стихотворение написал в 1935 году во время учёбы в тогда ещё в Остяко-Вогульском туземном педагогическом училище. Первые стихи и литературные обработки народных песен и легенд опубликовал в рукописном фольклорно-этнографическом и литературно-искусствоведческом альманахе «Советский Север», выпускаемый в этом учебном заведении. Произведения эти были о самом родном и близком для писателя – о тайге, рыбаках и охотниках, о молодёжи, тянувшейся к знаниям. Быстро стала популярной «Песня девушки»:

Пусть качает мой челнок
На речной волне.
Путь далёк, путь широк,
И поётся мне.³⁹⁸

398 Там же. – С. 24.

Так рождалась литературная интеллигенция малых народностей, она стремилась к литературному мастерству и к популяризации в своём народе произведений русской классики. Особой любовью у Григория Лазарева пользовались стихи Николая Некрасова, которые он переводил на родной язык.

Преподаватель методики музыки, фольклорист и создатель кружка национального творчества (1937), ставшего прообразом будущего городского литературного объединения Остяко-Вогульска, Виктория Вячеславовна Сенкевич (Гудкова) писала в журнале «Советская Арктика» в 1938 году: «У Григория Лазарева нет предшественников, так как у ханты не было художественной литературы, её функции выполняет только устное народное творчество. К этому роднику народной поэтики и обратился молодой поэт... Нынешние стихи Лазарева – это уже настоящие поэтические произведения, первые ласточки зарождения хантыйской художественной литературы».³⁹⁹

Многие свои произведения поэт посвятил Родине и братству наших народов. В стихотворении 1937 года «Дети одной семьи» он писал:

Русский, ханты, ненец – братья,
Мы в правах своих равны.
Все мы счастливы в объятях
Нашей матери-страны.⁴⁰⁰

После окончания педагогического училища Лазарев редактировал национальную страницу окружной газеты, а с первых дней Великой Отечественной войны до 1947 года служил в Советской Армии.

После армейской службы окончил партийную школу, работал заместителем редактора окружной газеты «Ленинская

399 «Эринтур», № 2, 1997, Ханты-Мансийск. – С. 342. «Советская Арктика», 1938, № 10/11.
400 Там же. – С. 22.

правда» в отделе народов Крайнего Севера, стал первым редактором окружной газеты «Ленин пант хуват».

Стихи печатались в журналах, альманахах и коллективных сборниках «На рубеже», «Советская Арктика», «Сибирские огни». Они включены в 200-томное издание Всемирной литературы.

Вслед за Григорием Лазаревым и Матрёной Вахрушевой начали писать на родном языке их сокурсники по национальному педагогическому училищу. Среди них Д. Тебетев и братья Вайветкины. В 1938 году супруги Виктория Сенкевич-Гудкова и Илья Гудков (преподаватель русского языка и литературы) составили из произведений своих питомцев сборник «Хантыйская и мансийская поэзия». Эта книга вышла в 1940 году в Омске. В ней были опубликованы произведения молодых авторов, представителей коренных народностей Югры.

Ранние произведения 1930–1940-х начинающих авторов стоит оценивать с учётом особенностей развития национальной поэзии и прозы, а также исторической специфики той эпохи, на которую пришлось творчество этих талантливых людей. Сегодня кому-то могут показаться наивными строчки из стихотворения «Молодой охотник – новый человек» Григория, будущей легенды журналистики Югры:

Стал я в городе учиться,
На иртышском берегу,
Чтоб культурным возвратиться
В нашу дальнюю тайгу.⁴⁰¹

В одном из номеров газеты «Остяко-Вогульская правда» можно обнаружить стихотворение Григория Лазарева «С нами Ленин и Сталин», где автор не скрывает признательности вождям СССР:

401 Там же. – С. 24.

Мы не верим, что умер Ленин.
Словно солнце коротким летом,
Ты согрел нас чудесным светом –
Угнетённые стали свободны.
Ты прогнал метели, туманы,
Реки рыбные и урманы
Ты отдал беднякам голодным.
Кто нам путь укажет –
В тайге тропинок так много,
Кто нам по-ленински скажет
Вот это к счастью дорога?
Кто в непогоду и бурю
Нашей ладьёй будет править?
Кто нашим сердцем будет –
Лучший друг Ленина – Сталин.
Ленинской силы Сталин
Народные вёсла берёт,
Лодкой по-ленински правит,
К свету и счастью ведёт.
А Ленин не умер, я знаю,
Он в каждом из нас живёт,
Трудиться он нам помогает,
На промысел нас ведёт
Как солнце весь мир озаряет,
Так Ленина мысли сияют,
И их не потушит никто.⁴⁰²

Лазарев один из первых, кто предпринял попытку соединения национального героического эпоса с марксистско-ленинской идеологией. Соединяя два плана: языческий, привычный для сознания народа ханты, и партийный, в контексте соцреализма, молодой человек отдаёт дань тогдашней официальной идеологии. Языческий колорит геро-

402 «Остяко-Вогульская правда», 21 января 1940.

ического эпоса ханты проявляется в следующих метафорах и сравнениях: «словно солнце коротким летом, ты согрел нас чудесным светом», «ты прогнал метели и туманы...», «кто в непогоду и бурю нашей ладьёй будет править», «Ленин на промысел нас ведёт».

Те же тенденции сохраняются в «Письме товарищу Сталину от трудящихся Ханты-Мансийского округа» изложенном в стихах Григорием Лазаревым совместно с другими национальными поэтами в газете «Сталинская трибуна»:

Под знаменем партии Ленина-Сталина
Возродился, расцвёл, как весной, ожил край.
Простор осветили лучи золотые, –
Дни радости светлой настали для всех.
Кровь наших братьев пролита недаром:
На Севере красные всходы взошли,
Выросла дружба в семье трудовой,
В тундре, тайге костры загорелись,
Богатства Севера стали народными,
Ключом наша жизнь трудовая забила.
В красивый убор разоделась природа,
Радуясь счастьем народов во всём.
По снежным равнинам широких просторов,
Быстрее заскользили охотника лыжи,
В глубокие воды в безбрежные дали
Рыбацкие лодки легко понеслись.
Заводы на наших просторах гудят,
Звонким эхом им вторят урманы.
Мы дружно приносим богатства стране,
Лесом, пушниной и рыбой трудясь.
Отступили леса, пилы звонко поют,
Дружно стройки идут без конца,
Вырос наш молодой Ханты-Мансийск,
Ярки огни над тайгой.
Вместе идут в поле трактор с комбайном...
Урожай стопудовый даёт нам земля.

Ясли выросли, школы, больница.
Колхозы в тайге нашей крепнут, цветут.
Детвора утром в школы, ликуя, спешит.
Хантыйка в ясли несёт малыша.
Всюду радость бурлит и веселье, и смех.
Радостью всех озарил ты, наш Сталин!
В мудром законе, крепче стали и скал,
Счастье людям навеки записано.
Равны теперь русский и ханты, и манси.
И счастливы в братских объятьях страны.
Блестит наша радость сияньем полярным.
Каждый рыбак на безбрежных озёрах,
Каждый охотник в далёком урмане
Увидеть тебя, вождь, желаньем горит.⁴⁰³

Письмо это было одобрено всеобщим голосованием 12 января 1941 года на митингах трудящихся посёлка Ханты-Мансийска и села Самарово при участии депутатов и гостей, прибывших на окружную юбилейную сессию из всех районов в связи с 10-летием Ханты-Мансийского национального округа. На митингах присутствовало более 3000 человек. Его изложили в стихах кроме Г. Д. Лазарева товарищи П. К. Животиков, К. И. Казаков, С. Ф. Пестов и Д. Ф. Макушин.⁴⁰⁴

Ни все произведения писателей Югры того времени были до такой степени политизированы. Были среди северян и те, кто не рассматривал литературную деятельность, как повод для выставления напоказ социалистических достижений. Творчество становилось для них кровной необходимостью выразить свои чувства в иной эстетической манере – более интимной и тонкой. Они считали литературный труд делом

403 «Сталинская трибуна», 31 января 1941 года.

404 Упомянув произведения подобной художественно-идеологической специфики, мы тем самым учитываем один из немаловажных специфических факторов развития художественной словесности не только нашего северного региона, но и всей страны – СССР.

жизни, возможностью правдиво поведать о том, что было пережито.

Кронид Гарновский, побывавший в Югре в 1940-е годы, оставил свои литературные впечатления об этом северном крае. Кто такой Гарновский? О нем писал Виталий Бианки. Он в каждом в каждом рассказе писателя видел настоящее солнечное зёрнышко. Талант Кронида Всеволодовича в умении глубоким взглядом проникать в мир природы, а результаты наблюдений художественно отражать в своём творчестве.

Писатель учит нас правильно понимать вещи, мимо которых мы обычно проходим, не замечая их великолепия. Поэтому, как не быть благодарными художнику за его уроки внимательного проникновения в окружающую нас среду? Внимательный и благодарный взгляд – основа любви к родному краю, а искреннее, образное слово – ещё и вклад в копилку художественного языка, поиск новых возможностей для его дальнейшего культурного развития.

В рассказе «Кукши» Кронид пишет об обитательницах леса – птицах с особой симпатией: «веселее с ними в зимней тайге... Не всё же в котёл, да в котёл».⁴⁰⁵

Так художники слова воспитывают нас, читателей!

Э-эх, сторонка!...

Но и то сказать:

Хорошо, что есть она – на свете!⁴⁰⁶

Вместе с восторженным гимном красотам нашего края у Кронида Всеволодовича – художника и учёного – растёт и крепнет чувство признательности к малой родине тех, кто вслед за ним повторяет его строки, посвящённые Югре:

405 «Литература Югры». 1930–2000. Проза. Антология. Часть 2. Редактор-составитель Н. И. Коняев. – ИФ «Унисерв», 2002. – С. 5.

406 Из рукописного сборника стихов К. В. Гарновского (самодельный, машинопись). КУ «Государственный архив Югры». Фонд 421. Опись 1. Дело 36. Лист 56.

Твоей послушен ворожке,
Тобой навечно зачарованный,
Мечтал и грезил о тебе!..⁴⁰⁷

Отец В. М. Гарновского, – узнаём из автобиографии писателя, – был из разорившихся дворян, мать – крестьянка. У родителей было 11 человек детей, но из них перешагнули детский возраст только четверо.

После окончания Ленинградского государственного университета (биологический факультет) через некоторое время его выпускник Гарновский получает назначение в Кондо-Сосьвинский заповедник.⁴⁰⁸

Уезжая в отпуск на «большую землю» исследователь и писатель постоянно, пока были силы, возвращался к любимому делу. Это подтверждают строки его стихотворения о «стране сосновой»:

Каждый год сторона таёжная
Призывает меня: – Ты готов? –
Что же делать, когда невозможно
Мне – не слышать далёкий зов?⁴⁰⁹

Там, в Югре, в полной мере раскрывается его литературный талант. Лучшие страницы рукописного сборника стихов посвящены пребыванию в Обь-Иртыше:

Каждый год, лишь страна сосновая
Станет синим туманом пьяна
И рассылет по небу лиловому
Журавлиные клики весна –

407 «Литература Югры». 1930–2000. Поэзия. Антология. Часть 1. Редактор-составитель Н. И. Коняев. – ИФ «Унисерв», 2001. – С. 14.

408 Автобиография К. В. Гарновского. КУ «Государственный архив Югры». Фонд 472. Опись 2-л. Дело 44. Листы 7, 7-об.

409 Из рукописного сборника стихов К.В. Гарновского (самодельный, машинопись). КУ «Государственный архив Югры». Фонд 421. Опись 1. Дело 259. Лист 4.

С топором, с котелком, с берданкою,
Перевязанной в разных местах,
Далеко ухожу спозаранку я,
Не гадая о днях и часах.⁴¹⁰

Умер Кронид Всеволодович 29 ноября 1988 года, а вскоре прах его был перевезён в окрестности кордона Хангокурт Советского района и там предан земле. На памятнике наряду с эмалевым портретом есть и бронзовая дощечка, где выгравированы строки из стихов:

«А здесь осталось всё, как прежде,
и не заметила тайга,
что мой костёр горел всё реже
и, наконец, совсем погас...»⁴¹¹

Поэту хотелось покоиться там, где прошли его лучшие годы – в единении с природой Западной Сибири, которую он воспел в своём творчестве:

А там – всё тот же крик кукушки
В берёзах тонких на заре,
И у охотничьей избушки
Лилово-розовый кипрей...⁴¹²

В 1993 году в библиотечке «Югра» вышел посмертный сборник воспоминаний и избранных стихотворений «В Кондо-Сосьвинском заповеднике. 1940–1945».

В 1950-е в художественную словесность Ханты-Мансийского автономного округа входит новое послевоенное поколение. Итоговым событием для развития словесности региона стала встреча в один из ноябрьских вечеров 1957 года

410 Там же.

411 КУ «Государственный архив Югры». Фонд 421. Опись 1. Дело 259. Лист 45.

412 Там же.

молодых поэтов и прозаиков Ханты-Мансийска в редакции газеты «Ленинская правда». На собрании было решено организовать литературное объединение, которое бы играло важную роль в развитии не только города и района, но и всего округа, стало бы центром притяжения для всех талантливых и литературно одарённых людей. Это был реальный шаг вперёд в литературном движении, поскольку за 24 года до этого, в феврале 1933-го, при окружной газете, которой тогда не исполнилось и двух лет, был организован первый литературный кружок, вобравший в себя любителей поэзии и прозы. Члены его нуждались не только в общении, но и в обучении литературному ремеслу. Однако Великая Отечественная война разметала литературные силы округа – кто-то пал на полях сражений, кто-то переехал в другие места... И вот на следующий год после организации городского Ханты-Мансийского объединения его председатель, поэт-фронтовик Вячеслав Попов и члены правления Григорий Лазарев и Фёдор Нечаев обсуждали вопрос об издании сборника литературных трудов.

В эти годы «оттепели» заявили о себе мансийские поэты Иван (Юван) Шесталов и Андрей Тарханов. В 1958 году Вячеславом Поповым в окружной газете была опубликована первая рецензия – «Стихи И. Шесталова».

Наступил новый этап развития художественной словесности в северном крае Западной Сибири. Через десять лет после возникновения литобъединения в Ханты-Мансийске появляется «Северный огонёк» в Сургуте. А 4 декабря 1971 года в посёлке Советском родилось литературное объединение «Кедр». Инициатором создания его был первый редактор газеты «Путь Октября» Пётр Александрович Пляскин, его «районка», как когда-то окружная газета в Ханты-Мансийске, сплотила вокруг творчески одарённых, талантливых людей.

Литературное объединение «Замысел» появилось в Нижневартовске в 1994 году, в 2009-м «Элегия» – в Югорске, а также ряд подобных объединений в других населённых пунктах региона при библиотеках, школах, домах культу-

ры или газетных изданий. Освоение недр Севера придало дополнительную творческую энергию нашему региону. В округе стали проходить семинары молодых литераторов под руководством известных писателей из Москвы, Тюмени и Свердловска.

Николай Коняев, на глазах которого происходило становление окружной писательской организации, писал в 2012 году: «В нынешние времена многое из прошлого подвергнуто отрицанию, осмеяно и опошлено. У каждого писателя Югры своё видение и свои оценки известных событий и фактов, свои уроки, извлечённые из прошлого и нынешнего дня. И всё же многие, думаю, согласятся со мной в том, что в период освоения наиболее ярко высветились такие качества человеческой природы, как бескорыстие, энтузиазм, готовность поступиться личным благом ради общего большого дела. Сотни писателей, советских и зарубежных, в том числе и участники знаменитых Дней литературы и зародившихся на тюменской же земле Всесоюзных творческих конференций, таких, как “Герои великихстроек”, ехали в округ не с целью изучения технологии бурения скважин или производства геологоразведочных работ, а для того, чтобы постичь природу души и найти ключик к секрету характера рабочего человека, способного на трудовой подвиг. Души и характера, так и оставшихся загадкой для полчищ своих и иностранных “пишущих туристов”. Но я убеждён, что раскрыть эти “секреты” предстоит новому, не ангажированному поколению писателей, которое, настанет время, обязательно обратится в своих будущих произведениях к правдивому отображению подвига созидателей-дедов...»⁴¹³

Более чем за двадцать лет, начиная с 1967 года, в нашем регионе состоялось восемь окружных семинаров-совещаний молодых литераторов. На последнем из них, в 1988 году,

413 Коняев Н. И. «Вчера, сегодня и всегда». – Ханты-Мансийск, 2012. – С. 23-24.

была отмечена активная работа городских и районных лит-объединений во главе с ханты-мансийским «Югра», которое возглавлял Андрей Тарханов, сменивший на посту Вячеслава Попова.

К этому времени остро встал вопрос о писательской организации и своём литературном издании.

Николай Коняев так описывает этот переходный этап, что способствовал зарождению профессиональной писательской организации: «Было решено ежегодно в том или ином городе или посёлке, где активны литературные объединения, проводить по линии Тюменской областной писательской организации однодневные консультативные совещания...

Всесоюзные и Всероссийские праздники Дней литературы, конференции на тюменской земле, десанты писателей в глубинку, встречи и беседы в трудовых коллективах, с партийными и хозяйственными руководителями, с коренными жителями Югры не могли пройти бесследно для «инженеров человеческих душ». Постепенно крепло убеждение, что в ускорении темпов промышленного освоения, в погоне за объёмами нефти и газа, за громкими отчётами и рапортами партии и правительству об очередной «победе», очередном «достижении» таится большая беда».⁴¹⁴

Писатели, голос которых всегда являлся голосом нации, в то непростое время адресуют обращение ко всем, кто занят добычей природных ресурсов страны. Суть его – призыв к бережному отношению в освоении природных богатств: наша обязанность, наш долг перед Настоящим и Будущим распорядится ими ответственно!

На этой беспокойной волне заботы о Родине и создавался профессиональный союз творцов Слова нашего округа.

414 Там же. – С. 36.

«Осенью 1989-го, избранные к тому времени народными депутатами СССР хантыйские писатели Е. Айпин, Р. Ругин и присоединившийся к ним председатель литературного объединения “Югра” А. Тарханов обратились в правление Союза писателей РСФСР с просьбой о создании межокружной Угро-Ямальской организации народов Обского Севера. Такая организация с местонахождением в Ханты-Мансийске и с открытием финансирования с начала 1990-го была создана постановлением секретариата № 38 от 18 декабря 1989 года за подписью председателя правления Союза писателей РСФСР Сергея Михалкова. Ответственным секретарём был назначен Андрей Тарханов».⁴¹⁵

В сентябре 1991-го в столице Югры вышел первый номер окружного историко-культурного журнала «Югра», в его выпусках «Литературных тетрадей» принимали участие творческие силы региона.

В апреле 1996-го главой администрации округа А. Филипенко было подписано распоряжение об издании окружного ежегодного литературно-художественного альманаха «Эринтур (Поющее озеро)», а в феврале 1997-го состоялась презентация первого выпуска.

Совершенно справедливо было замечено летописцем писательской организации Югры и первым редактором литературного ежегодника Коняевым, что альманах открыл читателям не только десятки новых ярких имён, но и опубликовал значительную часть творческого наследия В. Волдина, К. Гарновского, А. Корнеева, В. Кочкаренко, Г. Лазарева, В. Плесовских, Г. Сазонова, С. Покачева, В. Двоглазова (Купора) и многих других ныне забытых талантливых писателей.

Символом альманаха стало стихотворение Андрея Тарханова:

415 Коняев Н. И. «Вчера, сегодня и всегда». – Ханты-Мансийск, 2012. – С. 38.

Поющее озеро – глубь голубая,
Парная, живая вода.
Поющее озеро – песня лесная,
Эй, люди, спешите сюда!⁴¹⁶

Первый выпуск альманаха – совместное детище тогда ещё двух писательских организаций – включал, в первую очередь, художественные произведения заслуженных литераторов. Здесь же были первые литературные опыты талантливой творческой молодёжи.

Со страниц первого выпуска «Эринтура» Андрей Тарханов от имени поэтов и прозаиков обращался к читателям Югры: «Радость познания жизни, извечное и непоколебимое стремление человека сделать эту жизнь краше и добрее есть движение воли творца-художника, его вера в счастливое будущее. И авторы верны этим истинам, которые в конечном счёте постигают и читатели. В этом – истинное и высокое предназначение писателя!»⁴¹⁷

Литературный ежегодник был по достоинству оценен читательской аудиторией.

13 января 2005 года в Югорском государственном университете города Ханты-Мансийска состоялась научно-практическая читательская конференция «Альманах – вчера, сегодня, завтра», в которой приняли участие студенты и преподаватели. Студенты сделали предметом научного исследования зарубежные и отечественные альманахи, в том числе и ежегодник писателей Югры.

В декабре 2006 года состоялась окружная читательская конференция «Альманах “Эринтур” – первое десятилетие» (1996–2006). Разговор о его проблемах проходил в присут-

416 Стихотворение «Эринтур», написанное поэтом в восьмидесятые годы, не случайно открывало альманах: это название автор услышал из уст старшей мансийской сказительницы Анны Митрофановны Коньковой. Когда был решён окончательно вопрос о появлении писательского ежегодника, члены комиссии единодушно пришли к мнению: жить альманаху с именем «Эринтур» – «Поющее озеро».

417 «Эринтур», № 1, 1996, Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист». – С. 9-10.

ствии главного редактора Н. И. Коняева. Горячо обсуждался каждый номер. Среди замечаний немало было категоричных и максималистских высказываний, свойственных молодости, но были и такие, которые главный редактор взял на заметку. В целом встречей с литературным ежегодником остались довольны и студенты, и главный его издатель. Заинтересованность, которую проявили ребята в обсуждении «Эринтура», свидетельствует о том, что молодые читатели к нему не равнодушны. Было немало пожеланий, касавшихся не только его содержания, но и внешнего оформления. Студенты единодушно отметили высокое качество произведений, опубликованных на страницах ежегодника, представленных разными населёнными пунктами нашего региона, а также широкую литературную географию гостей «Поющего озера» – не только из Москвы, но с Урала, соседних областей и краёв.

Двенадцатый выпуск альманаха так отозвался на это событие: «В числе докладчиков и выступавших в прениях – писатели, литераторы, журналисты, филологи, библиотекари, студенты Югорского университета».⁴¹⁸

На страницах первых книжек «Эринтура» тогда можно было встретить произведения ныне известных авторов: Маргариты Анисимковой, Николая Коняева, Еремея Айпина, Ювана Шесталова, Андрея Тарханова, Марии Вагатовой, Владимира Волковца, Сергея Луцкого, Петра Суханова, Новомира Патрикеева, Николая Смирнова, Сергея Сметатина, Александра Игумного, Анны Коньковой, Галины Слинкиной, Бориса Зуйкова, Юрия Веллы, Татьяны и Тимофея Молданных, Виктора Козлова, Никона Сочихина, Олега Рихтера, Валерия Акимова и многих других. В Эринтуре дебютировали известные и неизвестные Югре писатели: Дмитрий Мизгулин, Валерий Михайловский, Сергей Козлов, Владимир Мазин, Георгий Ешимов, Дмитрий Сергеев, Станислав Юр-

418 «Эринтур», № 12, 2007, Санкт-Петербург: ООО «Миралл». – С. 388.

ченко, Павел Черкашин, Галина Хорос, Татьяна Юргенсон, Людмила Ветрова, Ирина Рябий, Альбина Кузьмина, Алла Цукор, Евгений Каргаполов и другие замечательные литераторы, получившие здесь прописку: всех не перечислить!

Спустя ещё одно десятилетие наш литературный ежегодник не только укрепил свои творческие связи в Сибири, на Урале и по всей России, но и открыл читателям десятки новых имён на литературной карте региона. Сегодня признанными авторитетами югорской словесности уже становятся те, с кем когда-то читателей познакомил альманах. Хочется верить: пройдёт ещё не одно десятилетие и нынешние молодые поэты и прозаики будут вспоминать своих старших товарищей по литературному цеху, благословивших их на успешную творческую деятельность. Особая заслуга здесь, конечно же принадлежит первому главному редактору Николаю Ивановичу Коняеву. Давно назрела необходимость организовать в округе литературную премию его имени, ежегодно награждая лучших авторов «Эринтура» и других региональных альманахов и коллективных сборников. Более двадцати выпусков увидели свет благодаря коняевскому руководству. Деятельность на этом посту не была завидной. Сколько нервов, энергии и до сих пор неоценённых трудов было затрачено на появление каждого выпуска, особенно в недавнее время, когда 21-й номер повис на волоске: выйдет – не выйдет? Однако несмотря ни на что, будем оптимистами, каким был Николай Иванович, когда писал: «Мы и сегодня не можем утверждать, что трудности становления позади. Но верится, что «Эринтур» встретит своё 30-, и 49- и 50-летие».⁴¹⁹

Сегодня, когда округ отмечает в 2020 году своё 90-летие, а наш альманах – 25-летие, в это очень хочется верить! Ведь творчество наших писателей нераздельно связано с деяниями Югры во славу нашей родины – России.

419 «Эринтур», № 22, 2018, Санкт-Петербург – Ханты-Мансийск. – С. 7.

Сегодня «Эринтур» известен за пределами нашего края, он один из лучших литературно-общественных сборников страны. Доказательством тому являются его награды: в 2002 году решением правления Ассоциации книгоиздателей России удостоен Почётного диплома лауреата, как лучшая книга года; в 2009-м – Диплома лауреата Всероссийской литературной премии Союза писателей России «Белуха» имени Г. Д. Гребенщикова; в 2014-м – Диплома лауреата регионального конкурса «Книга года – 2014» в номинации «Лучшая художественная книга». А если перечислить литературные и международные премии его авторов, то понадобится несколько страниц дополнительного текста!

Принимая эстафету редактора ежегодника в 2018 году, Валерий Михайловский обращаясь к читателям, подчёркивал: «Положительные отклики и высокие оценки не позволят почивать на лаврах».⁴²⁰

«Эринтур» верен традициям, заложенным десятилетия назад. В каждом новом выпуске читатели могут встретить новые имена в художественной словесности Югры – Елизавета Белозерова, Анастасия Сенькина, Елена Капитанова, Саша Кузнецов, Дарья Ярушина, Олеся Журавлевская, Светлана Пахтышева, Дмитрий Баянкин.

Читателей знакомят с наиболее яркими и талантливыми художественными произведениями наших земляков. Пусть чаще встречаются рубрики «Дебют в альманахе», открывая новые таланты!

Рубрика «Гости “Поющего озера”» запомнилась замечательными литературными именами, среди которых Глеб Горбовский, Николай Зиновьев, Геннадий Иванов, Владимир Костров, Станислав Куняев, Игорь Ляпин, Людмила Щипахина, Владимир Шемшученко и многие другие прославленные писатели.

Не менее популярны разделы «Из литературного наследия», «Критика и библиография», «Культура и искусство».

⁴²⁰ Там же. – С. 5.

Со страниц ежегодника информируют о положении литературных дел в регионе, знакомят с новинками детской литературы («Детский мир»). Пусть всё также будет в почёте документалистика, публицистика и краеведение.

Так уж случилось, что последние две книги представляли собой сдвоенные выпуски «Эринтура» – 23-й и 24-й. Наверное, в каждом правиле есть свои исключения! Зато особо выделена читателями и получила общественный резонанс новая рубрика «Воспоминания, воспоминания, воспоминания», посвящённая 75-летию Великой Победы. В ней писатели округа вспоминали о своих близких, павших на полях сражений и вернувшихся домой победителями, о тех тружениках тыла, кто ударной работой также приближал выстраданное сотнями миллионов историческое событие – 9 мая 1945-го.

В первом выпуске ежегодника родились рубрики, которые потом стали традиционными. Например, напутствия, обращённые к читателям. Среди них Слово губернатора, главы столицы округа, руководителя Всероссийского писательского Союза, глав АСПУРА и окружной писательской организации, главного редактора альманаха, заслуженных прозаиков и поэтов.

Надеемся, что продолжится литературный календарь Югры и её писательские хроники.

Не забывают издатели и о цветных вкладках с репродукциями художников и публикациями о творчестве этих самобытных мастеров.

Изменилось оформление альманаха и его полиграфия.

По сравнению с первыми выпусками ежегодник стал профессиональнее, интереснее, культурнее и теперь обладает ещё большими творческими возможностями.

Во втором десятилетии его жизни на страницах стали появляться имена не только молодых авторов стихов и прозы, но литературной критики. Очень бы хотелось, чтобы эта традиция продолжилась и, подрастая профессионально за два десятилетия именно эта школа, являла

собой замечательные образцы самосознания региональной словесности.

Сегодня, как никогда стали актуальными слова, впервые произнесённые в 2002 году Николаем Коняевым: развитие творческого процесса в Югре нельзя представить без товарищеской поддержки, чёткого осознания «каждым литератором насущной необходимости единения для открытой, гласной, планомерной и целенаправленной работы, благодаря заинтересованному вниманию к их творческим и человеческим судьбам, поддержке их общественно значимого труда администрацией и лично губернатором».⁴²¹

Уверен, во многом благодаря этому наш «Эринтур» станет ещё значимее и актуальнее! Нужно возродить время героев, как справедливо заметил первый руководитель нашего творческого союза Андрей Тарханов:

Нужны героев поколенья,
Нужны для нашего спасенья
Не единицы, а полки.

Очень важно давать возможность поэтам высказываться стихами, а прозаикам рассказами и повестями, как публицистам и литературоведам – критикой. Сегодня от всех нас зависит, чтобы навсегда прошло время обесцененных слов и народного безмолвия.

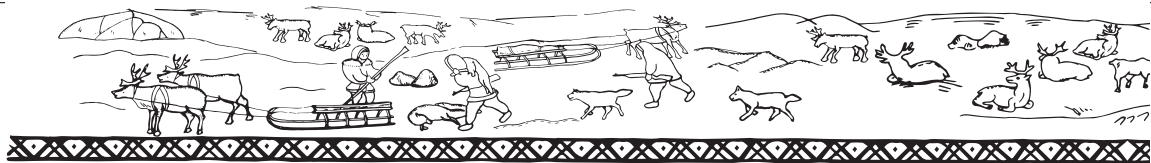
Альманах, хоть и «толстый», но всё-таки не журнал, и выходит раз в год. Даже рассказ, не говоря уже о повести или романе, для него «крупный калибр». Когда-то у нашего ежегодника было своё популярное среди читателей приложение – ежеквартальная окружная газета «Югра литературная». Писатели не только публиковали там свои произведения, но и делились творческим опытом, диску-

421 Коняев Н. И. «Вчера, сегодня и всегда»: Ретровзгляд на литературную жизнь Югры. – Ханты-Мансийск: ГУИПП «Полиграфист», 2002. – С. 38-39.

тировали, обсуждали литературные новинки своих товарищей по цеху. Давно назрела необходимость возобновить это издание и сделать его общественной писательской трибуной на благо нашей малой родины – Югре! Понятно, что идёт творческий поиск: что-то отбрасывается, что-то совершенствуется, но если периодика некогда пользовалась читательским успехом, то почему бы не поддержать сверху эту инициативу окружного творческого Союза. Главное, необходимо помнить: какая ответственность лежит на нашей пишущей братии во избежание сведения счетов и писательских дрызг. Художнику Слова сегодня важно быть первым в строю созидателей общего будущего для нашего северного региона, стать энергичным помощником власти в этом нелёгком деле! Надо смотреть только вперёд, чтобы не оставаться «между прошлым и будущим». Поэтому сделать предстоит очень многое!

Можно ли сегодня говорить о литературе Югры, как о целостном художественном явлении? Безусловно! Четверть века активной читательской жизни «Эринтура» – подтверждение этому! В альманахе прошли своеобразную экспертизу лучшие художественные произведения северного края. Их объединяет любовь к отчужденному дому, которая стала главным источником вдохновения. В этом можно убедиться, познакомившись с самыми разнообразными жанрами ежегодника – от публицистики до фрагментов романов, что изредка публиковались на его страницах. Сами писатели Югры не столько воспевают образ своей малой Родины, сколько размышляют о нём порою весьма критически. Пора хищнического «освоения» богатейших недр Западной Сибири, должна уступить место бережному отношению к природе и людям, населяющим этот регион. Югра богата уникальными литературными местами и традициями, не зря же её дух нашёл воплощение в художественных произведениях наших земляков: они учат нас не просто любить свою землю, но и хранить заветы народов, населяющих её. Об этом мечтал не только Юван

Шесталов, когда создавал свою первую книгу «Маке мат» в переводе с мансийского – «Аромат Родины» в далёких 1950-х годах.

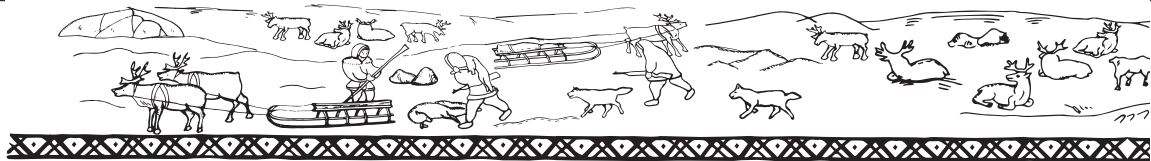
Живая природа немыслима без человека, если он ощущает себя её сыном, а не царём.

В целом же, оглядывая литературный путь в четверть века, можно сказать, что картина складывается убедительная: наш ежегодник оправдывает своё существование и нацелен на грандиозные перспективы в будущем, а это ни много, ни мало – касается его общероссийской значимости... Ибо у славного прошлого не должно быть печального Будущего!

О ЛЮДЯХ И СОБЫТИЯХ

«ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!» – О ПОПЫТКАХ ЗАБОЛТАТЬ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ

*«Победителей можно
и нужно судить»*

И. В. Сталин

В год славного 75-летия Великой Победы, как ещё раз не задуматься о подвиге советского народа? Может кому-то и хочется откеститься от определения «советский», но из песни, как говорится, слово не выкинешь. Имена тех, кто руководил страной в то тяжёлое время, тоже не стереть из памяти народной, как бы ни пытались это делать всякого рода «ангажированные историки». Ведь главная задача этих «трактователей» самого трагического события XX века – очернить закономерную Победу, что одержал наш народ, объявив её досадной нелепостью, возникшей из-за прихоти судьбы и вопреки воле вождя и его полководцев. Таким образом, обесмысливаются жертвы нашего народа и сама Победа. Но это только первый этап задуманного, который разрабатывался для нанесения самого главного удара по России – признания СССР (а наша страна правопреемница Советского Союза) захватчиком и оккупантом Восточной Европы с выплатой соответствующих «контрибуций», освобождённым от фашизма государствам, в том числе и Германии. Всех неистовее Польша, Украина, Прибалтика и ряд стран Восточной Европы.

Кто-то скажет: бред какой-то, а я доверяю фактом – нашу Победу всё более и более затирают и уже весь мир считает, что с нацистами воевали США, Великобритания и Франция,

а русские здесь – ни при чём или ещё хуже – поддерживали фашизм и помогали Германии воевать с «освободителями». Сносятся памятники героическим бойцам и полководцам советской армии. Но, конечно же, главное, зло – товарищ Сталин! Он виноват абсолютно во всём... Иосиф Виссарионович предусмотрел и эту ситуацию. В. М. Молотов⁴²² и А. Е. Голованов⁴²³ рассказывали Феликсу Чуеву⁴²⁴, что в 1943 году Сталин сказал им:

– Я знаю, что после моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора, но ветер истории безжалостно развеет её!

Давайте же разберёмся, за что старшее поколение в России считает этого вождя наиболее адекватным исторической ситуации, случившейся со страной во Вторую мировую войну, а, с другой стороны, почему «демократы» всех племён обвиняют Сталина во всех смертных грехах?

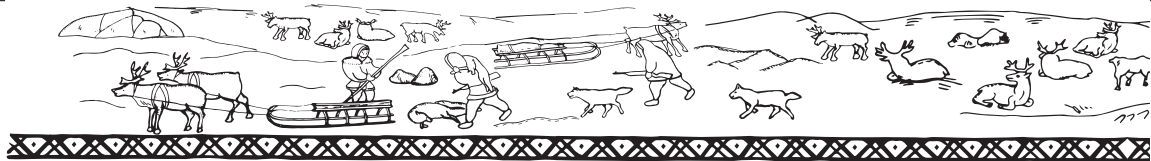
Может быть, за тот знаменитый тост, который произнёс Сталин летом 1945-го на банкете в Кремле по случаю Великой Победы?

Тогда вождь поставил финальную точку под многочисленными здравницами участникам победы и тем самым указал на важность, произнесённых им слов: «...Я хотел бы поднять тост за здоровье нашего Советского народа и, прежде всего, русского народа. (*Бурные, продолжительные аплодисменты, крики «ура»*).

422 Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин) (1890–1986) – советский государственный и партийный деятель, Герой Социалистического Труда (1943). В Октябрьскую революцию член Петроградского Военно-революционного комитета. В 1920–1921 годах секретарь ЦК КП(б) Украины. В 1921–1930 секретарь ЦК ВКП(б), одновременно в 1928–1929 1-й секретарь МГК партии. В 1930–1941 председатель СНК СССР и СТО СССР (до 1937). С 1941 года заместитель председателя, в 1942–1957 годов первый заместитель председателя СНК (Совета Министров) СССР, одновременно в 1941–1945 заместитель председателя ГКО. В 1939–1949 и 1953–1956 годах Вячеслав Молотов – нарком, министр иностранных дел СССР. С 1957 посол в Монголии. В 1960–1962 постоянный представитель СССР при Международном агентстве по атомной энергии. Член ЦК партии в 1921–1957 годах. Член президиума ЦК КПСС в 1926–1957. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина.

423 Маршал авиации с 3 августа 1943 года, Главный маршал авиации – с 19 августа 1944 года.

424 Советский поэт и публицист.

Я пью, прежде всего, за здоровье русского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны.

Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение. [...].

За здоровье русского народа!» (*Бурные, долго не смолкающие аплодисменты*).⁴²⁵

В брежневские времена народ «голосовал» за Сталина портретами вождя на лобовых стёклах кабин грузовиков, за рулём которых сидели сыновья фронтовиков. Это был своеобразный протест против той системы, что позволяла приспособленцам растаскивать страну по своим крысиным норам. В ту пору дети фронтовиков и сами ветераны не могли предположить, что случится с нами через одно-два десятилетия – распад СССР, дефолт, всенародное обнищание, чеченские войны и, наконец, враждебное отношение к России большинства некогда братских республик СССР...

О величии страны в эпоху сталинских преобразований и о самом вожде в современной России помнят наряду с Александром Пушкиным, Александром Невским, Петром Первым, Фёдором Достоевским, Александром Суворовым, Иваном Грозным, Дмитрием Менделеевым, Петром Столыпиным и другими яркими личностями нашего Отечества. Народ решил: это не второстепенный герой истории, а главный, как не пыталась несколько лет назад всероссийская телепрограмма «Имя России» сместить акценты.

Почему же спустя почти семь десятилетий после смерти Иосифа Виссарионовича имя его не забыто среди имён

425 Сталин И. В. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». – М., 1949. – С. 196.

других советских руководителей – Хрущёва, Брежнева, Горбачёва и первого президента России Ельцина? Не потому ли, что исторический народный подвиг и Великая победа связаны в сознании народа со Сталиным бесповоротно и навсегда, как бы ни старались очернители нашей истории? В лучших художественных произведениях об этом времени отражено единство вождя и народа, преданность советских людей этому вождю. В них показано, как воспринималось «верховное» слово, как исторические выступления по радио товарища Сталина, его приказы войскам вдохновляли народ на отпор врагу, вызывая колоссальный патриотический подъём. Множество произведений поэтов о Сталине написано в честь победы в Великой Отечественной войне. Слава пережила их самих. И не покривил душой Александр Твардовский – общепризнанная совесть советской литературы, когда от миллионов советских людей и товарищей по литературному цеху обращался к вождю:

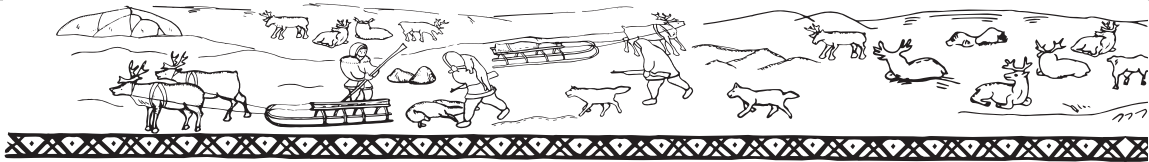
...Великий вождь, любимый наш отец,
Нет, не слова обращены к Вам эти,
А та любовь простых людских сердец,
Которой не сравнить ни с чем на свете...

Как и другой поэт-фронтовик Алексей Сурков:

«И в сердцах наших верных слилось
Слово Сталин со словом Победа...»

Или Михаил Исаковский:

... Спасибо Вам, что в дни великих бедствий
О всех о нас Вы думали в Кремле,
За то, что Вы повсюду с нами вместе,
За то, что Вы живёте на земле.

Понятно, что кому-то это не нравится. Но где такая личность, что сегодня могла бесповоротно, благодаря своему авторитету повести за собой народ?

Александр Твардовский, автор книги о неунывающем бойце, народном герое Василии Тёркине, несколько не слукавил, когда написал, как по всем краям шла молва о том, что:

Едет Сталин, едет сам
На вороном коне.

Вдоль синих вод, холмов, полей,
Просёлком, большаком,
В шинели, с трубочкой своей
Он едет прямым.

В одном краю, в другом краю
Глядит, с людьми беседует
И пишет в книжечку свою
Подробно всё, что следует.

И Владимир Маяковский тоже не слукавил, когда писал в конце 1920-х эти строчки, так, как и думал:

Я хочу,
чтоб к штыку
приравняли перо.
С чугуном чтоб
и с выделкой стали
о работе стихов,
от Политбюро
чтобы делал
доклады Сталин.

После Великой Отечественной войны была очень популярна песня о Сталине, сочинённая Александром Вертин-

ским. Она и сейчас востребована пользователями Интернета, её знают не только старшие, но и младшие поколения нашей страны. Вертинский писал стихи и музыку не по заказу, а по велению сердца, его исполнение бесподобно, как все лучшие музыкальные произведения этого выдающегося мастера.

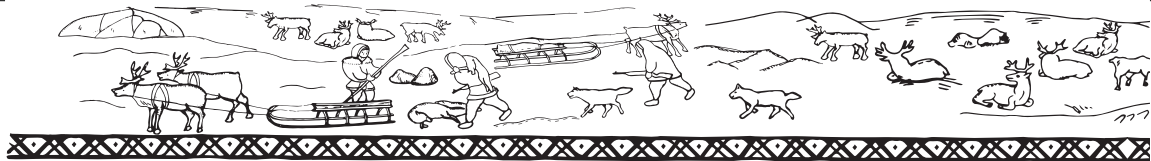
Да и сам Сталин ценил настоящих, не заискивающих перед властью писателей, называя их инженерами человеческих душ: за честную книгу о войне «В окопах Сталинграда» Виктор Некрасов получил высшую премию страны по личному распоряжению вождя вопреки высказываниям литературных критиков того времени.

Ещё до Великой Отечественной Иосиф Виссарионович, озабоченный самоубийством Владимира Маяковского, помог Михаилу Булгакову в устройстве на работу во МХАТ к Станиславскому. В благодарность за это Михаил Афанасьевич собрался было писать о вожде пьесу «Батум», но тот резко оборвал эту затею.

Однажды Сталин спросил у главы Союза писателей СССР Фадеева, почему не выдвинули на соискание Сталинской премий писателя С. Злобина за роман «Степан Разин». Александр Александрович ответил, что Злобин не занимается общественной работой, его нигде не видно ...

– А может, он в это время пишет? – спросил Сталин.

В сталинскую эпоху быть писателем было не только почётно, но и ответственно, поскольку никто не мог читателям наиболее доходчиво и образно рассказать о том, за что нужно любить и защищать свою Родину. «Когда страна прикажет, героем становится любой!» – к этому призывали и кинематограф, и публицистика, и художественная литература. Творческие люди были элитой страны, а к элите нужно соответствующе относиться. Поэтому, когда в первом послевоенном году нарком финансов А. Г. Зверев, возмущаясь высокими гонорарами ряда крупных писателей, представил соответствующую докладную записку по этому поводу Сталину, тот пригласил к себе Арсения Григорьевича и, не предлагая ему присесть, начал свой выговор с вопроса: «Стало быть, полу-

чается, что у нас есть писатели-миллионеры? Ужасно звучит, товарищ Зверев? Миллионеры-писатели!» «Ужасно, товарищ Сталин, ужасно», – подтвердил тот.

Сталин протянул финансисту папку с подготовленной им запиской: «Ужасно, товарищ Зверев, что у нас так мало писателей-миллионеров! Писатели – это память нации. А что они напишут, если будут жить впроголодь?»

Продолжалось писательское благоденствие вплоть до перестройки в СССР. А потом как-то разом стало наплевать и на культуру, и на образование, и, конечно, на саму литературу. А зря! Если хочешь новых побед во всех областях российской жизни, не надо скупиться вкладывать в истинное творчество, а не его имитацию, в том числе и литературную.

Вождь не любил оголтелых оптимистов, не сознающих до конца глобальности проблем, стоящих перед народом и поэтому сказал как-то жившему в Кремле Демьяну Бедному (настоящие имя и фамилия – Ефим Придворов):

– Вы знаете, почему вы плохой поэт? Потому что поэзия должна быть грустновата.

Сталин делал много и такого, за что его обвиняют, забывая о том, что в жестокий век ожесточаются сердца. Почему-то никто не вешает собак за давностью лет на многих наших самодержцев, напротив, слагает им оды, особенно тем преобразователям, кто «Россию поднял на дыбы».

Спросите большинство людей от 55 до 85 лет: вы услышите от них о Сталине больше хорошего, чем плохого. Почему? Жил скромно и просто, не оставив после себя никаких накоплений, драгоценностей и заграничных паспортов «на всякий случай». Уже одно это удивляет, когда то там, то здесь мы сегодня слышим, как обворовывали свои народы правители наших некоторых бывших братских республик и губернаторы регионов России.

А что уж здесь говорить о местничестве, о мелких культурах? Не секрет, что и у нас в стране некоторый чиновник, если не поп, то батька.

Тем, кто обвиняет Сталина в «культе личности» не мешало бы познакомиться с одним из документов.

ПИСЬМО И. В. СТАЛИНА В ДЕТИЗДАТ ЦК ВЛКСМ от 16 февраля 1938 года по поводу подготавливавшейся Детиздатом книги «Рассказы о детстве Сталина».

«Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических погрешностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть, «добросовестные» брехуны), подхалимы.

Жаль автора, но факт остаётся фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личности вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория.

Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры.

Народ делает героев – отвечают эсерам большевики!

Всякая такая книжка будет вредить нашему общему большевистскому делу.

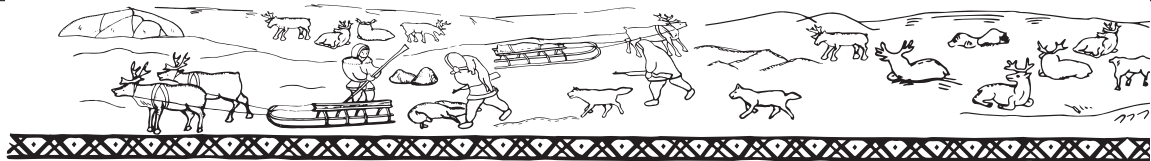
Советую сжечь книжку.

И. СТАЛИН».

Словно в подтверждение этой мысли – «народ делает героев» – Сталин категорически отверг решение Политбюро ЦК ВКП (б) о присвоении ему звания Героя Советского Союза после победы в Великой Отечественной войне:

– Я не подхожу под статус Героя Советского Союза, – сказал Сталин. – Я не совершил никакого подвига!

Художники рисовали его с двумя звёздами – Героя Социалистического Труда и Героя Советского Союза, но нет ни одной подобной фотографии, потому что Золотая Звезда Иосифа Виссарионовича Сталина до конца его жизни хранилась

в Наградном отделе Президиума Верховного Совета, и её впервые увидели на красной подушечке за гробом...

Разоблачители «культы личности» уже не следовали этому правилу, навешивая награды охапками.

И хорошо, что нынешние наши правители скромности и бескорыстию учатся у Сталина... Значит, есть надежда на победу и экономическое чудо, жить станет лучше, жить станет веселее!

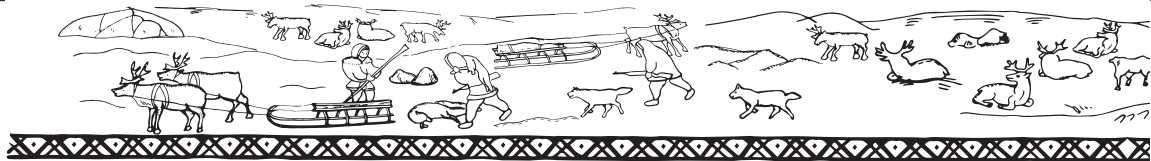

ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ КОНСТАНТИНЕ ВЫБОРОВЕ

С Константином Романовичем Выборовым я познакомился благодаря нашему общему близкому другу Николаю Фёдоровичу Жмаеву. Это было в Комсомольске-на-Амуре в празднование дня рождения Николая Фёдоровича 19 декабря 1985 года. Гости в его тесной однокомнатной квартирке тогда помещались просто чудом, но теснота ни коим образом не сказывалась на дружеской атмосфере застолья – и, конечно же, главным героем после именинника был Константин Романович. Шутки, экспромты, афоризмы так и сыпались из его уст. В компании было много молодёжи, то есть тех, кому было от двадцати и чуть за тридцать. Я к этой возрастной категории ещё подходил, а, следовательно, не имел ни житейской мудрости, ни почтения к своим соседям по застолью, что были значительно старше меня. Впрочем, достигшие к тому времени пенсионного возраста Выборов и Жмаев, были не только молоды духом, но и по-настоящему мудры и не обращали особого внимания на дерзостные речи некоторых собравшихся за столом. Знали они уже к тому времени друг друга достаточно долго, познакомившись в городе Юности ещё в далёкие 1960-е годы. Через некоторое время Константин Романович, возглавлявший одно время городское литературное объединение, переехал в Амурск, а Николай Фёдорович, тоже расстававшийся не раз с Комсомольском, вернулся туда окончательно в начале 1980-х. Накануне полувекового юбилея Комсомольска-на-Амуре я, тогда работавший на городской студии телевидения журналистом, впервые увидел Выборова в редакции

литературно-драматических передач. Ещё не зная, кто это, я уже тогда почувствовал необыкновенность этого человека и невольно стал прислушиваться к разговору, который он вёл со старшим редактором отдела литературно-художественных программ Галиной Берсеновой. Помню, что говорили они о песенном творчестве, посвящённом городу-юбиляру, о том, что в какой-то известной песне автором стихов ошибочно назвали не Выборова, а какого-то другого поэта... Может быть, говорилось о будущей телепередаче с участием Константина Романовича, которых впоследствии на моей памяти было немало...

И вот на дне рождения своего старшего друга, который в то время заведовал кафедрой промышленной электроники в Комсомольском-на-Амуре государственном политехническом институте, я вдруг вспомнил о той первой своей встрече с поэтом Выборовым. Меня он, конечно, тогда не признал, а я не напомнил ему, что впервые увидел его три года назад. На меня тогда в телестудии поэт, конечно, не обратил внимания. Приехав из соседнего Амурска по делам, он был сосредоточен, по-видимому, на возможности своего творческого участия в праздновании золотого юбилея города, – ведь его с Комсомольском многое связывало. В легендарный город Выборов прибыл по комсомольской путёвке в 1955 году. Здесь поэт провёл свои лучшие годы, освоил многие профессии, состоялся не только как художник, но и как личность. Комсомольск – наиболее счастливая пора его жизни, это становится понятным из его поэтических произведений. Комсомольску поэт посвятил много строк, глубоко личных и сокровенных. Одно из самых ранних стихотворений 1950-х годов – «Город», тогда Комсомольску перевалило только за четверть века, а поэт его был моложе всего на два года:

Он летом зелёным приветлив,
Он осенью яростно ярок,
В сплетенье конструкций и веток,

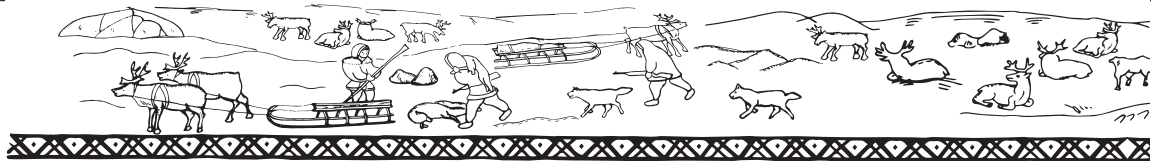

С плакатами вдоль тротуаров.
Он кажется парусом алым,
Далёкой, ещё не открытой
Планетой амурских туманов
С прекрасною Аэлитой...
А мне в нём давно всё знакомо!..
По голосу улиц таких же,
По ЗИЛам с железобетоном,
Едва остропиленным крышам,
Палаткам, от дыма прогорклым,
Гармоникам первых вечеров,
По лёгоньким платьяцам мокрым
Под ливнем бегущих девчонок.
По трассам, от грязи разбухшим,
По жёлтого гравия грудам,
По тем – что остались в минувшем,
По тем – что ещё только будут,
Что вынырнут где-нибудь в тундре –
В снегах, где следы, словно соты –
Дорогами новых раздумий,
Тревогами новой работы...
Узлы арматуры, да краны,
Да серая тяжесть бетона!
Он кажется парусом алым –
Кому-то из окон вагона.⁴²⁶

(Город)

...Гостеприимный хозяин всё подливал и подливал в наши рюмки, после поздравительных тостов с пожеланиями здоровья и успехов имениннику, его родным и близким, потом застольная беседа плавно изменила своё русло: разговор коснулся общих тем, языки развязались – кто-то ругал местное начальство, кто-то во всём винил правительство

426 Выборов К. Р. «Песчаный остров»: Стихи. – Хабаровск: Кн. Изд-во, 1991. – С. 84-85.

страны, а я набросился на Константина Выборова. Впервые познакомившись с его стихами, только-только прочитанными автором за хлебосольным столом, я стал корить поэта за то, что он до сих пор не издал серьёзный сборник своих произведений. Константин Романович робко оправдывался, ссылаясь на то, что издаваться ему никто не предлагал. Под возлиянием горячительного я был настойчив, припомнив мичуринское высказывание о том, что нечего ожидать милостей от природы и что наша главная задача заключается как раз в том, чтобы вырвать у неё эти самые «милости». Вот так! – именно вырвать-отобрать – ни больше и ни меньше. Будто бы речь шла не о художественном творчестве, а о надоях молока или выполнении плана по вытачиванию гаек и болтов... Застолье меня поддержало, и тогда мы даже попытались наметить план общих действий, способствовавший, как нам казалось, появлению на свет новой поэтической книги Константина Выборова.

Главная роль здесь отводилась автору: необходимо было не только собрать, но и систематизировать всё написанное, а также уже опубликованное в разных изданиях. Кроме того, предстояло завершить начатые многочисленные наброски и только лишь тогда собрать сборник, не забыв разбить его на части, разделы и циклы, а уж потом к авторской деятельности должны были подключиться мы, помогая литературными советами и обсуждениями его произведений...

Совсем не помню окончания вечеринки, но точно знаю: наутро Константин Романович проснувшись в квартире своего старого друга, отправился к месту работы в Амурск с тяжёлой головой не только от похмелья...

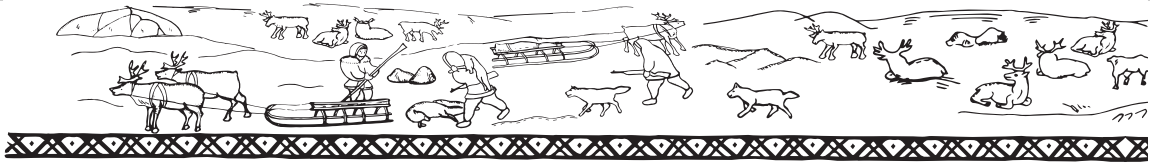
После этой встречи наши свидания с Константином Выборовым стали весьма частыми. Порою, приехав в Комсомольск, он не однажды останавливался у меня с ночёвкой, но, безусловно, чаще всего находился у Николая Жмаева. В 1986 году я с ним находился в таких же приятельских отношениях, как и с его близким другом Жмаевым (только с Николаем Фёдоровичем я познакомился почти четырьмя

годами раньше). У нас не было тесных дружеских отношений, которые обычно бывают выстраданы длительным временем общения, но души наши в чём-то были родственны друг другу несмотря на то, что по возрасту я годился ему в сыновья. Я был молод, он был молод душой, а кроме того представлялся мне большим наивным ребёнком, во многом неприспособленным к этой жизни. Интуитивно я чувствовал чистоту Костиной души, привлекательную необычность его личности – и оттого тянулся к ней. Иного в наших отношениях и не могло быть дано, поскольку это был одновременно интересный и удивительный человек, а точнее сказать, удивительно интересный.

Находясь уже в зрелом возрасте, он часто влюблялся, при этом предмет воздыханий порою был младше его по возрасту почти в три раза. Помню, в один из своих приездов он неожиданно вручил мне огромный горшок, в котором зеленела раскидистая ветвь помидорного растения с маленькими красными плодами: «Вот передай такой-то, я не застал её дома, прождав всё свободное время на улице», (а стояла тогда январская пора). «Возьми, – продолжал Константин Романович, вручая мне своё детище: отдашь самолично в руки и непременно скажешь при этом, что это подарок от меня. Смотри, не позабудь!» Этой честью я был обязан не столько доверительными отношениями поэта со мной, сколько близостью моего жилища к остановке, откуда в Амурск отправлялись рейсовые экспрессы из нашего города. Влюблённый поэт ждал свою даму сердца до последней минуты и, уже еле успевая на автобус, сумел-таки изловчиться и забежать ко мне, чтобы передать для неё столь необычный подарок. Подобный случай не был единичным. Обычно в следующие свои приезды он требовал строго отчёта об исполнении поручений и если я не проявлял должной расторопности, сердился не на шутку...

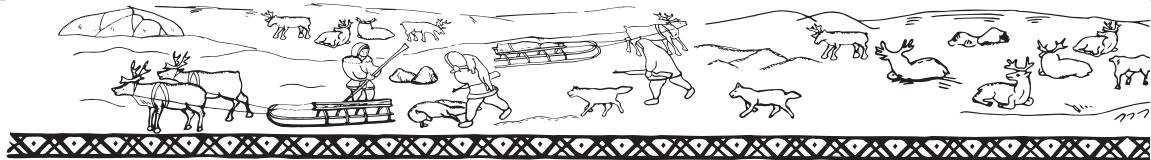
Вспоминаю о нашем совместном походе в ресторан (я тогда «холостяковал»: супруга училась в московской очной аспирантуре и большую часть года находилась в столице).

После долгих наших разговоров о литературе и жизни «вообще», мы решили выбраться из моей однокомнатной берлоги в «свет». Нас обслуживала молоденькая официантка, которую я знал ещё ученицей младших классов той школы, в которой сам учился. Казалось, не она за нами ухаживала по долгу своей служебной деятельности, а Костя за ней – и здесь мне, как галантному кавалеру, несмотря на нашу разницу в возрасте почти в четверть века, он мог дать сто очков форы вперёд. Утром, проснувшись у меня на раздвижном кресле, Константин Романович перевозмогая головную боль, изрёк: «Да, погусарили...» В этом «погусарили» было столько романтических и «блаженственных» интонаций, что я подивился его жизнелюбию. Да, поэт любил «погусарить», но всё его «гусарство» сводилось обычно к платоническим чувствам, хотя, впрочем, наверное, и были некоторые исключения, особенно по молодости. Никогда не забуду о том, как он живописал свои «амурные» подвиги той поры, когда был ещё молодым и неженатым. Но дело как раз не в них, а в тех правилах, которым он следовал в жизни. Поэт просто не мог не влюбляться! Постоянная влюблённость помогала ему не оставаться равнодушным, окрыляла и тем самым облегчала тяжесть лет за плечами. Поэт он был милостью Божьей. Я тогда «баловался» стихами и это «баловство» Константин Романович не хвалил и не одобрял, вполне мудро решив, что когда «подрасту», то сам пойму стоит или не стоит продолжать это нелёгкое занятие. Кое-какие мои вирши, впрочем, он хвалил, мне же хотелось от него большего! Читая свои стихи за платяным шкафом, что заменял в тесной комнатке перегородку, я обычно получал не одобрение, а скорее, уклончивое и вежливое молчание в ответ. И тогда уязвлённый авторским самолюбием, я решил доказать «мэтру», что он не разбирается в «истинной» поэзии: вместо своих стихов, там же за шкафом, в том месте, где он меня не видел, стал читать стихи другого поэта, малоизвестного широкому кругу любителей отечественной поэзии Владимира Кириллова,

выходца из пролеткультовского объединения «Кузница». Думаю, что и сам Выборов не был знаком с его творчеством. Но не этим он удивил меня, а фразой: «Старик, это не твоё!» – «То есть как это не моё, а чьё же тогда?» – «Не знаю чьё, но точно – не твоё! Понимаешь, старик, у меня – ухо! Ухо!!!» «Ухо» у него, действительно, было замечательное, поэтический вкус безупречный! Все, не понаслышке знакомые с его поэзией, это могут подтвердить. В 1967 году на празднование 35-летия Комсомольска в числе прочих именитых гостей был и «тёзка» Выборова прославленный Константин Симонов. Собрав городских писателей, он объявил им о том, что Константин Выборов очень талантливый поэт, стихи которого должны быть обнародованы в первую очередь. Кому-то это могло не понравиться, но сам Константин Романович ходил в то время окрылённый. Один из его товарищей по писательскому цеху, тогда, в 1960-е, ещё начинающий поэт, писавший о трудовых свершениях и передовиках социалистических соревнований, напомнил мне при встрече в 1989 году об одном эпизоде ещё из «того» времени. «Когда Симонов похвалил Костю, он ходил с горящими глазами. Весь в творческом порыве. Помню, встречает как-то меня, величественный такой и в подпитии, словами: «Прочь шестёрка с дороги, видишь, туз идёт!» После небольшой паузы бывший комсомольчанин, уже несколько лет обитавший в Хабаровске, член Союза писателей СССР, издавший к концу 1980-х седьмой поэтический сборник, вздохнув, продолжил: «Да, Костя, Костя. Как он там в Амурске? Бывает ли в Комсомольске? Творит ли ещё? Ты, Михаил, только не рассказывай об этом Косте, неудобно как-то напоминать». Эта встреча произошла в Хабаровском издательстве, куда я приезжал хлопотать об условиях издания первого большого – и, к сожалению, единственного прижизненного! – костинского сборника. Мой знакомец, узнав, что я выступаю в качестве «гонца» от ценителей выборовской поэзии, желавших её скорейшего обнародования в печати, не отказался написать дружескую записку,

содержание которой помню только в общих чертах: Костя, ты талантливый поэт, твори, пиши, издавайся, хватит отсиживаться в стороне! Примерно, об этом же написал в своём послании и другой наш комсомольчанин, переехавший в краевую столицу и трудившийся в Хабаровском издательстве редактором, Александр Лозиков, к этому времени также ставший членом Союза писателей, автором нескольких книг поэзии, прозы и публицистики.

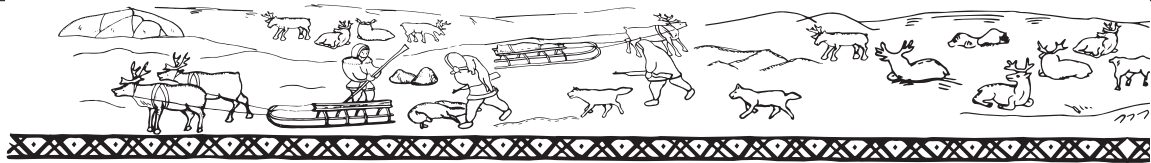
Конечно же, записки, привезённые от новоиспечённых хабаровчан Выборову, возымели своё положительное действие, но как медленно раскачивался поэт, казалось тогда нам, его друзьям и единомышленникам! Ощущение было такое, что он чего-то боялся. Оказалось, что мы не ошиблись. Однажды Константин Романович поведал мне о себе одну печальную историю. Было это то ли в конце 1960-х, то ли в начале 1970-х.

Правление краевой писательской организации приняло решение издать большой поэтический сборник стихов Выборова. Несколько человек высказались по этому поводу одобрительно, книгу включили в план издания и даже выписали аванс. Растроганный поэт пригласил коллег в ресторан, где вперемежку с застольными тостами выслушал массу добрых пожеланий по адресу будущей книги и, образно говоря, на белом коне с почётом вернулся в Комсомольск. Несколько месяцев он, как говорится, не покладая рук, трудился над усовершенствованием рукописи. И вот торжественный момент настал: в краевом издании оставались лишь формальности: подтвердить ранее принятое решение, ознакомить кого надо с содержанием будущей книги – и, прощай, безвестность для широкого круга читателей – сборник засылается в набор! И вот когда поэт прочитал свои стихи «тем, кому надо» и услышал от них дежурные комплименты по адресу своего творчества, случилось непредвиденное: среди собравшихся мэтров вдруг является выпускник Московского литературного института. Он дерзко критикует рукопись провинциала-комсомольчанина с позиции новейших «московских поэ-

тических веяний», разбивает будущую книгу в пух и прах, не найдя в ней абсолютно ничего достойного. Другой автор заткнул бы рот «желторотику» только-только освободившему своё место на студенческой скамье: мол, «суха теория, мой друг, а древо жизни пышно зеленеет» – или ещё покруче – «жизни не знаешь, молокосос, а ещё собираешься нас чему-то учить; откуда ты такой умный взялся на наши головы!» – и прочие, прочее... Но Выборов промолчал, не заступились за него и остальные. Так книга и не увидела свет. (К чести Константина Романовича я никогда не слышал от него дурного слова о том критике, напротив, он отзывался о нём, как о крепком, интересном и самобытном поэте, который в конце 1980-х годов пользовался вполне заслуженной славой, но трагическая нелепость оборвала его жизнь...)

Вот такая приключилась история с Константином Романовичем – больше, чем на добрый десяток лет, отбившая у него охоту к изданию собственных книг. Необходимо было что-то срочно менять! Надо отдать должное в первую очередь Николаю Фёдоровичу Жмаеву. Он, вскоре после памятного дня рождения, поставил поэту решительный ультиматум: либо ты работаешь над книгой и мы тебе все помогаем, либо... Впрочем, что означало это «либо» Костя и так догадался и поэтому засучил рукава. Когда потребовалось быть ближе к культурным центрам, библиотеке, где хранилась газетно-журнальная периодика края в наиболее полном объёме, Николай Фёдорович предложил переехать своему товарищу Выборову из Амурска к себе на квартиру, где его, кстати, ничего бы не отвлекало от творчества. Здесь в Комсомольске, под неусыпным бдением его лучшего друга и его супруги Людмилы Дмитриевны, Костю заставили едва ли не силой начать работу над новой поэтической книгой. Так мало-помалу творческие планы стали претворяться в жизнь! И будущий поэтический сборник под символическим названием «Песчаный остров», так в чём-то похожий на жизнь поэта, стал обрастать зеленью:

Здесь нет травы,
Деревьев нет –
Тальник
Пытается пробиться.
Здесь будет жизнь,
Но сколько лет
Борьба отчаянная длится!⁴²⁷

(Песчаный остров)

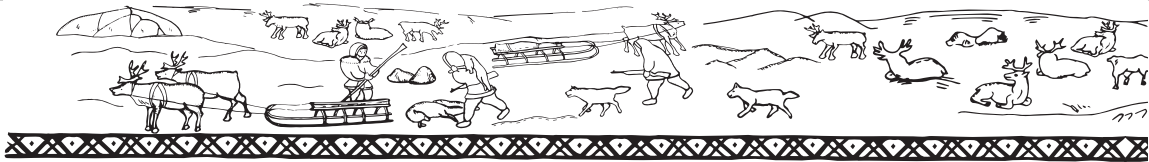
Константин Выборов для меня всегда был интересен самобытностью суждений. Совершенно случайно я как-то узнал о том, что он заочно окончил пединститут и очень изумился: не тому, конечно, что он сумел осилить филологический факультет, а совершенно другому – он не имел шаблонных суждений, которыми обычно щеголяют люди с высшим образованием, и потому внутреннее у него преобладало над внешним, наносным. Другими словами, его духовный мир не нуждался в особых подсказках извне.

Помню его постоянные споры с Николаем Фёдоровичем Жмаевым о происхождении мироздания, устройстве Вселенной. Николай Фёдорович, уважаемый в институте заведующий кафедрой, кандидат технических наук, доцент, лектор общества «Знание» излагал свои суждения степенно и последовательно, я бы сказал, авторитетно, а Константин Романович спонтанно, эмоционально и сбивчиво. Если не прислушиваться к смыслу, то, конечно же, «истина» была на стороне Николая Фёдоровича, но я в силу дотошности своей журналистской профессии прислушивался. Меня поразила парадоксальность суждений поэта: он отказывал логике в силу её ущербности и доверялся человеческой интуиции. Она, по его мнению, являлась составной частью человеческого духа и претила рационализму, переноса центр тяжести интереса с внешней стороны жизни на внутреннюю.

427 Там же. – С. 16.

Константин Романович считал, что человечество к сегодняшнему дню утратило гармонию в познании мира, а это, следовательно, отрицательно сказалось на целостности его духовного бытия. Выборов никогда не высказывал откровенно религиозные взгляды, но именно среда сибирской деревни, в которой он воспитывался с малых лет, будучи, как он сам говорил, «взятым в дети», оказала на него влияние своими патриархальными устоями, духовной энергией, унаследованной от предков. Его спор с «материалистической» точкой зрения на мир являлся своего рода протестом против духовной закабалённости нашего народа, и здесь он выступал, как борец за духовную свободу во всех областях знаний. Поэтому творческую интуицию поэт рассматривал, как стопроцентный «лирик», в отличие от «физика» Жмаева, считая, что для «поэтического» сознания не может быть какой-то иной более высшей формы постижения мира в иерархии его познаний. Именно в ней та правда, что возносит истинного исследователя над всяким отвлечённым знанием. Такой «эмоциональный» подход к пониманию мироустройства был, конечно, теоретически недоказуем для меня, но почему-то я не сомневался в его достоверности. Константин Романович в отличие от большинства людей «переживал» свои знания и потому, даже если бы и не писал стихов, всё равно бы являлся для остальных «поэтом» или «романтиком». Из всего этого не следует того, что Николай Фёдорович Жмаев в своих диспутах с Константином Романовичем был совершенно не прав. Объективности ради надо сказать, что и его суждения, пропущенные, в отличие от его оппонента, через огнедышащее «горнило» разума, (а не в большей степени чувства), тоже имели право на существование. Каждая личность своеобразна и по-своему выражает богатство духовной жизни человечества, каждый индивидуум проявляется в глубоком единстве сознания с чувствами. Что же касается опытов подхода к жизни моих старших товарищей, то ограничусь следующим: оба в ту пору стремились к духовной свободе, но просто разными путями, один – через науку, другой – с помощью поэтической-

го вдохновения, поэтому, по сути, эти два замечательных человека для меня являлись романтиками, пришедшими в мою жизнь из «оттепельных» 1960-х годов, оба они для меня стали в какой-то мере духовными учителями и я благодарен за это моим дорогим «шестидесятникам»...

И вот наступил долгожданный миг в творческой жизни Константина Романовича Выборова. Он пригласил нас четверых: Николая Фёдоровича, Людмилу Дмитриевну и меня с женой – стать первыми слушателями его книги стихов. Как сейчас помню эту торжественную минуту: поэт сидел за столом в квартире своего старого друга на Аллее труда. Читал он поначалу несколько напряжённо, негромко, без обычных для некоторых авторов поэтических завываний. Поэт волновался, лысина покрылась испариной, в горле пересыхало... По окончании чтения в наш адрес прозвучал банальный и одновременно животрепещущий для автора вопрос: «Ну, как?» Мы, конечно, отвечали, как и подобает в таких случаях, поздравляли. Помню, выйдя во двор, я расстегнул ворот рубашки и перевёл дух: мне казалось, что гора родила мышь, и поэт обманул наши ожидания. В его стихах я не услышал глубинных интонаций, эффектных приёмов, ярких образов, броских сюжетов. Выборовская поэзия была проста и непримотлива, но я-то ожидал от неё большего! Кстати, такое же точно впечатление сложилось и у Ирины, моей супруги. Прости меня, Константин Романович, за такое поверхностное впечатление! Как всё-таки восприятие стихов на слух зависит от их чтения! Порою выразительное чтение тривиальных строк потрясает, но на бумаге они могут оказаться незначительными и даже жалкими. И наоборот, гениальные строки, прозвучав, могут никого не задеть, если чтец стеснён, настроение немного не то – и всё: погиб поэт! Только спустя некоторое время, когда сборник его стихов вышел из печати и оказался у меня в руках, я по достоинству оценил выборовские строчки. Поэт доверительно исповедовался перед читателями в том, что гнетёт его большую душу, каялся, если хотите, в своих ошибках, а я и, подобные мне «ценители», не захотели этого заметить, ожидая от его музыки чего-то сверхнеобычай-

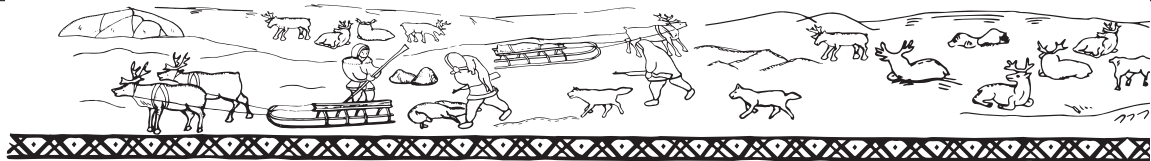
ного. А необычное-то как раз и заключалось в обыкновенном чуде его поэзии. С первых строк книги её лирический герой нам поведал о том, что рано или поздно будет беспокоить каждого нормального человека – об его одиночестве в этом мире, и переживании этого одиночества:

Всё реже
Навещает меня радость,
Всё чаще
Одиночество томит.
Я слушаю –
Я слышу! Нет, не жаль мне
Удачу отторгнутых друзей,
Но есть она –
В печали возмужания –
Та боль,
Что одиночества острей...⁴²⁸

(Давно уже не снится...)

До такой поэзии нужно было ещё дорасти и душою, и мудростью. Он слышал! А я – нет! У него был скорбный слух, позволивший ему передать трагедию своего лирического героя – предостережение читателям: живите так, чтобы вас не беспокоили угрызения совести, но при этом не будьте самовлюблёнными бесчувственными болванами и если уж не задумываетесь о смысле жизни, то задумайтесь, хотя бы о своей несчастной судьбе, пока у вас на это есть время... Это сейчас я понимаю, что тогда прошёл мимо поэтического открытия Константина Выборова – замечательного образа: «печаль возмужания», который отсылает нас к ветхозаветной крылатой фразе царя Соломона: многие знания – многие печали. Не знаю, читал ли поэт Библию, но он зачастую мыслил так же, как и её создатели, делясь с нами своими

428 Там же. – С. 15.

выстраданными откровениями. Для него мир природы был намного созидательнее того, что он встречал в людской среде. Он просто не мог находиться в ней подолгу – заболел в прямом и переносном смысле, ища спасения в хмельном забвении, одиночестве или у костра в лесу, на берегу реки или посреди цветущей поляны. Он воспевал эти островки жизни, где являлся в доску своим, где не надо было ему самому обособляться и отрывать от всего цельного, вечно живущего и поэтому радующегося своему бытию.

Его стихотворения имели замечательные по своему психологизму названия: «Один», «Ветка хрустнет в ночи», «Упадёт талина», «Чуть тронет ветер синий дым» – и это только малая толика из необычного перечня... Природа для него была духовно живая и просветлённая. Её жест – хруст ветки в ночи – породил ответный жест его лирического героя:

Приглашаю к костру:

Жест – безмолвное слово,

Жест как первооснова

Сути краткого – друг!⁴²⁹

(Ветка хрустнет в ночи)

Этот мир был для него привычен настолько, что он осязал его твердь босыми ногами – и это не похвальба, а правило его жизни, поэтому и травы у него были босыми, то есть очеловеченными, и речушка светлая напоминала ладонь, и ветер ложился на крыло... Здесь он был понятен себе и природе, и с вершины этого понимания обращался к людям: «оставь гремучее копьё...» Людей он любил, но не абстрактно и безадресно, а обращаясь конкретно к героям своих стихов: стареющей женщине, «очкарику», изгоям и бичам, сыновьям, наконец, к своим друзьям, которых у него было немного. Поэтому, заслужив высшую поэтическую похвалу, они на ка-

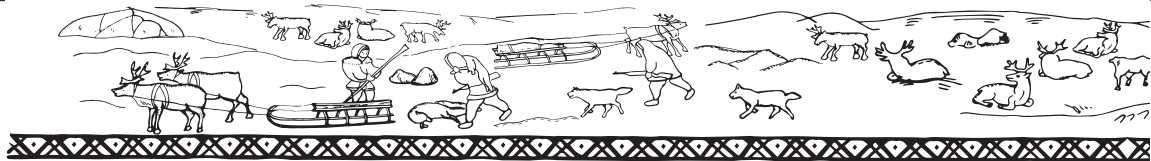
429 Там же. – С. 18.

кое-то мгновение благодаря авторской щедрости уподоблялись высшим авторитетам, пусть и в шуточной форме. В стихотворении «Лежит мой друг, как Бог» нет никакого кощунства: просто такова степень поэтического обожания. Здесь герой, которым любителю поэт, то ли Гаргантюа, то ли Пантагрюэль, а может быть, даже и персонаж с рубенсовского полотна. Главный раздел «Песчаный остров» первой части не случайно завершается ожиданием друзей в гости к поэту, коротающему ночь у костра в царстве природы.

...Когда в 1990-ом сборник в основе своей был подготовлен для передачи в печать, Константин Романович попросил мою Ирину написать к нему вступительную статью. Почему выбор пал на неё? Думаю, наверное, потому, что вся наша семья – не только я и супруга, но и наша дочь-подросток – дружили с Выборовым (всем нам троим он потом подписал свои книги с очень тёплыми пожеланиями). Ирину он выделял ещё и как поэта в отличие от меня. К тому времени (1989 год) она защитила в Москве диссертацию по поэзии. Поэту очень хотелось, чтобы под вступительным словом после её имени и фамилии обязательно бы стояло: кандидат филологических наук. Он даже выразил публично протест редактору книги, когда узнал, что в гранках отсутствует учёная степень автора предисловия. Было ли это связано с его поэтическим самолюбием? Думаю, что нет. Просто поэт хотел показать своим собратьям из Хабаровска, некогда отвергнувшим его творчество, что есть профессионалы, которые сумели по достоинству оценить его мучительную работу. Это был, действительно, выстраданный многолетний труд, никакая-то случайная книжка, изданная за счёт автора. Это был плод зрелого поэтического раздумья, и книге этой предстоит ещё долгая творческая жизнь...

Свою вступительную статью к сборнику Ирина Рябий назвала «Дышала бы только душа...», эта стихотворная строчка из выборовской поэзии очень ёмко характеризовала всё творчество Константина Романовича, где никогда не было, да и просто не могло быть какой-либо фальши. Автор лите-

ратурно-критического предисловия не случайно подчёркивал мысль о том, что как бы судьба не смеялась над поэтом, какие козни бы ему не строила, он всегда оставался человеком, в отличие от иных, «омизантропившихся» личностей: «Зато все те переживания, которые он испытал и испытывает до сих пор, открыли ему то высокое сердечное зрение, которое позволяет видеть...»⁴³⁰

А видел поэт многое. Не случайно же он был назван в статье «поэтом космического видения».⁴³¹ Нам сейчас его так не хватает в современной поэзии! Постигая мудрость творчества Константина Выборова, могу сказать одно – оно явление штучное, от Господа Бога! Но люди – как люди, в суете не замечают пророков, что живут рядом с ними и предупреждают их о невидимых ими опасностях жизни и угрозах их духовной свободе. Поэта-пророка дано понять не каждому, для этого необходим тоже необыкновенный, дарованный милостью Божьей, талант. Об участии пророков можно прочесть в поэтических строках у Пушкина и Лермонтова...

...Поздним летом 1990-го мы всей семьёй переехали из Комсомольска в Биробиджан. Поэт прислал нам свою фотографию с такой припиской на её обратной стороне:

Не я здесь –
Кто-то здесь другой,
Но снимок, право,
не случайный:
Вот так и выглядит
изгой,
Что под Звездой
своей печальной!..
Март – июль
1990 год...

430 Рябий И. Г. «Дышала бы только душа» // Выборов К. Р. «Песчаный остров»: Стихи. – Хабаровск: Кн. Изд-во, 1991. – С.5.

431 Там же. – С. 6.

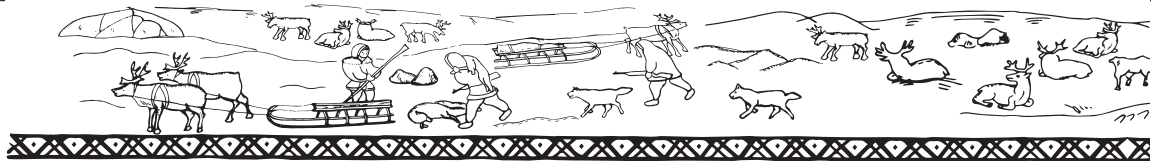

С огромной Надеждой во всё светлое, мои дорогие «биробиджанцы»...

...И это «светлое» вскоре наступило: через год первая большая книга поэта Выборова обрела своего читателя. В Амурске была даже презентация, на которой побывали и его друзья-комсомольчане. Кроме сыновей Выборова, Николая Фёдоровича Жмаева, активное участие в создании «Песчаного острова» принял близкий друг автора, Заслуженный художник России Евгений Васильевич Короленко. Он изобразил портрет поэта в книге, как и подобает главной авторской мысли: каждый человек в этом мире странник, и жизнь его подобна песчаному острову, подмываемому волнами моря житейского. Константин Романович с засученными по колена штанами, босой, с посохом в руке, бросает на читателей прощальный взгляд перед тем как двинуться в дальнейший путь. До смерти поэта оставалось три года...

К сожалению, после выхода книги Константина Выборова я встречался с ним считанные разы, в основном летом, когда у меня были каникулы, поскольку в 1990 году поступил в московскую аспирантуру.

Помню, как однажды, в летнюю пору 1992 года, я приехал к нему в Амурск, не сообщил об этом заранее, решив сделать сюрприз. Но меня поджидала неудача – Кости не было дома. Соседка сказала, что он ушёл в гости смотреть мексиканский сериал, у него, бессребреника, не было даже телевизора. Знаю это точно, поскольку до этого бывал у него в квартире. Помню своё изумление по поводу того, что такой человек, Поэт, оказался любителем каких-то пошлых мелодраматических сериалов! Но Константину Романовичу ничего человеческого не было чуждым. Помню как в один из более удачных приездов к нему, он обрадовался привезённой мною бутылке дешёвого вина, выпив чисто символически, мы несколько часов проговорили на разные наболевшие темы в его однокомнатной каморке анахорета, где на почётном месте находились книги и его потрёпанная печатная машинка. Затем он проводил меня до междугородней автобусной станции, мы обнялись на прощанье...

...Известие об его кончине пришло в день нашего с Ириной отъезда из Комсомольска. Сообщил нам об этом его друг Евгений Короленко. Был июль 1993 года, любимое время Поэта, о котором он писал, связывая его с нашей Родиной:

Навечно, навечно —
Озёр синих чаши,
И звонкое вече
В берёзовой чаще!

И клёны по склонам,
И травы над речкой —
Мир сине-зелёный
Навечно, навечно!

И чайки, и коршун —
Над плёсом, над лесом.
И зной — рыжий кормчий
Плывущего лета.

Навечно, навечно—
Июль над Россией!..
Сгорают, как свечи,
Саранки лесные.

И кто-то качает
В томительный полдень
Цветы иван-чая
В безветрии полном...⁴³²

(Июль над Россией)

432 Там же. — С. 38.

ВОСХОЖДЕНИЕ К МИРОЕДИНСТВУ АНАСТАСИИ САЙНАХОВОЙ

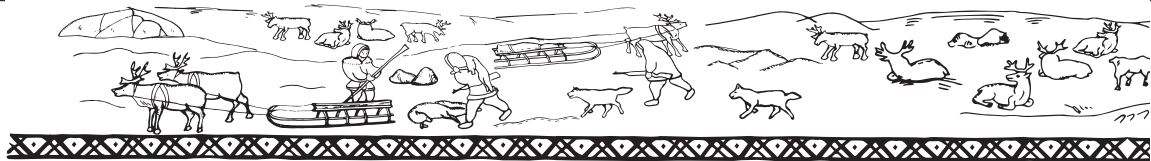

Когда я спросил Анастасию Ильиничну Сайнахову⁴³³ о том, что послужило для неё первым толчком в осознании такого понятия, как «Родина», она, нисколько не задумываясь, ответила: «Деревня Манья, которой сегодня уже нет на географической карте нашего округа». Вспомнилась сразу песня ещё два-три десятилетия назад бывшая столь популярной в народе – «С чего начинается Родина»...

Действительно, с понимания своей любви к «малой Родине» начинается огромное гражданское чувство, которое, подчеркнём, принято называть у нас патриотизмом – ни «местничеством», ни «шовинизмом», ни национализмом, а, именно, патриотизмом. Ведь патриотизм отличается осознанием земли как своей, это осознание себя ответственным за эту землю, за её благосостояние, это осознание себя в диалоге с живой историей земли. Чувство патриотизма сильно прежде всего своей добролюбезностью, поскольку никогда не основывается на ненависти к другим народам.

Но вернёмся к нашей героине. Первые шесть лет жизни в родной деревне, может быть, не отпечатались в её памяти столь чётко, как последующие годы, но отдельные впечатления, уникальные в своей первозданности, до сих пор неизгладимы. Это пруд, расположившийся в центре села и не-

⁴³³ Автор познакомился с Анастасией Ильиничной Сайнаховой в 1998 году, когда стал совместно с нею трудиться в качестве заведующего кафедрой на филологическом факультете тогда ещё Ханты-Мансийского филиала Нижневарттовского государственного педагогического института.

большие деревья вокруг него, которые «малOVERШКОВОЙ» Тасеньке казались тогда огромными. Это речка Манья, давшая название деревне, любовно огибавшая кусочек родной земли. Наконец, это сильные и умелые люди – близкие, родные, дальние, но все жители этого первого для шестилетней девочки островка жизни. Природа для них была не только объектом созерцания, но и Матерью-кормилицей. И они относились к ней с любовью и почтением в ответ на материнскую ласку: из рек брали столько, сколько необходимо было для собственных нужд, соблюдали неписанные законы леса, давая возможность появиться на свет живому. За душевное богатство, трудолюбие, незлобивость, гостеприимство любила и ценила своих земляков Анастасия Ильинична. Наверное, есть какая-то «человеческая» символика в том, что её родная деревня прославилась находками золота, обнаруженными в речном песке. Золотой край, золотые люди... Ну, как здесь не предоставить слово мансийскому Есенину? Андрей Тарханов, вспоминая о своей родной деревне, угадал и судьбу Маньи – малой Родины Анастасии Ильиничны:

Что ни дом – одни таланты,
Что ни бор, то благодать.
Земляки – мои атланты,
Вам бы жить да поживать.
Но в период укрупнений
Неразумнейшим пером
Тысячи таких селений
Были списаны на слом.
Слёзы, слёзы – гнев наш чистый,
Слёзы вылились до дна.
А ханжи и карьеристы
Получали ордена.
Нет тебя, моя деревня,
Нет боров, река тиха.
Голос кедров мудрых, древних
Стал тревогою стиха.

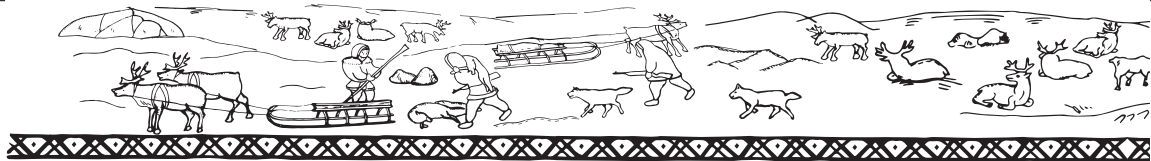
...Истоки душевного богатства Анастасии Ильиничны, безусловно, в той стране, в которую уже никогда не попасть – детстве. Говорят, что для полного развития личности необходимо несколько уровней восхождения. Четыре из них постигаются в отрочестве. Первый, когда ребёнок ощущает себя эгоцентричным существом – и он, действительно, нуждается в заботе и помощи. Здесь главное не дать младенческому эгоизму перерасти в разрушающую и обесмысливающую жизнь сущность. Семья выводит детское сознание за пределы эгоцентризма.

На этом втором уровне, правда, мышление ребёнка ещё остаётся внеисторическим, вневременным, но он уже не одинок – рядом близкие люди.

На третьем уровне сознание обретает временную перспективу, приходит понимание рода, роли предков в собственном становлении.

Четвёртый уровень можно назвать «общинным». Сознание человека становится историческим. Все дела его для общества, мечты воплощены в общее дело.

Так было и с Анастасией Ильиничной. Большое влияние оказали на неё бабушка – своей добротой, дедушка – суровой немногословностью. Но прежде всего – родители: Илья Леонтьевич и Ольга Степановна. Отца арестовали за пять дней до тасенькиного пятилетия. Захватили обманным путём, попросив безотказного человека отвезти на оленях людей (Илья Леонтьевич был не только хорошим рыбаком и охотником, но и оленеводом). Через месяц с небольшим в числе 107 репрессированных он был расстрелян в окружном центре. Мама – Ольга Степановна (урождённая Оманова) всю жизнь проработала в колхозе, воспитала семерых детей. В 2003 году из живых братьев и сестёр оставался самый младший – Митрофан Ильич, трудившийся бригадиром строителей. Они при встречах вспоминали близких, гордились ими, всю жизнь проработавшими в колхозе. Но сейчас рядом нет и младшего, ушёл за остальными. Анастасия Ильинична всех помнила и ценила. Примером

для подражания был старший брат. Судьба Николая Ильича обыкновенна в своей необыкновенности. Всего месяца довелось ему повоевать в Великую Отечественную, больше не позволило ранение в ногу, но и этого времени хватило отличиться – получить два боевых ордена. После потери ноги брат продолжал трудиться – бригадиром оленеводов, рыбаком, охотником... Был уважаемым человеком.

Анастасия Ильинична по праву гордилась своими земляками, об одном только сожалеет – в большинстве случаев не осталось у её народа продолжателей его славы. Где новое поколение сказителей и певцов? Нечасто ведь теперь увидишь, чтобы молодой человек, плывущий в лодке или бредущий лесом, пел бы родную песню. Не оставил учеников знаменитый резчик по дереву Петр Ефимович Шешакин.

Где ученики Ювана Шесталова и Андрея Тарханова? Есть ли последователи учёных-манси? А ведь талантов по сёлам, деревням осталось ещё немало, надо уметь только рассмотреть их! Как когда-то разглядели её: после окончания сосвинской средней школы направили в Ханты-Мансийское национальное педагогическое училище, потом в Ленинградский государственный педагогический институт имени Герцена. Затем была аспирантура при Московском институте языкознания Академии Наук СССР и защита диссертации на степень кандидата филологических наук в далёком 1966-ом году.

Что помогало Анастасии Ильиничне двигаться вперёд, избрав карьеру учёного-филолога? Наверное, любовь к своему народу, возможность принести ему как можно больше пользы. Ну, и конечно, тяга к учёбе. Она, как некогда герой рассказа Льва Толстого Филиппок, раньше положенного времени решила поступать в Ханты-Мансийское педучилище. Дело было в 1949 году, когда она окончила 7 классов Сосвинской средней школы. Старшая сестра Татьяна, уже обучавшаяся там, поддержала Настю: «Поедешь со мной учиться!» А Настя только рада стараться: на год раньше положенного срока собралась на учёбу в окружной центр. Бла-

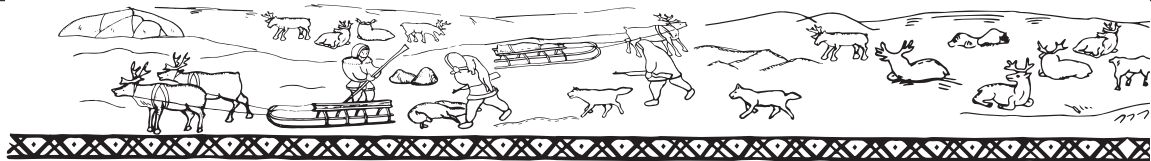
го пароход «Пётр Шлеев» стоял у берега под парами, в кармане нашлись три рубля на билет, ведро картошки в узле на первый случай – и, прощай, родная Манья! Насилу в этот раз братья остановили путешественницу, взяв с неё слово, чуток повременить...

Уже в Питере выразительности мансийского языка её учил доцент Алексей Николаевич Баландин. Он приводил такие речевые обороты, которые она и её однокурсники не всегда могли знать. С любовью отзывается Анастасия Ильинична и о другом вузовском преподавателе – Галине Ивановне Митрофановой. Она научила не только теории в методике русского языка, но и практике. Автор знаменитого учебника «Общее языкознание» Виталий Иванович Кодухов читал историческую грамматику и старославянский язык, а позже, когда она сама уже была преподавателем, был её руководителем на курсах повышения квалификации.

Многие учителя Анастасии Ильиничны были студентами ещё старой, дореволюционной профессуры, которой чуждо было боязливое, приспособленческое, двурушническое сознание. В большой науке не бывает маленьких людей, поскольку настоящий учёный – всегда подвижник, которому чужды карьеризм, зависть, злоба, мстительность и мелочность.⁴³⁴

Многому необходимому в педагогической деятельности научилась Анастасия Ильинична будучи аспиранткой у Федота Петровича Филина, директора института языкознания. Доброжелательный тон, ни намёка на грубость, крик или нравоучение. Вспомнился ей такой случай: надо срочно было выставить лыжную женскую сборную для участия в вузовских соревнованиях в гонке на 5 километров. С муж-

434 По инициативе А. И. Сайнаховой, на филологическом факультете в 2001 году был организован негласный «Совет заведующих кафедр», в который входили как бывшие руководители подразделений, так и трудившиеся на этой должности. Одной из функций этого «Совета» была совместная консультация по ряду важнейших кафедральных вопросов, благодаря чему все решения кафедральных собраний принимались практически единогласно, в дружеской коллегиальной обстановке.

ской частью проблем не было, а вот из-за отсутствия женской команды могли поставить ноль очков – «картошку». Вот и попросил директор академического вуза аспирантку избавиться от этого «овощного» дара: «Тасенька, спортивная судьба нашего института зависит от вас!» Тасенька не подкачала – впервые, без тренировок, побежала на такое расстояние – уложилась в норматив. В общекомандном зачёте вуз занял 8 место из 25! Как это ей удалось, знают только ребята из мужской команды, подталкивавшие её после трёх километров, да прорезавшееся после этого «второе дыхание». Федот Петрович не оставил этот случай без внимания, пригласил к себе в кабинет, поблагодарил и торжественно вручил торт: «Тасенька, угостите своих друзей из мужской команды».

Спорт помогал выковывать и характер. Ещё в Ленинграде студенткой она решила заниматься в секции гребли, но тренер отказал: ноги короткие, не достают до перекладины. Тогда она села в лодку и продемонстрировала, на что способна: с той поры её место в «восьмёрке» стало законным, правда, перекладину пришлось приспособить поближе к ногам. В 1957 году в составе студенческого отряда побывала на целине, было трудно, но трудности сильного духом человека только закаляют.

После защиты диссертации было тоже нелегко, но это не помешало ей стать доцентом, профессором. Где бы она ни трудилась: в Новосибирском университете, Горно-Алтайском вузе, Анастасия Ильинична помнила всегда о своём любимом Ханты-Мансийске – и вот её мечта исполнилась – с 1994 года она снова здесь! Трудилась в НИИ Возрождение обско-угорских народов и одновременно учила мансийскому и русскому языкам в Ханты-Мансийском филиале Нижневартковского государственного педагогического института. А ещё по совместительству заведовала кафедрой развития этнообразовательных систем обско-угорских народов при институте повышения квалификации и развития регионального образования. С 1998 года она на филологи-

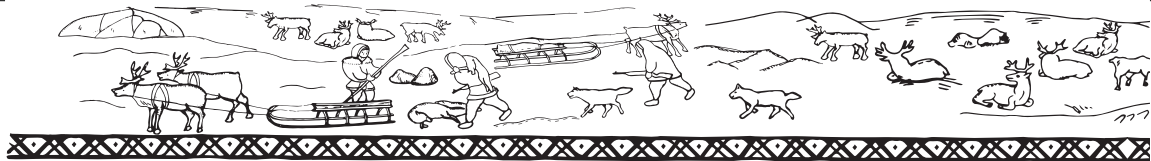

ческом факультете. Автор и редактор свыше семи десятков научных и методических работ. Среди них статьи, программы и учебники. География издания самая разнообразная – от Венгрии и Финляндии до российских столиц. В провинции тоже вышли рекомендации и программы. Например, в Республике Алтай объёмом свыше 20 печатных листов. В Санкт-Петербургском филиале издательства «Просвещение» вышел учебник для чтения на мансийском языке для 4 класса. Кроме учебных программ появились также новые учебные пособия под её авторством. Уже находясь на заслуженном отдыхе, Анастасия Ильинична поддерживала связь со своими учениками – бывшими школьниками и студентами. Пять лет назад она выступала с воспоминаниями в Этнографическом музее под открытым небом «Торум Маа», где состоялась встреча поколений с ветеранами в рамках культурно-исторической программы «И помнить страшно и забыть нельзя», посвящённой 70-летию Победы в Великой Отечественной войне.

А. И. Сайнахова награждена Золотым Знаком Почёта и медалями «За заслуги перед малочисленными народами», «Ветеран труда», ей присуждено почётное звание «Заслуженный работник народного образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Она имеет многочисленные грамоты за добросовестный труд и вклад в развитие финно-угроведения.

Всё это свидетельствует о том, что Анастасия Ильинична Сайнахова давно вышла за границы только национально-го сознания, она чувствует своё единство со всеми людьми на земле. Её творческий путь можно назвать восхождением к мироединству.⁴³⁵

435 Основой данной публикации стало выступление автора на творческом юбилейном вечере А. И. Сайнаховой.

О НАУЧНОМ ПОДВИГЕ ДОЧЕРИ СВОЕГО НАРОДА ЕВДОКИИ РОМБАНДЕЕВОЙ

Когда вышел из печати долгожданный научный труд доктора филологических наук Е. И. Ромбандеевой, насчитывающий около пятисот страниц печатного текста, это стало в научном мире событием не только регионального масштаба. Мифы, сказки, предания манси (вогулов) вошли в 26 том «Памятников фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» Института филологии СО РАН. Из шестидесяти двух произведений мансийского фольклора более двух третей были опубликованы впервые. Мне выпала честь быть рецензентом этой книги и оценить научный вклад Евдокии Ивановны в родную культуру. Собираением произведений фольклора манси она увлеклась со студенческой скамьи, посвятив ему свыше 65 лет своей жизни! Поэтому этот труд и подобные ему научные книги, – плод напряжённой, кропотливой работы – выстраданной автором деятельности!

Фольклористикой и этнографией, основываясь на языковой культуре и укладе жизни своего народа, Евдокия Ивановна всегда занималась успешно: в учёных записках ленинградского педагогического института в 1960 году выходит работа «Мансийская лирическая песня». А первая научная публикация увидела свет в Таллинне, на эстонском языке, во втором номере журнала, посвящённого проблемам языка и литературе. Было это в далёком 1959 году, более шестидесяти лет назад...

За пять лет до этого она помогала учёным А. М. Баландину и М. П. Тихонову в подготовке книги чтения для второкласс-

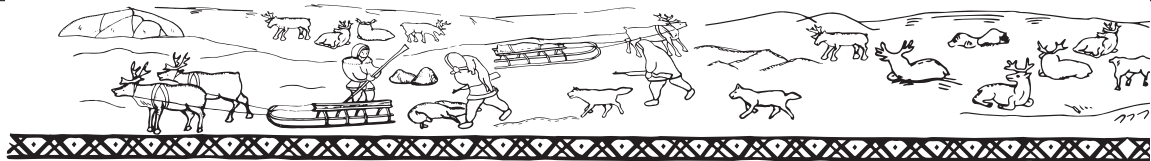

ников мансийской школы. К этому времени ею уже были переведены на мансийский язык художественные произведения Николая Носова, Аркадия Гайдара, Сергея Михалкова, Владимира Маяковского и других авторов. А первой среди переведённых на родной язык текстов стала детская книга. Она была посвящена рассказам о животных. Автором её был замечательный писатель и художник Евгений Чарушин, и называлась она – «Большие и маленькие». Она, как никакая другая книжка, особенно пригодилась для малышей-манси. Очень уж схожи были чарушинские миниатюры о «зверятах» с детским мансийским фольклором: например, «Утка с утятами»:

Кря, кря, утятки!
Кря, кря, маленькие!
Вы, как лодочки, плавайте!
Ногами, как вёслами, воду загребайте!
Нырять и до самого дна доставайте.
А на дне, в озёрке, подводная трава,
вкусная тина и жирные червяки.
Ешьте побольше! Растите побыстрее!

Многих зверей, что были описаны в этой книжечке, переводчица ещё маленьким ребёнком встречала в лесу – и птёнышков, зайчат, бельчат, оленят, лисичек и волчат... Но только вдалеке от родных мест, к ней пришло понимание красоты и очарования любимого края, а вместе с этим представилась возможность воспеть эти чувства на языке своего маленького народа. Всё это произошло благодаря животворному воздействию русского языка, который она стала основательно изучать уже в Ленинграде...

Родители и подружки называли маленькую девочку по-мансийски – Котильяги (средняя дочь), позже она выяснила: фамилия её происходит от мансийского слова «рам-паньти», что означает «спешащий, торопящийся». И она действительно, торопилась, спешила узнать много нового и полезного в этой жизни: ловко и быстро разделявать

рыбу, пойманную старшими; рукодельничать, как учила мама – Мария Дмитриевна; внимательно слушать и запоминать сказки, услышанные от взрослых. Позже Евдокия Ивановна вспоминала о своих родителях: «Моя мама Мария Дмитриевна родилась в большой и бедной семье, в шестнадцатилетнем возрасте её продали человеку намного старше её. За молодую невесту и выкуп дали богатый – больше десятка оленей».⁴³⁶

Раннее замужество своей матери Евдокия Ивановна объясняет, как бытовавший тогда древний обычай: «Женский труд и умелые руки мансийской женщины жителями таёжного края ценились высоко. Если замечали природные способности молодой девушки, то сватали её рано и платили за неё немалую цену. По-видимому, в жизни своим трудом она оправдывала эту цену. На оленях, полученных от сватов, отец Марии «уже мог ездить на охоту на [в] более отдалённые, богатые пушным зверем таёжные леса и кормить свою жену и своих малых детей, их было ещё шестеро кроме моей мамы».

Однако самой молодой женщине, вышедшей замуж за нелюбимого человека, пришлось несладко! В своих воспоминаниях, что хранятся в Государственном архиве Югры в личном фонде (№ 506) Евдокии Ивановны, она рассказала, какая трагедия случилась с её мамой: дважды пыталась Мария убежать от нелюбимого мужа, но её догоняли и возвращали обратно. Известное дело – бегут от тяжкой доли, а от хорошей и счастливой жизни не побежишь! И кто знает, чем бы закончились эти мучения, если бы сама мудрая женщина не смирилась из-за появившихся на свет детишек. В 1918 году умер муж и, похоронив его, она возвратилась в отцовский дом. Родители вошли в положение дочери и её детей: помогали, как могли. Однако в одиночестве Мария находилась недолго: вышла замуж за Ивана Ромбандеева –

⁴³⁶ Здесь и далее цитируется по источнику «Из воспоминаний Ромбандеевой Е. И.». Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 506. Оп. 2. Д. 45. Л. 148-152.

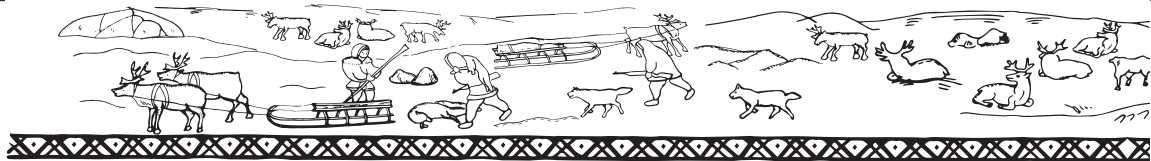

человека бедного и рано осиротевшего. У них родились дочери. Одну из дочерей назвали Дуся.

Всё это можно было узнать не только из воспоминаний, но и записок Е. И. Ромбандеевой. Она дала им символическое название – «Путь из глухой таёжной деревеньки до Москвы». Рукопись эта хранится также в архивных фондах.

Детство девочки прошло в одном из живописнейших мест Севера, где притаилась маленькая деревушка Хошлог. С 1974 года этот населённый пункт исключён из учётных данных территориально-административного деления Ханты-Мансийского автономного округа. Но родилась она ни здесь, а в другом глухом месте – небольшом мансийском селении Мунгесы 22 апреля 1928 года. Там не было ни школы, ни больницы. Потом жителей переселили в Хошлог из-за ликвидации колхоза. Отец промышлял зверя и рыбу. Мать хозяйничала по дому. Три дочери как могли, помогали ей: разделывали рыбу, ощипывали уток, снимали шкурку с белки и соболя. Деревенька тогда относилась к Березовскому району Тюменской области. Добраться туда всегда было сложно: не иначе, как по зимнику, в холода, а летом – по реке. Во время весенней и осенней распутицы это сделать было невозможно... Это уже потом, в послевоенное время, попасть в ту пору можно было только вертолётom. Хошлог окружали реки, озёра и болота. Места хоть и красивые, но труднодоступные!

Семья, в которой росла дочь Ивана и Марии Ромбандеевых, жила счастливо. Любовь и радость передавались детям. Благодарность к своей малой родине Евдокия пронесла через всю жизнь. Её завораживала природа своим сказочным царством, дремучие леса хранили тишину и тайну. Девочка рано познакомилась с организацией быта манси, поскольку с малых лет принимала в нём посильное участие. Родители брали её на рыбалку и охоту, вместе с ними она собирала грибы и ягоды, заготавливала орехи, а когда Дусе исполнилось четыре года, она привозила воду из реки для всей семьи: «...Начала я помнить себя с того момента, как стала

помогать маме по дому. Жили мы в 3-4 км от берега реки, так как уходили в леса, поближе к дровам и ягелю для корма оленей, да и в лесу теплее при ветре и морозах в 40-50 градусов. Я возила воду для нашей семьи на наших собаках». Дело это было нелёгкое, но нужное. В семье все обязанности были распределены чётко. Старшие выполняли более ответственную и тяжёлую работу, младшие – полегче, по своим силам. Об этом разделении труда Евдокия Ивановна вспоминала спустя десятилетия: «Обычно утром кто-нибудь из взрослых людей села ходит на реку, продолбит там прорубь с маленьким сквозным отверстием на толстом льду, а верхняя часть льда снимается несколько больше и получается яма, безопасная для маленьких водовозов. Дети из нескольких семей объединялись вместе и по нескольку раз в день привозили два-три ведра воды на наших собачьих нартах. Помню, топором из проруби снимаем слой тонкого льда из лунки, ковшом, наполняем полные вёдра водой, немного постоим, чтобы вода покрылась тонким слоем льда, и отправляемся в обратную дорогу.

Вода, схваченная льдом, не выплёскивается из ведра. На каждую небольшую нарту запрягается 2-3 хороших собаки, они тащат воду и нас, маленьких хозяек. Наши северные собаки очень умные. Они любят детей и хорошо понимают их желания».

Трудности с раннего детства помогли закалке характера Котильяги-Евдокии, а это в свою очередь помогло ей стать стойкой и мудрой, сформировать внутренний мир.

Первые русские слова были услышаны в родном доме. А дело было так, вспоминала Евдокия Ивановна: «...Мама была не глупа и очень общительна. За работой любила петь, рассказывать сказки и предания о прошлом, и была очень гостеприимна. По-видимому, поэтому в нашем доме всегда было очень много людей. Проезжающие в зимние лютые морозы останавливались у нас погреться и отдохнуть от изнурительной зимней дороги. Мама всегда их угощала горячим чаем и сахаром. Среди гостей бывали и русские, и коми.

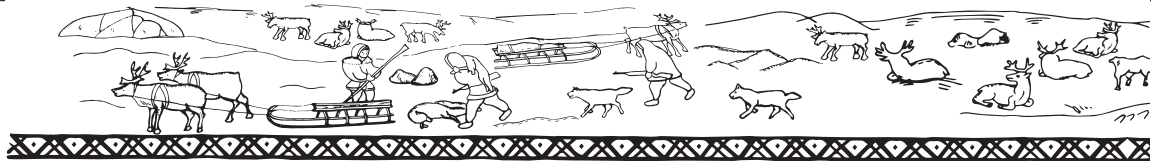
Хоть мы (и дети, и наши родители), не понимали их языка, но контакт тепла между нами и приезжими всегда был. Таким образом, ещё до школы, я могла услышать русскую речь, и может быть, понимала слова: «На – возьми, на – бери», так как у некоторых наших гостей бывали какие-нибудь конфеты в бумажках или просто «подушечки» без обёртки: для нас, малышей, это было чудо и радость».

Случилось так, что когда Дуся подросла и вошла в школьный возраст, к ним в дом пришли два незнакомых человека. Приехали они не просто так, а пригласить учиться в школу. Один что-то говорил родителям на непонятном языке. А другой – объяснял – перекладывал его фразы на понятный мансийский язык. Котильага тогда в первый раз удивилась чудесному для себя открытию: люди могут говорить по-разному, а в итоге – понимать друг друга! И когда она узнала: в школе её научат читать и писать (этим был обусловлен визит незнакомых людей к родителям Котильаги), ещё раз удивилась. Она думала, что «читать» можно только следы зверей на снегу, а «писать» – это ставить тамгу на дереве в том месте, где охотник убьёт зверя.

После разговора взрослых, родители спросили Дусю, хочет ли она учиться в школе? И, к немалому их удивлению, их скромный и застенчивый ребёнок согласился.

Начальная школа, где предстояло учиться маленькой Дусе, находилась в нескольких десятках километрах от Хошлога, её места рождения, там, где она крохой делала свои первые шаги, ей пришлось жить в щекурьевской школе-интернате, подолгу не встречая родных лиц. Сначала девочка скучала по матери, сестре Анне, любимой собаке, но учёба увлекала, открывая незнакомый мир знаний.

Марии Дмитриевне редко удавалось выбираться к дочери – дом, работа и остальные дети отнимали у неё всё свободное время. Её муж, Иван Ромбандеев был человек трудолюбивый. Мария вышла за него и нисколько не пожалела: за хорошую работу ему присвоили звание стахановца, как удачливому добытчику зверя и рыбы, постоянно пере-

выполнявшему промысловый план. Казалось, жизнь наладилась, но в 1937 году грянула беда: отец поехал в Саранпаль сдавать пушнину, и там его арестовали. При последней встрече он сказал жене такие слова: «Я никому ничего плохого не сделал. Единственная моя вина – много добывал зверя, рыбы. Выполнял план. А ведь у нашего народа поверье: не бери от природы больше, чем ты можешь съесть, чем ты можешь одеть. И духи водных просторов обиделись на меня, передали в руки чужакам. Был бы я лентяем, волос бы мой не тронули». Так по-своему рассудил свою беду житель тайги, добытчик – охотник и рыбак Иван Петрович Ромбандеев, муж и отец... Больше семья его не видела, весточки о нём не получала. Только в 1959 году родные узнали: он был расстрелян как враг народа. Тогда же, в конце 1950-х, его реабилитировали, поскольку вины перед советской властью не имел.

Осиротела семья без отца и мужа, но сумела справиться с горем, надеясь на лучшее...

Через год, в 1938-м, Дуся очень удивлялась тому, что, оказывается, кроме её родного языка, есть ещё и другой, на котором говорит немало людей. Вот и её первый учитель Леонид Иванович Проводников просит повторять за ним непонятные слова: «Кот Васька ходит. Хвост у Васьки серенький». «Кот» по-мансийски означает оленьи лапки, а «Васька» это имя, – получается, если хорошенько поразмыслить, не понимая остальных русских слов, что какой-то Василий выделяет оленьи лапы. Уже позже постигла она премудрости великого и могучего языка русского народа и так ей захотелось, чтобы родной мансийский стал не только разговорным, но и литературным. Странными, интересными были и буквы в книгах, одни походили на чум, другие на жука, шею лебедя, следы зверей на охотничьих угодьях.

Учась в 4 классе, Дуся на уроке узнала, что есть «тёплая страна Крым», где огромное море – без конца и края, и нет комаров. Это будоражило воображение девочки, дарило ей

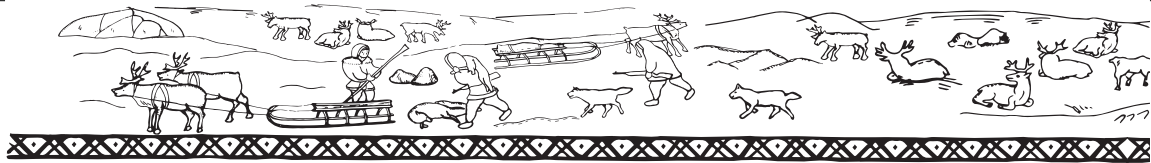
мечту: хотелось своими глазами увидеть чудо, рассказанное учителем.

Когда началась война, её учитель пошёл на фронт. В подростковом возрасте на уроках военной подготовки Евдокия научилась стрелять из винтовки. Это умение ей пригодилось, когда вместе с матерью они из Хошлога на лодке отправились за 300 километров помогать рыбакам. В те тяжёлые годы, во время летних каникул, дети вместе с матерями ловили рыбу для фронта, мужчин не было, искусством добычи рыбы пришлось овладевать самостоятельно. Трудились на износ, не щадя себя. В 1943 году на рыбалке утонула 11-летняя сестрёнка Анна.

Время было голодное и, когда она подстрелила первую в своей жизни утку, мама осталась довольна: растёт помощница. Но «помощнице» надо было ещё закончить семилетку после окончания начальной школы. Пришлось переезжать в Сосьву. Там больше других запомнился преподаватель мансийского языка Алексей Михайлович Голошубин. Дети любили его уроки за простоту и доступность, а ещё за отличные оценки, что он ставил своим ученикам и ученицам.

Спустя годы, она напишет: «Наши учителя и воспитатели были русские, но это были прекрасные, добрые, терпеливые люди. Они нас учили грамоте, учили жить по-новому, учили мыться в бане. Для нашего народа всё это было непривычно. Из тёплых уютных больших интернатов, из сытых домов некоторые из нас всё же устраивали побеги, возвращались домой в свои холодные, голодные юрты. Бывало так, что некоторые замерзали в пути. Так погиб Володя Сохранов, сделавший попытку пройти около 200 километров на лыжах, но замёрз в пути. Хороший был подросток, учился хорошо.

...Наши добрые и сильные, мудрые и умные учителя избавили нас от дикости, привили культуру нашим людям, нашу нищету и слепоту они победили. Теперь все наши дети ходят в школу, получают образование. Жизнь наших северных на-

родов, где царила «полудикость и настоящая дикость», преобразилась на моих глазах».

Евдокия успешно окончила начальную школу, а потом и семилетку. Некоторые выпускники выбирали дальнейшую учёбу в национальных училищах. Дуся выбрала педагогическое.

Училась она неплохо, и проблем с рекомендациями для продолжения дальнейшего обучения не было. Поэтому сразу же после семилетки в 1944 году Евдокия поступает в национальное педагогическое училище, что располагается теперь в центре Ханты-Мансийска. Хоть и голодно тогда было, но жили дружно и даже весело, когда устраивались вечера художественной самодеятельности в этом, ныне старейшем учебном заведении округа. Там же в библиотеке она познакомилась с замечательной книгой исследователя мансийского устного творчества Ивана Авдеева. Называлась она «Песни народа манси». Издана была в Омске, в 1936 году. Учёный в составе научных экспедиций побывал в тех местах, где она заканчивала семилетку. Исследовал фольклорное наследие манси, поселившихся вдоль рек Северная Сосьва и Ляпин. Случилось это ещё в те года, когда ей самой было 5–6 лет. Вряд ли она могла помнить об этих событиях 1933–1934 годов, маленькая была. Но книжку прочитала очень внимательно. В ней было опубликовано около 20 песен, связанных с обрядами и обособленных от них. Особую ценность для неё имела вступительная статья составителя, которая содержала глубокие суждения о своеобразии мансийских песен. Автор писал: «Несмотря на свою примитивность, фольклор этот представляет собою не начальную стадию творчества, а итог чрезвычайно сложного развития. При этом древние фольклорные мотивы не отделяются от поздних механически, как ядро ореха от скорлупы. Наоборот, соединение их настолько сложно, что освобождение первоначального смысла фольклорных произведений от всего привнесённого в позднейшее время, вскрытие их корней представляет подчас большие трудности. Однако эти трудности разреши-

мы».⁴³⁷ Она тогда и предположить не могла, что через некоторое время и ей самой придётся принимать активное участие в разрешении этих трудностей...

А ещё ей понравились стихи из этой книги, переведённые с мансийского на русский. Сразу вспомнилось ей детство с песнями сказителей и сказительниц, рассказанные сказки и театральные сценки, что разыгрывались для детворы. Ребята тоже увлеклись книжкой, разыгрывали фольклорные сценки из жизни комаров, филина и зайчишки, старого лося и лосёнка, исполняли песенки мышонка и собаки.

Дуся очень удивилась, когда узнала о том, что исполнение песен на языке манси, влияет на животных. Автор, записавший песни манси, Иван Авдеев вспоминал: «Каждая собака прекрасно знакома с этой песней. Помню, как однажды на Сосьве, когда с манси Кислобаевым Игнатом сидели в лодке в саженьях четырёх от берега, и он запел песню о своей собаке, собака забеспокоилась, бросилась с берега в воду, доплыла до лодки, взобралась туда по веслу и стала ласкаться к своему хозяину».⁴³⁸

Неужели собака понимает человеческие слова?

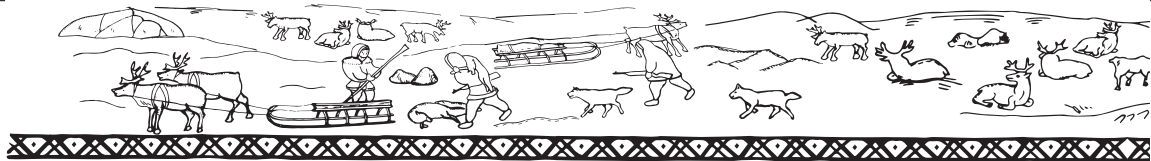
Да и как их не понять? Хозяин в песне о ней хвалит её, гордится ею!

«Я – самый счастливый из манси.
Ни у кого нет такой собаки, как у меня.
Там, где пробежит,
Не ускользнёт от меня ни один зверь:
Обнюхивает она все кустики,
Осматривает она все веточки.
Ах, какая прекрасная собака!»⁴³⁹

437 Авдеев И. И. «Песни народа манси». – Омск, 1936. – С. 19.

438 Там же. – С. 126.

439 Там же. – С. 110.

Ребята рассказывали стихи; забавные истории; ставили театральные сценки о том, как бедные наказывали богатых, выводя их на чистую воду; пели сатирические частушки, высмеивающие врага; устраивали репризы и показывали «живые картины»; исполняли лирические песни на военную тематику. Одна из них запомнилась надолго. Написана она была на стихи тогда популярного поэта Виктора Гусева в 1942 году, а известный композитор Тихон Хренников сочинил к ним музыку.

Есть на Севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залёг.
Русская метелица там кружит и поёт,
Там моя подруженька, душенька живёт.
Письмоносец, ей в окошко постучи,
Письмецо моё заветное вручи!
Принимайте весточку с дальней стороны,
С поля битвы жаркого, с мировой войны.
Слышишь, милая, далёкая моя,
Защищаем мы родимые края!
В ноченьки морозные, в ясные деньки
В бой выходят грозные красные полки.
Мы захватчиков-фашистов разобьём,
С красным знаменем по Родине пройдем.
А война окончится, и настанет срок, –
Ворочусь я в северный милый городок.
Я по небу, небу синему промчусь,
Прямо к милому окошку опущусь.
Постучусь в окошечко, и душа замрёт...
Выходи, красавица, друг любезный ждёт!
Есть на севере хороший городок,
Он в лесах суровых северных залёг.
Русская метелица там кружит, поёт.
Там моя подруженька, душенька живёт.

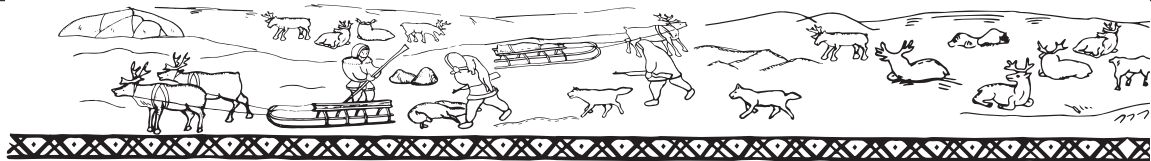

Песня запомнилась надолго.

Директором и учителем физики тогда был фронтовик, вернувшийся с войны инвалидом, Георгий Тарасович Величко. Он был для подростков как отец, заботился, чтобы они были аккуратно одеты, обуты, сыты, чтобы в комнатах было тепло. Евдокия Ивановна не раз высказывала сожаление по поводу того, что колледжу, преемнику училища, не присвоено имя этого замечательного педагога.

Быстро пролетело время учёбы, девушка оглянуться не успела, как вместе с документом об окончании училища его директор, Георгий Тарасович напутствовал её добрыми словами: не забывать, выпускницей какого славного учебного заведения она стала. Новым местом работы оказалась её родная деревня – пока она училась, там появилась новая школа. Получив направление, Евдокия в ответ только смущалась: «Я очень стесняюсь и боюсь одна в Хошлоге работать». – «Ничего – справишься!», – сказал, как отрезал, бывший военный. И она поехала учительствовать в родной посёлок Хошлог. В трёх классах маленькой школы учились пятнадцать детей. Тяжело пришлось юной учительнице, и она поняла, что надо получать высшее образование. В одноклассной школе было всего 15 учеников в 3-х классах, работать приходилось в полторы смены, одновременно выполняя обязанности заведующей школы. «Работать было сложно: в деревне не было библиотеки, методической литературы и после двух лет работы решила продолжить учёбу»⁴⁴⁰, – рассказывает Евдокия Ивановна об этом периоде своей жизни. Ей очень хотелось вернуться на родину ещё более значительным специалистом и помочь её жителям, своим землякам всем тем, чем только сможет. Не случайно же спустя много-много лет на встрече с ними, обращаясь к ним, она скажет слова, полные любви и благодарности: «Это моя любимая деревня. Она вырастила меня, она вывела меня в люди. Замечательные люди

440 Здесь и далее цитируется по источнику «Из воспоминаний Ромбандеевой Е. И.». Казённое учреждение «Государственный архив Югры». Ф. 506. Оп. 2. Д. 45. Л. 148-152.

там жили. Деревня, 20 домов. И вот где теперь я, – среди вас, в Ханты-Мансийске. Прошла Ленинград, Москву, Ханты-Мансийск. Работала год и 8 месяцев в Сибирском отделении Академии Наук в научно-исследовательской лаборатории, и если бы не помощь моей деревни, я бы никогда не смогла пройти такой длинный сложный путь». Тогда же она сфотографировалась у деревянного дома, в котором родилась и жила. На календаре было 25 августа 1998 года.⁴⁴¹

Любовь к родной земле, к своей малой родине, к своему народу – носителям языка манси, Евдокия Ивановна пронесла через всю свою жизнь и была истинным хранителем жемчужного слова народа.

Но прежде чем осуществить свою заветную мечту, нужно было преодолеть трудности в родной деревне, связанные с образованием школьников, поскольку в Хошлоге не было не только библиотеки, но и никаких книг, ни тетрадей – ничего! «Дети прибегут, что-нибудь там найду: журналы, газеты, а потом книжечки появились. В то время и ткани никакой не было, я сказала: «Возьмите сеть и из неё сшейте сумочки».

Для питания детей выделили деньги, и мы в магазине покупали крупу. Женщина, которая убирала класс, варила кашу. Дети бегут с этими сумками, а в ней эмалированные чашки и ложки. Во время перерыва обедали».⁴⁴²

Дети, как когда-то и она сама, не знали русского языка, и молодая учительница начальных классов учила их, примерно, таким же способом, что и её первый учитель – Леонид Иванович Проводников, геройски погибший на войне. Только ребята не повторяли за ней русских слов, а пели песни. Одной из них стала хорошо знакомая ей и любимая фронтовиками «Есть на севере хороший городок...»

441 КУ «Государственный архив Югры». Ф. 506. Оп. 2. Д. 71.

442 Здесь и далее воспоминания Е. И. Ромбандеевой публикуются по тексту: «История и современность. Воспоминания сотрудников Обско-угорского института прикладных исследований и разработок». – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2006. – С. 44-51.

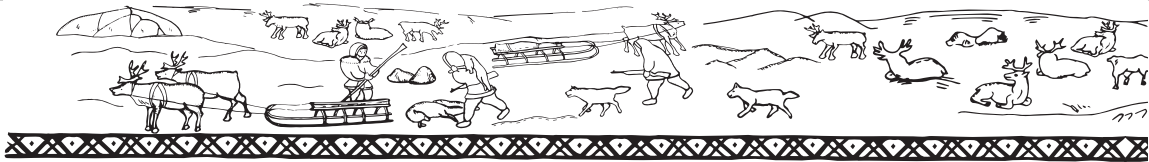

Молоденькая учительница всерьёз верила: в ней рассказывается про столицу округа – Ханты-Мансийск, и они пели её с ещё большим удовольствием, мечтая когда-нибудь побывать в этом «хорошем городке», что «в лесах суровых северных залёг». Так постепенно и учились русскому языку. Когда классы поселковой школы частенько оглашали нестройные детские голоса, поющие про свою мечту, маленькая учительница начальных классов, заведующая школой национальной деревни Хошлог, Евдокия Ивановна Ромбандеева не могла и предположить, что слова из этой песни для неё станут пророческими:

Я по небу, небу синему промчусь,
Прямо к милому окошку опущусь.
Постучусь в окошечко, и душа замрёт...

Может быть, и работала бы она себе в этой школе до скончания века, если бы не случай. Из Саранпауля приехала экспедиция, и Евдокия Ивановна познакомилась с её участниками, что обратились к ней за помощью. Однажды «в окошко постучались»: одна из приехавших сказала: «Я педагог из Ленинграда. Поезжайте в Ленинград учиться». Душа у Евдокии Ивановны «замерла» и после некоторых раздумий она, наконец, решила, хотя и не знала, где этот Ленинград – далеко ли, близко? После двух лет работы в национальной школе засобирилась к лету в дальний путь. Отправилась она в Ленинград не одна, а вместе с юным помощником Колей Садоминым, который поехал после 7 класса в пионерский лагерь (пединститут имени А. И. Герцена летом организовывал детские лагеря).

Впрочем, предоставим слово самой героине: «До Берёзова мы ехали на лодке. Там пересели на пароход «Жан Жорес». Мы сами таскали дрова, пароход шёл медленно. Затем ехали на поезде. 21 день добирались до Ленинграда и сказали: «Если бы знали, что так далеко, ни за что не поехали бы». В то время хлеб давали по норме, у нас только кусочек хлеба

и вода. Наверно, молодыми были, поэтому не помню: хотели есть или нет? В общем, хотелось в Ленинград попасть.

Приехали в воскресенье, вышли из поезда. На остановке нам подсказали, как доехать до Университетской набережной, 9. Мы ехали на трамвае, вышли на остановку раньше и пешком дошли до университета. Стучимся в главное здание, вышла дежурная и спрашивает: «Что вам нужно?». Я отвечаю: «Я приехала учиться в университет». – «А это кто?» – «Он со мной приехал». – «Нам не разрешается никого принимать, идите во двор, там общежитие, а мальчик пусть пока остаётся».

Я пошла в общежитие, студенты обрадовались: «Да-да-да, приходите, мы ещё экзамены сдаём». Снова сходила к Коле, а дежурная смеётся, говорит: «Я его спрашиваю: «Кто ты?», он говорит: «Я – пионер!» Потом Коле говорю: «Завтра приду и провожу до института Герцена», а он отвечает: «Я сам найду». Вот так мы оказались в Ленинграде.

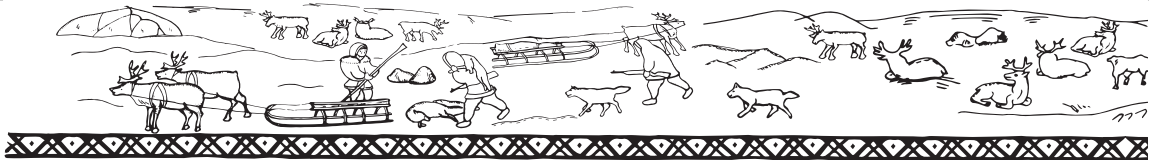
А учиться в университете было очень интересно, были прекрасные преподаватели, очень добрые, знающие, требовательные. И к студентам относились хорошо. Это был 1949 год. В то время стипендия была 45 рублей, а город такой большой, красивый: театры, кино, музеи. Денег не хватало, и я сразу устроилась на работу в издательство «Просвещение». Делала переводы книг, помогала составлять учебники. В театры ходила очень часто, посмотрела все пьесы А. Н. Островского. А на экзамене попался вопрос «русская драматургия», и я очень обрадовалась».

Итак, 1949–1954 – годы учёбы на филологическом факультете ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. На кафедре финно-угорских языков вплотную начинается изучение родного языка, переводческая деятельность с русского на мансийский. Именно здесь впервые студентка почувствовала тонкость и бескрайнее богатство языка своего народа, для продвижения которого она собирает лексический материал. Её старания не пропали даром. В 1954 году выходит составленный ею «Русско-мансийский

словарь», содержащий более 10 тысяч слов, под редакцией Алексея Николаевича Баландина. Тираж словаря полторы тысячи экземпляров. В этом же году Е. И. Ромбандеевой был торжественно вручён диплом филолога финно-угроведа и дана рекомендация для поступления в аспирантуру Ленинградского педагогического института имени А. И. Герцена. Она сразу же поступает в неё и после окончания, в 1957 году, работает научным сотрудником ленинградского отделения Академии Наук СССР, а с 1968 по 1990 годы – научным сотрудником московского института языкознания Академии Наук СССР.

Для Евдокии Ивановны выбор научной карьеры был не случайностью, а закономерностью. Ещё на третьем курсе университета за помощью к студентке-манси обратился именитый профессор из будапештского университета Лакко Дьордь. Его специально послали на 10 дней в московскую командировку, целью которой являлось изучение мансийского языка. Однако в столице тех специалистов, что смогли бы ему помочь в освоении этого языка, просто не оказалось. Сделали запрос в Ленинград и оттуда сообщили: на третьем курсе учится одна манси. Тогда командировку перенацелили и наступил звёздный час для девушки из Хошлоги: «Профессора командировали на 10 дней в Ленинград, он обратился в университет, чтобы меня освободили от занятий. На первое занятие он принёс книги Берната Мункачи, они написаны на основе общей финно-угорской фонологической транскрипции и латинской графики. Я сказала: «Мы это не проходили, я не знаю...» Он виду не подал, а мне было очень неловко, что я ещё этого не знаю. Принесли букварь, по нему я его учила. Я ему говорю, что когда пишем, то хорошо, а вот когда читаем – очень трудно. Тогда я ещё не знала, что в мансийском языке есть долгие, краткие гласные. Если их не обозначать, то читать очень трудно. Я работала 10 дней. Каждый раз, как наше занятие заканчивалось, я быстро уходила, чтобы одеться и побежать домой. Профессор шёл за мной. Он брал моё пальто и помогал мне одеться. Тог-

да я ещё не была знакома с этикетом. Стою вся красная, одну руку одела в рукав, а другую никак не могу...

Кончились наши уроки, мне заплатили, а профессор подарил мне коробку конфет и набор для ногтей.

В 1954 году я была уже на 4 курсе. Меня вызвали в Москву. Приехала. Профессор Лакко Дьордь принёс рукопись и говорит: «Все примеры проверяем, все ли хорошо я написал». Он читает, я говорю, как нужно. Потом вышла его работа, там написано: «Ромбандеевой». Я венгерский тогда ещё не знала – падежные формы, и смутилась – ведь это не я писала, почему же моя фамилия здесь, а не его. Он пояснил: оказывается, просто подписано – «Ромбандеевой на память. Изучение северного диалекта мансийского языка. Лакко Дьордь». Такой вот был казус.

Однажды нас с ним пригласили к Чернецову Валерию Николаевичу. Пришли туда, стол накрыт. Я заметила: Валерий Николаевич в джинсах, и у него левое колено рваное. Это меня очень смутило. Ведь студенты, наоборот, стараются красиво одеваться. А теперь-то я, надевая халат, понимаю: так мне нужно, чтобы удобно было за столом сидеть и работать. Он тоже на это не обращал внимания, большой учёный был. Когда мы стали садиться за стол, Лакко Дьордь говорит: «Дуся, садись со мной». Валерий Николаевич сказал: «Нет, у манси так не принято. Вы садитесь сюда, я сюда, моя жена сядет тут, а Дуся сядет туда». Он бывал среди манси, знал, как садятся за стол. В далёком прошлом было принято: мужчины, потом сыновья, а потом уже мать и дочери».

В аспирантуре у Евдокии Ивановны проявился научный потенциал раскрылись способности к научной деятельности, в 1956 году в Ленинграде «Учпедгиз» выпустил «Нашу речь» – книгу для чтения во втором классе мансийской начальной школы, которую от корки до корки подготовила лично она. В этом же году был издан первый весомый научный труд Ромбандеевой «Русско-мансийский словарь» почти в четыреста страниц.

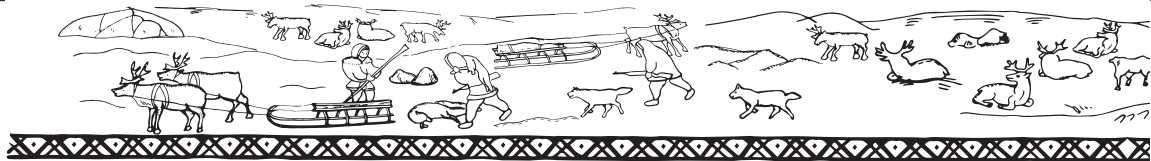

Однако пик научной деятельности пришёлся не на годы учёбы в аспирантуре: этот период оказался лишь прелюдией к настоящей активной жизни в науке, мир которой завораживал и не давал повода расслабляться.

«Закончила аспирантуру, меня приняли в Академию наук. Там директором работал замечательный человек – Аврорин Валентин Александрович. Я там начала работать, а в марте – симпозиум в Ленинграде в главном здании Академии наук. Я пошла туда. Подошла к двери (я маленькая и худая была, 42-й размер носила, 34-й – туфли): дверь тяну – не открывается, очень тяжёлая. Потом подошла группа участников симпозиума, открыли двери: «Проходите, проходите». Они все солидные, а я такая маленькая, почти незаметная. Зашли, посмотрела: огромная мраморная лестница, а в конце лестницы – портрет Ломоносова (из мозаики составлен). Поднимаюсь по лестнице, рядом со мной идут большие учёные, я вот так прижимаю локти к себе: чувствую себя или нет? Началось совещание. Что-то я понимаю, что-то нет. Тогда я сказала себе: «Сиди, читай, работай! Они тоже не знали, но стали такими большими людьми. Если я буду работать, буду знать много». Когда человек много знает, очень легко жить на свете. Приятно же – что бы ни сказали, ты всё понимаешь и знаешь».

В 1964 году защищена кандидатская диссертация на тему «Каузативные глаголы в мансийском языке», присвоена учёная степень кандидата филологических наук.

В 1973 году выходит первая научная монография Е. И. Ромбандеевой «Мансийский (вогульский) язык», она охватывает разделы: история изучения мансийского языка, его фонетический и морфологический строй, словообразование. На основе экспериментальных данных Евдокия Ивановна доказывает существование в мансийском языке 12 гласных фонем, а не 8, как предполагал ранее основоположник мансийской письменности Валерий Николаевич Чернецов.

Шесть лет спустя – вторая солидная книга – монография «Синтаксис мансийского (вогульского) языка», она была переиздана на немецком языке в Мюнхене.

Е. И. Ромбандеева является автором учебников, учебных пособий для мансийских начальных школ и педагогических училищ, литературы для детей дошкольного и школьного возрастов, изданных на мансийском и русском языках. Всего за годы научно-исследовательской работы ею опубликовано к настоящему времени свыше двухсот научных трудов. Но в конце перестроечных 1980-х до этого количества было ещё далеко. Рушились старые стереотипы в науке, появлялись новые научно-исследовательские заведения, а где-то НИИ закрывались из-за нехватки финансирования.

В 1989 году Евдокие Ивановне предложили в столице Югры организовать научный центр по изучению языка и культуры коренных народов Севера. Из Ханты-Мансийска она вернулась в Москву 23 февраля 1989 года. О своём намерении переехать на работу в другой регион сообщила руководству института языкознания АН СССР (ныне РАН), где работала в те годы. Её решение о переезде дирекция сочла неразумным, а в отделе Севера при ЦК спросили, не пожалее ли она позже о своём решении. Мужественная женщина-учёный ответила: не пожалее, потому что «я еду в свои родные края». С увлечением Ромбандеева взялась за разработку перспективного плана научно-исследовательской работы. Для неё предполагалось организовать лабораторию комплексных исследований по языку и фольклору. В Новосибирске, в институте истории, филологии и философии СО АН СССР, этот план был одобрен. А лаборатория к сегодняшнему дню после ряда преобразований стала обско-угорским институтом прикладных исследований и разработок, которому в 2016 году исполнилось четверть века. Сама же Евдокия Ивановна трудилась в Ханты-Мансийске на протяжении более четверти века! Поначалу возглавить институт было предложено Ромбандеевой, но Евдокия Ивановна категорически

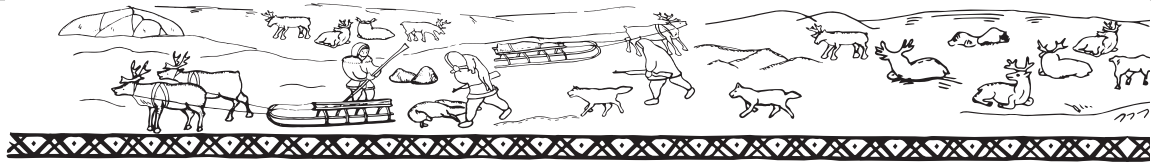

отказалась, выбрав науку. За четверть столетия её пребывания в качестве учёного на югорской земле за плечами немало добрых дел на пользу науки в этом регионе, а по заслугам, как говорится, и честь. За это время Евдокия Ивановна была удостоена депутатской Ассамблеей малочисленных народов Севера и Дальнего Востока премии «Звезда Утренней Зари» в области гуманитарных исследований за книгу «История народа манси (вогулов) и его духовная культура». Она – член-корреспондент Петровской Академии наук и искусств; ей присвоено звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации»; она – действительный член Академии полярной медицины и экспериментальной экологии человека; «Заслуженный работник образования Ханты-Мансийского автономного округа»; является активным участником международных конгрессов финно-угроведов в Венгрии, России, Финляндии, всероссийских и региональных научных конференций. Работы Е. И. Ромбандеевой переведены на многие иностранные языки: немецкий, английский, венгерский, французский, эстонский, итальянский. Её имя вошло в энциклопедию «Ведущие языковеды мира». Имеет она и правительственные награды.

В 1998 году Е. И. Ромбандеевой была присвоена учёная степень доктора филологических наук.

Возвращаясь к её книге мифов, сказок, преданий манси (вогулов), где она выступила переводчиком, автором-составителем, написав к ней обширное предисловие, хочется подчеркнуть мысль о том, что работа эта была закономерным этапом в её научном творчестве, как и то, что книга вышла в Новосибирске под грифом «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» отдельным, 26-м томом этой антологии.

Ещё в далёком 1980 году, когда на основе усовершенствованного алфавита был опубликован новый букварь для мансийских школ, автором которого является Е. И. Ромбандеева, ею был задуман словарь мансийско-русский и русско-мансийский и в 1982 году этот проект для учащих-

ся начальной школы в соавторстве с Е. А. Кузаковой был успешно осуществлён. Юван Шесталов назвал эту книгу крыльями для птицы. Евдокия Ивановна не осталась в долгу, став редактором мансийского текста прославленной «Языческой поэмы» Ювана Шесталова в 1984 году. Она была переводчиком и составителем преданий, мансийских сказок и загадок.

И, действительно, когда читатель открывает её книги, с каждой страницы мысли летят как птицы в глубину веков, где зрела человеческая мудрость и рождалось слово, полное поэзии и зоркого взгляда. Значение каждого мансийского слова раскрывалось в образах фольклорного богатства мансийского народа – его поговорках и пословицах.

Хочется подчеркнуть скрупулёзность в отборе фольклорного материала, знание народных традиций, совершенное владение языком и сохранение научной преемственности. Открывая 26 том антологии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» своей вступительной статьей «Повествовательный фольклор манси», Евдокия Ивановна говорит с благодарностью о своих научных предшественниках: Антале Регули (1819–1858), побывавшему с 1843 по 1844 года в районах расселения манси. Им были записаны фольклорные тексты на лозьвинском, пелымском и северном диалектах. Часть записей была опубликована П. Хунфальви (1810–1891) после смерти Антала. В 1858–1859 годах и в 1877-м в большинстве случаев на кондинском диалекте записал во время своих экспедиций языковой материал и финский учёный Август Алквист (1826–1889). Их работу продолжил в 1888–1889 годах во время поездки к манси и, как мог, систематизировал в четырёх томах мансийского фольклора венгерский учёный Бернат Мункачи (1860–1937). В первый том вошли мифы, во второй – героический эпос, в третий – медвежьи песни, в четвёртый – сказки, загадки, личные песни («песни судьбы» по Мункачи). Комментарии учёный успел подготовить только к двум первым томам. Здесь его дело продолжил Б. Кальман (1913–1997). Во время

длительных научных командировок к манси (с 1901 по 1906 годы) собрал богатейший научный материал финский учёный Артур Каннисто (1874–1943). К сожалению, при жизни он не успел издать собранные им текстовые материалы по фольклору. За него эту сложную и кропотливую работу выполнил М. Лиимола (1903–1974). На немецком языке было издано 6 томов переводов с комментариями. (Первый – тексты мифологического содержания, второй – военные и героические сказания, третий – сказки, четвёртый – медвежьи песни, пятый – призывные песни, шестой – песни о судьбе, загадки).

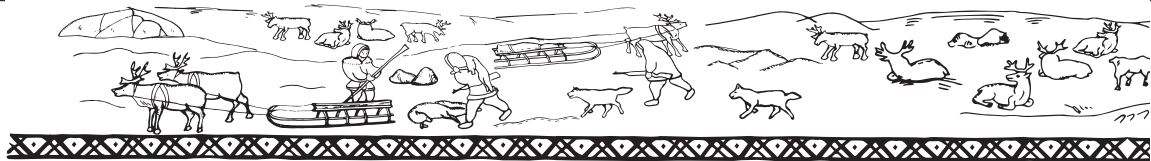
К сегодняшнему дню большинство из того, что было зафиксировано учёными от информантов тех лет, как справедливо заметила в своей статье Евдокия Ивановна Ромбандеева, ушло навсегда.

В советскую эпоху тоже была проделана значительная работа по собиранию и изучению мансийского фольклора. Достаточно только вспомнить имена Плотникова, Авдеева, помогавшего ему студента-манси Гындыбина, а также Черенцова, Баладина, Вахрушевой, Кузаковой (Чейметовой), Шешкина, Лукиной, Шесталова, Анисимковой, Коньковой, Поповой, Костина, Слинкиной, Сайнаховой.

Об исследованиях Е. И. Ромбандеевой хочется сказать особо.

Её труд открывает публикация сакрального содержания: «Священная сказка о возникновении земли». В ней, записанной ещё Бернатом Мункачи в 1889 году от информанта Е. И. Волкова и переведённой с венгерского Ромбандеевой, рассказывается об истории образования земли манси с помощью Железной Гагары и мифологической птицы Лулы. Небожители Жена и Муж пока всё вокруг покрыто водой не могут дать начало человеческой жизни. Первый их сын – человек песни, человек сказки, то есть герой, о делах которого слагаются песни и сказки.

Если говорить образно, такой человек – личность творческая и только благодаря таким людям, подвижникам,

продолжается героическая работа по собиранию, изучению мансийского фольклора.

В сказке «Бедный человек, определённый Турумом», услышанной Евдокией Ивановной от матери – Марии Дмитриевны Ромбандеевой, высказывается нравоучительная народная мудрость: недобрый человек никогда не станет счастливым, потому что готовность прийти ближнему на помощь, сострадание и доброта, составляющие такого чувства как любовь, а Бог и есть любовь.

Мама Евдокии жила в любви и одарила своих детей этим же чувством. Её судьба – удивительный пример в жизни туземцев, в которой правят обычаи и создают массу препятствий на пути человека, стремящегося к счастью. Эти трудности были осложнены временем в нашем государстве в начале XX века. Подумать только: сначала в качестве товара оказаться замужем за нелюбимым человеком, пытаться безуспешно бежать и смириться из-за рождения детей. И только после смерти мужа встретить своё счастье и жить в любви и согласии, несмотря на бедность и бытовые трудности. Но счастье в те времена – большая роскошь: в 1937 году второй муж Марии Дмитриевны был расстрелян по доносу как враг народа, и снова борьба за существование – необходимость одной поднимать маленьких детей! И всё это не сломило женщину, её любовь по-прежнему распространялась на всех близких. Такой путь по снежным равнинам сурового севера, как, впрочем, и многих её соотечественниц, напоминает белоснежную бумагу. Бумагу, кстати, нечасто приходилось видеть северному человеку. Но какой образ! Образ «божьей бумаги» – одновременно и путь человека по жизни, и чистота его помыслов, и следование божественному замыслу о каждом из нас, суть наших деяний, определяющих человеческую судьбу. Так путь героя, назначенный ему Богом, становится «божьей бумагой» – начертанной судьбой, причём в её «начертании» принимает активное участие сам человек. По следам, оставленным им на «божьей бумаге», можно получить безошибочные знания о нём как личности,

точно такие, какие получает опытный охотник-следопыт, внимательно изучающий повадки зверя по оставленным на снегу отпечаткам.

И это только один пример того, как в народной сказке переплетается конкретное и обобщённое, рождаются образы-символы.

Как сообщает в своей вступительной статье автор, в данный том вошли мифы-сказки, собственно сказки и предания. Сказки представлены священными сказками-мифами и десакрализованными или неосвящёнными, собственно сказками, в которых выделена группа сказок для взрослых и для детей.

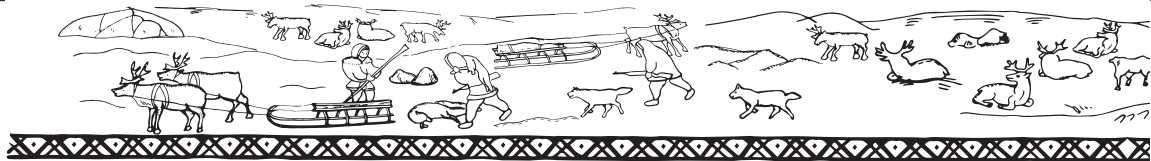
Предания составляют 21 текст – треть от всех сказок в томе. Основная часть их представлена произведениями в женском исполнении, (что большая редкость) многие из них некогда были созданы самими же женщинами.

Женские сказки представляют наиболее древний пласт устного творчества манси (вогулов), они наиболее архаичны по сюжету, по упоминаемым в них предметам материальной культуры, по характеру женского труда, по употребляемой в них лексике. Женские сказки не только мало изучены: их запись от информанта, публикация является удачей собирателя мансийского фольклора.

Сказки, записанные и прокомментированные Евдокией Ивановной, еще раз подтверждают истину о том, что народное творчество – неисчерпаемый клад мудрости, без которой нельзя представить нормы поведения и модели бытования в среде манси.

Уникальность сказок Евдокии Ивановны Ромбандеевой, как и сказок бабушки Аннэ, как раз и заключается в том, что они знакомят не только маленького, но и взрослого читателя с мудрым мансийским народом, с его легендами, убеждениями, обычаями, мечтой о светлом будущем.

Слово в сказках народа манси – живая вода. Оно, как и всякая живительная влага, благодаря работе с ним Евдокии Ромбандеевой, творит чудеса. А для чудотворства

нужен талант! Обладая редкостным даром филолога, Евдокия Ивановна добросовестно, с полной отдачей выполняла своё дело, которое стало миссией всей её жизни. Знание, любовь и пропаганда языка вогулов или по нынешнему – манси – стали судьбоносной её целью. Для этого понадобились воля, сила духа и необыкновенная работоспособность, которая естественна для учёного, увлечённого работой, ибо творит он благо не только для себя, но и для своего народа, а по большому счёту и для мира. Труды Ромбандеевой, как уже говорилось на страницах нашей статьи, переведены на многие языки Европы и Азии.

Те знания, что Евдокия Ивановна открывала для себя в процессе своей научной деятельности, становились логикой её существования. Язык – душа народа и всегда важно, что прорастет из её недр – ощущение всеединства мира, связанного между собой невидимыми духовными нитями. Евдокия Ивановна ткала свой причудливый узор, где все нити были собраны воедино, ни одна из них не была оборвана, чтобы не нарушить целое, ибо в нём было заключено творчество и жизни многих поколений манси, сознательно или бессознательно свершавших свой путь. Бережно относясь к их наследию, исповедуя каждое народное слово, ей было очень важно донести родное творчество манси другим народам.

Для мансийского народа и его интеллигенции XX век и два десятилетия наступившего тысячелетия стали эпохой исторического самопознания и национально-культурного самоутверждения.

Сегодня мы отдаём себе отчёт в том, что даже для крупных и развитых народов опасно впадать в историческое беспамятство, забывать о своём прошлом, допускать искусственные разрывы в преемственности национально-культурных традиций. Тем острее такую опасность осознавали представители относительно малочисленного народа – манси. Пробудившийся интерес к собственному прошлому и этническим корням, соби́рание древних мифов, преданий и песен, изучение

диалектов родного языка и языков родственных народов, выяснение своего места в огромном многокультурном и многоязыковом мире – всё это становится чрезвычайно важными формами национального самопознания.

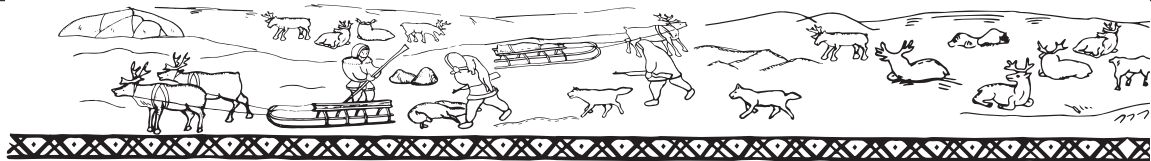
За последнее десятилетие среди крупных работ Евдокии Ивановны – исследования героического эпоса манси, мансийские детские сказки с переводами и комментариями, медвежья эпические песни манси.

Так, 17 декабря 2010 года в Обско-угорском институте прикладных исследований и разработок состоялась презентация фольклорного тома Евдокии Ивановны Ромбандеевой «Героический эпос манси (вогулов). Песни святых покровителей». Этот том представляет собой свод произведений устного поэтического творчества мансийского народа, собранный в XIX веке венгерским учёным – финно-угроведом Бернатом Мункачи и впервые переведённый на русский язык доктором филологических наук Е. И. Ромбандеевой. Работа длилась несколько лет. В 2010 году при финансовой поддержке депутатов, членов Ассамблеи представителей коренных малочисленных народов Севера Думы – Югры книга была издана. Она уникальна не только тем, что содержит в себе лучшие образцы мансийской эпической народной поэзии.

К изданию прилагается компакт-диск с записями народных песен манси, слагающихся с рождением человека, дополняемых на протяжении жизни и носящих название «Песни судьбы». Их исполняет сама Евдокия Ромбандеева.

Многие документы личного архива Евдокии Ивановны переданы на хранение в государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа. После проведения экспертизы ценности, систематизации, технической обработки документов составлена опись, в которой числится 147 единиц хранения.

Наиболее обширную группу представляют документы по научно-исследовательской деятельности фондообразователя. Среди них преобладают рукописи научных трудов по фонетике, грамматике, лексике, этимологии, морфологии мансийского языка, по вопросам усовершенствования

алфавита, графики и орфографии мансийского языка, изучения и сохранения мансийского языка, по истории и культуре народа манси.

Большую ценность имеют полевые тетради с мансийскими песнями, сказками, материалами по лексике мансийского языка, топонимике, оленеводческой терминологии, описаниями обрядов народа манси, собранными Е. И. Ромбандеевой во время научных командировок в 1956–1971 годах. Ценным, востребованным и интересным источником дальнейших исследований станет картотека мансийских слов, составленная Е. И. Ромбандеевой, находящаяся в настоящее время в стадии технической обработки.

Работы Евдокии Ивановны переведены на многие иностранные языки: напомним, что среди них – немецкий, английский, венгерский, французский, эстонский, итальянский.

Кроме многолетнего труда – «Мансийско-русского словаря» научно-академического типа на 22 тысячи словарных статей, популярностью у читателей пользуются книги «Душа и звёзды» (предания, сказания и обряды народа манси) (1991), «История народа манси (вогулов) и его духовная культура» (1993). Интересны также документальные фильмы, снятые при её участии. До сих пор помню один из них «Где душа моя», созданный в соавторстве с журналистом, хорошей моей знакомой Ниной Николаевной Копновой. Здесь нет постановочных кадров, всё предельно документально, без какой-либо игры или рисовки. Допустить к участию в обряде, а тем более – к съёмке на видео чужих, позволил лишь научный авторитет Евдокии Ивановны. И дело стоило того: на финно-угорском фестивале в Тампере фильм вызвал такой интерес, что получил первую премию.

В заключение нашего повествования о Евдокии Ивановне Ромбандеевой хочется привести слова близко знающей её Татьяны Слинкиной, старшего научного сотрудника отдела мансийской филологии и фольклористики обско-угорского института прикладных исследований и разработок (ОУИПИиР): «Моё осознанное детство началось с трёх родных мне людей:

мамы, бабушки и тёти. До настоящего времени я живу и работаю с тем багажом опыта и знаний о моём народе манси, который они мне вложили. Ведущей в нашей семье была бабушка – Ромбандеева Мария Дмитриевна. И для всей родни, и для всей нашей деревни она была признанным лидером и мудрым советчиком, помощницей во всех духовных и материальных делах. Она вырастила и воспитала двух замечательных дочерей: мою маму, Ромбандееву (Номину) Анну Ивановну, и её сестру – мою тётю – Ромбандееву Евдокию Ивановну.

Дальнейшее моё взросление прошло на фоне ориентации на авторитет Евдокии Ивановны. Её приезд в нашу глухомань в редкие годы на несколько дней был событием, сравнимым со снисхождением Божьей благодати. Обсуждались новости и события, происходящие в стране, которые сообщала Евдокия Ивановна. А наши жители докладывали ей о своих проблемах. Беседовать с ней, делиться знаниями народного фольклора считалось за большую честь. На таком авторитетном фоне нашей семьи я не могла позволить себе какие-либо нелицеприятные поступки. Всё сверялось и выверялось отношением моих старших в семье ко мне. Считала и считаю до сих пор, что как человек и как творческая личность я состоялась благодаря внутреннему духовному стержню наших родных: бабушки, дедушки, мамы, тёти. Бесконечно благодарна терпению и чуткому участию в моей жизни Е. И. Ромбандеевой.

Все мои жизненно важные вопросы решаем с ней вместе. С её помощью я освоила латинскую графику Б. Мункачи, А. Каннисто, М. Лиимола. Евдокия Ивановна убедила меня взяться за работу над книгой «Мансийские оронимы (топонимы) Урала», которая опубликована в 2011 году». ⁴⁴³

Скончалась Евдокия Ивановна Ромбандеева 3 января 2017 года в городе Ханты-Мансийске на 89-м году жизни.

443 Ромбандеева Евдокия Ивановна : библиогр. указ. науч. тр. и лит. о жизни и деятельности / Гос. б-ка Югры, Обско-угорский ин-т прикладных исследований и разработок; [сост. Т. Пуртова; авт. вступ. ст. М. Мадьярова]. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2013. – С. 14-15.

Особой заслугой научной деятельности этой женщиной—доктора филологических наук, дочеримансийского народа Евдокии Ивановны Ромбандеевой является то, что результаты своего исследовательского труда она сумела внедрить в практику школьного и вузовского обучения мансийскому языку. Усовершенствовала практический алфавит мансийского языка, ввела десять дополнительных знаков для обозначения долгих гласных, уточнила некоторые орфографические нормы мансийского письма. Впрочем, это лишь малая толика её научного подвига.

Работы Ромбандеевой продолжают переводиться на многие языки, высокую оценку им дают крупнейшие учёные мира. Дело её жизни подхвачено новыми поколениями исследователей, которые никогда не забудут вклада в науку и в заботу о сохранении богатств мансийского языка Евдокии Ивановны, замечательного человека и учёной.

Мансийские писатели, филологи, народные просветители, собиратели фольклорного наследия донесли до нас послание от далёких мифологических времён, как связующее звено между прошлым, настоящим и будущим. Их благородный труд воспринимается как символ национально-культурного возрождения, как убедительное доказательство правомочности народа манси занять своё место среди культурных народов.

То, что сделано усилиями филолога Ромбандеевой по сбору и изучению мансийского фольклора останется благодарно жить в нашем сознании, как примеры, образцы мысли, которые по самой природе мышления не могут быть привязаны к определённому пространству и времени. Если человек способствует своими трудами сбережению национального фольклорного богатства, потомки за это доброе дело пронесут благодарность к автору и через столетия. Только воспринимающий добро никогда не будет наказан отлучением от него, ибо в беду попадает немудрый, не дальновидный, про которого, если и упомянут в народной сказке, то лишь следующим образом: «глупого ума был человек, в нужду он и попал».

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

У ПОДНОЖИЯ САМАРОВСКИХ ГОР...

Однажды поймал себя на мысли: как только попадаю на берег Иртыша, туда, где начиналась жизнь прославленного окружного центра, заставившего весь мир выговаривать своё имя – Ханты-Мансийск, так сразу передо мною предстают доселе неведомые картины...

Вот и теперь гляжу на волнистую поверхность – и, кажется, что передо мною ни одна из великих сибирских рек, а само время – его течение... и переносит оно меня на другие берега исторических эпох – и я уже не на окраине старой – Самаровской – части современного города XXI века, не в довоенном посёлке Остяко-Вогульске с его районом Перековка, не в дореволюционном волостном сельце Самарово, живущим в основном рыбным промыслом, – и даже не в Самаровском яме, появившемся недалеко от впадения Иртыша в Обь по царскому указу 1637 года, а в центре остяцкого Белогорского княжества...

Память услужливо выскивает из закромов сознания то ли когда-то услышанное, то ли прочитанное, а теперь вот с помощью разыгравшегося воображения и увиденное...

...Начало 1580-х: очевидно, что-то не заладилось в царстве «сибирского салтана» Кучума: этот правитель позволил своим войскам «поидоша» на русскую землю и там «велико пакость учинивша» – и тут же не замедлила расплата: легендарный поход казаков Ермака Тимофеевича за «Камень» – Урал! Его отряд был создан преимущественно для охраны строгановских владений, но, не видя возможности эффективно обороняться и прекратить грабежи, казаки

начали свой рейд вглубь владений сибирского хана. Можно ли, таким образом, одной из самых примечательных личностей, символизирующей государственность, незабываемость и единство нашего Отечества, приписывать разбойничий захват Сибири? Так ведь недолго дойти и до того, чтобы осудить заграничный освободительный поход русских войск в Западную Европу после изгнания французов из пределов Российской империи во время Отечественной войны 1812–1813 годов!

Отношения с Югрой у Руси завязались ещё до принятия последней крещения. Всяко было. И дружили, и воевали.

Пушные богатства Югорской земли уже в XI веке привлекли внимание новгородцев, открывших туда дорогу по реке Северная Двина, её притокам и далее по реке Печоре (так называемый печорский путь). С XII века Югра – одна из богатейших колоний Новгорода. Однако дань в виде пушнины, серебра, моржовой и слоновой (бивни мамонта) кости уплачивается нерегулярно. Оно и понятно: кому охота трудиться на чужое благо? Новгородская земля не хотела мириться с потерей «сырьевого придатка», являвшегося для неё одновременно и колониальным рынком.

Из русских летописей мы узнаём, что в «Закамье» (в старину Уральские горы именовались Камнем) новгородские дружины ходили не всегда удачно. Известно, например, о походе 1193 года. Тогда новгородская рать из трёхсот человек во главе с воеводой Ядреем пришли в Югру и потерпела поражение: «И была печаль и беда оставшимся в живых, ибо уцелело их 80 мужей. И не было вестей о них всю зиму в Новгороде...»

Неудачей закончился и последний поход новгородцев на Югру в 1446 году, в результате которого «много людей, детей боярских и удалых людей, избиша...»⁴⁴⁴ А всему виной – алчность, потому что наряду с государственными

444 История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Отв. Ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. – С. 83.

сборщиками дани, действовали по инициативе бояр и купцов отряды ушкуйников, враждовавшие между собой из-за лакомого куска добычи. Отсюда и многие военные конфликты. И с той и с другой стороны назревала необходимость в добросердечных отношениях. В XIV веке новгородские купцы, торговавшие с Югрой, основали специальную корпорацию «Югорщину». Может быть, уже тогда бы дело могло завершиться мирным исходом, но... с того же XIV века Московское великое княжество начало упорную борьбу с Новгородом за двинские земли и пути в Югорскую землю.⁴⁴⁵

Население Югры к тому времени находилось на стадии разложения патриархально-общинного строя. И несмотря на значительное количество укрепленных городков, управлявшихся родоплеменной верхушкой, после присоединения Новгорода к Русскому государству московское правительство в результате больших походов 1483 и особенно 1499–1500 годов (под руководством Семёна Курбского, Петра Ушатого и Василия Бражника-Заболоцкого) завоевало Югорские земли. Вассальную зависимость от Московского княжества признали вогульские (мансийские) и остяцкие (хантыйские) князцы. Это были территории по Лозьве, Пелыму, Северной Сосьве, Ляпину, Тавде, Тоболу.

В начале XVI века Югорские земли вошли в состав созданного татарами Сибирского ханства с центром в Кашлыке. Население было обложено ясаком, развивались и торгово-обменные связи (за меха они получали оружие, хлеб, ткани и другие товары). Особенно Сибирское ханство приобрело большое влияние при Кучуме, который собирал дань с манси и ханты Западной Сибири и постоянно стремился продвинуться к северу от Тобола, вплоть до Прикамья. Естественно, интересы Московского государства и Сибирского

445 В 1478 году Ивану III окончательно покорился Новгород.

ханства столкнулись. И хотя в 1571 году Кучум признал вассальную зависимость от московского князя с обязательством выплаты необременительной дани (тысяча соболей в год), однако уже в 1573 году его родственник Маметкул вторгся в русские вотчины.⁴⁴⁶

В 1574 году Строгановы получили новую жалованную грамоту на земли по восточным склонам Урала, реки Тобол и его притокам. Крепости, сооружённые на землях Строгановых, были форпостами для дальнейших походов на восток и защищали строгановские угодья от набегов манси, ханты и татар. Однако мансийские и хантыйские князцы устраивали набеги на владения Строгановых, грабили и сжигали русские селения. Строгановы для защиты своих интересов весной 1582 года пригласили атамана Ермака и его казаков для похода на восток, в результате которого были разбиты войска Кучума.

Так военные действия дружины Ермака к маю 1583 года достигли Иртыша. С документальной достоверностью дальнейший путь его экспедиции до нынешних мест попытался восстановить с помощью «Краткой Сибирской летописи

446 В «Описании Сибирского царства» Герард Миллер пишет так по этому поводу: «...Миметкул пришедши от реки Тобола и пошёл было в Пермью, но не дошедши за 5 вёрст до Строганова острога при Чусовой назад возвратился. Он между тем многих Российских ясашных Остяков побил, жён их и детей в полон увёл, и приказал умертвить Русского Посланника Третьяка Чебукова, и несколько служивых Татар, которым в Казацкую орду идти велено было» /Миллер Г. Ф. «Описание Сибирского царства и всех происшедших в нём дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена». Книга первая. М., 1998. – С. 72-74.

(Кунгурской)»⁴⁴⁷ Хрисанф Мефодьевич Лопарёв,⁴⁴⁸ уроженец села Самарово, крестьянский сын, окончивший Тобольскую гимназию на стипендию благодаря одному из великих князей Романовых – Алексею Александровичу (тот побывал в Самарово в середине июля 1873 года).

Так вот, основываясь на материалах Кунгурской летописи, Хрисанф Мефодьевич живописно описал события, разгравшиеся почти за 280 лет до своего рождения в этом месте. Один из сподвижников Ермака Тимофеевича, (по некоторым

447 Кунгурская летопись, одна из Сибирских летописей, написанная в конце 16 века одним из участников похода Ермака в Сибирь. Для неё характерен народный казачий стиль языка. В полном виде её текст не сохранился. Известна по включениям в одну из Сибирских летописей – Ремезовскую. Содержит описание похода Ермака, ценные исторические, географические и этнографические данные о Сибири и населявших её в 16 веке народах.

448 В книге В. И. Андросенко (Андросенко В. И. Ханты-Мансийск. Свердловск, 1979) на странице 7 по этому поводу пишется о том, что мальчику помог случай. В 1873 году великий князь, совершающий поездку по Сибири, на один день заехал в Самарово. В честь этого события самаровские и окрестные купцы собрали по подписке три тысячи рублей с тем, чтобы на проценты от этой суммы образовать стипендию и послать в Тобольскую гимназию мальчика из Самарово или окрестных деревень. Этим стипендиатом, как лучший ученик (Х. М. Лопарёв учился тогда в самаровском церковноприходском училище – примеч. автора), и стал Хрисанф Лопарёв. Тобольскую гимназию он окончил с серебряной медалью. Покинув родной край, он обучался на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета, стал выдающимся византиеведом, успешно занимался древнерусской историей и литературой. Не забыл Хрисанф Мефодьевич и про свою малую Родину: в конце XIX века (1892 год) написал книжку «Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом». В ней он в частности писал о благотворном влиянии своих земляков на его дальнейшую судьбу: «По отбытии Его Высочества все собравшиеся к встрече Его жители Самаровской волости отправились в церковь, где благочинный Н. И. Вергунов отслужил с коленопреклонением молебствие о благополучном дальнейшем путиследовании Великого Князя. По отслужении молебствия, жители села Самаровского по общему соглашению положили устроить, в память настоящего посещения их края Его Императорским Высочеством Великим Князем Алексеем Александровичем, часовню на том самом месте горы, где Его Высочество изволил сходить с паровой пристани. Место это впредь до устройства в нём часовни, в тот же день обнесено было изгородью. По инициативе А. П. Дзержинского, как он сам говорил мне позже, самаровское и окрестное купечество, желая увековечить в памяти села счастливый случай посещения Его Императорского Высочества, собрало по подписке сумму в три тысячи рублей с тем, чтобы из процентов её образовать стипендию имени Великого Князя и воспитывать в Тобольской гимназии одного мальчика из Самарова или окрестных сёл и деревень. О таком желании купечества было доложено Великому Князю, который, как говорят, из Тобольска телеграфировал Государю Императору и получив в ответ полное одобрение, изволил принять стипендию под Свою высокую руку» /Лопарёв Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом. Тюмень, 1997. – С. 63.

сведениям, казачий «пятидесятник» Богдан Брязга⁴⁴⁹, по другим – атаман Никита Пан⁴⁵⁰, в 20-х числах мая 1583 года добрался близко к одному из кучумских вассалов – «приплыл к юртам, которыми управлял самый главный остяцкий князь – Самар. Было уже недалеко до Оби, а между этими юртами и Обью находилась главная остяцкая святыня – болван в виде Нагой бабы... Восемь других сподручных князьков явилось к Самару на помощь...»⁴⁵¹ (Такой союз вызван был, по мнению Х. М. Лопарёва, общим решением защитить свои святыни).

Очевидно, по обычаю того времени, (когда начинались военные столкновения), остяки привезли на место сражения фигуру главного духа, установили вблизи городка и обращались с просьбой об удачном исходе битвы. Именно здесь находилось последнее прибежище князя, куда ему можно было бы перебраться в случае крайней опасности: верстах в двух от юрт, вниз по Иртышу, где было устроено остяцкое укрепление, известное под названием городища, (около пароходной пристани родного села, уточняет Хрисанф Мефодьевич). «Оно расположено между высокими горами, замыкающими его с трёх сторон; в XVII и XVIII веках ещё были видны следы поселения в этом месте».⁴⁵²

Из летописи также узнаём: в 15 верстах от устья Иртыша казачьи струги остановились у островов, против «Самарской» протоки. Берег Иртыша тут был крутым и обрывистым.

449 В одном из последних исследований, посвящённых Ханты-Мансийскому району, даются следующие пояснения о возможных кандидатурах руководителей этой экспедиции: «По мнению историка Д. И. Копылова, походом в низовья Иртыша руководил сам атаман Ермак Тимофеевич, по другим версиям – поход возглавил один из атаманов Ермаковой дружины – либо Никита Пан, либо Богдан Брязга. Современные исследователи Р. Г. Скрынников и Е. К. Романовская отрицают возможность участия в походе Б. Брязги, так как он погиб, по всей вероятности, ещё в битве у Абалацкого озера» /Н. И. Загороднюк, Ю. Н. Квашнин, А. Ю. Конев, И. А. Ломакин, В. Г. Усманов Самаровский край: История Ханты-Мансийского района. Под ред. А. Ю. Конева и В. Г. Усманова. Тюмень, 2003. – С. 13.

450 «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней». Отв. Ред. Д.А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 127.

451 Лопарёв Х. М. Самарово, село Тобольской губернии и округа: «Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом». – Тюмень, 1997. – С. 2.

452 Там же. С. 2.

На самой высокой из самарских гор располагалось урочище, окружённое земляным валом. Казаки подплыли к городищу на заре, когда караулы остяков ещё спали.

Лопарёв приводит интересную деталь: остяцкое поселение находилось там, где ныне стоит в Ханты-Мансийске церковь Покрова Богородицы. Эта белокаменная красавица несколько лет назад была возведена по чертежам разрушенной прежней, на сохранившемся от неё фундаменте. Так же, как и старинное здание церкви, современный покровский храм отдалён от Иртыша всего несколькими сотнями метров. Место это не только святое, но ещё к тому же историческое, поскольку там, где ныне находится прицерковная площадь, несколько столетий назад свершились события, круто изменившие судьбу не только этого древнего поселения югорчан, но и всей Западной Сибири. Предоставим слово старожилу края, автору книги-исследования о своей малой Родине, написанной более 120 лет назад, – Хрисанфу Мефодьевичу Лопарёву.

«Рано утром, тихо подъехали казаки к остяцкому поселению, находившемуся на том месте, где теперь стоит церковь. Стража, поставленная Самаром, сверх ожидания, спала. Бряцания оружия и приготовления к бою разбудили остяков; поднялся поспешно и сам князь. Но что могли сделать остяцкие стрелы, когда со стороны русских неслись пули? Храбрый Самар со своими родственниками был один из первых, погибших от казачьей пули, и смерть его произвела подавляющее впечатление на всех остальных. Никто не хотел более сражаться, каждый из князьков заботился лишь о собственном спасении; безоружная горсть остяков, составлявшая население юрт, сдалась казакам. Но нужно было ещё занять укрепление, для чего Богдану Брязге, невидимому, пришлось употребить более усилия. По народному преданию, дошедшему и до нас, Богдан, имевший всего 50 человек, употребил хитрость для скрытия малочисленности своего отряда: он приказал надеть чучел из всего, из чего только было возможно, и выставил их шеренгою на своих судах. Осыпаемые градом стрел, чучела покачи-

вались, но продолжали стоять, к немалому ужасу остяков, принимавших их за живых людей.

А между тем пальба с русской стороны шла своим чередом, и кончилась эта перестрелка тем, что укрепление было занято казаками. На нашей памяти ещё находили пули на каменистом берегу городища...»⁴⁵³

Казаки остались в городище неделю и за это время привели к шерсти (присяге) население.⁴⁵⁴

Все эти сведения почерпнуты из Кунгурской летописи, написанной в конце XVI века одним из участников похода Ермака. Они, безусловно, заслуживают внимания, поскольку содержат описания прославленной экспедиции, а также ценные исторические и этнографические данные о Сибири. В пользу того, что здесь можно обнаружить достоверность в большей степени, нежели в легендах и сказаниях, свидетельствует стиль изложения, пронизанный особенностями языка, собственного казачьему люду. И последнее: вряд ли Кунгурскую Сибирскую летопись издал за свой счёт современным типографским шрифтом к 300-летию присоединения Сибири к Российской державе корреспондент Археографической Комиссии А. Зост, если бы посчитал её сведения неубедительными.

... Провожаю взглядом бегущую волну – скоро она достигнет того места, где Иртыш впадает в Обь. Когда-то здесь был возведён языческий идол, о котором молва непосвящённых судила как о Золотой Бабе, (именно его защищали воины князя Самара и, возможно, лицезрели казаки Ермака), но он так и не помог своим «поклонникам». «Остяки поняли, что с приближением русских белогорским богам не сдобровать, и за-

453 Там же. – С. 2-3.

454 «В списке начала XVIII века сохранился текст шерстяной грамоты этого времени. Из её содержания следует, что местные татары, остяки и вогулы, дав присягу, становились подданными русского царя. Они обязаны были «по вся лета безпереводно» платить ясак Москве, с них также брались обязательства «на русских людей зла никакого не мыслить», «не изменять, к царю Кучуму и в иные улусы не отъехать, и во всём правом постоянстве стоять крепко непоколебимо до века». Н. И. Загороднюк, Ю. Н. Квашнин, А. Ю. Конев, И. А. Ломакин, В. Г. Усманов. «Самаровский край: История Ханты-Мансийского района». Под ред. А. Ю. Конева и В. Г. Усманова. – Тюмень, 2003. – С. 14.

благовременно скрыли идолов и себя в лесах. Богдан Брязга нашёл лишь опустевшее поселение и, не встретив ни души в течение трёх дней, решил вернуться обратно в Искер».⁴⁵⁵

...Новое московское правительство высылало в Сибирь воеводу за воеводой. Осенью 1585 года пришёл воевода Мансуров, который поставил городок на правом берегу Оби, при устье Иртыша. Начались холода. Не надеясь вернуться водой обратно, ратные люди воеводы и казаки Матвея Мещеряка⁴⁵⁶ построили первый городок для защиты себя от нападений остяков.

Вот тогда-то решили остяки во второй раз в этих местах испытать силу своих богов. После неудачных нападений, они явились к русской крепости (по-остяцки «Руш-ваш») со своим идолом. «Поставив его на берёзе, остяки начали приносить ему жертвы и просить о даровании победы. Но Мансуров столь ловко выстрелил из пушки, что бомба ударила в дерево, которое вместе с кумиром разлетелось в щепки. Ужас овладел туземцами и дикие сыны лесов и тундр надолго оставили другое своё священное место».⁴⁵⁷

...Воображение рисует новые картины. Какие они, боги, коренных жителей Югры? Ведь пантеон их настолько обширен, что вряд ли встречался непосвящённым в наиболее полном виде. Каждая семья имела «домашних» идолов, которые

455 Лопарев Х. М. «Самарово, село Тобольской губернии и округа»: «Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом». – Тюмень, 1997. – С. 5.

456 По другим сведениям, атаман Матвей Мерещак весной 1585 года с частью уцелевших ермаковцев ушел на Волгу / «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней». Отв. Ред. Д. А. Редин. Екатеринбург, 2000. С. 131.

457 Там же. С. 6. О внешнем виде знаменитого белогорского идола и о совершавшемся перед ним ритуале можно судить по рассказу «отца сибирской историографии» Г. Ф. Миллера, записанному им в первой половине XVIII века со слов одного из остяков: «Этот шайтан представлял фигуру человека небольшого роста, очень грубо сделанную из дерева. Но дерево нельзя было заметить, так как все лицо идола было покрыто белой жутью и имело только отверстия для глаз, носа и рта; большая меховая шапка скрывала голову, множество одежд и мехов покрывало прочие части шайтана. По сторонам его стояли две женские фигуры, соединенные между собой берёзовыми обручами; на них были надеты женские одежды, какие носят прислужницы. Поклонение шайтану состояло в том, что остяки свистели перед ним, подобно тому, как манят собаку, и только в этом одном состояла их молитва. Они приносили ему в дар лучшие одежды и меха и, наконец, убивали ему в жертву быка или лошадь» / «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней». Отв. Ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 140.

хранились в жилищах или в небольших амбарчиках. Но кроме этого были и антропоморфные божественные скульптуры более крупных размеров. В лесах и на берегах рек стояли, так называемые «общественные идолы», которые пользовались почитанием у значительных групп коренного населения. Мужчины молились мужскому изваянию, а женщины – женскому. Все они, как писали исследователи этих мест, были обвешаны фигурками зверей, птиц, рыб, лодок, людей. Изваяния ставились около деревьев в особых помещениях (шалаша, «кумирни», «теремки», амбарчики, «будки») и были нередко парными – одно изображало мужчину, другое – женщину. Вокруг них висели и лежали разного рода вещи, так называемый приклад: меха, одежда, луки, колчаны, котлы, посуда, роговые табакерки и другие предметы. В особо важных случаях общественные жертвоприношения совершались с участием шаманов.

В устье Иртыша, недалеко от того места, где простояла девять лет крепость воеводы Мансурова, рядом с Золотой Бабой в Белогорских юртах находился «Обский старик» – особый бог – рыб. «Старик Обский имеюще скверное своё хранилище на усть Иртыша, недалече Самарова града. Бысть же сей по их зловерию бог рыб, изображён безстудне: дска некая, нос аки труба жестяны, очёса стекляны, роги на главе малые, покрит различными рубищы, сверх одеян червлёною одеждою з золотою грудью; оружие – лук, стрелы, копие, панцеры и иная – около его бяху положенная»⁴⁵⁸, – так пишет Хрисанф Лопарёв, ссылаясь на Кунгурскую летопись и другие источники.

Идола берегли. Каждые три года местопребывание «старика» менялось. Считалось, что он пригоняет с моря рыбу в Обь и Иртыш. В случае неудачной рыбалки божество попрекали, а бывало, что и «разжаловав», садили в яму. Но стоило рыбе вновь появиться – и «Обскому старцу» снова воздава-

458 Там же. С. 4.

лись почести: предлагали в качестве жертвы первую пойманную рыбу, мазали рот жиром.

«Но кроме Обского старика, покровителя рыбного, остяки имели в тех же белогорских юртах нового бога, изваянного в виде гуся. Это бог лебедей, гусей и других водных птиц». ⁴⁵⁹ (В первой трети XVIII века «Медный гусь» был уничтожен: растоплен и брошен в Обь).

Народы Югры свято верили в живительную силу своей земли и воды. Случайно задевая остриём топора или ножа землю, просили у неё прощения и ровняли порез, закрывая щепками или хвóей. Ведь Земля – Сидящая Матерь – это Та, кто держит землю. Дети с самого рождения знали, что у всех есть душа – у травы, дерева, цветка. Есть душа и у воды, а значит и у великой реки Иртыш. Строго запрещалось говорить плохие слова, потому, что слово могло упасть в воду. Если человек будет пить, то плохое слово может попасть к нему с водой через рот внутрь его организма. От этого – хорошего не жди! Человеку станет плохо. Вот почему к своим словам у коренных жителей было особое – сакральное отношение и пустословия они не терпели. Люди, живущие в суровых условиях тайги, умели думать не только о себе, но и о других. Не случайно ведь, в финно-угорской мифологии, которая отражает и мировоззрение обских угров, основой для появления жизни стала вода. Священная земля, поднятая по приказу бога-демиурга со дна первичного океана.

Таким образом, священные «воды» в мифологии можно рассматривать, как «воды», помогающие «плоду» выйти наружу. Самое элементарное представление о «плоде» и, пожалуй, наиболее древнее – образ «яйца», как исходного материала для дальнейшего развития жизни. Если ещё глубже

459 Там же. С.5.

вникать в модель мира, где «космогоническое» яйцо⁴⁶⁰ выступает в роли мифопоэтического символа, то воды океана можно отнести к символике бесконечного и абсолютного, а яйцо – к его конечному результату. С него, этого результата, и начинается граница, за которой положен предел. Такая архетипическая символика может стать иллюстрацией к «эмбрио-космогонической» теории. Нет ничего удивительного в том, (как показывают последние исследования), что сознание зародыша, фиксируя события, затем пронесит их через всю жизнь. Эта первозданная память и стала, очевидно, основой для формирования архаических космогонических взглядов древних народов. Плоду-яйцу свойственно покачивание в материнском чреве, словно морскому судну в океанском бесконечном пространстве. Пока яйцо не покинуло это пространство – оно часть его, в том числе и в области сознания, но всё это не означает того, что яйцо им не обладает.

Мифологическое, коллективное, общинное сознание чем-то напоминает сознание этого яйца. Всё это можно проиллюстрировать рядом примеров. Остановимся лишь на одном. Древнеиранский мифологический персонаж Митра, связанный с идеей договора, (как и Митра древнеиндийский, понимаемый как второй участник договора, в ведийской мифологии бог, связанный с договором, людьми, солнцем), выступает ещё и в роли бога солнца. А солнце в свою очередь в мифологии, как правило, символизирует не только свет, но и мир во всём его богатстве и разнообразии, в том числе и солнце, объятые космическими водами, олицетворяющее золотого зародыша (яйцо) в бездне мировых вод. Это подтверждается тем, что древнеиранский Митра в свою очередь связан с боже-

460 Там же. – С. 4. Образ мирового яйца обычно в мифопоэтической традиции символизирует начало Вселенной или творческой силы бога-творца или культурного героя. В «Калевале» из верхней половинки яйца вышел свод небесный, из нижней – мать земля сырая.

ством Фанесом, рождённым из яйца, брошенного в воды. Митре древнеиранскому и древнеиндийскому во многом соответствует посланник неба среди людей мансийский Мир-суснэ-хум и хантыйский Мир-шетиви-хо. Это одно из главных божеств, оберегающее людей от всевозможных опасностей и болезней и обеспечивающее благосостояние каждой семьи. Имя покровителя ханты и манси переводится как Мир созерцающий человек (или — Смотрящий за миром). Среди его ипостасей — «золотой богатырь», «повелитель», «сын золотого света», «сынок женщины». Эти значения божества сближают его с индоевропейским Солнцегомом Митрой. Общемировая корневая основа «мир» (mṛ) выражает сакральное значение обско-угорского божества. От корневой же протоосновы mṛ образовано и однозвучное русское слово «мир», означающее одновременно и Вселенную, и род людской, и согласие, и справедливость — «меру», и конец жизни — «[с]мерть» («мор»). Отсюда же, в конечном счёте, и такие русские слова, как «море», «маревое», «меркнуть», «мерцать» и др. Смотрящий за миром имел идолов (в человеческом или гусином облике).⁴⁶¹

Таким образом, круг замкнулся: родство некоторых архаичных персонажей индоевропейской и всемирной мифологий налицо. И это ещё одно убедительное доказательство того, что полярное происхождение было первичным для всех индоевропейских народов, их языков и культур. Следовательно, уместно заявить о наиболее древнейшем происхождении культуры Югры. Ибо следы былых северных контактов между прапредками обско-угорских и индоевропейских народов сохранились и по сей день в хантыйской и мансийской мифологии.

461 «Ряд признаков Мир-суснэ-хум (сын божий, выросший на земле; посланник неба среди людей) способствовали отождествлению его с Иисусом Христом в представлениях тех групп обских угров, которые были затронуты миссионерской деятельностью православной церкви». / «Мифы народов мира». Энциклопедия. — В 2-х т. — Т. 2. — М., 1988. — С. 154.

Но вернёмся к главному богу, находившемуся неподалёку от Самаровского городища – в устье Иртыша: Золотой Бабе.

И какая она – эта Золотая Баба? До сих пор об этом пишется и говорится разное, а зримых изображений с натуры так никто и не представил. Одни догадки. Может, кто и видел её, а кому-то, возможно, повезёт в будущем... А пока же крепко хранится тайна этой священной реликвии Белогорья. Об этом божестве мы знаем из немногих отечественных и зарубежных источников, относящихся к временам Средневековья, Возрождения и Просвещения. Например, одна из древнейших новгородских летописей – Софийская, – сообщает впервые об этом идолу в связи с кончиной в 1398 году великопермского епископа, бывшего устюжанского инокa Стефана, описывая нелёгкие условия, в которых протекала миссионерская деятельность этого подвижника Православия: «Живяше посреде неверных человек, ни бога знающих, ни закона ведящих, молящихся идолам, огню и воде, и камню, и Золотой Бабе, и волхвам и дровью». Спустя десятилетие, в 1510 году митрополит Симон в специальном послании «пермскому князю Матвею Михайловичу и всем пермячам большим людей и меньшим» делает упреки за то, что они поклоняются Золотой Бабе и другим идолам.⁴⁶²

...1517 год. Из книги ректора Краковского университета Матвея Меховского «Сочинение о двух Сарматах» европейский просвещённый мир узнаёт впервые о Золотой Бабе: «За землёю, называемою Вяткою, при проникновении в Скифию, находится большой идол Zlota Baба, что в переводе значит золотая женщина или старуха; окрестные народы чтят её и поклоняются ей; никто проходящий поблизости, чтобы гонять зверей или преследовать их на охоте, не минует её с пустыми руками и без приношений: даже если у него нет ценного дара,

462 Курочкин Ю. М. «Легенда о Золотой Бабе». – Свердловск, 1963. – С. 9-10.

то он бросает в жертву идолу хотя бы шкурку или вырванную из одежды шерстину и, благоговейно склонившись, проходит мимо».

Наконец, Сигизмунд Герберштейн, посол в Москве могущественного Максимилиана I, императора Saint empire – священной Римской империи германской нации, заинтересовавшись этим фактом, пишет в изданных 1549-ым годом «Записках о московитских делах»: «Рассказывают, или, выражаясь вернее, болтают, что этот идол Золотая Старуха есть статуя в виде некоей старухи, которая держит в утробе сына, и будто там уже опять виден ребёнок, про которого говорят, что он её внук. Кроме того, будто бы она там поставила некие инструменты, которые издают постоянный звук наподобие труб. Если это так, то я думаю, что это происходит от сильного непрерывного дуновения ветров в эти инструменты. <...> Всё то, что я сообщил доселе, дословно переведено мною из доставленного мне «Русского Дорожника»...

«Записки» Герберштейна выдержали в Западной Европе несколько изданий, выйдя в переводе на нескольких языках. Характерно, что в них впервые читатели могут познакомиться с изображением золотого идола. Например, на карте издания 1549 года Золотая Баба изображена стоящей в длинном платье, в простом головном уборе и с копьём в левой руке. На другой карте она уже в широкой царственной одежде поверх платья, на голове какой-то замысловатый убор, копьё из левой руки переключивало в правую.

В книге, изданной в 1551 году, статуя на рисунке уже без головного убора, в довольно простой одежде. Копьё снова в левой руке.

На карте 1557 года – опять новый вид. Старуха сидит на троне, в длинном просторном платье, на голове что-то вроде короны, в правой руке – жезл, подобный скипетру, а на левой – сидит ребёнок.⁴⁶³

463 Там же. – С. 11, 13-15.

Автор художественной книги «Легенда о Золотой Бабе» Юрий Михайлович Курочкин представил целый свод сведений о существовании этой святыни коренного населения Югры. Из них можно узнать, что в 1562 году англичанин Антоний Дженкинсон на составленной им карте России также поместил Золотую Бабу («Старуха с двумя детьми»), сопроводив изображение её надписью, в которой сообщил об идолу нечто новое:

«Золотая Баба (Zlata Baba), то есть – Золотая Старуха, пользуется поклонением у обдорцев и югры. Жрец спрашивает этого идола о том, что им следует делать или куда перекочёвывать, и идол сам (удивительное дело!) даёт вопрошающим верные ответы, и предсказания точно сбываются».

Об истукане, которого зовут «Златою Бабою» и числят «за Рифейскими горами в царстве сибирских татар», сообщает в 1565 году с чьих-то слов итальянец Рафаэль Барберини – дядя римского папы Урбана VIII, предприимчивый и начитанный человек, заядлый путешественник, удостоившийся благосклонного приёма у самого Ивана Грозного.

В своём «Описании Европейской Сарматии» (1578 год) итальянец Алессандро Гваньини писал о Золотой Бабе: «Это подобие старой женщины, держащей ребёнка на руках и подле себя имеющей другого ребёнка, которого называют её внуком. Этому истукану обдорцы, угричи и вогуличи, а также и другие соседские племена воздают культ почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокоценные собольи меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей, закалывают в жертву ему отборнейших оленей, кровью которых мажут рот, глаза и прочие члены изображения: сырые же внутренности жертвы пожирают, и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать: истукан же (странно сказать) обычно даёт вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел. Рассказыва-

ют даже, что в горах, по соседству с этим истуканом слышен какой-то звон и громкий рёв: горы постоянно издают звук наподобие трубной. Об этом нельзя сказать: ничего другого, кроме как то, что здесь установлены в древности какие-то инструменты или что есть подземные ходы, так устроенные самой природой, что от дуновения ветра они постоянно издают звон, рёв и трубный звук». ⁴⁶⁴

Так кто же она, эта Золотая Баба? Существо хтоническое из эпохи матриархата или всё-таки подчинённое мужчине в эпоху патриархата? По представлениям религиозной системы обских угров, мужчина олицетворяет собой небо, в то время как женщина отождествляется с землёй. Сообразно этим представлениям, весь Средний мир, включая дом, делится на верхние и нижние зоны, или сферы влияния. Женщинам в этом мире (т. е. доме) отводится область пространства у пола и входной двери. Вспомним и о том, что мать Мир-суснэ-хум, рождённого между небом и землёй, была низвергнута Нуми-Торумом из верхнего мира за супружескую неверность. Но она так и не потеряла своего влияния на своих сыновей, в том числе и на младшего – Мир созерцающего человека. Возможно, именно она и выступает в роли берегини – «хранительницы порога», а, следовательно, «хранительницы дома и очага»? Ведь злой дух должен пройти сначала мимо этой женщины. Она покровительница жён, рожениц, которые по представлению их мужей, в силу своей сущности регулярно, в определённые дни месяца, а также во время беременности и родов, имеет связь с Подземным миром и, следовательно, знакомы с ним.

Очевидно, Золотая Баба и призвана уберечь их от этого злого влияния? Но сама провинившаяся перед верховным богом Нуми-Торумом, она своими действиями позволила вывести миф из категории сакральных и придала ему бы-

464 Там же. – С. 16, 17-18.

товую окраску. Золотая Баба, с одной стороны, выходит, символизирует процесс изменения миропорядка когда-то во времена далёкого матриархата едва ли не образцового, ведь именно тогда инициатива творения человека приписывалась земной богине Йоли-Торум-Шань (Калташ-Эква). Теперь стабильность бывшей системы оказалась нарушенной. Но, с другой стороны, под влиянием контактов с христианским миром некогда главное женское божество начинает меняться, превращаться в «мать (женщину) счастья (богатства)» в результате синкретизации, как это было с высшими женскими божествами в Венгрии в результате влияния культа Богородицы. И здесь на первый план начинает выходить функция жизнедательницы, покровительницы рожениц. Не от того ли со второй половины XVI века в западноевропейских изображениях к Золотой Бабе присоединяются детские персонажи?

Так или иначе, но с приходом в Югру дружины Ермака положение Золотой Бабы меняется. В мае 1583-го, таким образом, у подножия Самаровских гор, столкнулись две веры – христианская и языческая...

После завоевания Сибири молва о Золотой Бабе стихает. С колонизацией этого края всё больше и больше появляется православных храмов. Сооружение церквей сопровождалось повсюду сокрушением языческих божков. Все приношения язычников, которые были повешены вокруг идолов или над ними и служили к украшению их, как-то: шкуры соболей, куниц, горностаев, бобров, лисиц, белок и других зверей – собирали в кучи и сжигали, к немалому удивлению язычников, которые не могли понять, почему церковь не хотела воспользоваться сама этими ценными мехами.

В 1700 году Пётр I обнародовал указ, в котором для «просвещения светом Евангельского учения Сибирских инородцев» предложил на кафедру Сибирской митрополии «назначить пастыря не только доброго и благого непорочного жития, но и учёного, который бы при том

в помощь себе взял в Сибирь несколько образованных, способных изучить языки китайский и Сибирских инородцев». По всем этим статьям подходил выпускник Киевской академии Филофей Лещинский. Родился он в 1650 году в Малороссии в семье людей небогатых, но благородного происхождения. После смерти жены принял схиму в Киево-Печерской Лавре.

4 января 1702 года в Москве схимонаха возвели в сан митрополита Сибирского и Тобольского (1702–1711 и 1715–1720), и весной того же года он прибыл в Тобольск. Сибирский губернатор князь М. П. Гагарин предложил митрополиту принять на себя труд Апостольства, «как пастырю свободному и способному», и дал ему судно, гребцов, толмачей, знающих язык остяков и вогулов (ханты и манси) и наречия, около 10 казаков для охранения миссии, 2000 рублей, достаточное количество вещей, разного рода (красного сукна, холста, домашней посуды и прочие) для подарков новокрещённым, и предварительно разослал предписания местным властям о содействии в достижении святой цели.

В «Истории Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней», учебнике для старших классов по этому поводу говорится: «В течение нескольких лет Феодору⁴⁶⁵ и его помощникам удалось обратить в православие более 40 тыс. человек. К 1740-м гг. некрещёными в земле Югорской оставались в основном только ненцы. У ханты и манси лишь часть детей и женщин не прошла обряда крещения.

465 «Болезнь заставила уйти Ф. Лещинского в Тюменский монастырь, где он принял имя Феодора» / «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней». Отв. Ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 251.

При этом случаев насильственного приобщения к христианству не было; на вооружении православных миссионеров, приезжавших в юрты, было лишь слово Божье да разного рода поощрения». ⁴⁶⁶

Главный миссионер обращался к остякам и вогулам со словами: «Истинный Бог дух невидим, а Ваш бог не более, как дерево. Истинный Бог есть творец всего, а Ваш бог сделан Вашими руками. Истинный Бог промышляет обо всём и благотворителен к имущим его, а Ваш бог только разоряет Вас требованиями себе на жертву не только нельмы и других

466 «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней». Отв. Ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 252. На этой же и следующей страницах даётся более подробное разъяснение: «С 1720 г. с новокрещённых снималась недоимка по ясаку, а также им давалась податная льгота: в течение трёх лет ясак с них вообще не взимался. Закон этот действовал до 1763 г. (в 1744–1750 гг. льготный срок составлял один год). По указу 1721 г. принявшие православие язычники освобождались от наказания за преступления, совершённые ими до крещения. Запрещалось «кабальничать» новокрещённых; тем из них, кто до крещения по каким-либо причинам попал в крепостную зависимость, предписывалось давать свободу.

Миссионеры отправлялись в поездки к ханты и манси с большим количеством подарков: котлов, топоров, ножей, игл, холста, рубах, муки и пр. Всё это отдавалось новокрещённым. До 1740 г. каждый крестившийся в обязательном порядке получал медный крестик, рубаху с портами, сермяжный кафтан, шапку, рукавицы, чулки и чирики (обувь). Князьям и «лучшим людям» давались серебряные кресты, суконные кафтаны, сапоги и по куску хорошей ткани. Кроме того, каждый мужчина старше 15 лет получал по 1 руб. 50 коп., мальчики от 10 до 15 лет – по 1 руб., младше 10 лет – по 50 коп. Лицам женского пола старше 12 лет давалось по 1 руб., остальным – по 50 коп. Иногда деньги, предназначенные в подарок новокрещённым, засчитывались им в будущий платеж ясака. В дальнейшем, когда крестились в основном уже дети православных родителей, количество выдаваемых подарков было ограничено; давали обычно по рубахе и кресту, иногда ещё что-нибудь из обуви. Но и «ради сей обновки», по свидетельству одного из современников, некоторые остяки по несколько раз приходили «просить святого крещения».

Сравнительная лёгкость, с которой была крещена огромная масса коренных жителей Югорской земли, объяснялась и тем, что они не видели особых препятствий для одновременного следования правилам старой и новой веры. Собственно говоря, понимания смысла и догматов новой веры у ханты и манси не было, они восприняли лишь христианскую обрядность. Новокрещённые посещали церковь (не все и нерегулярно), крестили новорожденных, отпевали умерших, венчались, но одновременно почитали своих «богванов», устраивали коллективные жертвоприношения, приглашали шаманов.

Со старыми своими «кумирами» и обрядами быстрее расставались те ханты и манси, которые жили в непосредственной близости от русских, а тем более в одних с ними селениях.

Таким образом, к середине XV христианство некоторой частью коренного населения было воспринято неформально, стало для них «своей верой».

рыб, но и лошадей, которых в Вашем месте и при Вашем состоянии дороги».

Каждый год в Югре уничтожались сотни, а то и тысячи идолов. Так, где коренные жители проявляли нежелание выдавать своих божков, священнослужители по примеру митрополита Филофея обращались к язычникам примерно с такими речами: «Если бы чтимый Вами бог был бы Бог истинный, то согласно своему обещанию, защитил бы себя или, по крайней мере, что-нибудь проговорил».

Но не везде конфискация языческих святынь и перемена религий проходили благополучно: кое-где воинственно настроенные жители медвежьих углов не позволяли судёнышку миссионеров приставать к берегу, кое-где отказывались слушать их проповеди, а бывало, что встречали и прицельным ружейным огнём, как это было в 1714 году, когда остяцкий старшина Ушанко и его соплеменники, подбитые татарским абизом, взяли в руки оружие и напали на священнослужителей. Следствием злобы враждебно настроенных людей стали ранения миссионеров. Однако выстрел остяка Ушанко пощадил главу миссии: пуля пролетела сквозь платье, развевавшееся на ветру, не повредив тела, а схимонах, оставаясь на берегу, молился за души заблудших. За этот духовный подвиг Феодора многие новокрещённые стали чтить, как своего отца и Апостола, и теперь там, где он останавливался, желающие принять православие, его принимали как святого.

Вот и в сакральном языческом месте слияния Иртыша с Обью вогулы после увещевания безропотно дали Преосвященному старцу Феодору во время первой миссионерской экспедиции 1712 года сжечь кумира известного под именем «Обского Старика». В огне, охватившем кумирницу, исчезли и магические причиндалы идола: огромный желяный нос, стеклянные глаза, рога, красный суконный кафтан, в который он был обряжен, и разного рода оружие – луки, стрелы, копьё и прочие военные атрибуты.

Поэтому есть какая-то символика в том, что вслед за первой победой казаков Ермака над воинами князя Самара

в низовьях Иртыша, пришла вторая – духовная, обратившая язычников к христианской жизни, благодаря святителям земли сибирской, подобных митрополиту Филофею.

И не случайно своеобразным памятником на месте сражения поведывавших Православие казаков Ермака с воинствующими язычниками стала, вознёсшая свои кресты к небу белокаменная красавица-церковь Покрова Богородицы, что стоит в нескольких сотнях метров от Иртыша.

С ней связана уже другая история, плавно перетекающая из XVI века в первую треть XVIII-го. В ограде покровского храма сегодня, в нескольких шагах от его центрального входа, установлен памятный камень с изображением лика сподвижника Петра I – Александра Даниловича Меншикова.⁴⁶⁷ По преданию, направляясь водным путём по Иртышу, а затем по Оби к окончательному месту своей последней ссылки – Берёзовому, светлейший князь сделал здесь остановку. О чём думал Александр Данилович, вступив на этот, ставшим историческим местом, берег, после того, как отслужил благодарственный молебен?⁴⁶⁸ Может быть, о том, что его путешествие на Югорской земле подходило к концу? А, возможно, глубоко задумался о своей брэнной жизни, которой ему оставалось всего год с небольшим? Наверное, вспоминал строки покаянного канона: «Не надейся, душе моя, на тленное богатство и на неправедное собрание, вся бо сия не веси кому оставиши, но возопий: помилуй мя, Христе Боже, недостойного».

467 Полный титул А. Д. Меншикова был: «Светлейший св. Римского и Российского государств князь и герцог Ижорский, в Дубровне, Горы-Горках и в Почепе граф, наследный господин Аранибургский и Батуринский, Е. И. В. всероссийского над войски командующий генералиссимус, верховный тайный действительный советник, рейхсмаршал, государственной Военной коллегии президент, адмирал Красного флага, генерал-губернатор губернии С.-Петербургской, подполковник Преображенской лейб-гвардии, полковник над тремя полками, капитан компании бомбардирской, орденов св. апостола Андрея, Датского Слона, польского Белого и прусского Черного Орла и св. Александра Невского кавалер».

468 Гриценко Н. «Возрождение “зеркала”». Журнал «Югра», № 8, 2003. – Ханты-Мансийск. – С. 34-37.

Наверное, тогда-то и пришла к нему с отчётливой ясностью мысль о том, что не стоит любая власть того, чтобы из-за неё терять самых близких людей. Любимая супруга Дарья Михайловна не зря предупреждала ещё тогда, когда он был в почестях и славе, что опасно ходить по скользкой дороге царского фаворита, предугадывая каждый будущий шаг монарха. Однако Бог его тогда миловал, хотя другие по сравнению с ним и за десятую часть содеянного зла заплатились не только свободой, но и жизнью...

Пережил своего господина, легендарного Петра Великого, его императрицу Екатерину, в отличие от своего мужа вовсе не великую, а, напротив, простую, необразованную женщину!

И вот когда, кажется, на самой вершине собственного могущества, уже став некоронованным хозяином империи, распорядился по своему усмотрению судьбой внука Петра I – Петрушкой – сына казнённого цесаревича Алексея, сделав того наследником престола, судьба изменила светлейшему... А ведь всё так хорошо начиналось: перед смертью императрицы самолично продиктовал ей пункты завещания, и Екатерина, столь многим ему обязанная, всё покорно исполнила. В марте 1727 года она завещание подписала. Согласно ему внук покойного мужа становился её наследником и в будущем императором, при условии, конечно, если тот женится на старшей дочери Меншикова Марии. Не прошло и двух месяцев после этого, как Екатерины не стало. На заседании Верховного Совета ему тоже пришлось попотеть, чтобы решили по его воле: считать императора Петра Второго несовершеннолетним до 16 лет, а регентом при этом назначался его будущий тесть, то есть он, Меншиков! Тогда же в Москву было отправлено послание, в котором говорилось о том, что Пётр Второй является государем одновременно по завещанию, по избранию и по наследству: «По её величества тестаменту, учинено избрание на престол Российский новым императором наследственному государю, его высочеству великому князю Петру Алексеевичу». А что же тот? Кротко сно-

сил все превратности жизни, послушно называл всесильного тогда Александра Даниловича «батюшкой» и был абсолютно во всём прилежен.

Сколько сил и времени при такой-то огромной загруженности государственными делами отдавал этому мальчишке, а он! Боже мой, какая буря грозная восстала, со всего свету беды совокупились! Господи, дай сил изъяснить мои беды и перенести гонения, странствия, нищету, разлучение с родным домом в Петербурге и милыми, дорогими сердцу именьями. Господи, дай мне терпения и столько силы, чтобы я перенёс и по сие время и в будущем невозможные бы человеку смертному такие удары, когда не свыше сила Господня подкрепляла.

Разве можно без суда человека обвинить и подвергнуть гневу, отняв честь, имение!

Так переживая своё «порушение», когда-то всесильный временщик возносил покаянные молитвы за многие свои прегрешения. В суетной погоне за призрачными ценностями он не уберёг самого дорогого человека в своей жизни – любимой супруги Дарьи Михайловны – княгиня, которую за кротость и доброту уважали и любили не только её близкие. Не пережила она горя, внезапно обрушившегося на мужа, ослепшая от слёз, так и не доехала до этих мест, умерев неподалеку от Казани. С того времени не минуло и трёх месяцев...

Зримо представил отставной вельможа умирающую жену, её последние моления, вспомнились её горестные рассказы о том, как за него просила на коленях о милости мальчика, пытающегося быть императором, его сестру великую княжну Наталью, их тётку – цесаревну Елисавету – и не только их... Но все, к кому обращалась, оказались равнодушны к участи семьи несчастной женщины, даже в таком потрясении не потерявшей своего достоинства. Было это 8 сентября 1727 года, в пятницу, в день Рождества Богородицы, когда поутру к ним явился майор гвардии генерал-лейтенант Семён Салтыков с объявлением его домашнего ареста... Соратник и продолжатель дела великого Государя не мог и пред-

положить такое коварство: упал в обморок, пришлось ему пускать кровь... Не прошло и года с того дня, ему казалось тогда, что уже хуже просто не может быть, но тяжесть от потери милого мудрого друга Дарьи Михайловны, подписывавшей свои девичьи письма из-за своей природной скромности к их общему Господину «Дарья-глупая», ни с чем не сравнима... Вспомнилось, как по первому зову «свет Александра Даниловича» она скакала к нему верхом за сотни вёрст, терпеливо сносила разные мытарства во время перехода войск. Потом, через два с половиной года после венчания в Киеве 18 августа 1706 года, (позади было уже восемь лет знакомства), в год Полтавской победы, жена принесла ему первенца, которого крестил Государь.

Время было военное, поход застал супругов в Белгороде. Пётр I, вызвавшийся быть крёстным отцом, тогда проявил особую милость, произведя крестника в поручики Преображенского полка, подарив «на крест» 100 дворов на выбор. Но Меншиков и здесь не сплоховал, смело отвечал дарителю, что «деревни способной в 100 дворов не изыскал, а сыскал деревню в 150 дворов»...

А, примерно, за два года до этого была ещё одна милость – 30 мая 1707-го, в день своего рождения, Пётр дал ему титул «светлейшего князя Российского и герцога Ижорского» с пожалованием в вечное его владение городов Копорье и Ямбург. Теперь дочь стольника и якутского воеводы Михайло Афанасьевича Арсеньева стала светлейшей княгиней, её всюду сопровождал отряд кавалерии, он ей шлёт арапов и карлиц, которые подобает иметь такой титулованной особе... А она? Она остаётся по-прежнему простой, симпатичной женщиной, любящей Александра Даниловича, а не герцога Ижорского. Ему бы ещё тогда постигнуть глубину мудрости «Дарьи-глупой», не радоваться высочайшему пожалованию, насторожиться: вон сколько вокруг завистников и поименителей, и породовитей... А он возгордился – первый княжеский титул из царских рук ему, сыну конюха, Государеву денщику...

Сам Пётр предупреждал – берегись жульничества и корыстолюбия: «Ты мне представляешь плутов как честных людей, а честных плутами. Говорю тебе в последний раз, перемени поведение, если не хочешь большой беды». Однажды, не на шутку осердившись, высказал своей сиятельной супруге Екатерине, его, Александра Даниловича, ангелу-хранителю: «Меншиков в беззаконии зачат, во гресех родила его мать, и в плутовстве скончает живот свой; если он не исправится, то быть ему без головы...»

Однако миловал Бог и при Петре, и при Екатерине... И всё же сбылось предсказание его бывшего подопечного – царского сына Алексея Петровича, к которому не по своей – монаршей волей – он был приставлен гофмейстером. Однажды в Померании у него с ним произошла крупная ссора за обедом. «У тебя змеиный язык, – сказал царевич Алексей, – и поведение твоё неблагородно; я надеюсь, что ты скоро попадёшь в Сибирь за твои клеветы».

Опала началась при Петре II, внуке его патрона-императора. Духовное завещание своего отца, Алексея Петровича, своевольный мальчишка-император отбившийся от рук, всё-таки выполнил! Сам виноват. Стал забывать заветы покойного Государя. Захотел стать императорским тестем.

...Думал так, или иначе Александр Данилович у подножия Самаровских гор перед последним броском в Берёзово – кто знает? Одно известно точно: на том месте, где Православие одолело язычество, до настоящей победы христианской добродетели было ещё далеко. И до Петра, и при нём, и после – лихоимство, казнокрадство, взяточничество и местничество так и не перевелись. Виновных строго наказывали, вплоть до мучительной казни. Показательна в этом отношении участь первого сибирского губернатора – Матвея Петровича Гагарина: его труп провисел более семи месяцев под окнами Юстиц-коллегии в назидание подданным Петра I. Два года длилось расследование после увольнения с должности. 16 марта 1721 года состоялась казнь. А через год, в апреле 1722-го последо-

вал царский указ: чиновникам не играть законами в свою пользу, как картами, «чего нигде в свете так нет, как у нас было, а отчасти и ещё есть...»⁴⁶⁹ В завершении указа было повеление: наклеить его на «доски с подножием», которые должны быть установлены во всех присутственных местах «яко зеркало перед очами судящих». Пребывание в Тобольске, Самаровском яме, Берёзове, возможно, напомнило Меншикову – посетителю присутственных мест – его вину, заключавшуюся в том, что он, прежде чем вершить свои государственные дела, как слуга закона, забывал заглядывать в это «зерцало», приводя свои помыслы в соответствие с совестью и благом государства. И всплыли в памяти светлейшего замечательные слова его единственного настоящего Государя: «Буде кто сей Наш указ преступит под какую оговоркой не есть, следуй правилам Гагариновым: тот яко нарушитель прав государственных и противник власти казнён будет смертию без всякой пощады; и чтоб никто не надеялся ни на какие свои заслуги, ежели в сию вину попадет».⁴⁷⁰

Однако «порушенный» Меншиков, как и его дочь Мария, «порушенная» императорская невеста, вернувшая обручальный перстень, сумели преодолеть в себе мирские страсти, ни на кого не затаив обиду, они обратились к Богу, а не идолу – и тем самым уберегли свои души! Искупил ли топор грехи светлейшего, когда-то умевшего рубить только головы своих соотечественников – стрельцов? То – одному Богу ведомо. А верно только, что, раскаявшийся Александр Данилович, самолично выстроил в своём последнем прибежище церковь Рождества Пресвятой Богородицы с приделом святого Ильи-пророка. Однако добрая память о нём осталась

469 Гриценко Н. «Возрождение “зеркала”». Журнал «Югра», № 8, 2003. – Ханты-Мансийск. – С. 34-37.

470 Там же. – С. 35.

в Берёзово⁴⁷¹ не только благодаря этому. Как видим, помнят его и в нынешнем Ханты-Мансийске, стоит лишь заглянуть в ограду церкви в честь Покрова Богородицы... не забыли о Меншикове и нынешние его соотечественники, а это уже само по себе немало!

...Есть о чём задуматься на этом берегу Иртыша у подножия Самаровских гор...

471 Более подробно о пребывании Меншикова на Югорской земле смотри: «История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней». Отв. Ред. Д. А. Редин. – Екатеринбург, 2000. – С. 233-239.

Приведём только в дополнение воспоминания от пребывания в ссылке в Берёзово жены Ивана Долгорукова Н. Б. Долгоруковой, (клан Долгоруких, способствовавших низвержению Меншикова и его ссылке в Берёзово, был отправлен туда спустя ровно два года, в сентябре 1730 года): «С таким трудом довели нас в маленький городок, который сидит на острове; кругом вода; жители в нём самой подлой народ, едят рыбу сырую, ездят на собаках, носят оленьи кожи: как с нево сдерут, не разрезавши брюха, так и наденут, переднюю ноги место рукавов. Избы кедровые, окончины леденые вместо стекла. Зимы 10 месяцев или 8, морозы несносные, ничево не родитца, ни хлеба, никакова фрукту, ниже капуста. Леса непроходимые да болоты; хлеб привозют водою за тысячу вёрст. До таково местечка доехали, что ни пить, ни есть, ни носить нечево; ничево не продают, ниже калача. Тогда я плакала, для чево меня реки не утопили. Мне казалась, не можно жить в таком дурном месте» /Своеручные записки княгини Натальи Борисовны Долгорукой дочери г. Фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева. – Санкт-Петербург, 1992. – С. 100.

Рябий Михаил Михайлович

Родился 22 ноября 1954 года в Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края.

В 1976 году в этом же городе окончил филологический факультет государственного педагогического института. После работы в школе служил в рядах Советской Армии (1978–1979). Затем трудился на студии телевидения Комсомольска-на-Амуре, пройдя путь от младшего до старшего редактора (1980–1990). Учился в очной аспирантуре Московского педагогического университета им. Н. К. Крупской (1990–1993). Кандидат филологических наук (1993).

С 1993 года на преподавательской работе. В 1998 году был первым заведующим кафедры филологии в филиале Нижневартовского государственного педагогического института, вошедшего в состав Югорского государственного университета в Ханты-Мансийске. Проработал доцентом кафедр фи-

логии и журналистики до 2016 года. Ныне на преподавательской работе в Николо-Сольбинском монастыре.

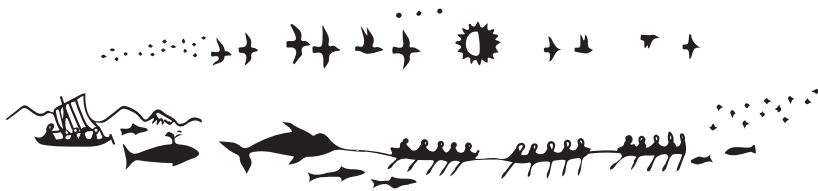
Пишет на русском языке. На сегодняшний день у Михаила Михайловича свыше 170 публикаций, в том числе статей о творчестве писателей Югры, которые печатались в еженедельнике «Литературная Россия», газетах «Литературная Югра», «Югра Литературная», журнале «Наш современник», «Дон», коллективных сборниках и альманахах «Второй Петербург», «Невский альманах», «Невечерний свет», «Эринтур».

Он – автор нескольких книг и монографии «Да чисто русская Россия пред нами явится видней» (от любомудрия к славянофильству)» (Москва, 2007).

Член Союза писателей России с 2008 года.

Лауреат Всероссийских литературных премий: «Югра» в номинации «Литературная критика» (2007), имени Д. Н. Мамина-Сибиряка – за вклад в литературоведение Западной Сибири (2015), обладатель «Золотого диплома» XI Международного Славянского Литературного Форума «Золотой Витязь» 2020 года.

Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (2011). Награждён почётным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами» (2011).

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ МИФОВ И СКАЗОВ К СТИХАМ И РАССКАЗАМ...

ЧУДНЫЙ МИР ОБСКОГО ЭПОСА

ПОЭМА «ЯНГАЛ-МАА» И ЕЁ АВТОР	7
«СКАЗКОТЕРАПИЯ» АННЫ КОНЬКОВОЙ	47
«СКАЗЫ РОДА ПРАВДИВЫХ ЛЮДЕЙ» ВЛАДИМИРА ЕНОВА	59

РАЗНЫЕ ЛИКИ ЮГОРСКОЙ ПОЭЗИИ

«МНЕ КАК-ТО ВСЁ ВЕЗЛО...»: О ТВОРЧЕСТВЕ МАРИИ ВАГАТОВОЙ	71
ПОЭЗИЯ ЛЮБВИ ВЛАДИМИРА ВОЛКОВЦА	90
«Я ПРОПАЛА, КАК СОБАКА...» ИЛИ ЗАЧЕМ НУЖНА ИГРА В «КОШКИ-МЫШКИ» С ЧИТАТЕЛЕМ?	120

О ПРОЗЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ СЕВЕРЯН

О РЕКЕ ВРЕМЕНИ СЕРГЕЯ ЛУЦКОГО	138
ГЕРОИ И ЧИТАТЕЛИ НИКОЛАЯ КОНЯЕВА	147
МАЛАЯ ПРОЗА О БОЛЬШИХ ПРОБЛЕМАХ	167
ЖЕНСКОЕ НАЧАЛО В ТВОРЧЕСТВЕ ЕРЕМЕЯ АЙПИНА	226
«ПИСАТЬ НАДО СЕРДЦЕМ!» ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ МАРГАРИТЫ АНИСИМКОВОЙ	239
КОМИЧЕСКОЕ И ТРАГИЧЕСКОЕ В ПРОЗЕ ВАЛЕРИЯ МИХАЙЛОВСКОГО	286

РАЗМЫШЛЯЯ НАД ПУБЛИЦИСТИКОЙ И ПРОЗОЙ СЕРГЕЯ КОЗЛОВА	313
СЛОВО ЗА СЕБЯ И ДЛЯ ВСЕХ. О ПУБЛИЦИСТИКЕ ОБСКО-УГОРСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ	326
ЖИВЫЕ СЛЕДЫ. О ПУБЛИЦИСТИКЕ ЮВАНА ШЕСТАЛОВА	342
О КНИГЕ ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА «НОЧНИК»	353
К ЮБИЛЕЮ АЛЬМАНАХА «ЭРИНТУР»	389

О ЛЮДЯХ И СОБЫТИЯХ

«ЗА РОДИНУ, ЗА СТАЛИНА!» – О ПОПЫТКАХ ЗАБОЛТАТЬ ВЕЛИКУЮ ПОБЕДУ	416
ВОСПОМИНАНИЯ О ПОЭТЕ КОНСТАНТИНЕ ВЫБОРОВЕ	425
ВОСХОЖДЕНИЕ К МИРОЕДИНСТВУ АНАСТАСИИ САЙНАХОВОЙ	443
О НАУЧНОМ ПОДВИГЕ ДОЧЕРИ СВОЕГО НАРОДА ЕВДОКИИ РОМБАНДЕЕВОЙ	450

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

У ПОДНОЖИЯ САМАРОВСКИХ ГОР	480
----------------------------	-----

Редактор Валентина Рыбакова
Вёрстка, дизайн – Анастасия Евменова
Корректор В. А. Неёлова

Подписано к печати 04. 02. 2021. Формат
Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. Тираж 500
Заказ .

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06